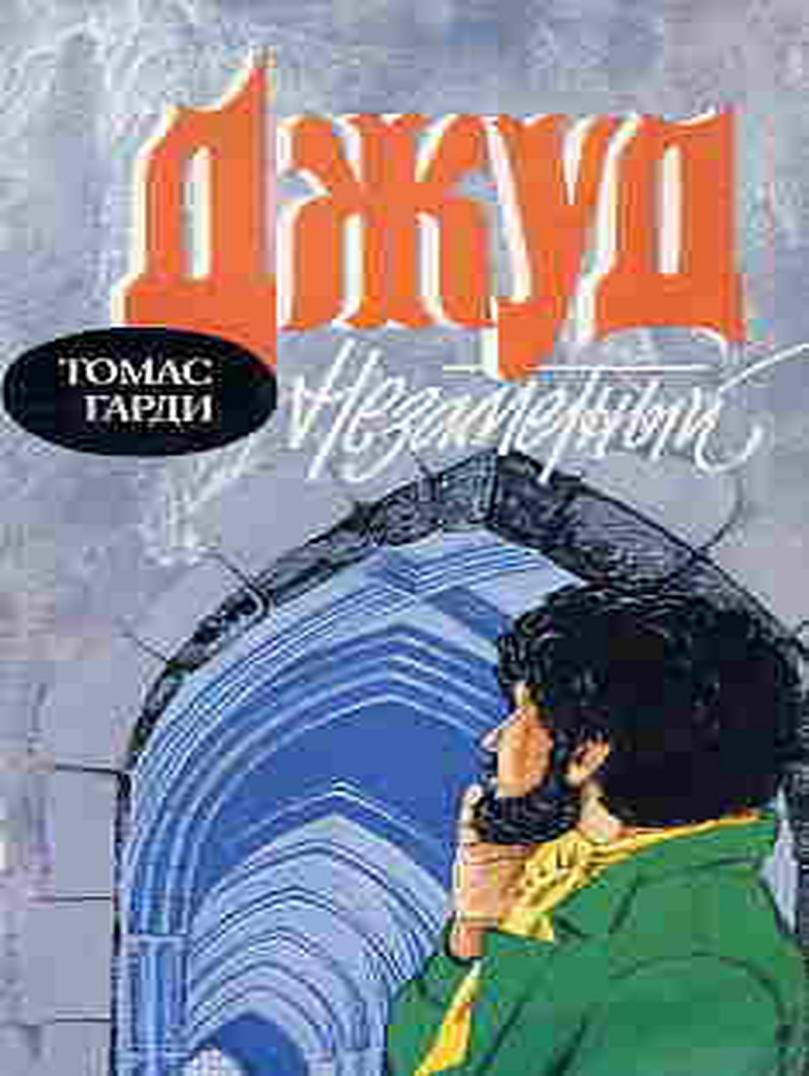
Джуд Незаможний

Томас Гарди



Джуд незаметный
Томас Гарди

Аннотация
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. В МЭРИГРИН
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. В КРИСТМИНСТЕРЕ
I
II
III
IV
V
VI
VII
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. В МЕЛЧЕСТЕРЕ

I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. В ШЕСТОНЕ
I
II
III
IV
V
VI
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. В ОЛДБРИКХЕМЕ И ДРУГИХ МЕСТАХ
I
II
III
IV
V
VI
VII

VIII
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. СНОВА В КРИСТМИНСТЕРЕ
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X

Аннотация

Роман написан для взрослых людей человеком, который пытается бесхитростно поведать о муках и метаниях, насмешках и несчастьях, какие могут омрачить сильнейшее из чувств, ведомых человеку; откровенно рассказать о смертельной борьбе между плотью и духом и раскрыть трагедию неосуществленных замыслов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
В МЭРИГРИН

Многие сошли с ума из-за женщин и сделались рабами через них. Многие погибли, и сбились с пути, и согрешили через женщин... О мужи! как же не сильны женщины, когда так поступают оне?

Ездра

I

Школьный учитель покидал деревню, и все, казалось, жалели об этом. Мельник из Крескома одолжил ему тележку с белым парусиновым верхом и лошадь, чтобы отвезти в город, расположенный милях в двадцати, его пожитки; багаж отбывающего учителя вполне уместился в этой повозке. Ведь кое-что из домашней обстановки предоставлял ему школьный совет, и единственной громоздкой вещью, которая принадлежала самому учителю, кроме ящика с книгами, было маленькое фортепьяно, купленное им на распродаже в тот год, когда он надумал заняться инструментальной музыкой. Но пыл его быстро угас, играть он так и не научился, и приобретение это сделалось для него постоянной обузой при переезде с одной квартиры на другую.

Ректор уехал на весь день — всякая перемена была ему в тягость. До вечера он возвращаться не думал, полагая, что за это время новый учитель уже приедет, успеет устроиться, и все снова войдет в свою колею.

Управляющий фермой, кузнец и сам школь-

ный учитель в растерянности стояли посреди гостиной перед инструментом. Учитель заметил, что, даже если удастся погрузить фортепьяно в тележку, он все равно не знает, что делать с ним по приезде в Кристминстер — город, куда его назначили, — так как на первых порах получит там только временную квартиру.

К мужчинам подошел мальчик лет одиннадцати, который усердно помогал учителю укладываться, и пока те раздумывали, на что решиться, заговорил, вспыхнув при звуках собственного голоса.

— У бабушки есть большой дровяной сарай, может, поставить его туда, сэр, пока вы не устроитесь на новом месте?

— Предложение подходящее, — согласился кузнец.

К бабке мальчика, — старой деве, всю жизнь прожившей в здешних краях, — было решено направить делегацию и попросить ее на время поставить у себя фортепьяно, потом мистер Филотсон пришлет за ним. Кузнец и управляющий пошли взглянуть, пригодно ли помещение, и мальчик с учителем остались одни.

— Тебе жаль, что я уезжаю, Джуд? — ласково спросил учитель.

На глаза мальчика навернулись слезы; он не принадлежал к числу постоянных учеников, которые посещали школу днем и по-будничному близко соприкасались с жизнью учителя, он ходил лишь на вечерние занятия, и то только при теперешнем учителе. Сказать правду, школьники предпочли в этот день остаться в стороне, совсем как некие, небезызвестные в истории, ученики, и вовсе не горели желанием помочь.

Мальчик в смущении раскрыл книгу, которую держал в руках — прощальный подарок мистера Филотсона, — и признался, что ему жаль.

— Мне тоже, — сказал мистер Филотсон.

— А почему вы уезжаете, сэр? — спросил мальчик.

— Ну, это длинная история, тебе не понять моих причин, Джуд. Станешь постарше, — тогда, может, поймешь.

— Я бы и сейчас, наверное, понял, сэр.

— Хорошо, только не рассказывай всем об этом. Ты знаешь, что такое университет и университетский диплом? Это то пробирное клеймо, без которого преподаватель никогда не добьется хорошего места. Мой план или, вернее, мечта сначала окончить университет, а потом принять духовный сан. Поселившись в Кристминстере

или поблизости от него, я окажусь, так сказать, в главной ставке, а потому, если мой план вообще осуществим, мое присутствие там скорее поможет мне выполнить его.

Вернулись кузнец и его спутник. Дровяной сарай старой мисс Фаули оказался сухим и вполне подходил для намеченной цели, да и сама она охотно согласилась отвести в нем место для инструмента. Фортепьяно решено было оставить в школе до вечера, когда будет больше свободных рук, чтобы перенести его, и учитель окинул все прощальным взглядом.

Мальчик, которого звали Джуд, помог рассовать всякую мелочь, и ровно в девять мистер Филотсон, попрощавшись с друзьями, сел на тележку рядом с ящиком книг и прочим своим имуществом.

— Я тебя не забуду, Джуд, — улыбнувшись, сказал он, когда повозка тронулась. — Смотри же, веди себя хорошо, не обижай животных и птиц и читай как можно больше. А если тебе случится попасть в Кристминстер, непременно разыщи меня в память старого знакомства.

Повозка со скрипом пересекла лужайку и скрылась за углом ректорского дома. Мальчик вернулся к колодцу, где оставил ведра, когда

пошел помогать своему наставнику и учителю грузить вещи. Губы у него дрожали, он откинул крышку колодца, чтобы опустить бадью, и замер, припав лбом к срубу; лицо его было неподвижно-задумчиво, как у ребенка, раньше времени познавшего тернии жизни. Колодец был такой же старый, как сама деревня, и представлялся Джуду глубокой округлой ямой, на дне которой на расстоянии ста футов сверкал диск водяной ряби. Изнутри сруб оброс зеленым мхом, а у самого верха — лишайником.

«Сколько раз из этого колодца брал по утрам воду учитель, а теперь он никогда больше не придет сюда за водой, — с горестью подумал Джуд. — Сколько раз я видел как он склонялся над колодцем — так же, как я сейчас, — когда уставал вытягивать бадью и отдыхал, прежде чем отправиться домой с полными ведрами! Ну конечно что делать такому умному человеку здесь, в нашей сонной деревушке!»

По щеке мальчика скатилась слеза и упала в колодец. Утро было ненастное, и пар от его дыхания казался сгустком тумана, повисшим в неподвижном, тяжелом воздухе. Неожиданно его размышления прервал окрик:

— Принесешь ты наконец воду, бездельник

несчастный!

Кричала старуха, которая вышла к садовой калитке из дома, крытого зеленым тростником. Мальчик тут же замахал ей в ответ и вытащил бадью, что при его росте потребовало немалых усилий, потом поставил бадью на землю; перелил из нее воду в свои ведра и, переведя дух, пошел с ними через влажную зеленую лужайку, прочь от колодца, стоявшего почти в самом центре деревни или, вернее, деревушки, которая называлась Мэригрин.

Деревушка, маленькая и старозаветная, ютилась в лощине меж холмов, примыкавших к гряде меловых гор Северного Уэссекса. Но как бы стара она ни была, единственным памятником местной истории оставался, пожалуй, колодец — он один не менялся нисколько.

Немало домов с соломенными крышами и слуховыми оконцами было снесено за последние годы, немало деревьев повырублено. В числе прочего была разрушена старинная церковь, совсем уже сгорбленная, с деревянными башенками и причудливой кровлей. От неё остались лишь груды щебня; — камень пошел на стены хлевов, на садовые скамьи, на каменные опоры оград или на обкладку цветочных клумб по соседству.

Вместо церкви на новом участке стараниями некоего гонителя памятников старины, заскочившего сюда из Лондона всего на один день, было воздвигнуто высокое здание в современном готическом стиле, столь непривычном для глаз англичан. От древнего христианского храма, так долго простоявшего здесь, не осталось и следа; на ровной зеленой лужайке, где с незапамятных времен было кладбище, о могилах, сровнявшихся теперь с землей, напоминали лишь чугунные кресты по восемнадцати пенсов за штуку, с гарантией на пять лет.

II

Джуд Фаули был мальчиком хрупким, но все же два ведра, полных до краев, он донес до дому без передышки. Над дверью дома висела небольшая синяя дощечка, на которой желтыми буквами было выведено «Друзилла Фаули, булочница». В окне за свинцовой рамой с частым переплетом — дом был одним из немногих уцелевших старинных строений — виднелось пять банок с леденцами и тарелка с тремя сдобными булками.

Сливая у черного хода воду, Джуд услышал доносившийся из дома оживленный разговор между его двоюродной бабкой, той самой Друзиллой, о которой вещала вывеска, и деревенскими кумушками. Они видели, как уезжал школьный учитель, и теперь перебирали подробности этого, события, пускаясь в предсказания относительно его будущего.

— А это кто? — спросила одна из них, судя по всему приезжая, когда мальчик вошел.

— Ах да, ведь вы ничего не знаете, миссис Уильямс. Это мой внучатый племянник, в ваш

последний приезд его здесь еще не было.

Эти слова произнесла хозяйка этого дома — высокая тощая старуха; о самых обычных вещах она говорила трагическим тоном, обращая свою речь к каждой из своих слушательниц по очереди.

— Он с год тому назад приехал из Меллстока, что в Южном Уэссексе. Плохое у него счастье, Билайнда. — Она повернулась налево. — Он жил там со своим отцом, пока того не свалила лихорадка, в два дня не стало бедняги, вы ведь знаете, Кэролайн? — Она повернулась налево. — Уж лучше бы господь прибрал и тебя вместе с отцом и матерью, кому ты еще нужен, горемыка ты, горемыка. Так нет, навязался вот на мою голову, посмотрим на что он годен, а до той поры пусть зарабатывает, чем может, ничего не поделаешь. Сейчас он охраняет от птиц поле фермера Траутема. Это отвадит его от озорства. Что же ты отворачиваешься, Джуд? — продолжала она, когда мальчик под тяжестью чужих взглядов, словно пощечины бивших его по лицу, подался в сторону.

Тут местная прачка заметила, что, быть может, мисс, или миссис, Фаули (ее называли и так и этак) очень правильно сделала, взяв мальчика к себе, — он и одиночество ей скрасит, и воды

принесет, и ставни на ночь закроет, да и в булочной пособит.

Мисс Фаули не разделяла этой уверенности.

— Ну что тебе стоило упросить учителя, — взял бы он тебя в Кристминстер и сделала из тебя ученого! — с угрюмой усмешкой заметила она. — Уж лучшего ученика ему, наверно, не найти! Мальчишка просто помешан на книгах, право, помешан. Похоже, это у нас в роду. Как я слышала, его двоюродная сестра Сью точно такая же. Я не видела девочку много лет, хотя родилась она здесь, в этих самых стенах. У моей племянницы и ее муженька после свадьбы год, а то и больше не было своего дома. Они завели его, уж когда… Ну да ладно, об этом я лучше не буду… Джуд, дитя мое, хоть ты-то не женись! Это не для нас, Фаули. Веришь ли, Билайнда, она, их единственная крошка, была мне как дочь родная, а потом пошел разлад. Надо же, чтобы девчушка столько пережила!..

Чувствуя, что вот-вот разговор зайдет о нем, Джуд ускользнул в пекарню и принялся за пирог, оставленный ему на завтрак.

Его свободное время подходило к концу, а потому, перемахнув через изгородь позади дома, он устремился по тропинке на север и вышел к

широкой, засеянной пшеницей ложбине, одиноко лежащей в центре ровного плоскогорья. Эта ложбина и была местом его работы у фермера Траутема, и он спустился туда.

Вокруг до самого неба простиралась бурая поверхность посреди пашни, которая постепенно исчезала во мгле, скрадывавшей ее истинные границы и подчеркивавшей уединенность места. Однообразие общей картины нарушали лишь прошлогодняя скирда пашни, грачи, взлетавшие при его приближении, да тропа, по которой он пришел сюда и которой некогда ходили его предки, а кто ходил теперь — неизвестно.

— Как здесь все уныло! — прошептал он.

Свежевспаханные борозды тянулись, словно полоски на новом вельвете, и придавали полю неприятно упорядоченный вид, лишив его всех оттенков, уничтожив все следы прошлого за исключением разве что примет последних нескольких месяцев, хотя с каждым комом земли, с каждым камнем здесь было связано много воспоминаний — отзвуки песен, петых в дни давно минувших жатв, чьих-то слов и смелых деяний. Каждый дюйм этой земли знал силу, веселье, разгул. Потасовки, усталость. На каждом ее квадратном ярде гнули под солнцем спину жнецы.

Здесь в пору между жатвой и вывозом снопов заключались любовные союзы, от которых прибавлялось население соседней деревушки. Под изгородью, отделявшей этой поле от дальних огородов, девушки отдавались возлюбленным, которые к приходу следующей жатвы не хотели и глядеть в их сторону; и не один мужчина клялся на этом старом поле в любви к женщине, один голос которой приводил его в страх уже через год после того, как клятвы эти были скреплены в ближайшей церкви. Но ни Джуд, ни грачи, летавшие вокруг, не задумывались над этим. Для них поле было уединенным местом, для Джуда — местом его первой работы, а для грачей — житницей, где можно подкормиться.

Мальчик стоял возле скирды и то и дело пускал в ход свою трещотку. Пугаясь шума, грачи переставали клевать, поднимались и улетали, лениво взмахивая блестящими, как латы, крыльями, потом, описав круг, возвращались и, настороженно поглядывая на Джуда, снова опускались уже на более почтительном расстоянии от него.

Он гремел трещоткой, пока не заныла рука, и наконец в сердце его закралось сочувствие к птицам и их разбитым надеждам. Ему показалось, что они тоже не нужны никому на свете.

Зачем их пугать? Мало-помалу они превратились в его глазах в добрых друзей и подопечных — единственных друзей, которые хоть как-то им интересовались, тогда как его двоюродная бабка не проявляла к нему никакого интереса, в чем не раз признавалась ему сама. Он перестал греметь трещоткой, и птицы опустились на поле.

— Бедняжки! — вслух подумал Джуд. — Вам тоже есть хочется, так ешьте! Здесь на всех хватит. Фермер Траутем не обеднеет, если вы и возьмете немножко. Ешьте, мои славные птички, ешьте на здоровье!

Грачи остались, — черные пятна на коричневом поле, — и продолжали клевать, а Джуд радовался, что у них такой аппетит. Таинственная нить, дружбы соединила его жизнь с их жизнью. Как ни жалка и убога была их судьба, она во многом походила, на его собственную.

Трещотку, это гнусное и позорное орудие, оскорбительное как для птиц, так и для него самого, их друга, он уже давно отбросил в сторону. Вдруг здоровенный пинок в зад, сопровождаемый громким треском, довел до его ошеломленного сознания, что орудием нанесенного ему оскорбления была именно трещотка. Гром грянул одновременно и для птиц и для Джуда, и изумленному взору

мальчика предстал собственной персоной фермер, сам великий Траутем; его налитое кровью лицо уставилось на сжавшегося от страха Джуда, а трещотка так и ходила в его руке.

— Так, стало быть, «ешьте, мои славные птички!» Ну, и ну, нечего сказать! «Ешьте, славные птички!» Вот как почешу тебя трещоткой по заднице, тогда посмотрим, скоро ли ты опять запоешь: «Ешьте, мои славные птички!» Вдобавок ты еще проваландался у школьного учителя, вместо того чтобы идти сюда, правильно я говорю или нет? Так-то ты гоняешь с поля грачей, чтоб заработать свой шестипенсовик?

Обращаясь к Джуду с этой взволнованной речью, Траутем схватил мальчика за руку и снова принялся колотить его по мягкому месту плоской стороной трещотки, оглашая поле отзвуками ударов, приходившихся по одному или по два на круг, который описывала вокруг него хрупкая фигурка Джуда.

— Не надо, сэр, прошу вас, не надо! — кричал мальчик, продолжая описывать круги, беспомощный перед вращательной силой, несшей его тело, словно рыбешку, поддетую на крючок, меж тем как холм, скирда, огороды, тропинка и грачи в головокружительном вихре мелькали перед его

глазами. — Я… я хотел только, сэр… Зерна здесь так много… я видел, как засевали поле… а грачам ведь надо совсем немного… вам бы все равно хватило, сэр… мистер Филотсон говорил, чтобы я их не обижал… Ой, ой, ой!

Казалось, это правдивое объяснение разозлило фермера еще больше, чем если бы Джуд вообще ничего не сказал в свое оправдание, и он продолжал отвешивать ему удары; стук трещотки разносился по всему полю, достигая слуха людей, работавших в отдалении, — из чего они, должно быть, заключили, что Джуд выполняет свои обязанности с особенным рвением, — и эхом отдавался от скрытой туманом новенькой колокольни, на постройку которой фермер пожертвовал, не поскупившись, дабы засвидетельствовать свою любовь к богу и ближним.

Наконец Траутему надоело карать, он поставил дрожащего мальчика на ноги, достал из кармана шестипенсовик и отдал ему в уплату за день работы, наказав при этом идти домой и не попадаться ему больше на глаза.

Джуд отскочил на безопасное расстояние и устремился по тропе, плача не от боли, хотя ему было очень больно, и не оттого, что он вдруг понял, как несовершенно устроен мир, в котором

что хорошо птахе божьей, не годится работнику в божьем саде, а лишь от мучительного сознания, что он, не прожив в приходе и года, осрамился дальше некуда и теперь на всю жизнь останется обузой для своей двоюродной бабки.

Эта мысль до того его расстроила, что он не захотел показываться в деревне, и потому отправился домой окольным путем вдоль высокой изгороди и через выгон. На дороге ему попадалось множество спаренных земляных червей, наполовину вылезших из влажной земли, как бывало всегда в такую погоду в это время года. Невозможно было и шагу ступить без того, чтобы не раздавить хотя бы одного из них.

И все-таки, хотя фермер Траутем только что причинил ему боль, сам мальчик был неспособен делать больно другим. Если случалось, что он приносил домой гнездо с птенцами, то потом полночи не смыкал глаз и чувствовал себя несчастным, а наутро возвращал на место и гнездо и птенцов. Он не мог видеть без слез, как рубят, деревья или подрезают ветви, ему казалось, что им от этого больно; а когда из-за позднего подрезания дерево истекало соком, для его детской души это было подлинным горем. Подобная слабость характера, если ее можно так

назвать, говорила о том, что Джуду на роду было написано страдать всю свою жизнь, пока над его ничтожным существованием не опустится занавес, возвещая, что он наконец обрел покой. Джуд осторожно прошел на цыпочках между червями, не раздавив ни одного.

Когда он вошел в дом, бабка его отпускала какой-то девочке булку за полпени и, как только покупательница ушла, спросила:

— Что это ты вернулся, ведь еще только утро?

— Меня прогнали.

— Что-что?

— Мистер Траутем прогнал меня, потому что я дал грачам поклевать немножко зерна. Вот мое жалованье; последнее мое жалованье.

И он с трагическим видом бросил на стол шестипенсовик.

— О господи! — Бабка от изумления не сразу перевела дух, а затем принялась упрекать в том, что он всю весну будет теперь сидеть у нее на шее и бездельничать. — Если ты птиц не можешь гонять, что же ты можешь?.. Ну, да ладно, не вешай носа. Уж коли на то пошло, мы ничем не хуже фермера Траутема. Еще Иов сказал: «А ныне смеются надо мною младшие меня летами, те, чьих отцов я не согласился бы поместить со

псами стад моих». Как-никак отец его батрачил на моего отца, и уж, видать, от большого ума я пустила тебя работать к нему, а все потому, что боялась, как бы ты не избаловался.

Рассердившись на Джуда скорее за то, что он уронил ее достоинство, работая на фермера, чем за небрежение своими обязанностями, она и отчитала его прежде всего за это и лишь потом в назидание.

— Я не говорю, что можно было пускать птиц на посевы. Конечно, тут уж ты не прав. Ах, Джуд, Джуд, ну что бы тебе уехать с этим твоим учителем в Кристминстер или куда там еще! Только где уж тебе, бедному сироте, в твоем роду хватких никогда не было!

— А где этот чудесный город, куда уехал мистер Филотсон? — спросил мальчик после молчаливого раздумья.

— О, господи, неужто ты до сих пор не знаешь, где Кристминстер! Это милях в двадцати отсюда. Да только не про тебя это место!

— А мистер Филотсон навсегда там останется?

— Ну откуда я знаю!

— Мне можно его навестить?

— Нет, конечно! Сразу видно, не здесь ты вырос, а то не задавал бы таких вопросов. Мы никогда

не имели дел с кристминстерцами, а они с нами.

Джуд вышел из дому и, чувствуя себя никому на свете не нужным, лег навзничь на кучу соломы возле свинарника. Туман тем временем поредел, и сквозь него можно было различить солнце. Джуд надвинул на глаза свою соломенную шляпу и, задумавшись, глядел на яркие лучи, пробивающиеся сквозь редкое плетение. Он понял вдруг, что с возрастом возникают обязанности. Жизнь шла совсем не так, как он ожидал. Логика природы оказалась отвратительной и не вызывала у него ее чувствия. Что милосердие к одним оборачивается жестокостью к другим, претило его чувству гармонии. Когда становишься старше и ощущаешь себя вдруг в центре жизни, а не точкой на ее периферии, как в детстве, тебя вдруг охватывает ужас. Все вокруг кажется ярким, шумным, кричащим, и этот шум и свет обрушиваются на маленькую клеточку — твою жизнь, сотрясают ее и калечат.

Если б можно было не расти! Ему совсем не хотелось быть взрослым.

Но вскоре, как всякое дитя природы, он позабыл о своем унынии и вскочил на ноги. Остаток утра он помогал бабушке, а после полудня, когда больше нечего было делать, отправился в дерев-

ню. Здесь он спросил первого встречного, где находится Кристминстер.

— Кристминстер? Да во-о-он в той стороне! Я-то сам там не бывал, нет, не бывал. Какие у меня там дела! — И он указал на северо-восток, как раз туда, где лежало поле, на котором Джуд так осрамился.

Было что-то неприятное в этом совпадении, но это зловещее обстоятельство, пожалуй, лишь усилило интерес Джуда к городу. Правда, фермер сказал, чтобы он не смел больше показываться на его поле, но ведь там, за ним, лежит дорога в Кристминстер, а тропа через поле открыта для всех. Поэтому, выбравшись из деревни, он спустился в ту самую ложбину, которая утром была свидетельницей его позора, и, не сворачивая в сторону, поднялся по-длинному и крутому противоположному склону до небольшой группы деревьев, где тропа выводила к проезжей дороге. Здесь пашня кончалась, и перед ним распахнулась туманная даль.

III

На дороге без изгороди не было ни души, по обеим сторонам от нее — тоже, и казалось, что белая лента дороги поднимается и суживается, сливаясь под конец с небом. В самой верхней точке под прямым углом ее пересекала зеленая Икнилд-стрит — дорога, проложенная здесь еще римлянами. Этот древний путь тянулся вдоль хребта на многие мили к западу и к востоку, и, пожалуй, еще на памяти нынешнего поколения по нему гоняли стада на ярмарки и базары. Теперь он был заброшен и зарос травой.

Мальчик никогда не уходил так далеко на север от уютной деревушки, в которую несколько месяцев перед тем в один из темных вечеров возчик доставил его со станции, расположенной южнее; он до сих пор даже не подозревал, что такая широкая и плоская низина лежит совсем рядом, у самой границы гористой местности, где он теперь жил. Весь полукруг северного горизонта, между востоком и западом, раскрылся перед ним на сорок-пятьдесят миль в глубину, и воздух там казался более синим и влажным, чем тот,

которым он дышал здесь, наверху.

Неподалеку от дороги стоял старый, пострадавший от непогоды амбар из красновато-серого кирпича, крытый черепицей. Окрестным жителям он был известен под названием Бурый Дом. Джуд прошел было мимо него, но вдруг заметил приставленную к свесу крыши лестницу и остановился, подумав о том, что чем выше он поднимется, тем дальше увидит. Двое мужчин на крыше перекладывали черепицу. Джуд свернул на обочину и подошел к амбару. Некоторое время он робко наблюдал за кровельщиками, потом набрался духу и поднялся по лестнице к ним наверх.

— Эй, паренек, чего тебе здесь надо?

— Извините, пожалуйста, я только хотел спросить, где находится город Кристминстер?

— Кристминстер вон там, за теми деревьями. Его видно отсюда, но только в ясный день. Нет, нет, сейчас не увидишь.

Второй кровельщик, обрадовавшись предлогу оторваться от однообразной работы, тоже обернулся и поглядел в указанном направлении.

— В такую погоду, как сейчас, не очень-то его разглядишь, — сказал он. — Я видел его на закате, когда все небо полыхало, и он был похож прямо

не знаю на что…

— На небесный Иерусалим, — серьезно проговорил мальчик.

— Во-во, хотя сам бы я ни в жизнь так не сказал… Ну а сегодня его не видать.

Мальчик напряг зрение, но так и не увидел далекого города. Он спустился с крыши и, со свойственной его возрасту легкостью тут же забыв о Кристминстере, зашагал по обочине дороги, с интересом разглядывая местность вокруг. Проходя мимо амбара на обратном пути в Мэригрин, он заметил, что лестница стоит на прежнем месте, хотя кровельщики закончили свою дневную работу и ушли.

Вечерело. Легкий туман еще держался, но уже чуть поредел всюду, кроме излучины реки и сырых мест в низине. Джуд вспомнил о Кристминстере, и ему захотелось хоть разок увидеть этот заманчивый город, коли уж он ушел ради этого за две, а то и за три мили от дома. Но если даже он останется здесь ждать, туман вряд ли рассеется до наступления ночи. И все же ему не хотелось покидать это место, потому что удались он хотя бы на несколько сот ярдов в сторону деревни, — и все обширное пространство на севере скроется из глаз.

Он взобрался по лестнице, чтобы еще раз взглянуть в направлении, какое указывали ему кровельщики, и уселся на верхней перекладине, возвышавшейся над крышей. Когда-то еще ему удастся зайти так далеко! Быть может, если помолиться, желание увидеть Кристминстер сбудется скорее? Говорят, когда молишься, желания сбываются, хотя и не всегда. Он читал в какой-то религиозной книжке о человеке, который начал строить церковь, и у него не хватило денег, чтобы ее закончить, тогда он преклонил колени и помолился и со следующей же почтой получил деньги. Другой человек поступил так же, но денег не получил; правда потом он узнал, что брюки, в которых он преклонял колени, были сшиты нечестивым евреем. Но Джуда это не смущало и, встав коленями на третью перекладину лестницы, он помолился о том, чтобы туман рассеялся.

Затем снова уселся и стал ждать. Через какие-нибудь десять — пятнадцать минут северный горизонт совершенно очистился от редеющего тумана, который в других местах рассеялся еще раньше, и за четверть часа до захода солнца тучи на западе расступились, приоткрыв солнце, и между двумя грядами темно-серых облаков ярким снопом брызнул солнечный свет. Мальчик

тотчас поглядел в заветном направлении.

Вдали, в пределах доступного глазу пространства, словно топазы, вспыхивали огоньки. С каждой минутой воздух становился все прозрачнее, пока топазы эти не обернулись флюгерами, окнами, мокрыми шиферными крышами и сверкающими бликами на шпилях, куполах, лепных украшениях и прочих выступающих частях зданий. Это, несомненно, был Кристминстер — либо реальный, либо мираж, созданный особенностями атмосферы.

Джуд все смотрел и смотрел, пока окна и флюгера не потухли как-то сразу, точно задутые свечи. Далекий город окутался дымкой. Повернувшись к западу, Джуд увидел, что солнце скрылось. Впереди все задернулось траурной мглой, и ближние предметы принимали самые фантастические окраски и формы.

Джуд поспешно слез с лестницы и пустился бегом к дому, стараясь не думать о великанах, охотнике Хирне, Апполионе, подстерегающем Христиана, и капитане с кровавой дырой во лбу, окруженном мертвецами, которые каждую ночь поднимают бунт на борту заколдованного корабля: Он понимал, что уже вышел из того возраста, когда верят во все эти ужасы, и все-таки обрадо-

вался, увидев колокольню и свет в окнах дома, хотя дом не был ему родным, а его бабка, жившая в нем, не очень-то любила своего внука.

Внутри и вокруг «торгового заведения» этой старухи, заведения с витриной из двадцати четырех стеклышек в свинцовой раме, до того потускневших от времени, что сквозь них трудно было разглядеть жалкие грошовые предметы, составлявшие часть товара, который мог унести на себе один сильный человек, протекала, внешняя жизнь Джуда. Но мечты его были столь же грандиозны, сколь ничтожно окружение.

Сквозь непроницаемый барьер неприветливых меловых холмов, протянувшихся на севере, ему постоянно виделся чудесный город, созданный его фантазией, который он сравнил с небесным Иерусалимом, хотя в мечтах его, пожалуй, было больше от воображения художника и меньше от воображения торговца драгоценностями, чем у автора Апокалипсиса. Город этот стал для него реальностью, достоверностью, занял особое место в его жизни, главным образом по той единственной причине, что там жил человек, перед знаниями и устремлениями которого он так благоговел, — мало того, жил там среди людей, еще более образованных, знающих и духовно

одаренных.

Когда приходила унылая, ненавистная пора и Джуд знал, что в Кристминстере, как и у них, льет дождь, ему все же не верилось, что там дождь такой же беспросветный. Всякий раз, когда ему удавалось выбраться за пределы деревушки на час или два, что случалось нечасто, он тайком спешил на холм, где стоял Бурый Дом, и напряженно всматривался в даль; иногда он бывал вознагражден за это видом какого-нибудь купола, или шпиля, или тонкого дымка, в котором его воображению рисовалось мистическое курение фимиама.

Затем в один прекрасный день ему пришло в голову, что если он поднимется после сумерек к своему обычному месту наблюдения и пройдет вперед еще мили две, он увидит вечерние огни города. Правда, возвращаться домой придется одному, но даже это соображение не остановило его, так как он умел справляться со страхом.

План этот был приведен в исполнение. Было еще не поздно, когда Джуд достиг своего наблюдательного пункта — только-только спустились сумерки; однако черное небо на северо-востоке и дувший оттуда ветер нагнетали мрак. Джуд проходил не зря, хотя увидел он вовсе не ряды огней,

как ожидал. Отдельных огоньков различить было нельзя, лишь сияние, нечто вроде светящегося облака, вставало над городом на фоне черного неба, и казалось, что свет этот и город находятся на расстоянии всего только мили.

Он принялся строить догадки, где именно в этом сиянии может быть школьный учитель — человек, который не поддерживал теперь никаких отношений с жителями Мэригрин и словно умер для них. Ему казалось, что он видит, как Филотсон спокойно расхаживает в этом сиянии, подобно одному из отроков в печи Навуходоносора.

Он слышал, что ветер может лететь со скоростью десяти миль в час, и сейчас это вдруг припомнилось ему. Стоя лицом к северо-востоку, он разомкнул губы и, словно сладкий напиток, втянул в себя воздух.

— Ты был в городе Кристминстере, — ласково обратился он к ветру, — всего час или два тому назад ты проносился по его улицам, вертел флюгера и касался лица мистера Филотсона, он дышал тобой, а теперь ты прилетел сюда, и тобой дышу теперь я.

Вдруг вместе с ветром до него донеслись какие-то звуки: будто весточка из города, посланная

чьей-то душой, обитающей там. То был перезвон колоколов, голос города, чуть слышный, но мелодичный, возвещавший ему: «Мы счастливы здесь!»

Предавшись мечтам, он совсем позабыл, где находится, и лишь грубое вторжение людей вернуло его к действительности. Несколькими ярдами ниже гребня холма, где он расположился, показалась лошадиная упряжка; подъем до этого места от подножья крутого склона по извилистой дороге занял у нее полчаса. Лошади везли уголь — топливо, которое можно было доставить на нагорье только по этой дороге. Рядом с повозкой шли возчик, его помощник и мальчик; мальчик подкатил под заднее колесо повозки большой камень, чтобы дать отдых усталым лошадям, а мужчины тем временем достали с подводы флягу и по очереди потягивали из нее.

Они были почтенного возраста и разговор вели с добродушием. Джуд обратился к ним с вопросом, не из Кристминстера ли они.

— Боже упаси! С таким-то грузом? — последовал ответ.

— Я говорю про город, вон там вдали.

Он питал такие романтические чувства к Кристминстеру, что, подобно юному влюблен-

ному, который смущается, произнося имя своей возлюбленной, не отважился лишний раз повторить название этого города и лишь указал на зарево в небе, едва различимое для глаз, уже не столь молодых.

— Верно, на северо-востоке небо как будто посветлей, хотя сам бы я этого не заметил. Это точно Кристминстер, ошибки быть не может.

Тут Джуд уронил на землю книжку сказок, которую он захватил с собой, чтобы почитать до темноты. Возчик внимательно наблюдал, как он поднимает ее и разглаживает страницы.

— Эх, милый, — заметил он, — не с нашими мозгами читать то, что там читают.

— Почему? — спросил мальчик.

— Их вовсе не интересует то, что могут понять простые люди, вроде нас, — продолжал возчик, чтобы скоротать время. — Разговаривают они только на чужих языках, как строители Вавилонской башни. Те тогда каждый по-своему говорили. И читают они свои книжки быстрее, чем ястреб летит. Там все наука — одна только наука, да еще религия. А это тоже наука, только я в ней никогда ничего не смыслил. Да, это место для шибко умных. Впрочем, и там ночами девки по улицам шляются… Ты, наверное и, сам слышал, что свя-

щенников там выращивают, словно редиску на грядке. И хотя уходит — сколько, Боб, лет? — пять лет, чтобы из какого-нибудь молодого олуха сделать почтенного священнослужителя, которому грешные страсти не положены, они с этим справляются — отшлифуют вам парня, как заправские мастерами выпустят его с эдаким вытянутым лицом, в долгополом черном сюртуке и жилетке, и воротничок на месте, и шляпа — словом, все, как в Священном писании, так что иной раз и родная мать не узнает… Что ж, у каждого своя служба, у них вот такая.

— А откуда вы знаете, что…

— А ты не перебивай меня, малыш. Старших не перебивают. Подай-ка переднюю лошадь в сторонку, Боби, идет кто-то… Ты знай себе примечай, что я говорю про жизнь в колледже. Жизнь возвышенная, спорить не стану, хотя сам я не очень-то высоко ее ставлю. Мы, так сказать, телесно обитаем здесь на вершинах, а они духовно — благородные люди, еще бы… и денежки-то чем зарабатывают — тем, что вслух мысли разные высказывают. А есть среди них такие крепыши, что и на серебряных кубках не меньше зарабатывают. И еще вот музыка там, повсюду слышишь красивую музыку. Веруешь ты иль нет, все равно

так и тянет подпевать со всеми вместе. А то еще есть там улица — Главная улица, другой такой во всем свете не сыщешь. Уж я-то знаю кое-что про Кристминстер!

Тем временем лошади успели передохнуть и снова потянули повозку. Бросив последний влюбленный взгляд на далекое сияние, Джуд повернулся и пошел рядом со своим на редкость осведомленным собеседником, который не прочь был рассказывать ему о городе еще и еще — о его башнях, колледжах и церквях. Когда подвода свернула на перекрестную дорогу, Джуд сердечно поблагодарил возчика за сведения и признался, что он дорого бы дал за то, чтобы знать о Кристминстере хотя бы половину того, что знает сам возчик.

— Да чего там, говорю, что слышал, — скромно отвечал тот. — Сам-то я в Кристминстере не бывал, все понаслышке собирал, — одно здесь, другое там, ну а коли интересно послушать, сделай одолжение. Когда колесишь по свету вроде меня да трешься среди людей, поневоле всего наслушаешься. А еще был у меня дружок, в молодости он служил чистильщиком сапог в гостинице Крозье в Кристминстере, он был мне как родной брат.

Джуд продолжал обратный путь в одиночестве и так глубоко задумался, что забыл о страхе. Он вдруг повзрослел. Ему страстно захотелось найти какую-то опору в жизни, чтобы обрести наконец то, что зовется прекрасным. Быть может, он найдет это в Кристминстере, — только бы попасть туда. Но сможет ли он наблюдать и выжидать там, чтобы, подобно людям прошлого, о которых он был наслышан, отдаться какому-нибудь великому делу, не страшась суда и насмешек? И так же, как четверть часа назад, глазам его открылось яркое зарево города, теперь, когда он брел в темноте, перед его мысленным взором возник желанный город.

— Это город света, — сказал он себе.

— Там растет древо познания, — добавил он через несколько шагов.

— Оттуда приходят и туда уходят те, кто учит людей.

— Этот город можно назвать замком, где обитают наука и религия.

После такого сравнения он долго молчал и наконец добавил:

— Как бы мне хотелось туда.

IV

Углубившись в размышления, порой совсем стариковские, порой не по возрасту детские, мальчик не спеша продолжал свой путь, когда его обогнал проворный пешеход в невероятно высоком цилиндре и фраке. Джуду удалось рассмотреть, несмотря на темноту, что цепочка его часов бешено подпрыгивала, разбрасывая вокруг блестки света, по мере того как владелец ее шагал вперед на тощих ногах, обутых в бесшумные башмаки. Джуд, уже начавший тяготиться одиночеством, попробовал подладиться под его шаг.

— А ну, дружище! Я спешу, так что прибавь ходу, если хочешь поспеть за мной. Ты знаешь, кто я такой?

— Кажется, да. Доктор Вильберт?

— О-о, как видно, я известен повсюду! Вот что значит быть всеобщим благодетелем.

Вильберт был бродячий знахарь, пользовавшийся широкой известностью среди сельского населения и совершенно неизвестный для всех прочих, о чем, пожалуй, он и сам заботился во избежание щекотливых расследований. К его

услугам прибегали только жители деревень, только им он был обязан своей репутацией в Уэссексе. Положение его было более скромным, а поле деятельности менее широким, чем у шарлатанов с капиталом и хорошо поставленной рекламой. В сущности, он был анахронизмом. Он покрывал пешком огромные расстояния и исходил вдоль и поперек чуть ли не весь Уэссекс. Джуд видел однажды, как он продавал какой-то старухе горшок подкрашенного свиного сала под видом надежного средства от болей в ноге; старуха согласилась уплатить целую гинею в рассрочку, по шиллингу каждые две недели, за это драгоценное снадобье, изготовить которое, по словам лекаря, можно было лишь из одного животного, обитающего на горе Синай, и ловить которое приходилось с риском для жизни и конечностей. Хотя у Джуда уже зародились некоторые сомнения насчет лекарств сего господина, однако он полагал, что Вильберт как человек, много путешествовавший, может оказаться источником сведений, непосредственно к его профессии и не относящихся.

— Вы, наверное, бывали в Кристминстере, доктор?

— Конечно, и многократно, — ответил худой,

долговязый лекарь. — Это один из моих центров.

— Там столько ученых и священников, правда?

— Ну да, правда, правда, ты и сам бы убедился в этом, если бы побывал там, мальчуган. Даже сыновья старых прачек при колледжах умеют говорить по-латыни, само собой, не на чистой латыни, насколько я могу судить, а на «кухонной», как ее называли в мои студенческие годы.

— А по-гречески?

— Ну, это только те, кто готовится в епископы, — чтобы читать Новый завет в подлиннике.

— Я тоже хочу учить латынь и греческий.

— Похвальное желание. Тебе надо бы достать грамматики этих языков.

— Я собираюсь поехать в Кристминстер.

— Вот когда поедешь, ты всем рассказывай, что только у доктора Вильберта можно получить знаменитые пилюли, которые излечивают все болезни пищеварительного тракта, а также астму и одышку. Два шиллинга три пенса коробочка — патентованное средство с государственной печатью.

— А вы мне достанете эти грамматики, если я буду здесь, у нас, рассказывать об этом?

— Да я с удовольствием продам тебе свои — те,

по которым я учился студентом.

— О, спасибо вам, сэр! — молвил Джуд с благодарностью, хотя чуть не задыхался от гонки, какую устроил доктор, заставив его бежать рысцой рядом с собой, отчего у Джуда даже закололо в боку.

— Пожалуй, тебе не угнаться за мной, мой милый. Лучше я вот что сделаю. Принесу тебе грамматики и дам первый урок, а ты пообещай в каждом доме своей деревни расхваливать чудодейственную мазь, живительные капли и женские пилюли доктора Вильберта.

— А где я вас найду, чтобы получить грамматики?

— Я буду проходить здесь ровно через две недели в это же время, то есть в двадцать пять минут восьмого. Передвигаюсь я с такой же точностью, как и планеты по своим орбитам.

— Я обязательно встречу вас здесь, — сказал Джуд.

— С заказами на мои лекарства?

— Да, доктор.

После этого Джуд отстал, постоял немного, чтобы отдышаться, и двинулся к дому с сознанием, что первый шаг к завоеванию Кристминстера сделан.

Следующие две недели он ходил, открыто улыбаясь своим тайным мыслям, словно то были живые люди, которые кивали ему при встрече; лицо его светилось той особенной восторженной улыбкой, какую случается видеть на лицах юношей, вдохновленных какой-нибудь великой идеей, будто чистая душа их озаряется изнутри неким магическим светильником и их восторженным взорам являются разверстые небеса.

Он честно выполнил свое обещание, данное исцелителю многих болезней, в которого сам теперь искренне верил, и исходил немало миль от одной деревни к другой в качестве его агента. В назначенный вечер он стоял неподвижно на плоскогорье, на том самом месте, где расстался с Вильбертом, и ждал его. Бродячий доктор явился точно в обещанное время, Джуд тут же зашагал рядом с ним, хотя пешеход нисколько не потрудился сбавить скорость, но, к удивлению Джуда, Вильберт как будто не узнал своего юного спутника, несмотря на то, что по прошествии двух недель вечера стали светлее. Джуд подумал было, что это из-за новой шляпы, и с достоинством приветствовал лекаря.

— Тебе что, мальчуган? — рассеянно спросил тот.

— Это я, — ответил Джуд.

— Ты? Что ты? Ах да, верно! ну как, голубчик, получил заказы?

— Получил.

И Джуд сообщил доктору имена и адреса крестьян, пожелавших испытать целебную силу его всемирно известных пилюль и бальзама. Шарлатан позаботился сохранить их в своей памяти.

— А латинская и греческая грамматики? — Голос Джуда дрожал от волнения.

— Что — грамматики?

— Вы обещали мне свои учебники, по которым занимались, чтобы стать доктором.

— Ах да, конечно! Забыл, совершенно забыл! Видишь ли, дружок, от меня зависит столько человеческих жизней, что при всем желании я просто не успеваю думать о других вещах.

Джуд ничем не выдал своего разочарования, пока до конца не осознал смысл этих слов, а затем с горечью воскликнул:

— Так вы не принесли их!

— Увы! Но ты раздобудь для меня еще несколько адресов, и в следующий раз я принесу тебе книги.

Дальше Джуд не пошел. Он был неискушенным ребенком, однако дар внезапного прозрения,

которое проявляется иногда у детей, открыл ему, из какого человеческого хлама скроен этот шарлатан. Из такого источника нечего было ожидать духовной пищи. Листья опали с лаврового венка, созданного его воображением, он приткнулся к чьим-то воротам и горько расплакался.

За разочарованием последовал период бездействия. Вероятно, он бы мог получить грамматики из Элфредстона, но для этого надо было иметь деньги и знать, какие книги заказывать; хотя Джуд и не нуждался, он все же полностью зависел от бабки, и личных денег у него не было.

Как раз в это время мистер Филотсон прислал за своим фортепьяно, и это подсказало Джуду выход. Что, если написать школьному учителю и попросить его достать грамматики в Кристминстере? Можно засунуть письмо в ящик с инструментом, и оно наверняка попадет на глаза учителю. Почему бы не попросить его прислать старые, подержанные учебники, которые были бы ему тем милее, что пропитались самим духом университета?

Но рассказать о своем замысле бабке значило обречь его на провал. Следовало действовать одному.

После непродолжительного раздумья он пе-

решел к делу, и в день отправки фортепьяно, совпавший с днем его рождения, тайком засунул в ящик с инструментом письмо, адресованное горячо любимому другу; он очень боялся, как бы бабка Друзилла не догадалась и не заставила его отказаться от своей затеи.

Фортепьяно было отправлено, и для Джуда наступили дни и недели ожидания; каждое утро, еще до пробуждения бабки, он наведывался на почту. Наконец пакет туда действительно прибыл, и Джуду удалось разглядеть в нем две тонкие книжонки. Он унес пакет в укромное место и, присев на срубленный вяз, распечатал его.

С тех пор, как Джуда впервые потрясло видение Кристминстера и он понял, какие возможности таит этот город, его не оставляло любопытство: в чем же заключается процесс превращения фраз одного языка во фразы другого? Он полагал, что грамматика изучаемого языка содержит прежде всего правило, рецепт или ключ к разгадке тайного шифра, который, будучи однажды усвоен, позволит переводить слова родного языка в соответствующие слова чужого. В его детских представлениях о переводе, собственно, отражалось стремление к предельной математической точности, известное всем под названием зако-

на Гримма, по которому простейшие правила возводятся в степень идеальной завершенности. Так, он считал, что слова чужого языка таятся в словах родного и находит их тот, кто владеет этим тайным шифром, которому и обучают вышеназванные книги.

Поэтому, когда Джуд, убедившись, что на пакете стоит почтовый штемпель Кристминстера, разрезал бечевку, вынул томики и раскрыл латинскую грамматику, которая лежала сверху, он глазам своим не поверил.

Книга была старая, изданная лет тридцать назад, захватанная, вся сплошь исписанная чьим-то именем, бесцеремонно заслонявшим текст, испещренная датами двадцатилетней давности. Но не это поразило Джуда. Только теперь ему стало ясно, что никакого закона превращения не существует, как он по наивности полагал (нечто подобное такому закону было, но автор грамматики этого не признавал), и что каждое слово в отдельности, латинское и греческое, надо запоминать, не жалея многих лет упорного труда.

Джуд отшвырнул книги, растянулся на широком стволе вяза и пролежал так с четверть часа, чувствуя себя бесконечно несчастным. По старой привычке он надвинул на глаза шляпу и следил

за солнцем, украдкой заглядывавшим к нему сквозь соломенное плетение. Так вот что такое латынь и греческий! Какая ужасная ошибка! Он предвкушал наслаждение, а в действительности его ждал труд, сравнимый лишь с трудом сынов Израиля в Египте.

Какие же головы у них там, в Кристминстере, в этих знаменитых школах, мелькнула у него мысль, если они могут запоминать слова десятками тысяч! Нет, его ума на это не хватит. И пока тонкие солнечные лучи играли на его лице, он думал, что лучше бы он никогда не видел книг, лучше бы ему никогда не видеть их впредь, а еще лучше бы вовсе не родиться.

Если б кто-нибудь прошел мимо и спросил Джуда о причине его горя и подбодрил бы его, сказав, что в своих понятиях он далеко опередил автора грамматики! Но никто не пришел, в жизни так не бывает, и, подавленный сознанием своей огромной ошибки, Джуд продолжал думать лишь об одном: лучше б ему не жить на свете.

V

В течение последующих трех-четырех лет на дорогах Мэригрин и ее окрестностей можно было видеть на редкость странную повозку, разъезжавшую весьма странным образом.

Месяц или два спустя после получения книг Джуд уже смирился со злой шуткой, какую сыграли с ним мертвые языки. Больше того, разочарование в доступности этих языков в конце концов послужило лишь к дальнейшему возвеличению учености Кристминстера в его глазах. Постичь языки, мертвые ли, живые ли, вопреки всем сложностям, казалось Джуду геркулесовым трудом, но теперь это вызывало в нем куда больший интерес, чем предполагаемый легкодоступный метод. Гора материала, под которым крылись идеи в этих запыленных томах, именуемых классиками, побудила его с поистине мышиным упорством попытаться подточить эту гору, хотя бы по частям.

Он старался не быть в тягость своей бабке, ворчливой старой деве, и помогал ей как только мог, так что дела в маленькой деревенской пекарне

заметно поправились. За восемь фунтов была куплена на распродаже старая понурая кобыла, еще за несколько фунтов приобретена скрипучая повозка с выцветшим коричневым верхом, после чего обязанностью Джуда стало трижды в неделю развозить в этом экипаже хлеб по деревне и уединенным фермам в окрестностях Мэригрин.

Своеобразие, о котором было уже упомянуто выше, заключалось не в самой повозке, а скорее в том, как Джуд водил ее по дорогам. Не слезая с повозки, он, самоучкой продолжал свое образование. Как только лошадь запоминала дорогу и дома, у которых следовало останавливаться, сидящий на передке мальчик перебрасывал через руку вожжи, ловко прилаживал с помощью ремня, привязанного к верху повозки, открытую книгу, укладывал на колени словарь и погружался в чтение несложных отрывков из Цезаря, Вергилия или Горация, разбирая их почти наугад, с пятого на десятое, и вкладывая в это столько труда, что иной мягкосердечный учитель не мог бы не прослезиться; однако, докапываясь до смысла прочитанного, он скорее угадывал, чем постигал, дух подлинника, который его воображению часто рисовался иным, чем был на самом деле.

Единственными доступными книгами для него

были старинные издания Дофин, они устарели и потому дешево стоили. Непригодные для нерадивых школяров, для него они, однако, оказались приемлемы. Связанный в своих движениях, одинокий ездок добросовестно прикрывал рукой вынесенный на поля перевод текста, обращаясь к нему, только чтобы проверить конструкцию фразы, как обратился бы к товарищу или учителю, если бы они случайно проходили мимо. И хотя стать ученым, следуя такому несовершенному методу, было невозможно, Джуд хотя бы приближался к той сфере деятельности, о которой мечтал.

Пока он изучал эти древние страницы, хранившие отпечатки пальцев людей, быть может, лежавших уже в могиле, и старался проникнуть в мысли столь далекие и в то же время такие близкие, тощая лошаденка трусила потихоньку, и Джуду приходилось отрываться от плача Дидоны, когда повозка вдруг останавливалась и раздавался крик какой-нибудь старухи: «Эй, булочник, два хлеба, а этот черствый я возвращаю!»

Часто на узких дорогах ему встречались пешеходы, но он не замечал их, и мало-помалу местные жители начали поговаривать о том, как ловко он совмещает работу с баловством

(так они расценили его занятия); быть может, его самого это и устраивало, однако для путников, пользовавшихся теми же дорогами, было небезопасно. Пошли всякие разговоры. Наконец один из жителей ближайшей деревни сказал местному полицейскому, что не следовало бы дозволять подручному булочницы читать во время езды, и настоял, чтобы констебль выполнил свой долг и поймал мальчишку на месте преступления, а затем отправил бы его в полицейский суд в Элфредстоне и заставил заплатить штраф за опасные действия на проезжей дороге. И вот полицейский как-то подстерег Джуда, остановил и сделал предупреждение.

Джуду приходилось вставать в три утра, чтобы растопить печь, замесить и поставить хлеб, который он потом развозил весь день, а потому он должен был ложиться спать сразу, как только кончал заквашивать тесто; таким образом, выходило, что если ему нельзя будет читать своих классиков на проезжих дорогах, он вообще не сможет заниматься. Итак, ему оставалось лишь глядеть в оба, насколько позволяли обстоятельства, и прятать книги как только кто-нибудь покажется на дороге, в особенности полисмен. Надо отдать должное блюстителю порядка, он

вовсе не стремился подловить Джуда, полагая, что в таком малонаселенном районе опасности подвергается главным образом сам Джуд, и часто, завидев над изгородью светлый верх двуколки, сворачивал в другую сторону.

Джуд Фаули уже изрядно продвинулся в своих занятиях, — ему было почти шестнадцать, — когда в один прекрасный день, разбирая по складам «Carmen Saeculare», на обратном пути домой он вдруг заметил, что переваливает через гребень холма возле Бурого Дома. Освещение изменилось, и это заставило его поднять глаза. Солнце садилось и одновременно из-за леса, напротив, всходила полная луна. Джуд до того проникся поэмой, что, движимый тем же порывом, который несколько лет назад побудил его преклонить колени на перекладине лестницы, остановил лошадь, соскочил на землю, огляделся, желая убедиться, что поблизости никого нет, а затем опустился на колени с открытой книгой в руках. Он поклонился сперва сверкающей богине, которая, казалось, снисходительно-критически взирала на его действия, потом в другую сторону, уходящему светилу, и начал:

Phoebe silvarumque potens Diana![1]

Лошадь стояла смирно, и Джуд беспрепятственно прочел гимн до конца, дав волю своеобразному языческому порыву, на что он никогда не решился бы при ярком свете дня.

Вернувшись домой, он задумался над своей суеверностью, будь она врожденной или приобретенной, толкнувшей его на этот поступок, и над удивительной забывчивостью, которая довела до такого прегрешения — с точки зрения здравого смысла и обычая — его, человека, желающего стать не только ученым, но и христианским богословом. А все потому, что читал он только языческих авторов. Чем дольше он размышлял над этим, тем сильнее убеждался в своей непоследовательности. Его взяло сомнение, те ли книги он читает, какие следует для достижения цели его жизни. Ведь эта языческая литература совсем далека по духу от средневековых колледжей Кристминстера, которые называют церковной романтикой, воплощенной в камне.

В конце концов он решил, что в своей любви к чтению он допустил непозволительную для молодого христианина пристрастность. Он уже

---

[1] Примечания: 1
Феб и владычица леса Диана! (лат.).

читал с грехом пополам Гомера в издании Кларка, но еще не засел по-настоящему за Новый завет на греческом, хотя книга у него была, — он получил ее по почте от букиниста. Поэтому он оставил уже знакомый ему ионийский диалект и перешел на новый, впредь надолго ограничив свое чтение Евангелием и посланиями апостолов по грисбаховскому изданию. Кроме того, побывав однажды в Элфредстоне, он получил возможность познакомиться с творениями отцов церкви, найдя в лавке букиниста несколько томиков их сочинений, оставленных одним разорившимся священником.

Переход на новую стезю повлек за собой и следующий шаг, — по воскресеньям он посещал теперь все церкви, до которых мог добраться пешком, и разбирал латинские надписи на медных пластинах и памятниках пятнадцатого века. В одно из таких паломничеств ему повстречалась мудрая горбатая старуха, читавшая все, что ни попадало ей на глаза. Она так расписала ему романтические чары города света и учености, что он решил попасть туда во что бы то ни стало.

Но как он проживет в этом городе? Доходов у него пока никаких. Нет и сколько-нибудь достойного постоянного занятия или профессии, чтобы

прокормиться и одновременно постигать науки, на что потребуются многие годы.

Что, собственно, нужно городским жителям? Еда, одежда и кров. Займись он первым — приготовлением пищи, все равно много не заработал бы; ко второму он относился с пренебрежением; оставалось третье — какая-нибудь строительная профессия, и это его привлекало. В городе всегда что-нибудь да строят; стало быть, он научится строить. Джуд подумал о своем дяде, с которым не был знаком, об отце его двоюродной сестры Сюзанны, церковном резчике по металлу, — к средневековым ремеслам, независимо от материала, он почему-то чувствовал склонность. Значит, он не совершит ошибки, если пойдет по стопам своего дяди и на какое-то время займется стенами, в коих обитают ученые души.

Для начала он раздобыл несколько небольших каменных глыб, — металл был ему не по карману, — и, отложив ненадолго свои занятия, все свободные минуты тратил на воспроизведение замковых камней и капителей своей приходской церкви.

В Элфредстоне жил один средней руки камнерез, и как только Джуд нашел себе заместителя в бабкину пекарню, он за ничтожную плату

предложил свои услуги этому человеку. Так он получил возможность постичь хотя бы азы каменрезного дела. Немного спустя он перешел к церковному зодчему, проживавшему там же, и под его руководством учился восстанавливать полуразрушенную каменную кладку в церквях окрестных деревень.

Памятуя о том, что ремеслом он занимается только затем, чтобы иметь подспорье в подготовке к делам более великим, которые, он полагал, были ему больше под стать, он в то же время увлекся и самой работой. Всю неделю он жил теперь в Элфредстоне, а в субботу вечером возвращался в Мэригрин. Так миновал девятнадцатый год его жизни.

VI

В одну из суббот этой знаменательной поры своей жизни, около трех часов пополудни, возвращался он из Элфредстона в Мэригрин. Стояла ясная, теплая и мягкая летняя погода; свои инструменты он нес в корзине за спиной, и на каждом шагу маленькие резцы легонько позвякивали, ударяясь о большие. По случаю субботы он рано кончил работу и вышел из города по окольной дороге, чего обычно не делал, но он обещал зайти на мельницу возле Крескома, чтобы выполнить поручение бабушки.

Настроение у него было приподнятое. Его воображению рисовалось, как через год или два он благополучно устроится в Кристминстере и постучится в двери одного из храмов науки, о которых он столько мечтал. Конечно, он мог бы перебраться туда уже теперь, работа для него нашлась бы, но он предпочитал вступить в этот город, уже научившись как-то зарабатывать себе на жизнь. Теплая волна довольства собой нахлынула на него, когда он подумал о том, что им уже сделано. По дороге он то и дело оборачивался,

чтобы окинуть взглядом земли, лежащие по обе стороны от дороги. Но едва ли он видел их: просто он машинально повторял движение, обычное для него, когда он бывал менее сосредоточен; единственное, что его сейчас занимало, — это внутренняя оценка своих успехов.

«Я научился не хуже любого среднего студента читать простые тексты древних классиков, особенно латинские». Это было верно: хорошо владея латынью, Джуд без труда мог скрашивать свои одинокие прогулки, ведя воображаемый разговор на этом языке.

«Я прочел две песни „Илиады“ и недурно знаю некоторые отрывки, например, речь Феникса из девятой песни, битву Гектора и Аякса из четырнадцатой, появление безоружного Ахилла в его божественных доспехах из восемнадцатой и погребальные игры из двадцать третьей песни. Я читал также Гесиода, кое-кто из Фукидида и обстоятельно Новый завет на греческом… Все-таки лучше было бы иметь дело только с одним диалектом.

Я занимался математикой, прошел первые шесть, а затем одиннадцатую и двенадцатую книги Евклида; а по алгебре дошел до простых уравнений.

Я знаю кое-что из отцов церкви, а также из истории Рима и Англии…

Все это лишь начало. Однако здесь я дальше не продвинусь из-за трудностей с книгами. Значит, отныне я должен направить все свои усилия к тому, чтобы перебраться в Кристминстер. Там уж мне помогут, и я добьюсь таких успехов, что теперешние мои знания покажутся мне детским неведением. Надо откладывать деньги, и я буду откладывать; один из этих колледжей должен распахнуть предо мной двери и приветствовать того, кого сейчас оттолкнул бы, и я буду ждать, даже если придется ждать двадцать лет.

Я добьюсь своего и стану доктором богословия!»

В своих мечтах он даже решил, что может сделаться епископом, если будет вести чистую, трудовую, мудрую жизнь истинного христианина. А какой пример он подаст другим! Если у него будет годовой доход в пять тысяч фунтов, четыре с половиною тысячи он станет раздавать, а на остальные, вести роскошную — по его понятиям — жизнь. Однако, поразмыслив, он понял, что насчет епископства он перехватил. Хватит с него и архидиакона. И в сане архидиакона можно быть таким же добрым и ученым и приносить столько

же пользы, как и в сане епископа. Однако мысль об епископстве не давала ему покоя.

«Как только я устроюсь в Кристминстере, я прочту всё книги, какие не удалось получить здесь: Ливия, Тацита, Геродота, Эсхила, Софокла, Аристофана…»

— Посмотрите, какой он важный! Хи-хи-хи!

Этот задорный возглас раздался за изгородью, но он не обратил на него внимания. Мысли его шли дальше.

«…Еврипида, Платона, Аристотеля, Лукреция, Эпиктета, Сенеку, Антонина. Потом надо будет изучить еще кое-что: отцов церкви — в совершенстве. Беду и историю церкви — в общих чертах и хоть немного древнееврейский, — пока что я знаю только буквы…»

— Ишь разважничался!

«…но я буду упорно работать. Выдержки, слава богу, у меня хватит! А главное… Да, Кристминстер будет моей alma mater, а я — ее возлюбленным сыном, которым она останется довольна».

Всецело поглощенный мыслями о будущем, Джуд сначала замедлил шаг, а потом и вовсе замер, вперив взгляд в землю, словно прочитал на ней свое будущее, отраженное волшебным фонарем. Вдруг он почувствовал сильный удар

по уху, и что-то мягкое и холодное шлепнулось к его ногам.

Это был кусок свинины, он увидел это с первого взгляда, причем та характерная принадлежность борова, какой крестьяне смазывают обувь, так как ни на что больше она не годна. Свиней в здешних краях было много; в некоторых местах Северного Уэссекса их разводят и выкармливают в огромном количестве.

По другую сторону изгороди протекал ручей, оттуда-то и доносились, как он только что сообразил, звонкие голоса и смех, вторгшиеся в его мечты. Он взобрался на насыпь и заглянул через изгородь. На том берегу ручья находилась небольшая ферма с садом и пристроенным к ней свинарником; перед домом, у самой воды, стояли на коленях три девушки, а рядом с ними бадейки и миски со свиной требухой, которую они мыли в проточной воде. Одна-две пары глаз украдкой взглянули на него, и, заметив, что наконец-то он обратил на них внимание и теперь наблюдает за, ними, девушки, с притворной скромностью поджав губы, принялись особенно усердно полоскать требуху.

— Покорнейше благодарю! — строго сказал Джуд.

— Честное слово, это не я бросила! — заверила одна из девушек свою соседку, словно не замечая присутствия юноши.

— И не я! — ответила та.

— Как тебе не стыдно, Энни! — молвила третья.

— Если б я что и бросила, то уж никак не это!

— А кого стесняться-то? Подумаешь!

Они захихикали и продолжали работать, не подымая глаз и не переставая препираться, — для вида.

Джуд отер лицо и язвительно заметил, обращаясь к той, что стояла выше по течению:

— О нет, конечно, это не ты!

Девушка, с которой он заговорил, была миловидная и темноглазая, не то чтобы красавица, однако издали сошла бы и за красивую, несмотря на обветренную кожу и грубоватые черты. У нее была округлая, пышная грудь, полные губы и великолепные зубы, а прекрасный цвет лица напоминал цвет яиц кохинхинки. Словом, это была вполне законченная самка — но и только; Джуд мог почти ручаться, что именно ей пришло в голову прервать его размышления о творениях великих гуманитариев, чтобы привлечь его внимание к обычной жизни вокруг.

— А кто, не угадаешь! — Задорно сказала она.

— Да кто бы ни был, это же разбазаривание чужого добра.

— Подумаешь!

— Ты, кажется, не прочь поболтать со мной?

— Что ж, если тебе охота.

— Мне перелезть, или ты подойдешь ко мне?

Быть может, она усмотрела в этом некую возможность; во всяком случае, при последних словах Джуда глаза смуглянки встретились с его глазами, и искра взаимопонимания пролетела между ними, немая вестница близости in posse[2], причем без всякой преднамеренности со стороны Джуда Фаули. Она заметила, что из них троих он выбрал именно ее, как в таких случаях и выбирают женщину, без обдуманного расчета на дальнейшее знакомство, а просто подчиняясь неумолимому приказу из «штабквартиры», который бедные мужчины получают, сами того не ведая, в тот момент, когда в их намерения меньше всего входит заниматься женщинами.

Вскочив на ноги, она сказала:

— Принеси мне то, что там лежит.

Джуд понял, что она делает ему знак подойти,

---

[2] Примечания: 2
Предполагаемой, возможной (лат.).

а вовсе не печется о чужом добре. Он поставил на землю корзину с инструментами, подцепил палкой брошенный кусок и, раздвинув кусты, перемахнул через изгородь. Они шли параллельно друг другу, каждый по своему берегу ручья, к маленьким деревянным мосткам. Подходя к ним, девушка незаметно для Джуда ловко втянула сначала одну щеку, потом другую, и после этого любопытного и оригинального упражнения на их гладкой и округлой поверхности, словно по волшебству, появились восхитительные ямочки, которые она умела сохранять, пока улыбалась. Делать ямочки, когда вздумается, — не столь уж важное открытие, многие это пробуют, однако не у всех это получается.

Они сошлись на середине мостков, и Джуд, возвращая девушке ее метательный снаряд, казалось, ждал объяснений, зачем она прибегла к этому новому виду артиллерии, чтобы столь дерзко остановить его. Она могла и просто окликнуть. Но она лукаво смотрела в сторону и, опершись о перила, раскачивалась взад и вперед; наконец, подстрекаемая девичьим любопытством, укоризненно взглянула на него:

— Уж не подумал ли ты, что это я в тебя кинула?

— Нет, что ты.

— Мы ведь для моего отца стараемся, а он не любит, когда что-нибудь пропадает. Он делает из этого мазь, кожу смазывать.

— Интересно, чего это им вздумалось бросаться? — сказал Джуд, из вежливости сделав вид, будто поверил ее словам, хотя и сильно сомневался в их правдивости.

— Они бесстыдницы. Только не болтай, будто это я! Ладно?

— Что мне болтать? Я даже не знаю, как тебя зовут.

— Ах, верно. Сказать?

— Скажи!

— Арабелла Донн. Я здесь живу.

— Если б я часто ходил этой дорогой, я бы знал. Но обычно я иду прямо по большаку.

— Мой отец разводит свиней, а эти девушки помогают мне промывать требуху для кровяной колбасы.

Так они болтали, слово за слово, продолжая стоять, опершись о перила и приглядываясь друг к другу. Немой призыв женщины к мужчине, столь отчетливо выраженный в Арабелле, удерживал Джуда на месте, вопреки его намерению, почти вопреки его воле, и это ощущение было для него

внове. Не будет преувеличением сказать, что до этого момента Джуд никогда не видел в женщине — женщину и на женский пол смотрел как на нечто, находящееся вне его жизненных интересов и устремлений. Он переводил взгляд с глаз Арабеллы на ее губы, затем на грудь и на полные обнаженные руки, влажные, покрасневшие от холодной воды и крепкие, как мрамор.

— Какая ты хорошенькая! — пробормотал он, хотя не нужно было никаких слов, чтобы выразить всю глубину его очарованности ею.

— Ты бы поглядел на меня в воскресенье! — кокетливо отозвалась она.

— А можно? — спросил он.

— Твое дело решать. Сейчас за мной никто не ухаживает, но мало ли что может случиться через недельку-другую.

Она сказала это без улыбки, и ямочки на ее щеках исчезли.

Джуд чувствовал, будто его несет куда-то, но ничего не мог с этим поделать.

— Ты мне позволишь?

— Попробуй.

Она на миг отвернулась, проделала уже упомянутый фокус со своей щекой, и ей удалось восстановить одну из своих ямочек. Джуд по-

прежнему ничего не замечал и видел одну только ее красоту.

— В следующее воскресенье? — отважился он. — Значит, завтра?

— Да.

— Зайти за тобой?

— Да.

Она вспыхнула от удовольствия, что одержала победу, и ответила ему почти нежным взглядом, а потом вернулась по травянистому берегу ручья к своим подружкам.

Джуд Фаули взвалил на плечи корзину с инструментами и пошел своей дорогой, все еще не отрешившись от охватившего его возбуждения. Он впервые окунулся в какую-то новую для него атмосферу, которая окружала его всегда и всюду, только он не замечал ее, потому что как бы, отделен был от нее стеклянной стеной. И, незаметно для него самого, все его намерения — читать, работать и учиться, которые он так точно сформулировал всего несколько минут назад, оказались вдруг отодвинутыми на задний план.

«Ладно, это всего-навсего легкое развлечение», — уговаривал он себя, смутно сознавая, что грешит против истины, так как уже ясно понял, что в самой натуре этой девушки, влекущей

его к себе, недостает каких-то качеств, зато других, очевидно, в избытке, именно тех, которые внушили ему, что он хочет поухаживать за ней только для развлечения; они были явно враждебны той половине его «я», которая связана с его литературными занятиями и светлыми мечтами о Кристминстере. Девушка целомудренная не выбрала бы такой метательный снаряд для своей атаки на него. Джуд словно прозрел, но лишь на миг, — так при свете падающей лампы человек может мельком различить надпись на стене, прежде чем его окутает тьма. В следующую же секунду дар прозрения покинул его, и Джуд позабыл обо всем, захваченный еще не изведанной бурной радостью, что открыл новый источник душевных переживаний, о существовании которого он и не подозревал, хотя источник этот всегда был рядом. В первое же воскресенье он встретится с этой воспламеняющей его представительницей другого пола.

Девушка тем временем присоединилась к подругам и опять принялась за свиную требуху, окуная и полоща ее в холодной воде.

— Подцепила ухажера, милая? — коротко спросила одна из девушек, по имени Энни.

— Не знаю. Лучше бы я бросила в него чем-ни-

будь другим, только не этим! — с сожалением прошептала Арабелла.

— Подумаешь, велика птица, хотя ты, наверно, этого и не знаешь. Он развозил хлеб в повозке старой Друзиллы Фаули, что из Мэригрин, пока не поступил в ученье в Элфредстоне. С тех пор он задрал нос и только и делает, что читает. Говорят, хочет стать ученым.

— А мне все равно, кто он и что, не думай, пожалуйста, деточка!

— Ладно, не представляйся! Нас не проведешь! Чего ж ты стояла и болтала с ним, если он тебе не нужен? Так или эдак, а он наивен, как малый ребенок. Я это сразу заметила, пока вы любезничали на мосту. Он так глядел на тебя, словно сроду женщин не видел. Да его подцепит любая, которая сумеет хоть чуть-чуть приглянуться ему и не поленится состряпать это дельце.

VII

На другой день пополудни Джуд Фаули в нерешительности стоял посреди своей спальни на чердаке, поглядывая то на книги, лежащие на столе, то на темное пятно на штукатурке над ними, образовавшееся за последние месяцы от коптившей лампы.

Было воскресенье, прошло уже двадцать четыре часа после его встречи с Арабеллой Донн. Всю прошедшую неделю он думал о том, что посвятит этот день особой цели — перечитает Евангелие по-гречески в новом издании с более четким шрифтом, чем старое, точно следующее грисбаховскому тексту, с поправками, предложенными многочисленными исследователями, и разночтениями на полях. Он гордился этой книгой, полученной им от лондонского издателя, которому отважился сам написать, чего никогда прежде не делал.

Он предвкушал большое удовольствие от сегодняшнего чтения под тихой кровлей бабкиного дома, где он ночевал теперь лишь дважды в неделю. Но вчера произошло нечто новое в мирном и

гладком течении его жизни — произошел какой-то перелом, и он чувствовал себя словно змея, которая сбросила свою зимнюю кожу и еще не может оценить яркость и чувствительность новой.

Не пойдет он к ней на свидание, вот и все. Он сел, раскрыл книгу, уперся локтями в стол и, сжав руками виски, начал с самого начала:

Η ΚΑΙΝΗ ΔΙΑΘΗΚΗ.[3]

Разве он обещал зайти за ней? Ну да, обещал! Она будет ждать его дома, бедняжка, и потеряет из-за него весь день. Да что там обещание, просто есть в ней что-то соблазнительное, манящее. Не следует обманывать ее доверие. Ну что ж, что для чтения у него лишь воскресные дни да вечера в будни, может же он позволить себе погулять хотя бы полдня, ведь другие молодые люди вон сколько гуляют. Вряд ли он будет с ней еще встречаться. Об этом даже и думать нечего, если учесть, какие у него планы.

И вот, словно чья-то властная рука, обладающая огромной силой, схватила его и повлекла, не считаясь с настроениями и влияниями, руководившими им прежде. Вопреки его разуму, воле

---

[3] Примечания: 3
Новый завет (греч.).

и так называемым возвышенным стремлениям, она потащила его, как разгневанный учитель тащит за шиворот ученика, — прямо в объятия женщины, к которой он не питал никакого уважения и с которой у него не было ничего общего, кроме того, что они жили в одной местности.

Н ΚΑΙΝΗ ΔΙΑΘΗΚΗ был предан забвению и, лишенный выбора, Джуд вскочил и бросился к двери. Предвидя такой оборот дела, он заранее надел свой лучший костюм. Через три минуты он был уже далеко и начал спускаться по тропинке, пересекавшей широкое невспаханное поле, лежащее в котловине между деревней и домом Арабеллы, в одиночестве стоявшем на склоне холма за пределами нагорья.

На ходу он взглянул на часы. Он легко может обернуться за два часа, так что останется еще уйма времени, чтобы почитать после чая.

Миновав несколько чахлых елок и хижину, где тропинка сливалась с большаком, он прибавил шагу и свернул влево, вниз по крутому склону к западу от Бурого Дома. Здесь, у подножья холма, он достиг ручья, пробивавшегося сквозь меловую породу, и, следуя по его течению, добрался до ее дома. С заднего двора доносился запах свинарника и хрюканье виновников этого запаха. Он

вошел в палисадник и постучал в дверь набалдашником палки.

Кто-то увидел его в окно, так как мужской голос в доме произнес:

— Арабелла! Смотри-ка, твой ухажер пришел! Беги, дочка.

Джуда передернуло. Меньше всего он думал о том, чтобы ухаживать с серьезными намерениями, что, очевидно, имел в виду говоривший. Он собирался пройтись с ней, быть может, поцеловать ее, но «ухаживать» хладнокровно, расчётливо претило его взглядам. Ему открыли, и он вошел в дом как раз в ту минуту, когда Арабелла, разодетая для прогулки, спускалась с лестницы…

— Присядьте, пожалуйста, мистер… как вас там зовут, — сказал ее отец, энергичный мужчина с черными баками, тем же деловым тоном, какой Джуд услышал еще на улице.

— Уйдем сразу, ты как? — шепнула она Джуду.

— Хорошо, — ответил он. — Мы прогуляемся до Бурого Дома и обратно, это всего полчаса.

Арабелла в этом неряшливом окружении выглядела почти красавицей, и он был рад, что пришел, а все опасения, донимавшие его, улетучились.

Сперва они взобрались на вершину высокого мелового холма. Джуд время от времени подавал ей руку, чтобы помочь при подъеме. Потом свернули влево; вдоль гребня на римскую дорогу и шли по ней до пересечения с проезжей возле вышеупомянутого Бурого Дома, то есть до того места, где когда-то он так страстно желал увидеть Кристминстер. Но сейчас он об этом позабыл. Он болтал с Арабеллой о разных пустяках с гораздо большим воодушевлением, чем если бы ему пришлось обсуждать философские проблемы с преподавателями его еще так недавно обожаемого университета, и миновал то место, где когда-то стоял, коленопреклоненный, перед Дианой и Фебом, даже не вспомнив, что такие личности вообще существуют в мифологии или что солнце может быть чем-либо иным, кроме светильника, пригодного лишь для того, чтобы озарять лицо Арабеллы. Ноги словно сами несли его, и Джуд, начинающий ученый, будущий доктор богословия, профессор, епископ и прочая, и прочая, был польщен и счастлив тем, что эта деревенская красотка соизволила выйти с ним на прогулку в своем праздничном наряде.

Они дошли до амбара под названием Бурый Дом, откуда Джуд собирался повернуть назад.

Они обозревали открывшиеся на север просторы, как вдруг их внимание привлек густой столб дыма, поднявшийся рядом с маленьким городком; который находился внизу на расстоянии мили или двух от них.

— Пожар! — сказала Арабелла. — Сбегаем поглядим? Ну, пожалуйста! Это недалеко!

Под наплывом нежности Джуд был просто не в силах возражать и даже обрадовался этой просьбе, так как она служила ему оправданием, чтобы побыть с Арабеллой подольше. Они почти бегом спустились с холма и, лишь пройдя с милю по равнине, поняли, что пожар гораздо дальше, чем им показалось.

Но, уже начав свой путь, они поспешили дальше и только к пяти часам оказались на месте происшествия в шести милях от Мэригрин и в трех от дома Арабеллы. Пожар потушили еще до них, они бегло осмотрели печальные останки и пошли обратно. Путь их лежал через Элфредстон.

Арабелла сказала, что не прочь выпить чаю, и они зашли в дешевый трактир. Так как они заказали чай, а не пиво, ждать предстояло долго. Служанка с удивлением узнала Джуда и зашепталась с хозяйкой в глубине комнаты, — дескать,

это тот самый студент, «который всех чурался», а теперь вдруг вот до чего докатился: водит компанию с Арабеллой. Последняя угадала, о чем речь, и, встретив серьезный и нежный взгляд своего поклонника, засмеялась вульгарным торжествующим смехом легкомысленной женщины, которая знает, что выигрывает игру.

Они сидели и рассматривали комнату: картину на стене, изображавшую Самсона и Далилу, круглые пятна от пивных кружек на столике, плевательницы с опилками под ногами. Все это производило на Джуда то удручающее впечатление, какое может произвести пивная в воскресный вечер, когда в окно заглядывают косые лучи заходящего солнца, заказа долго не подают и злосчастный путник чувствует, что другого прибежища у него нет.

Начинало смеркаться. Они решили, что ждать чая больше не стоит.

— Но что же делать? — спросил Джуд. — До твоего дома еще три мили.

— Пожалуй, можно выпить пива, — предложила Арабелла.

— Пива? Верно. Мне и в голову не пришло. Только чудно все-таки в воскресный вечер идти в трактир ради пива.

— Но мы не ради этого шли сюда.

— Нет, конечно.

Джуду вдруг захотелось прочь из этой чуждой ему атмосферы; однако он заказал пива, каковое тут же и было подано.

Арабелла попробовала его.

— Фу! — сказала она.

Затем попробовал Джуд.

— А что в нем особенного? — спросил он. — Правда, я мало что смыслю в пиве. Я люблю его, только оно мешает, когда читаешь, кофе, по-моему, лучше. Ну, а это пиво, как пиво, мне кажется.

— Подмешанное, я его в рот не возьму! — И, к большому удивлению Джуда, она назвала три или четыре составных части, которые она распробовала в напитке, не считая солода и хмеля.

— Как много ты знаешь! — заметил он добродушно.

Тем не менее она снова взялась за пиво и выпила всю кружку, после чего они двинулись в путь. Было уже темно, и чем дальше они уходили от огней города, тем ближе старались держаться друг к другу, пока их руки не встретились. Она спрашивала себя, почему он не обнимет ее, но он этого не сделал и лишь промолвил:

— Возьми меня под руку.

Уже одно это казалось ему неслыханной дерзостью.

Она подхватила его под руку у самого плеча. Он ощутил тепло ее тела и, переложив палку под мышку, взял ее правую руку в свою.

— Вот теперь мы совсем-совсем вместе, дорогая, правда? — сказал он.

— Да, — отозвалась она, а про себя добавила: «Тюфяк!»

«Вот каким я стал волокитой!» — подумал он.

Так они дошли до подножья нагорья и увидели перед собой проезжую дорогу, — белея во мраке, она уходила вверх. Чтобы попасть отсюда к дому Арабеллы, надо было сначала взобраться по склону, а потом спуститься в долину направо. Сделав всего несколько шагов вверх, они чуть не наткнулись на двух мужчин, бесшумно ступавших по траве.

— Ох, уж эти влюбленные… любая непогода им нипочем… Им да бездомным собакам, — проворчал один из мужчин, исчезая во мраке у подножья холма.

Арабелла хихикнула.

— Мы влюбленные? — спросил Джуд.

— Тебе виднее.

— Ну, а ты-то как думаешь?

Вместо ответа она склонила голову ему на плечо. Джуд понял намек и, обняв ее, притянул к себе и поцеловал.

Они шли теперь не под руку, а обнявшись, как ей и хотелось. В конце концов, какое это имеет значение, раз их никто не видит, говорил себе Джуд. Дойдя до середины длинного подъема, они, словно по уговору, остановились, и он опять поцеловал ее. На вершине он поцеловал ее еще раз.

— Руку можешь не отнимать, если тебе так нравится, — тихо сказала она.

Он послушался, думая о том, какая она доверчивая.

Так не спеша они приближались к ее дому. Свой, дом он покинул в половине четвертого, собираясь снова засесть за Новый завет в половине шестого. Но было уже девять, когда он, обняв Арабеллу последний раз, отпустил ее у порога отцовского дома.

Она попросила его зайти хотя бы на минуту, иначе могут подумать, будто она гуляла одна в такой темноте. Он согласился и вошел следом за ней. Как только дверь отворилась, он увидел, что, кроме ее родителей, в комнате сидят еще несколько соседей. Все приветствовали их так, словно поздравляли, всерьез принимая его за

жениха Арабеллы.

Это были чужие ему люди, он смутился и чувствовал себя не в своей тарелке. Он этого не хотел; приятная вечерняя прогулка с Арабеллой — вот все, что он имел в виду. Он не стал задерживаться, лишь сказал несколько слов ее мачехе, простой тихой женщине, неприметной ни лицом, ни характером, и, пожелав всем доброй ночи, с чувством облегчения выбрался на дорогу среди холмов.

Но облегчение он испытывал недолго: вскоре Арабелла вновь завладела его сердцем. Он шел, и ему казалось, будто он стал другим, не тем Джудом, каким был вчера. Что ему теперь книги? Что все его намерения не тратить попусту ни одной минуты, которых он до сих пор так строго придерживался? «Тратить попусту!» Все зависит от взгляда на вещи; сегодня он впервые живет, а не растрачивает жизнь. Любить женщину куда приятней, чем быть ученым, или священником, или даже самим папой!

Когда он вернулся домой, бабка уже легла спать, и на всех вещах, куда бы он ни посмотрел, казалось, лежала печать его небрежения. Он поднялся наверх, не зажигая лампы, и темная комната встретила его грустно и вопрошающе.

Раскрытая книга лежала так, как он ее оставил, и заглавные буквы на титуле, освещенные бледным светом звезд, с укоризной смотрели на него, словно незакрытые глаза мертвеца:

Η ΚΑΙΝΗ ΔΙΑΘΗΚΗ

Наутро Джуду пришлась встать рано, чтобы, как всегда, покинуть этот дом на неделю; в корзину поверх инструментов и прочих принадлежностей он бросил непрочитанную книгу, хотя и понимал всю тщетность своего намерения.

Свои любовные похождения он таил чуть ли не от самого себя. Арабелла же, напротив, сделала их достоянием всех друзей и знакомых.

Идя при свете дня той самой дорогой, по какой несколько часов назад он шел под покровом ночи со своей возлюбленной, Джуд спустился к подножию холма, замедлил шаг и остановился. На этом месте он поцеловал ее в первый раз. Солнце только что взошло, и, вполне вероятно, со вчерашнего вечера здесь никто еще не проходил. Джуд поглядел на землю и вздохнул. Присмотревшись получше, он различил на влажной пыли отпечатки ног: тут они стояли обнявшись. Сейчас ее здесь не было, но узоры воображения на холсте действительности так явственно дорисовали

вчерашнюю их встречу, что он почувствовал в сердце пустоту, которую ничто не могло заполнить. Тут же неподалеку стояла подстриженная ива, и ему она показалась непохожей на все остальные. Только через шесть дней он увидит Арабеллу снова, как обещал, но даже если бы жить ему оставалось всего одну неделю, самым горячим желанием его было бы поскорее перескочить через эти шесть дней.

Полутора часами позже по этой же дороге проходила со своими подружками Арабелла. Она равнодушно миновала то место, где он ее поцеловал, и памятную иву, не переставая откровенничать с подругами о вчерашнем.

— А что он сказал тебе потом?

— А потом он сказал… — И она почти слово в слово пересказала некоторые из самых нежных его речей.

Случись Джуду быть в это время за изгородью, он очень удивился бы, узнав, сколь немногие из его слов и поступков прошедшего вечера остались в тайне.

— Что и говорить, ты сумела вскружить ему голову! — рассудительно заметила Энни. — Хорошо таким, как ты!

— Голову-то я ему вскружила, это верно! — не

сразу отозвалась Арабелла каким-то до странности тихим, хищным голосом, в котором звучали чувственные нотки. — Но одного этого мне мало, пусть возьмет меня, пусть женится! Хочу его, и все тут. Жить не могу без него. Он как раз из таких мужчин, каких я обожаю. Я с ума сойду, если не отдамся ему! Я почувствовала это, как только его увидела!

— Ну, он парень не от мира сего, прямой и честный, ты легко заполучишь его в мужья, только лови по всем правилам…

Арабелла призадумалась.

— Какие такие правила? — спросила она.

— Ну уж тебе-то не знать! — сказала Сара, третья девушка.

— Честное слово, не знаю! Знаю только, дальше обычного ухаживанья и любезничанья он не пойдет!

Сара поглядела на Энни.

— Она не знает!

— Ясное дело, не знает! — сказала Энни.

— А еще в городе жила, — нечего сказать! Ну ладно, и мы можем кое-чему тебя научить, не только ты нас.

— Хорошо. Так какой же, по-вашему, верный способ завладеть мужчиной? Считайте меня ду-

рочкой, только скажите.

— Чтобы сделать его своим мужем?

— Конечно.

— Но это годится только для такого порядочного и серьезного деревенского парня, как он! Боже сохрани, чтоб я стала говорить о солдате, матросе, или торговом агенте из города, или вообще о тех, кто надувает бедных женщин! Ни одной подруге я не пожелаю такого лиха!

— Ах, ну понятное дело, такого, как он!

Подружки Арабеллы переглянулись и дурашливо закатили глаза, лица их расплылись в глупой ухмылке. Зачтем одна из них подошла к Арабелле и, хотя поблизости никого не было, зашептала ей что-то на ухо, между тем как другая с любопытством наблюдала, какое впечатление это произведет на Арабеллу.

— А-а! — протянула та. — Об этом, признаться, я не подумала!.. Ну, а вдруг он окажется непорядочный? Женщине лучше не идти на это!

— Волков бояться — в лес не ходить! Конечно, лучше сначала убедиться, что он порядочный. Ну да что там, с твоим ты ничем не рискуешь. Эх, подвернись мне такой случай! Многие девушки так поступают. Не то, думаешь, выходили бы вообще замуж?

Арабелла задумалась и продолжала идти молча.

— Попробую! — прошептала она, но так, чтобы они ее не слышали.

VIII

В одну из суббот Джуд, как обычно, шел из Элфредстона к своей бабке в Мэригрин: теперь его влекло туда нечто большее, чем желание повидаться с престарелой и ворчливой родственницей. Перед тем как подняться на холм, он взял вправо с единственной целью лишний раз повидать по пути Арабеллу; они встречались теперь регулярно. Еще не доходя до фермы, он зорким взглядом заприметил макушку Арабеллы, мелькавшую над садовой оградой. А войдя в калитку, увидел, что три молодых, еще не откормленных свиньи вырвались из загона, перепрыгнув через изгородь, и Арабелла пытается загнать их обратно через ворота, которые заранее открыла. При появлении Джуда выражение ее лица, изменилось, деловая сосредоточенность уступила место нежной влюбленности, и она устремила на него томный взгляд. Воспользовавшись заминкой, животные увернулись и дали тягу.

— Их только сегодня утром посадили в загон! — крикнула она, порываясь продолжать погоню, несмотря на присутствие кавалера. — Только вче-

ра их пригнали с фермы Спэдлхолт, отец отвалил за них немалые денежки. Они хотят вернуться домой, глупые чушки! Закрой-ка скорей садовую калитку, миленький, и помоги мне загнать их! Никого из мужчин нету дома, одна мать, и они удерут, если мы не помешаем.

Он взялся ей помочь и начал гоняться за свиньями прямо по грядам картофеля и капусты. Он то и дело сталкивался с Арабеллой и улучил момент, чтобы поцеловать ее. Первую свинью водворили на место сразу; со второй пришлось повозиться; третья же, длинноногая тварь, оказалась более упорной и увертливой. Она пролезла через дыру в садовой ограде и очутилась на дороге.

— Она удерет, если не догнать ее! — испугалась Арабелла. — Бежим вместе.

Она выбежала из сада следом за свиньей, Джуд — за нею, стараясь не упускать из виду беглянку. При случае они кричали какому-нибудь мальчишке, чтобы он остановил свинью, но та всякий раз увертывалась и неслась дальше.

— Дай мне руку, дорогая, — сказал Джуд. — Ты совсем запыхалась.

Она с готовностью протянула ему горячую руку, и, дальше они побежали вместе.

— А все оттого, что их сюда пригнали, — замети-

ла она. — Пригонишь — они всегда запоминают дорогу домой. Надо было везти их в повозке.

В это время свинья добежала до открытых ворот в околице и проскочила в них со всем проворством, на какие были способны ее ножки. Когда преследователи выбежали за ворота и поднялись на нагорье, стало ясно, что если они хотят догнать свинью, им придется пробежать весь путь до фермы. Отсюда, с высоты, свинья казалась крошечным пятнышком, она безошибочно неслась к своему родному дому.

— Ничего не поделаешь! — воскликнула Арабелла. — Она будет там намного раньше нас. Но теперь это не важно, раз мы знаем, что она не пропала и ее не украли по дороге. Там увидят, что это наша свинья, и отошлют назад. Ах, боже мой, как мне жарко!

И, не выпуская руки Джуда, она свернула в сторону и бросилась на траву под чахлым боярышником, так что Джуд стремительно упал на колени.

— Ой, господи, чуть не свалила тебя! Ну и устала я!

Она лежала на спине, вытянувшись во весь рост, на травянистом склоне холма и смотрела в голубую высь, все еще не выпуская из своей

горячей руки руку Джуда. Он прилег подле нее, опершись на локоть.

— Столько бежали — и все зря, — продолжала она; грудь ее часто вздымалась и опускалась, щеки горели, пухлые красные губы полураскрылись, на коже проступила испарина. — Ну, что же ты молчишь, миленький?

— Я тоже запыхался. Бежали-то все время в гору.

Они были совсем одни — такое полное одиночество ощущаешь, только когда вокруг широкое открытое пространство. Никто не мог бы подойти к ним незамеченным ближе чем на милю. Они находились на одном из самых высоких холмов в графстве, и оттуда, где они лежали, можно было разглядеть вдалеке окрестности Кристминстера. Но сейчас Джуд об этом не думал.

— Ой, какая хорошенькая козявка вон там, на дереве! — сказала Арабелла. — Похоже, гусеница, зеленая с желтым, никогда не видела такой красивой!

— Где? — спросил Джуд, приподнимаясь.

— Так тебе не увидеть, придвинься ко мне, — сказала она.

Он перегнулся через нее, и их головы сблизились.

— Все равно не вижу, — сказал он.

— Да вон на суку, где он выходит из ствола. Там еще листочек дрожит, ну? — она ласково притянула его к себе.

— Не вижу, — повторил он, упираясь затылком в ее щеку. — Может, встать, тогда увижу.

Он поднялся и встал так, чтобы проследить за ее взглядом.

— Какой ты глупый! — бросила она сердито и отвернулась.

— Да я и не хочу ее видеть, милая, на что она мне? — молвил он, глядя на нее сверху. — Встань, Эбби.

— Зачем?

— Я хочу тебя поцеловать. Я все время только об этом и думал!

Она склонила набок голову, с минуту искоса с вызовом разглядывала его, потом презрительно скривила губы, вскочила и, сказав отрывисто: «Ну, мне пора идти!» — быстро пошла домой.

Джуд бросился вслед и догнал ее.

— Один только раз! — попросил он.

— Не желаю! — отрезала она.

Он удивился:

— Что случилось?

Она недовольно поджала губы, и Джуд плелся за

ней, как ягненок, пока она не замедлила шаг и не пошла с ним рядом, спокойно заговорив о посторонних вещах, но каждый раз, когда он пытался взять ее за руку или обнять, она останавливала его. Так они спустились к ограде отцовской фермы, и Арабелла пошла домой, кивнув ему на прощанье с надменным и оскорбленным видом.

«Наверное, я все-таки вел себя с ней слишком вольно», — подумал он со вздохом и отправился в Мэригрин.

В воскресенье утром в доме Арабеллы, как всегда, полным ходом шла стряпня — особые приготовления к воскресному обеду. Ее отец брился перед маленьким зеркальцем, подвешенным к оконной раме, а сама Арабелла и ее мачеха тут же чистили бобы. Соседка, возвращаясь с утренней службы из ближайшей церкви, заметив бившегося у окна Донна, кивнула ему и зашла в дом.

— А я видела, как ты бежала кое с кем, хи-хи! Ну как, дело идет на лад? — с места в карьер игриво обратилась она к Арабелле.

Не подымая глаз, Арабелла сделала непроницаемое лицо.

— Я слышала, он собирается в Кристминстер, как только подвернется случай.

— Вы это слышали недавно… совсем недав-

но? — выдавила из себя Арабелла, чуть не задохнувшись от ревности и злобы.

— Нет! Это давным-давно известно, что он туда собирается. Все ждет удобного момента. Ну, а пока гулять ему все равно с кем-нибудь надо. Молодые люди нынче ненадежные. Здесь попасутся, там — и нет их. Не то что в наше время.

Когда сплетница убралась восвояси, Арабелла вдруг заявила мачехе:

— Я хочу, чтобы вы с отцом пошли вечером, после чая, проведать Эдлинов. Или нет… сегодня служат вечерню в Фенсворте, можете пойти туда.

— Почему? Что такое будет сегодня вечером?

— Ничего. Просто я хочу остаться дома одна. Он слишком робок, и мне не зазвать его сюда, если вы будете дома. Раз уж я имею к нему интерес, придется постараться, не то он ускользнет у меня из-под носа.

— Если погода будет хорошая, мы можем и пройтись, коли тебе так хочется.

Под вечер Арабелла вышла погулять с Джудом, который вот уже несколько недель не брал в руки книги: ни греческой, ни латинской, ни какой другой. Они направились вверх по склону и добрались до заросшей травою дороги, а по ней

вдоль кряжа до земляного вала в виде кольца, возведенного еще бриттами; Джуд размышлял о древней эпохе, в которую была проложена дорога, и о погонщиках, которые проходили по ней в те времена, когда римляне, быть может, еще не знали этой страны. С равнины до них донесся перезвон колоколов. Вскоре он перешел на монотонный бой, а потом совсем затих.

— Теперь пойдем назад, — сказала Арабелла, которая внимательно слушала колокольный звон.

Джуд не возражал. Пока он был с ней, ему было все равно, куда идти. Но вот они подошли к ее дому, и он сказал нерешительно:

— К тебе я не пойду. Почему ты сегодня так спешишь уйти? Ведь еще совсем светло.

— Погоди.

Она подергала за ручку двери и убедилась, что дверь заперта.

— А!.. Ушли в церковь, — сказала она.

И, пошарив за железной скобой, нашла ключ и отперла дверь.

— А теперь ты зайдешь на минутку? — спросила она небрежно. — Мы будем совсем одни.

— Конечно, — с готовностью откликнулся Джуд, обрадованный столь неожиданной переменой обстоятельств.

Они вошли. Не хочет ли он чаю? Нет, слишком поздно, лучше он посидит и поболтает с ней. Она сняла жакетку и шляпу, и они уселись — разумеется, рядышком.

— Только, пожалуйста, не трогай меня, — игриво сказала она. — Я теперь совсем хрупкая стала. Или лучше я переложу его в место понадежней.

И она стала расстегивать ворот платья.

— Что там у тебя? — удивился Джуд.

— Яйцо. От кохинхинки. Я хочу вывести очень редкую породу. И всюду ношу его с собой. Недели через три, а то и раньше, вылупится цыпленок.

— Где же ты его прячешь?

— А вот здесь.

Она запустила руку за пазуху и вытащила яйцо, обернутое шерстью, а поверх для безопасности свиным пузырем. Показав ему яйцо, она спрятала его обратно.

— Так что помни: меня трогать нельзя. Я не хочу, чтобы оно разбилось, — тогда придется начинать все сначала.

— Что за странное занятие?

— Это давнишний обычай. По-моему, ничего странного, если женщина хочет произвести на свет живое существо.

— Но для меня сейчас это большое неудоб-

ство! — со смехом сказал он.

— И поделом! Вот все, что ты можешь получить от меня.

Она повернулась вместе со стулом и, перегнувшись через спинку, тихонько подставила ему щеку.

— Как жестоко ты со мной обходишься!

— А ты бы поймал меня минутой раньше, когда я вынимала яйцо! Вот! — вызывающе сказала она. — У меня его сейчас нет!

Она снова быстро вытащила яйцо, но, прежде чем он успел ее схватить, так же быстро спрятала его обратно, заразительно смеясь своей уловке. Завязалась короткая борьба. Джуд сунул руку ей за пазуху и торжествующе завладел яйцом. Она вспыхнула, он опомнился и тоже покраснел.

Тяжело дыша, они глядели друг на друга, наконец он встал и сказал:

— Один только поцелуй, теперь я могу сделать это, не нанося ущерба твоей собственности. А потом уйду!

Но она уже вскочила и, крикнув ему:

— Сначала найди меня! — убежала.

Джуд последовал за ней. В комнате уже стало темно, окно было маленькое, и он долго не мог разглядеть, куда она девалась, пока смех не выдал

ее. Оказалось, она взбежала по лестнице, и тогда Джуд бросился за ней по пятам.

IX

Прошло еще два месяца, и все это время парочка постоянно встречалась, Арабелла, казалось, была чем-то недовольна; она все время строила предположения, ждала, недоумевала.

Однажды она встретила бродячего лекаря Вильберта. Как все местные жители, она хорошо знала этого знахаря и завела с ним разговор о своих делах. До встречи с Вильбертом Арабелла была мрачна, но после разговора с ним повеселела. В тот же вечер она пришла на свидание с Джудом; вид у него был грустный.

— Я уезжаю, — объявил он ей. — Думаю, мне следует уехать. Так, кажется, будет лучше для нас обоих. Ах, если бы между нами ничего не было! Знаю, во всем виноват я. Но никогда не поздно поправить дело.

Арабелла заплакала.

— Откуда ты знаешь, что не поздно? — сказала она. — Тебе хорошо так говорить! Я еще тебе ничего не сказала! — И она поглядела ему в лицо глазами, полными слез.

— Как! — спросил он, бледнея. — Неужели?..

— Да! А что я буду делать, если ты меня бросишь?

— Арабелла, милая, как ты можешь так говорить! Будь спокойна, я тебя не брошу!

— Ну, тогда…

— Сейчас я почти ничего не зарабатываю, ты сама знаешь… Только, пожалуй, мне следовало раньше подумать об этом… Но уж раз такое случилось, мы должны пожениться. Неужели ты думаешь, я могу поступить иначе?

— Я думала… я думала, миленький, из-за этого ты, может, еще скорее уедешь и оставишь меня с этим одну!

— Хорошо же ты меня знаешь! Правда, полгода или даже три месяца назад я и не помышлял о женитьбе. Это разрушает все мои планы — я имею в виду те планы, дорогая, что я строил еще до знакомства с тобой. Но, в конце концов, что такое планы! Мечты о книгах, степенях, недосягаемом положении и тому подобном. Ну конечно же, мы поженимся — мы должны это сделать!

В ту же ночь он пошел бродить один в темноте, рассуждая сам с собой. В глубине души он хорошо, даже слишком хорошо понимал, что Арабелла как жена немногого стоит. Однако так было принято поступать среди честных деревенских

парней, когда они заходили слишком далеко в любовных отношениях с девушками; он имел несчастье это сделать и был готов сдержать свое слово и нести ответственность за последствия. Самоуспокоения ради он убеждал себя, что верит ей. Не сама Арабелла, а его отношение к ней — вот что важно, твердил он себе.

В следующее же воскресенье в церкви были оглашены их имена. Весь приход говорил о том, какой простофиля молодой Фаули. Вот к чему свелось его чтение: ему придется продать свои книги, чтобы купить кастрюли. Те же, кто угадывал истинное положение дел, — среди них были и родители Арабеллы, — утверждали, что другого поведения они и не ожидали от такого честного парня, как Джуд, дескать, этим он искупит вину перед своей чистой возлюбленной. Священник, венчавший их, как будто тоже одобрял этот брак.

И вот, стоя перед вышеназванным священнослужителем, эти двое дали клятву, что отныне и до конца жизни, доколе смерть не разлучит их, вера, чувства и желания их пребудут такими же, какими были они в последние недели. Но не менее замечательным, чем сама клятва, было то, что никто, казалось, не удивился ей.

Бабка Джуда, булочница, испекла свадебный пирог, сказав с горечью, что это последнее, что она может сделать для него, бедного простачка, и что лучше бы ему давно сойти в могилу с отцом и матерью, чем жить ей на горе. Арабелла отрезала от пирога несколько кусков, завернула их в белую почтовую бумагу и отослала своим подружкам, Энни и Саре, участвовавшим в истории со свиной требухой, написав на каждом свертке: «В благодарность за хороший совет».

Конечно, вначале дела у молодоженов обстояли не блестяще, даже на самый оптимистический взгляд. Подмастерье каменщика, девятнадцати лет отроду, на половинном жалованье, пока не кончится испытательный срок, — вот кем был Джуд. Жена ничем не могла быть полезна ему в условиях города, где он на первых порах предполагал поселиться. Однако крайняя необходимость хоть немного увеличить доходы вынудила его снять домик в уединенном месте у дороги между Бурым Домом и Мэригрин, чтобы можно было подзарабатывать на овощах с огорода и держать свинью, используя прежний опыт Арабеллы. Разумеется, это была не та жизнь, о какой он мечтал, к тому же ему приходилось каждый день совершать длинный путь до Элфредстона и

обратно. Арабелла, однако, полагала, что все это лишь временные затруднения; она заполучила мужа — вот что главное; мужа, который будет зарабатывать ей деньги на наряды и шляпки, как только она приберет его к рукам и заставит заниматься делом, а эти дурацкие книжки вовсе забросить.

Итак, вечером после свадьбы он привел ее в этот дом, покинув свою старую комнатушку у бабки, где он потратил столько труда на латынь и греческий.

Его постигло легкое разочарование, когда он в первый раз наблюдал, как Арабелла раздевается. Длинная коса, которую она огромным узлом закручивала на макушке, была преспокойна отвязана, расчесана и повешена на зеркале, которое он ей подарил.

— Как? Значит, это не твои волосы? — спросил он, вдруг почувствовав к ней неприязнь.

— Разумеется, нет, в хорошем обществе теперь никто не носит своих.

— Глупости! В городе, может быть, и так. Но в деревне, мне кажется, совсем другое дело. К тому же у тебя и своих волос хватает, по-моему.

— На деревенский вкус хватает. А в городе мужчинам нравится, чтобы было больше, и когда я

служила буфетчицей в Олдбрикхеме…

— Буфетчицей в Олдбрикхеме?

— Ну, собственно, не буфетчицей… я разливала пиво в трактире… совсем недолго, а что? Кто-то посоветовал мне завести косу, и я купила ее, так просто, для баловства. Чем больше волос, тем красивей, так считается в Олдбрикхеме, а это город почище твоего Кристминстера. Все благородные дамы носят накладные волосы, мне ученик парикмахера говорил.

Джуд с болью подумал, что, возможно, это и так, а все-таки, насколько ему известно, многие неиспорченные девушки, уехавшие в город, живут там годами, сохраняя простоту и в образе жизни, и во внешнем облике. У других, к сожалению, любовь ко всему искусственному в крови, и они с налету схватывают всякую подделку. А впрочем, пожалуй, нет большого греха в том, что женщина хочет прибавить себе немножко волос, и он решил больше об этом не думать.

В течение первых недель новоиспеченная жена всегда возбуждает интерес, даже если будущее семьи и ее доходы неопределенны. Есть в ее положении и в отношениях ее со знакомыми некая пикантность, которая скрашивает унылую действительность и на время уносит даже

самую робкую новобрачную из мира реальности. Как-то в базарный день миссис Джуд Фаули шла по улицам Элфредстона именно в таком настроении духа и повстречала свою давнишнюю приятельницу Энни, с которой не виделась со дня свадьбы.

Сначала они, по обыкновению, захихикали; жизнь казалась им настолько веселой, что этого нельзя было и выразить словами.

— Вот видишь, дело выгорело! — заметила девица. — Ну да с таким, как он, иначе и быть не могло, я это знала. Он славный и добрый малый, и ты должна им гордиться.

— Я и горжусь — спокойно отвечала миссис Фаули.

— Ну, а когда ты ждешь?..

— Тсс! Я ничего не жду.

— Как так?

— Я ошиблась.

— Ах, Арабелла, Арабелла, ну и лиса ты! Ошиблась? Ничего не скажешь, умно, просто-таки ловко! Уж на что я опытная, а до такого никогда бы не додумалась! Я думала, ребенок так ребенок, но чтобы притвориться!

— Не спеши кричать о притворстве! Я вовсе не притворялась. Я не знала.

— Помяни мое слово, и взбесится же он, когда узнает! Задаст он тебе перцу под праздничек! Что бы там ни было, он все равно скажет, что это обман, и притом двойной, вот те крест!

— В первом я признаюсь, а во втором нет… Подумаешь, ему-то не все равно? Он даже обрадуется, что я ошиблась. Ничего, стерпит. Мужчины все одинаковы, а что им еще остается? Раз женился, деваться некуда.

Тем не менее Арабелла с некоторой опаской ждала той поры, когда ей волей-неволей придется признаться, что тревогу она подняла напрасно. Случай представился как-то вечером перед отходом ко сну. Они были в спальне, в своем уединенном домике, стоявшем у дороги, куда Джуд каждый день возвращался с работы. В тот день он проработал целых двенадцать часов и лег спать раньше жены. Когда она вошла в комнату, он уже успел задремать и лишь смутно видел, как она раздевается перед небольшим зеркалом.

Однако что-то в ее поведении заставило его очнуться. Она сидела так, что ему видно было в зеркале ее лицо, и он заметил, что она развлекается, делая на щеках ямочки, о которых уже говорилось, — этим удивительным искусством она владела в совершенстве и результата добива-

лась мгновенно. И он вдруг подумал, что ямочки на ее щеках появляются значительно реже, чем в первые недели их знакомства.

— Не делай этого, Арабелла! — воскликнул он. — Ничего дурного в этом нет, но… мне неприятно смотреть на тебя.

Она обернулась и засмеялась.

— О, господи, я и не знала, что ты проснулся! — сказала она. — Какой ты дурачок! Ну что тут такого?

— Где ты этому научилась?

— А я и не училась. Когда я служила в трактире, они у меня держались сколько хочешь, а теперь не держатся. Тогда лицо было полнее.

— Мне не нравятся ямочки. Они не красят женщину, особенно замужнюю и такую полную, как ты.

— Большинство мужчин думает иначе.

— Какое мне дело, что думает большинство мужчин? И откуда ты это знаешь?

— Мне часто говорили, когда я служила в пивной.

— Опять эта пивная! Вот почему ты узнала, что пиво, подмешанное, когда мы зашли в трактир в тот воскресный вечер. Я-то думал, когда женился, что ты всегда жила в отцовском доме.

— Мог бы и раньше сообразить. Думаешь, я бы так обтесалась, если бы все время жила при родителях? Делать мне дома было особенно нечего, я больше проедала, чем пользы приносила, вот и уехала на три месяца.

— Ну, ничего, скоро у тебя дел прибавится? не так ли?

— Ты это о чем?

— Ну как же… готовить все для маленького.

— А!

— Когда это будет? Можешь ты мне точно сказать, а не увиливать, как всегда?

— Сказать?

— Да — твой срок.

— Так ведь нечего и говорить. Я ошиблась.

— Что такое?

— Это была ошибка.

Он сел в постели и посмотрел на нее.

— Как это может быть?

— Что ж, женщины иногда обманываются в своих предположениях.

— Но… Ведь все случилось так неожиданно для меня, мебели никакой, мы почти без гроша. Я бы не стал спешить с нашей свадьбой и не привел бы тебя в полупустую хижину, так вот, совсем не подготовившись, если б не новость, которую

ты мне сообщила… Тут уж готов не готов… надо было выручать тебя… Боже правый!

— Не расстраивайся, голубчик! Сделанного не воротишь.

— Мне больше нечего сказать! — просто ответил он и лег; разговор на этом кончился.

Проснувшись наутро, Джуд словно взглянул на мир другими глазами. Тогда он просто не мог не поверить ей и, раз такое случилось, не мог и поступить иначе, подчиняясь общепринятой морали. Но вот как могло случиться, что он оказался во власти этой морали?

Он смутно чувствовал, что не все ладно в общественном устройстве, которое заставляет отказаться от тщательно продуманных планов и закрывает перед человеком единственную возможность проявить себя существом высшего порядка и внести свою лепту в дело общего прогресса своего поколения, — и все только потому, что он был застигнут врасплох неожиданно пробудившимся инстинктом, который ничего общего не имеет с пороком и, в худшем случае, может быть назван слабостью. Ему хотелось спросить, что такого сделал он или что потеряла она, зачем надо было толкать его в этот капкан, который искалечит его, а быть может, и ее на всю

жизнь. Пожалуй, даже удачно, что той причины, по которой он поспешил вступить в брак, больше не существует. Однако брачный союз остается в силе.

X

Пришло время закалывать свинью, которую Джуд и его жена всю осень откармливали в хлеву, и решено было сделать это в самый ранний час, чтобы не отнимать у Джуда более четверти дня, так как ему еще предстояло идти в Элфредстон.

Ночь была удивительно тихой. Задолго до рассвета Джуд выглянул в окно и увидел, что земля покрыта снегом — довольно глубоким для этого времени года, причем редкие хлопья все еще продолжали падать.

— Боюсь, мясник не сможет прийти, — сказал он Арабелле.

— Придет. Встань и вскипяти воду, если хочешь, чтобы Челоу ошпарил тушу. Хотя, по-моему, лучше опалить.

— Встаю, — откликнулся Джуд. — А в моем родном графстве делают не так.

Не зажигая свечи, он спустился вниз, развел под котлом огонь и стал подбрасывать в него бобовые стебли; комната озарилась веселым пламенем, однако весёлость Джуда гасла при одной мысли о том, для чего, собственно, он разжег огонь, —

чтобы вскипятить воду и ошпарить щетину на туше животного, которое еще было живо и чей голос все время доносился из дальнего угла сада. В половине седьмого, то есть в час, когда обещал прийти мясник, вода закипела, и его жена спустилась вниз.

— Челоу пришел? — спросила она.

— Нет.

Они ждали, начинало светать, наступал мертвенно-бледный снежный рассвет. Арабелла вышла, бросила взгляд на дорогу и, вернувшись, сказала:

— Не видать его. Небось напился вчера вечером. А снегу не так уж много, чтобы нельзя было пройти.

— Тогда надо отложить это. Зря воду вскипятили, только и всего. Возможно, в долине снег глубокий.

— Откладывать нельзя. Свинью больше нечем кормить. Вчера утром я замешала ей последние остатки ячменя.

— Вчера утром? А что же она с тех пор ела?

— Ничего.

— Как? Голодала?

— Ну да. Мы всегда выдерживаем свинью последние день-два, чтобы не возиться потом с

кишками. Неужели ты не знаешь? Вот простота!

— Так вот почему она визжит! Бедное животное!

— Хочешь не хочешь, а придется тебе ее заколоть. Я покажу как. А то и сама это сделаю, наверное, справлюсь. Конечно, лучше бы Челоу возился с ней, уж больно она здорова. Корзину с ножами и со всем, что надо, он уже прислал, вот мы и возьмем их.

— Нет уж, не тебе этим заниматься. Раз надо, я заколю свинью сам, — сказал Джуд.

Он расчистил возле хлева снег, так что получилась площадка ярда в два, принес табурет и положил рядом ножи и веревки. Малиновка на соседнем дереве наблюдала эти приготовления, но зловещий вид сцены будущего заклания не понравился ей, и она упорхнула, хотя и была голодна. Тем временем Арабелла присоединилась к мужу, и Джуд веревкой в руке прошел в хлев и набросил петлю на шею испуганному животному, которое хрюкнуло от неожиданности, а потом зашлось в неистовом визге. Арабелла открыла дверцу хлева, и вдвоем они втащили свою жертву на табурет, ногами вверх; пока Джуд держал, Арабелла привязывала свинью, стянув петлей ноги, чтобы она не билась.

Животное начало визжать по-иному. Теперь это был уже не крик ярости, а крик отчаянья — тонкий, протяжный, безнадежный.

— Честное слово, лучше б ее вообще не было, чем заниматься таким делом! — воскликнул Джуд. — Я же своими руками вскормил ее.

— Не будь чувствительным дураком! Возьми-ка нож, вон тот, длинный. Только смотри, не втыкай слишком глубоко.

— Я заколю сразу, чтобы кончить все побыстрее. Это главное.

— Не смей! — крикнула она. — Надо обескровить мясо, а для этого свинья должна умирать медленно. Если мясо будет с кровью, мы потеряем один шиллинг на каждых двадцати! Надрежь слегка вену, и все. Так меня учили, я знаю! Хороший мясник всегда медленно спускает кровь. Она должна умирать восемь-десять минут, не меньше!

— Полминуты, не больше, если это от меня зависит, какое бы ни получилось мясо, — сказал Джуд твердо.

Срезав с глотки щетину, — он видел, как это делают мясники, — он надрезал сало и изо всех сил вонзил нож.

— А, черт бы тебя подрал, — закричала она. —

Не захочешь, да согрешишь. Ты слишком глубоко воткнул! Я же тебя учила…

— Успокойся, Арабелла, имей хоть каплю жалости к животному!

— Подставь ведро, чтобы собрать кровь, да помалкивай!

Все было сделано, быть может, не очень умело, зато милосердно. Кровь хлынула потоком, а не засочилась по каплям, как хотела Арабелла. Предсмертный крик свиньи снова изменился, в третий и последний раз, теперь это был крик агонии; ее остекленевшие глаза остановились на Арабелле с красноречивым упреком; животное наконец осознало предательство тех, что казались единственными ее друзьями.

— Заставь ее замолчать! — сказала Арабелла. — Того и гляди, к нам начнет сбегаться народ, а я не хочу, чтобы люди знали, что мы сами занимаемся этим.

И, подняв нож, который Джуд бросил на землю, она вставила его в рану и перерезала дыхательное горло. Свинья мгновенно замолкла, делая последние предсмертные вдохи прямо через отверстие.

— Так-то лучше, — сказала Арабелла.

— Мерзкое занятие! — произнес Джуд.

— Но ведь кто-то должен резать свиней.

Животное напряглось и, несмотря на веревку, сделало последний судорожный рывок. Вытекло со столовую ложку сгустившейся черной крови, алая кровь не сочилась уже несколько секунд.

— Все. Сейчас сдохнет, — заметила Арабелла. — Хитрые твари — всегда удерживают эту каплю крови как можно дольше.

Последняя судорога наступила так неожиданно, что Джуд пошатнулся и опрокинул ведро, куда стекала кровь.

— Ну вот! — вскричала Арабелла, не помня себя от бешенства. — Теперь я не смогу приготовить кровяную колбасу. Опять убыток, и все из-за тебя!

Джуд подхватил ведро, но в нем осталось лишь около трети дымящейся жидкости, большая часть расплескалась по снегу, являя мрачную, грязную и отвратительную картину для тех, кто видел во всем этом не только обычный способ получения мяса. Губы и ноздри свиньи посинели, затем побелели, мускулы на ногах обмякли.

— Славу богу! Все кончено, — сказал Джуд.

— Интересно знать, какое отношение имеет бог ко всей этой дрызготне! — отозвалась она с презрением. — Должны же бедняки чем-то жить!

— Знаю, знаю, — ответил он. — Я тебя не виню.

Вдруг они услышали рядом чей-то голос:

— Чисто сработано, молодожены! Мне бы и то лучше не сделать, будь я проклят, если это не так!

Хриплый голос раздался у калитки, и, оторвав взгляд от места заклания, они увидели дюжую фигуру мистера Челоу, который перегнулся через калитку и критически оглядывал их работу.

— Хорошо вам стоять да глазеть! — крикнула Арабелла. — Из-за того, что вы не пришли вовремя, мясо все кровяное и наполовину испорчено! Теперь мы потеряем самое меньшее по шиллингу на каждых двадцати!

Челоу выразил раскаяние.

— Надо было чуток подождать, — сказал он, покачав головой, — и не браться за это самим, особенно в вашем нынешнем деликатном положении, сударыня. Для вас это рискованно.

— Об этом не беспокойтесь, — засмеялась в ответ Арабелла.

Джуд тоже засмеялся, но в его веселости была немалая доля горечи.

Челоу постарался загладить свою вину, принявшись рьяно ошпаривать и скоблить свинью. По-мужски Джуд был недоволен собой и своим

поступком, хотя, рассуждая здраво, и понимал, что все бы кончилось тем же, займись этим кто-нибудь другой. Белый снег, испятнанный кровью такого же смертного существа, как он сам, казался ему — поборнику справедливости и христианину — чем-то противоестественным, но как свести тут концы: с концами, он не знал. Несомненно, жена была права, обозвав его чувствительным дураком.

Он разлюбил теперь дорогу в Элфредстон. Она словно бесстыже смеялась ему в лицо. Все кругом так упорно напоминало ему о поре его ухаживания за женой, что, когда только можно было, он всю дорогу туда и обратно, читал на ходу, лишь бы ничего не видеть вокруг. Но иногда он все же чувствовал, что, уходя с головой в книги, он не спасается от обыденщины и не обретает никаких редких идей, — в наше время каждый рабочий читает. Проходя однажды мимо того места у ручья, где он встретился с нею впервые, он услышал голоса, точно так же, как и в тот день. Одна из бывших подружек Арабеллы разговаривала с приятельницей в сарае, причем предметом разговора был он сам, возможно, потому, что они заметили его издалека. Им было невдомек, что у сарая слишком тонкие стены и что, проходя

мимо, он может слышать их разговор.

— Что там ни говорила это я ее подучила! Волков бояться — в лес не ходить, сказала я ей. Если б не я, не быть бы ей его хозяйкой.

— По-моему, она прекрасно знала, что у нее ничего нет, когда сказала ему…

Чему научила Арабеллу эта женщина, чтобы он сделал ее своей «хозяйкой» или, иначе говоря, женой? Намек звучал отвратительно и так запал ему в душу, что, дойдя до дому, он не вошел, а перебросил свою сумку с инструментами через калитку и двинулся дальше, решив проведать свою двоюродную бабку, а заодно и поужинать у нее.

По этой причине он вернулся домой довольно поздно. Однако Арабелла все еще была занята делами, перетапливала сало заколотой свиньи, так как весь день где-то проболталась и отложила работу на вечер. Боясь, что под впечатлением услышанного он скажет ей что-нибудь такое, о чем потом пожалеет, Джуд старался помалкивать. Арабелла, наоборот, была очень разговорчива и между прочим заявила, что ей нужны деньги. А заметив торчащую у него из кармана книгу, прибавила, что не мешало бы ему зарабатывать побольше.

— Жалованье подмастерья, как правило, и не рассчитано на то, чтобы содержать жену, голубушка.

— Тогда не следовало тебе ее заводить.

— Перестань, Арабелла! Это уж слишком, ты же знаешь, как все вышло.

— Перед богом клянусь, я сама думала так, как тебе говорила. И доктор Вильберт так думал. Тебе просто повезло, что оказалось не так!

— Я не об этом говорю, — поспешно перебил он. — Я говорю о том, что было раньше. Твоей вины тут нет, я знаю, но все-таки те женщины, твои подруги, дали тебе дурной совет. Если б не они или если б ты не послушалась их, мы были бы сейчас свободны от уз, которые, уж коли говорить правду, мешают жить и тебе и мне. Как ни печально, но это так.

— Кто тебе сказал о моих подругах? Какой такой совет? А ну-ка отвечай!

— Да что там говорить…

— Нет, говори — ты должен сказать, или это будет просто подло!

— Хорошо! — И он осторожно пересказал ей то, что случайно подслушал. — Только я не хочу больше об этом разговаривать. И давай прекратим.

Она разом отбросила все попытки оправдаться.

— Что за пустяки! — сказала она, холодно усмехнувшись. — Каждая женщина имеет право так поступить. Рискует-то она.

— Я с тобой совершенно не согласен, Белла. Она бы имела это право, если б это не влекло за собой пожизненного наказания для мужчины или для нее самой, если мужчина подведет; если бы за минутную слабость и расплачивались минуту или хотя бы год — тогда куда ни шло. Но раз последствия заходят так далеко, она не смеет расставлять ловушку мужчине, если он честен, или же себе самой, если он нечестен.

— Что же я должна была делать?

— Не торопить меня. Ну что тебе загорелось перетапливать это сало на ночь глядя? Будь добра, убери его!

— Тогда придется заняться им завтра утром. Оно может испортиться.

— Ладно, делай как хочешь.

XI

На следующее утро — было воскресенье — она принялась за дело около десяти; возня с салом напомнила ей о разговоре, который произошел накануне вечером, и она вновь впала в дурное расположение духа.

— Так вот что говорят обо мне в Мэригрин, — будто я поймала тебя! Ну и послал же мне господь добычу!

Растапливая сало, она увидела, что дорогие сердцу Джуда классики лежат на столе, где им не положено быть.

— Чтоб они мне тут не мешались! — запальчиво крикнула она и одну за другой стала швырять книги на пол.

— Оставь книги в покое! — сказал Джуд. — Ты могла бы сдвинуть их в сторону, если тебе так хочется, но зачем же пачкать? Это отвратительно!

Руки Арабеллы были перемазаны салом, пальцы ее оставляли весьма заметные отпечатки на переплетах. Но она нарочно продолжала кидать книги на пол, пока Джуд не вышел из себя и не схватил ее за руки. При этом он нечаянно сбил ее

прическу, и волосы упали ей на плечи.

— Пусти меня! — сказала она.

— Обещай, что оставишь книги в покое.

Она колебалась.

— Пусти меня! — повторила она.

— Обещай!

Помолчав, она сказала:

— Обещаю.

Джуд отпустил ее, она бросилась к двери и с перекошенным лицом выскочила на проезжую дорогу. Тут она принялась бегать взад и вперед, постаралась еще больше растрепать волосы и расстегнула пуговицы на платье. Было чудесное воскресное утро, сухое, ясное и морозное, северный ветерок доносил перезвон колоколов элфредстонской церкви. По дороге шли по-праздничному одетые люди, все больше влюбленные — такие же парочки, какой были Джуд и Арабелла, когда разгуливали по этой самой дороге несколько месяцев назад. Они оборачивались и с удивлением глядели на необычайное зрелище, какое она являла собой в эту минуту, — без шляпы, с развевающимися по ветру распущенными волосами, в расстегнутом платье с засученными выше локтя рукавами, с перепачканными салом руками. Один из прохожих воскликнул в при-

творном испуге:

— Господи, спаси нас и помилуй!

— Посмотрите, как он со мной обходится! — кричала она. — Заставляет меня работать в воскресное утро, когда мне следует быть в церкви! Таскает за волосы и срывает с меня платье!

Джуд был вне себя и вышел на дорогу, чтобы силой затащить ее обратно. Потом вдруг остыл. Его словно озарило, что между ними все кончено и что теперь не имеет значения ни то, что делает она, ни то, что делает он. Муж стоял неподвижно и глядел на жену. Жизнь их загублена, думал он; загублена потому, что они совершили главную ошибку — вступили в брачный союз, приняв за постоянное чувство мимолетное увлечение, не имеющее ничего общего с тем душевным сродством, которое одно лишь делает сносной совместную жизнь.

— Хочешь издеваться надо мной из принципа, как твой отец издевался над твоей матерью, а сестра твоей отца над своим мужем? — кричала она. — В вашем роду все мужья и все жены негодные!

Джуд устремил на нее непонимающий, удивленный взгляд. Но она больше ничего не сказала и продолжала бегать по дороге, пока не выби-

лась из сил. Он оставил ее, немного побродил бесцельно, а затем направился в Мэригрин. Ему захотелось проведать бабку, которая все чаще прихварывала в последнее время.

— Бабушка, это правда, что мой отец дурно обращался с моей матерью, а моя тетка — со своим мужем? — неожиданно спросил он, усаживаясь у огня.

Она взглянула на него старческими глазами из-под оборок обветшавшего чепца, с которым никогда не расставалась.

— Кто тебе сказал? — спросила она.

— Я слыхал такой разговор и хочу знать все.

— Ну что ж, по мне, так изволь, хотя жена твоя — наверняка это она рассказала — дура, что выложила тебе все это! Ну да тут и знать-то нечего. Твои отец и мать не смогли ужиться друг с другом и разошлись. Они повздорили по дороге домой с элфредстонской ярмарки, на холме возле Бурого Дома, ну и расстались навсегда. Ты тогда еще совсем маленький был. Твоя мать вскоре после этого умерла — короче говоря, утопилась, а отец увез тебя в Южный Уэссекс и больше здесь не показывался.

Джуд вспомнил, что отец никогда не рассказывал: ему ни о Северном Уэссексе, ни о матери,

хранил о них молчание до самой своей смерти.

— И с сестрой твоего отца вышла такая же история. Муж обидел ее, и жить с ним ей стало совсем невмоготу; она взяла да уехала с маленькой дочуркой в Лондон. Фаули не созданы для супружеской жизни, похоже, она никогда не была нам по нутру. Это у нас в крови — мы не любим делать по принуждению то, что охотно готовы сделать по доброй воле. Вот почему тебе следовало послушаться меня и не жениться.

— Где расстались отец с матерью? У Бурого Дома, ты говоришь?

— Чуть подальше, там, где отходит дорога на Фенворт и стоит придорожный столб. Когда-то там была виселица, она тоже связана с нашим прошлым. Ну да хватит об этом.

В тот же вечер, едва спустились сумерки, Джуд вышел от своей двоюродной бабки, сказав, что идет домой. Но, достигнув открытого плоскогорья, он зашагал по нему, пока не добрался до большого круглого пруда. Мороз держался, хотя и не был особенно сильным, над головой медленно зажигались и мерцали крупные звезды. Джуд ступил на кромку льда сперва одной ногой, потом другой; лед затрещал под его тяжестью, но это его не остановило. Он продолжал идти к середине

пруда под громкий треск льда. На самой середине он огляделся вокруг и подпрыгнул. Снова раздался треск, но лед не проломился. Он подпрыгнул еще раз — лед перестал трещать. Джуд пошел обратно и выбрался на берег.

Чудно, подумал он. Зачем ему сохраняется жизнь? Должно быть, для самоубийства он недостаточно важная особа. Миролюбиво настроенная смерть гнушается им и не желает принять его в число своих подданных.

Так не придумать ли ему что-либо менее благородное, нежели самоуничтожение? Что-либо не столь возвышенное, соответствующее его теперешнему унизительному положению? Он может напиться. Ну, разумеется, и как это он забыл? Пьянство — самое привычное занятие всех отчаявшихся и ничтожных. Теперь-то он начинает понимать, почему некоторые ходят по кабакам. Спустившись по северному склону холма, он вышел к невзрачному трактиру. Когда он вошел и сел, он увидел на стене картину, изображавшую Самсона и Далилу, и вспомнил, что именно сюда заходил с Арабеллой в тот первый воскресный вечер, когда начал за ней ухаживать. Он спросил виски и жадно пил час, если не больше.

Поздно вечером он, шатаясь, брел домой; всю

его угнетенность как рукой сняло, голова была еще довольно ясная. Он громко расхохотался, представив себе, какой прием окажет ему Арабелла, когда он заявится к ней в таком виде. Когда он вошел, дом был погружен во мрак и, поскольку он нетвердо держался на ногах, ему не сразу удалось зажечь лампу. Он обнаружил следы разделки туши, клочья мяса и сала, но самих окороков нигде не было видно. На внутренней стороне старого конверта; пришпиленного к занавеске над очагом, рукой его жены было написано:

«Ушла к друзьям. Не вернусь».

На следующий день Джуд остался с утра дома. Он отослал свиные кости в Элфредстон, выгреб грязь из дома, потом запер дверь и, спрятав ключ в условленное место на случай, если бы она вернулась, поспешил в Элфредстон на работу.

Когда вечером он притащился домой, то обнаружил, что Арабелла не приходила. Следующие два дня тоже. Потом от нее пришло письмо.

Она откровенно призналась, что он ей надоел. Он просто зануда, к тому же ее не устраивает жизнь, которую он ведет. Надеяться на то, что он исправится или исправит ее, не приходится. Дальше она сообщала, что, как ему известно, ее

родители уже давно подумывали о том, чтобы эмигрировать в Австралию, так как разводить свиней стало теперь невыгодно. Наконец они решили ехать, и она собирается с ними, если он не возражает. У такой женщины, как она, там будет больше возможностей, чем в этой дурацкой стране.

Джуд ответил, что у него нет ни малейших возражений против ее отъезда. Он считает это разумным, раз ей захотелось уехать, и, быть может, это будет на пользу им обоим. В конверт с письмом он вложил деньги, вырученные от продажи свиньи, прибавив к ним то немногое, что у него было сверх этого.

С этого дня он ничего о ней не слышал, разве что случайно, хотя отец ее и домочадцы уехали не сразу, дожидаясь распродажи недвижимости и прочего имущества. Узнав, что в доме Доннов назначен аукцион, Джуд нагрузил повозку своей собственной домашней утварью и отослал Арабелле в дом отца, чтобы она могла выбрать из этого, что захочет, и продать заодно с остальными вещами.

Затем он переселился в Элфредстон и как-то в витрине одной лавки увидел маленькое объявление, возвещавшее о распродаже имущества

его тестя. Джуд запомнил число и весь этот день держался подальше от того места, так что и не заметил, как благодаря аукциону оживилось движение на дороге, ведущей из Элфредстона на юг. Несколько дней спустя он зашел в захламленную лавчонку старьевщика на главной улице города и в глубине ее среди разного хлама, включавшего набор кастрюль, складную раму для сушки белья, скалку, медный подсвечник, настенное зеркало и прочие вещи, очевидно, только что попавшие сюда с распродажи, заметил маленькую фотографию в рамке, которая оказалась его собственным портретом.

Эту фотографию он сделал специально в подарок Арабелле и заказал для нее у местного мастера кленовую рамку, а затем вручил ей в день свадьбы, как и полагается. На обороте и сейчас можно было прочитать: «Арабелле от Джуда» — и дату. Должно быть, она продала ее вместе с остальными вещами на аукционе.

— Это лишь малая часть добра, что досталось мне на распродаже имущества в доме на дороге в Мэригрин, — сказал хозяин лавки, видя, что Джуд рассматривает сваленные в кучу вещи, и не замечая, что на фотографии изображен сам Джуд. — Рамка еще послужит, если вынуть фото-

графию. За шиллинг можете взять ее.

Значит, она продала его портрет и подарок, — это послужило для Джуда немым и невольным доказательством того, что в жене его окончательно угасло всякое нежное чувство к нему, и тем завершающим толчком, какой потребовался, чтобы уничтожить и его чувство к ней. Он уплатил шиллинг, забрал фотографию и, вернувшись домой, сжег ее вместе с рамкой.

Дня два или три спустя он узнал, что Арабелла и ее родители отбыли. Перед тем он послал ей записку с предложением встретиться и попрощаться, как положено, но она ответила, что лучше не стоит, раз уж она решила уехать, и, возможно, она была права. На следующий вечер после их отъезда, отработав у каменщика и поужинав, Джуд вышел из дому и зашагал при свете звезд по слишком хорошо знакомой дороге к нагорью, с которым были связаны самые сильные переживания в его жизни. Казалось, он вновь породнился с ним.

Ему трудно было в себе разобраться. На древней римской дороге он казался себе еще мальчиком, повзрослевшим, быть может, всего на один день по сравнению с тем временем, когда он стоял здесь, на вершине холма, воспламененный меч-

той о Кристминстере и науке.

— Я уже взрослый мужчина, — произнес он. — У меня есть жена. Больше того, я достиг следующей ступени зрелости — поссорился с ней, разлюбил ее и разошелся с ней.

Тут он вспомнил, что стоит неподалеку от того места, где, по рассказам, расстались его мать и отец. Еще чуть подальше была та самая вершина, откуда, как он думал, был виден Кристминстер. Совсем рядом у обочины дороги стоял все тот же придорожный столб. Джуд приблизился и скорее нащупал, чем увидел на нем, сколько миль отсюда до города. Ему вспомнилось, как однажды, возвращаясь домой, он с гордостью вырезал своим новым острым резцом на другой стороне столба надпись, воплотившую его устремления. Это было в первую неделю его работы подмастерьем, еще до того, как чуждая ему женщина отвратила его от намеченных целей.

Интересно, можно ли еще разобрать надпись, спросил он себя и, обойдя столб, раздвинул крапиву. При свете спички можно было прочесть то, что он в порыве восторга вырезал так давно:

Туда
Д.Ф.

При виде этой надписи, сохранившейся под укрытием травы и крапивы, в душе его вспыхнула искра былого огня. Разумеется, у него теперь один путь — вперед, через добро и зло… не поддаваясь унынию и скорби, даже если доведется столкнуться с уродствами этого мира! Bene agere et laetari — творить добро весело, — такова была, говорят, философия некоего Спинозы. Но он даже в нынешнее время может назвать ее своей.

Он будет бороться со злой судьбой и осуществит свой первоначальный замысел.

Джуд прошел чуть дальше вперед, и на северо-востоке перед ним открылся горизонт. Там и в самом деле было слабое сияние, легкая светящаяся дымка, видимая только для глаз верующего. Но ему и этого было достаточно. Как только закончится срок его ученья, он отправится в Кристминстер.

Он вернулся домой повеселевшим и помолился богу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
В КРИСТМИНСТЕРЕ

Кроме души своей, нет у него звезды.

Суинберн

Notitiam primosque gradus vicinia fecit;
Tempore crevit amor.

Ovid[4]

[4] Примечания: 4

Знакомство и первые шаги вызвало соседство. Со временем пришла любовь (лат.) (Овидий, из поэмы «Пирам и Фисба».)

I

Следующий примечательный этап в жизни Джуда совпадает с появлением его на дороге, по которой он шел сквозь сумерки все вперед и вперед, под сенью деревьев, на которых уже трижды сменилась листва с тех пор, как он ухаживал за Арабеллой, а потом разорвал свой неудавшийся брачный союз. Он направлялся в Кристминстер и находился в миле или двух к юго-западу от города.

Мэригрин и Элфредстон остались наконец позади: годы учения кончались, и с инструментами за плечами Джуд как бы собирался начать новую жизнь — жизнь, которую он предвкушал почти десять лет, если не считать перерыва, связанного с увлечением Арабеллой и женитьбой.

Теперь Джуд был молодым человеком с волевым, задумчивым, и скорее серьезным, чем красивым лицом. Смуглый, с темными, под стать коже, глазами, он носил коротко подстриженную черную бороду, необычно густую для его возраста: борода эта и шапка черных курчавых волос доставляли ему немало хлопот: их при-

ходилось расчесывать и отмывать от каменной пыли, которая садилась на них во время работы. Что же касается самой работы, то поскольку он обучался ремеслу в провинции, он был мастер на все, включая тесание камня для надгробных плит, обработку камня для реставрация готических церквей и вообще всякую резьбу по камню. Возможно, в Лондоне он выбрал бы себе какую-то одну специальность — стал бы мастером по лепным украшениям или лиственному орнаменту, а быть может, и скульптором.

В тот день он доехал на двуколке от Элфредстона до ближайшей к Кристминстеру деревни и оставшиеся четыре мили шел пешком — не по необходимости, а по внутреннему побуждению: именно так ему всегда представлялось его прибытие в этот город.

Окончательно решить с переездом ему помогло одно любопытное обстоятельство, связанное скорее с его чувствами, чем с разумными намерениями, как это часто бывает с молодыми людьми. Проживая в Элфредстоне, он зашел как-то в Мэригрин проведать свою двоюродную бабку и заметил у нее на камине между медными подсвечниками фотографию хорошенькой девушки в широкополой шляпе с вуалью. Он спросил,

кто это, и бабка буркнула в ответ, что это его двоюродная сестра Сью Брайдхед из враждебной ветви их рода; на дальнейшие расспросы старуха отвечала, что девушка живет в Кристминстере, но где и чем занимается — неизвестно.

Фотографию бабка не захотела отдать, но она все время стояла у него перед глазами и в конечном счете ускорила осуществление давнишнего его намерения последовать за своим другом — школьным учителем.

На вершине невысокого горбатого холма он остановился, впервые увидев Кристминстер вблизи. Серокаменный, с буровато-коричневыми крышами, город стоял у самой границы Уэссекса, чуть вдаваясь в него в самой северной точке извилистой пограничной линии, вдоль которой лениво несет свои воды Темза, орошая поля этого древнего королевства. Дома его мирно отдыхали сейчас в свете заходящего солнца, и только флюгера на многочисленных шпилях и куполах оживляли своим блеском спокойные, размытые тона пейзажа.

Спустившись с холма, он зашагал по ровной дороге между рядами подстриженных ив, смутно вырисовывавшихся в вечерних сумерках, и вскоре увидел первые огни городских окраин — те

самые огни, что озаряли небо мерцающим сиянием, которое столько лет назад, в пору мечтаний, уловил его напряженный взор. Они недоверчиво мигали ему желтыми глазами, словно, прождав его все эти годы и разочарованные его медлительностью, не очень-то обрадовались ему теперь.

Дик Уиттингтон в душе, он стремился к целям более возвышенным, чем грубая материальная выгода. С настороженностью исследователя проходил он по окраине города, но подлинного города в этой части предместья не видел. Его первой заботой было найти себе пристанище, и он тщательно изучал такие кварталы, где ему могли бы предложить за умеренную плату скромное помещение, в котором он нуждался; в конце концов он снял комнату в предместье, именуемом в народе «Вирсавия», хотя он этого еще не знал. Устроившись на новом месте и выпив чашку чаю, он вышел погулять.

Была ветренная, безлунная, полная шорохов ночь. Чтобы определить, где он находится, Джуд развернул под фонарем карту, которую прихватил с собой. Ветер шевелил и трепал ее, но Джуду все же удалось установить, в каком направлении идти, чтобы попасть в центр города.

Сделав несколько поворотов, он впервые в

жизни увидел старинное средневековое здание. Насколько можно было судить по воротам, это был колледж. Он вошел во двор и обошел здание кругом, заглядывая в самые темные уголки, куда не достигал свет фонарей. Рядом с этим колледжем стоял другой, а чуть подальше еще один, и вот Джуд словно погрузился в атмосферу мыслей и чувств этого древнего города. Когда он проходил мимо зданий, не гармонировавших с общим обликом города, он безучастно скользил по ним взглядом, будто не замечая их.

Зазвонил колокол, он стал считать удары и насчитал их сто один. Наверное, ошибся, подумалось ему, ударов должно быть ровно сто.

Когда ворота закрыли и он больше не мог заходить в квадратные дворы колледжей, он стал бродить вдоль стен и подъездов, знакомясь наощупь с рисунком лепных и резных украшений. Время шло, прохожие встречались все реже и реже, а он все блуждал под сенью старинных зданий, ибо разве не об этом мечтал он последние десять лет? Подумаешь, велика важность — не поспать ночь! В вышине на фоне черного неба вырисовывались в отблесках фонаря башенки, украшенные лиственным орнаментом, и зубчатые стены. В темных улочках, по которым ныне,

казалось, уже не ступала нога человека и само существование которых было предано забвению, выступали портики, эркеры и подъезды в пышном и вычурном средневековом стиле, а выветрившийся камень подчеркивал, что все это давно умерло. Трудно было себе представить, что в этих ветхих, заброшенных покоях обитает современная мысль.

Не имея здесь ни родных, ни знакомых, Джуд вдруг проникся ощущением полного своего одиночества. У него было странное чувство человека, который движется среди людей, словно привидение, невидимый и неслышимый для них. Он вздохнул печально и, сам похожий на собственную тень, задумался об иных тенях, незримо присутствующих в этих закоулках.

Еще когда он только готовился к этому серьезному шагу, разом избавившись и от жены, и от домашнего имущества, он прочел и изучил почти все, что можно было прочесть и изучить в его положении о знаменитостях, которые провели в этих священных стенах свои юные годы и чей дух царил здесь в годы их зрелости. Но поскольку его выбор авторов был случаен, некоторые из них непомерно вырастали в его глазах по сравнению с другими. Шорох ветра о выступы стен, двер-

ные косяки и углы домов звучал, словно шаги их давно ушедших от нас обитателей; шелест плюща казался невнятным разговором их скорбных душ, а беспокойно двигающиеся тени — их бесплотными образами, разделявшими с ним его одиночество. И чудилось во мраке, будто он сталкивается с ними, не ощущая их физически.

Улицы стали совсем безлюдными, но бесплотные образы удерживали его и не давали вернуться домой. Были средь них поэты времен ранних и поздних, начиная с друга Шекспира, восхвалявшего его, и кончая тем, кто лишь недавно отошел в небытие, а также мелодичный поэт, здравствующий и поныне. Вереницей тянулись мимо него задумчивые философы, причем не обязательно седовласые, с наморщенными лбами, как их изображают на портретах, а цветущие, стройные, подвижные, как и подобает молодости; облаченные в стихари современные богословы, наиболее реальными среди которых для Джуда были основатели так называемой трактарианской религиозной школы — известная троица: энтузиаст, поэт и любитель формул, — отголоски их учения он слышал даже в своем убогом доме. Воображению его рисовалось, как они вздрагивают от отвращения при виде прочих сынов города:

человека в алонжевом парике, государственного мужа, распутника, резонера и скептика; гладко выбритого историка, столь иронически вежливого к христианству, и других им подобных с той же скептической жилкой, которые знали здесь каждый двор не хуже истинно верующих и наравне с ними могли посещать святые монастыри.

Он видел разного рода государственных деятелей — людей энергичных, мечтателей; ученых, ораторов, тружеников; тех, чей ум с годами рос, и тех, чей ум с годами притуплялся.

Перед мысленным взором его в странном беспорядке проходили ученые-филологи — люди с задумчивыми лицами и нахмуренными от усиленных занятий лбами, близорукие, как летучие мыши; затем официальные лица — генерал-губернаторы и вице-короли, которые мало его интересовали; верховные судьи и лорд-канцлеры — молчаливые фигуры с поджатыми губами, имена которых он едва знал. Пристальнее приглядывался он к прелатам, памятуя былые свои мечты. Они явились перед ним целым роем, одни — люди с добрым сердцем, другие — люди рассудка: защитник богослужения на латинском языке, безгрешный автор «Вечернего гимна», а с ним рядом — великий странствующий проповедник,

сочинитель гимнов, фанатик, преследуемый, подобно Джуду, неудачами в супружеской жизни.

Он вдруг заметил, что разговаривает вслух, как бы беседуя с ними, словно актер в мелодраме, который обращается к зрителям по ту сторону рампы, и тут же замолк, сообразив, как это нелепо. Быть может, его бессвязные речи были услышаны каким-нибудь студентом или мыслителем, склонившимся над книгой в этих стенах, быть может, он поднял голову, подивившись, что это за голос и о чем он вещает. Только теперь Джуд заметил, что если говорить о существах из плоти и крови, то он один, исключая редких запоздалых горожан, разгуливает сейчас по этому древнему городу и, кажется, рискует схватить простуду.

Тут до него донесся голос из тьмы — голос совершенно земной и реальный:

— Что-то давненько вы здесь сидите, молодой человек! Замышляете что, а?

Голос принадлежал полисмену, который незаметно для Джуда следил за ним.

Джуд вернулся домой и лег спать, немного почитав перед сном об этих людях и том новом, что они поведали миру, — он прихватил с собой несколько книг, посвященных сынам университета. Когда он засыпал, ему слышалось, будто

они бормочут те самые сакраментальные слова, которые он только что прочел, — одни внятна другие невнятно. Один из призраков (тот, что впоследствии оплакал Кристминстер как «родину безнадежных предприятий», хотя Джуд об этом не вспомнил) обращался к городу с такими словами:

«Чудесный город! Древний и прекрасный, не затронутый бурной интеллектуальной жизнью нашего века, та кой безмятежный!.. Неизъяснимые чары его неизменно влекут нас к нашей истинной цели, к идеалу, к совершенству».

Другой голос принадлежал поборнику хлебных законов, чья тень явилась Джуду в квадратном дворе с большим колоколом. Джуду чудилось, будто сей дух произносит исторические слова своей знаменитой речи:

«Сэр, быть может, я не прав, но я полагаю, что мой долг перед родиной, которой угрожает голод, требует прибегнуть к средству, какое обычно используется при подобных обстоятельствах, а именно — открыть людям свободный доступ к продовольствию, откуда бы оно ни шло… Вы можете завтра же отнять у меня мой пост, но вы никогда не отнимете у меня сознания, что я воспользовался властью, мне вверенной, из

побуждений честных и бескорыстных, а не из желания удовлетворить свое честолюбие и не из стремления к личной выгоде».

Потом заговорил лукавый автор бессмертной главы о христианстве:

«Как простим мы языческому миру философов косное равнодушие к доказательствам (чудесам), явленным Всемогущим?.. Мудрецы Греции и Рима, отвратившись от зрелища, вызывающего благоговейный трепет, не сумели увидеть каких-либо изменений в моральных и физических законах, управляющих миром».

Потом тень поэта, последнего из оптимистов:

Как создан мир для каждого из нас!

.

И каждый из людей приносит обновленье

В жизнь человечества по общему закону.

Потом один из трех энтузиастов, кои виделись ему только что, автор «Апологии»:

«Мой довод состоял в том… что абсолютная уверенность в истинах естественной теологии явилась результатом слияния взаимно совпадающих допущений… что допущения, которым

недостает логической убедительности, не могут быть основой уверенности в истинности мышления».

Второй из них, отнюдь не полемист, шептал умиротворяюще:

К чему нам в жизни одиночества страшиться,

Коль каждый в смерти волей неба одинок?

Услышал он и несколько фраз, произнесенных призраком с мелкими чертами лица — благодушным Зрителем:

«Когда я гляжу на могилы великих, во мне умирает всякое чувство зависти; когда я читаю эпитафии прекрасному, исчезают все необузданные желания; когда встречаюсь я у могильной плиты со скорбью родителей, сердце мое смягчается от сострадания; когда я вижу могилы самих родителей, я постигаю тщету скорби о тех, за кем мы вскоре должны последовать».

И, наконец, прозвучал кроткий голос прелата, под чьи знакомые мягкие рифмы, дорогие Джуду с раннего детства, он погрузился в сон:

Дай мне жить так, чтобы могила

Не больше, чем постель, страшила.

Дай умереть...

Он проснулся только утром. Призрачного прошлого и след простыл, все говорило о сегодняшнем дне. Он быстро сел на постели, думая, что проспал, потом воскликнул:

— Бог мой, я совсем забыл о моей хорошенькой кузине, о том, что она живет здесь!.. И о моем старом школьном учителе тоже!

О школьном учителе он вспомнил, пожалуй, с меньшим пылом, чем о кузине.

II

Необходимость подумать о реальной действительности, включая низменные заботы о куске хлеба, рассеяла ночную фантасмагорию и на какое-то время заставила Джуда забыть о высоких помыслах ради насущных дел. Надо было встать и идти искать работу — работу для рук, единственно настоящий труд по мнению тех, кто им занимается.

Выйдя с таким намерением на улицу, он обнаружил, что приветливый облик колледжей коварно преобразился; одни теперь выглядели напыщенными, другие можно было принять за надземные фамильные склепы; нечто варварское проглядывало даже в самой каменной кладке. Тени великих людей исчезли.

Бесчисленные страницы истории архитектуры, раскрытые вокруг, он прочитывал, разумеется, не как критик, а скорее как товарищ тех умерших мастеров, чьими руками создавались все эти архитектурные формы. Он разглядывал лепные украшения, гладил их, как человек знающий все об их рождении, определяя, трудно или легко

было их выполнить, много или мало времени это отняло, утруждало руку или получалось само собой.

То, что ночью представлялось совершенным и идеальным, при свете дня явилось во всей своей ущербной реальности. Он подмечал следы жестокости и оскорблений, какие претерпели эти старинные здания. Состояние некоторых из них тронуло его, словно то были изувеченные живые существа. Раненные, побитые, до неузнаваемости изменившиеся в борьбе не на жизнь, а насмерть со временем, непогодой и человеком.

Ветхость этих исторических документов напомнила ему, что, вопреки своим намерениям, он не очень-то спешит начать утро с пользой для себя. Ведь он явился сюда, чтобы работать и жить на свой заработок, а утро почти пропало. В некотором смысле отрадно было думать, что в этом месте, где столько пришедших в упадок каменных зданий, найдется много работы по реставрации для человека его профессии. Он спросил, как пройти к мастерской каменщика, чью фамилию ему назвали в Элфредстоне, и вскоре услышал знакомые звуки тесаков и резцов.

Двор-мастерская являл собою маленький центр возрождения. Здесь находились архитектурные

образцы — с острыми углами и плавными закруглениями, в точности соответствующие тем выкрошившимся и изъеденным веками украшениям, какие он видел на стенах. Те же идеи, только выражены на языке современной прозы вместо старинной поэзии замшелых колледжей. Правда, иные из этих памятников старины были прозаическими с самого момента их создания. Ждать — вот все, что от них требовалось, чтобы стать поэзией. Как это просто для ничтожнейшего из зданий и как недоступно для большинства людей!

Джуд спросил мастера и стал оглядываться вокруг. Повсюду на каменных скамьях были разложены новые ажурные украшения из камня, детали готических окон, колонны, остроконечные башенки и зубцы для стен, еще не законченные или ожидающие отправки. Все они отличались точностью, математической правильностью, гладкостью и аккуратностью, однако ломаные линии старых стен — зазубренные кривые, неровности, пренебрежение точностью, неправильности и беспорядочность — лучше передавали первоначальный замысел.

На какой-то момент на Джуда снизошло истинное просветление: эта мастерская по камню была

центром работы не менее достойной, чем занятия в благороднейшем из колледжей, именуемые научными. Но эту мысль тут же вытеснила его прежняя заветная мечта. Он согласится на любую работу, которую ему предложат по рекомендации его бывшего хозяина, но это будет лишь временный шаг. Так проявлялась у него болезнь века — беспокойство.

Кроме того, он заметил, что здесь в лучшем случае занимаются только копированием, имитацией и починкой; он объяснил это себе случайными причинами. Он еще не понимал, что средневековье мертво, как лист папоротника в куске каменного угля, что иные течения формируются в окружающем его мире, где нет места практической или родственной ей архитектуре. Ему еще не открылась неумолимая враждебность современной логики и современных взглядов ко многому из того, чему он поклонялся.

Выяснив, что работы для него здесь нет, он ушел и снова стал думать о своей кузине, чье присутствие где-то совсем рядом он ощущал по все возрастающему в себе беспокойству или даже волнению. Как бы ему хотелось иметь тот чудесный ее портрет! В конце концов он написал бабке, чтобы она прислала ему фотографию.

Бабка исполнила его просьбу, однако, в свою очередь, попросила, чтобы он не вносил смуты в семью и не пытался повидать девушку или ее родных. Джуд, до смешного влюбчивый, ничего не обещал, поставил фотографию на камин, поцеловал ее, сам не зная зачем, и почувствовал себя гораздо спокойней. Ему казалось, что она взирает на него с высоты, как хозяйка за чайным столом. Это его ободряло и как бы служило единственной нитью, связывавшей его с жизнью города.

Оставался еще школьный учитель — теперь, наверное, уже его преподобие. Но в данный момент он едва ли может пускаться на розыски столь почтенной особы, слишком шатко и неопределенно его положение, слишком туманно его будущее. И Джуд продолжал пребывать в одиночестве. Пусть вокруг него двигались люди — он их не замечал. Он еще не успел слиться с кипучей жизнью города, и город фактически для него не существовал. Однако святые и пророки, украшавшие окна, картины в галереях, статуи, бюсты, гаргульи, скульптурные карнизы — все это, казалось, дышало одним воздухом с ним. Подобно всем, кто впервые приезжает в город, на котором прошлое оставило свой глубокий след, он остро ощущал, как это прошлое заявляет

о себе с настойчивостью, оставлявшей, однако, совершенно безучастными местных жителей.

Много дней подряд он посещал в свободное время крытые аркады и квадратные дворы колледжей, бродил по ним, удивляясь зловещему эху собственных шагов, громких, словно удары молота. Он все глубже и глубже проникался «настроением» Кристминстера и в конце концов узнал о зданиях города — с точки зрения практической, художественной и исторической — больше любого из их обитателей.

Только теперь, когда он оказался в городе своих мечтаний, Джуд понял, как далек он в действительности от предмета этих мечтаний. Лишь стена отделяла его от счастливых сверстников, с которыми он жил одной духовной жизнью, — от тех юношей, что с утра до ночи только и делают, что читают, изучают, запоминают и усваивают. Только стена, зато какая стена!

Ежедневно, ежечасно, когда бы он ни вышел на поиски работы, он видел их, — они тоже куда-то шли, — и он касался их плечом, вслушивался в их голоса, присматривался к их жестам. Разговоры самых серьезных из них часто казались ему до странности созвучными его собственным мыслям, и не удивительно: ведь к встрече с этим

городом он готовился долго и упорно. И все же огромное расстояние лежало между ними, словно он попал к антиподам. В сущности, так оно и было. Ведь он всего-навсего молодой рабочий в куртке, белесой от каменной пыли, и, проходя мимо него, они его не видели и не слышали, словно глядели сквозь него, как глядят сквозь оконное стекло на себе подобных. Кем бы они для него ни были, сам он для них просто не существовал; а он-то надеялся, что, перебравшись сюда, он будет ближе к их жизни.

Но, в конце концов, у него еще все впереди; если б только посчастливилось найти хорошую работу, он бы смирился с неизбежным. А потому он возблагодарил бога за здоровье и силы и воспрял духом. Пока что перед ним закрыты все двери, включая колледжи, но, быть может, однажды он войдет в них, в храмы света и передовой мысли, и, быть может, из их окон он однажды взглянет на мир.

Наконец он получил от каменщика известие — для него есть работа. Это была его первая удача, и он сразу принял предложение.

Он был молод и полон сил, иначе он не мог бы с таким пылом осуществлять свой замысел, заставлявший его проводить за книгой большую часть

ночи после целого дня работы. Первым делом он купил за четыре шиллинга шесть пенсов лампу с абажуром, чтобы светлее было читать. Затем раздобыл перья, бумагу и все те книги, которые до сих пор не удавалось достать. Затем, к ужасу своей квартирной хозяйки, переставил всю мебель в комнате — единственной, где он работал и спал, — разгородил комнату надвое занавеской, повесил плотную штору, чтобы никто не видел, как он урезает себе часы сна, разложил книги и засел за чтение.

Женитьба, наем дома и приобретение мебели, которая исчезла следом за женой, легли на него тяжким бременем, и после всех этих бедственных событий ему никак не удавалось откладывать деньги, а потому, пока он не начал получать жалованье, он был вынужден жить очень скромно. Купив одну-две книги, он уже не мог позволить себе затопить камин, и когда по ночам с луговины несло сыростью и холодом, он сидел перед лампой в пальто, шапке и шерстяных перчатках.

Из окна ему был виден шпиль кафедрального собора и стрельчатый верх, из-под которого раздавался звон большого городского колокола. А выйдя на лестницу, можно было разглядеть высокую башню, узкие окна колокольни и ост-

роконечные башенки колледжа у моста. Вид этих зданий ободрял его, когда вера в будущее угасала.

Подобно всем увлекающимся людям, он не вдавался в детали. Схватывая на лету основное, он недолго останавливался на пустяках. В настоящий момент, говорил он себе, необходимо одно — накопить денег и знаний, чтобы быть наготове, и ждать удобного случая, какой только может представиться, дабы приобщиться к лону университета. «Потому что под сенью мудрости то же, что под сенью серебра, но превосходство знания в том, что мудрость дает жизнь, владеющему ею». Он был до того поглощен своей мечтой, что не давал себе труда задуматься над тем, насколько она осуществима.

В это время он получил от своей бедной бабки полное тревоги письмо, выражавшее прежние ее опасения: она боялась, что у Джуда не хватит характера держаться подальше от Сью Брайдхед и ее родных. Отец Сью, как полагала бабка, вернулся в Лондон, но сама девушка осталась в Кристминстере. Ее следовало избегать еще и потому, что она была не то художницей, не то рисовальщицей в так называемой церковной лавке — настоящем рассаднике идолопоклонства, и уж

наверное имела пристрастие ко всякой нелепой религиозной обрядности, а то и вовсе была паписткой (сама мисс Друзилла Фаули от рождения была евангелисткой).

Поскольку Джуд прочил себя скорее в мыслители, чем в богословы, сообщение о предполагаемых воззрениях Сью никак его не затронуло, зато намек на ее местопребывание весьма заинтересовал. С каким-то особым удовольствием обошел он в первые же свободные часы лавки, соответствовавшие описанию его двоюродной бабки, и в одной из них увидел девушку, сидящую за конторкой и подозрительно похожую на оригинал портрета. Он отважился войти, купил какую-то мелочь и не спешил уходить. Оказалось, что лавку обслуживают одни женщины. В ней продавались англиканские книги, письменные принадлежности, библейские изречения, гипсовые ангелочки на подставках, изображения святых в готических рамках, кресты из черного дерева в виде распятий, молитвенники, которые могли бы сойти за католические требники, и прочее в том же духе, Джуд не посмел разглядывать девушку за конторкой. Она была такая хорошенькая, что ему просто не верилось — неужели это и есть его родственница? Она заговорила с одной

из двух женщин постарше, стоявших за прилавком, и он узнал в ее голосе свои нотки, более нежные и мягкие, но свои. Чем она занимается? Он взглянул украдкой. Перед ней лежал кусок цинка, обрезанный в виде полосы фута в три или четыре длиной и с одной стороны сплошь залитый краской. На нем она выводила готическими буквами одно-единственное слово: «АЛЛИЛУЙЯ».

«Какая у нее чистая, возвышенная, христианская работа!» — подумал он.

Ее присутствие здесь было легко объяснимо: свою способность к подобной работе она, несомненно, унаследовала от отца, церковного резчика по металлу. Надписи, над который она сейчас трудилась, должно быть, надлежало украсить какой-нибудь алтарь, дабы поддержать дух благочестия.

Он вышел из лавки. Не было ничего легче заговорить с нею тут же, но ему казалось нечестным по отношению к бабке так быстро пренебречь ее просьбой. Правда, бабка обращалась с ним грубо, но все же она вырастила его, и сознание, что она бессильна ему воспрепятствовать, придавало особый моральный вес ее запрету, который не имел в его глазах никакого оправдания сам по себе.

Итак, Джуд ничем себя не выдал. Пока он решил

не объявляться Сью. Были и другие причины, почему он ушел, не сказавшись. Она казалась такой изящной рядом с ним, одетым в грубую рабочую куртку и запыленные штаны, что он считал себя еще не готовым к встрече с ней, так же как и с Филотсоном. К тому же вполне могло случиться, что она унаследовала семейную неприязнь к их ветви рода, и как христианка с презрением оттолкнет его, в особенности когда он поведает ей неприглядную часть своей биографии, завершившуюся скреплением брачных уз с представительницей ее пола, которая наверняка бы ей не понравилась.

Он не выпускал ее из виду, и ему было радостно думать, что она все время где-то рядом. Сознание ее близости окрыляло его. И все же она оставалась для него неким идеальным образом, вокруг которого сплетались странные, фантастические грезы.

Недели две или три спустя возле колледжа Крозье на Старой улице Джуд и несколько рабочих сгружали с подводы глыбу обработанного камня — ее предстояло водрузить на парапет, которой они подновляли. Выждав нужный момент, десятник скомандовал:

— Поднимай дружно! Раз-два, взяли!

Они подхватили камень, и в этот самый момент Джуд увидел рядом с собой свою кузину, которая задержалась на миг, выжидая, пока уберут глыбу, преградившую ей путь. Она обратила на него светлый загадочный взгляд, в котором сочетались — или ему только так показалось — проницательность, нежность и таинственность; это выражение глаз и рта родилось из слов, только что сказанных ею спутнице, и запечатлелось на лице ее совершенно бессознательно. Его присутствие она заметила не более, чем пылинки, взметнувшиеся в солнечных лучах от его движений.

Она очутилась около него так близко, что он вздрогнул и невольно отвернулся, испугавшись, как бы она не узнала его, хотя это было невозможно, потому что она ни разу его не видела и даже, наверное, имени его никогда не слыхала. При этом он успел заметить, что будучи по происхождению девушкой деревенской, она уже приобрела внешний лоск — годы ранней юности, проведенные в Лондоне, и девичество здесь, в Кристминстере, не прошли для нее даром.

Когда она ушла, он вновь принялся за работу, не переставая думать о ней. Ее появление так его поразило, что он даже не успел ее как сле-

дует разглядеть. Невысокая, хрупкая, тонкая, вспоминал он теперь, таких обычно называют изящными. Это было почти все, что ему удалось рассмотреть. Ничего величавого, наоборот: вся — движение и порыв. Быстрая, живая, однако художник не назвал бы ее хорошенькой или красивой. Но именно то, что она такая, и было для него удивительно. В ней не чувствовалось и следа той деревенской неотесанности, какая отличала его. И как только удалось ей достичь такой утонченности — ей, представительнице их упрямого, неудачливого, чуть ли не проклятого рода? Это сделал Лондон, решил он.

С этой минутой чувства, переполнявшие его душу, навеянные одиночеством и поэзией места, обратились на этот отчасти созданный его воображением образ, и он увидел, что как бы он ни старался выполнить обет послушания, скоро он будет не в силах противиться желанию познакомиться с ней.

Он обманывал себя, что видит в ней лишь родственницу, поскольку существовали весьма веские причины, почему он не должен был и не мог относиться к ней иначе.

Первая причина состояла в том, что он женат, и, стало быть, это грех. Вторая — они были в

двоюродном родстве. Не подобает брату и сестре влюбляться друг в друга, даже если обстоятельства благоприятствуют их страсти. Третья: будь он даже свободен, в таком роду, как его, где брак обычно сводился к унылой трагедии, союз между кровными родственниками и подавно не сулил добра, и трагедия унылая могла бы перерасти в трагедию жестокую.

Итак, он должен интересоваться Сью лишь как родственник и видеть в ней друга, которым можно гордиться, с которым можно поговорить, раскланяться, а там, быть может, и посидеть за чашкой чая, ограничиваясь в отношениях лишь строго родственными чувствами и доброжелательством. Пусть она будет ему путеводной звездой, источником вдохновения, соратницей в служении англиканской церкви и нежным другом.

III

И все же, несмотря на все эти сдерживающие причины, Джуда инстинктивно тянуло к ней, и он в первое же воскресенье отправился на утреннюю службу в кафедральный собор при Кардинальском колледже, надеясь увидеть ее, так как он узнал, что она часто там бывает.

Она не пришла, но после полудня погода прояснилась, и он решил дождаться ее. Он знал, что если она вообще придет, то должна пройти по восточной стороне зеленого квадратного двора, — только таким путем можно было войти в церковь, — и, пока звонил колокол, он ждал, стоя в дальнем углу. Она появилась за несколько минут до начала службы в потоке других прихожан, проходивших под стенами колледжа, и, увидев ее, он двинулся по противоположной стороне и последовал за нею в собор, радуясь, как никогда, что еще не представился ей. Смотреть на нее, оставаясь незамеченным и неузнанным, — этого пока было для него достаточно.

Он задержался у входа, и когда садился на место, богослужение уже началось. День был

хмурый, печальный и тихий — один из тех дней, когда религия представляется необходимостью и для простых смертных, а не только роскошью для эмоционально утонченных и праздных. В тусклом полумраке, прорезанном слепящими снопами света, падающего из эркеров, можно было лишь с трудом различить молящихся, сидевших с противоположной стороны. Но он все же нашел среди них Сью. Едва успел он определить, где она сидит, как вступил хор и запели вторую часть «Блаженны непорочные в пути» сто девятнадцатого псалма, а орган перешел на патетический григорианский мотив.

Как юноше содержать в чистоте путь свой?

Это был тот самый вопрос, который занимал мысли Джуда в данный момент. Какой он безнравственный и никчемный! Дал волю животной страсти к женщине и на себе испытал ее плачевные последствия, потом хотел покончить с собой, а вместо этого пошел и напился. Могучие волны органной музыки захлестывали хор, и не было ничего удивительного в том, что Джуд, воспитанный на вере в сверхъестественное, был почти убежден, будто этот псалом не зря выбран

заботливым провидением по случаю его первого посещения святого храма. На самом же деле это был обычный вечерний псалом, исполняемый двадцать четвертого числа каждого месяца.

Девушку, к которой он начал испытывать необыкновенную нежность, в это время овевали те же гармонии что наполняли и его слух, и мысль об этом приводила его в восхищение. Наверное, она часто приходит сюда, так как она и телом и душой предана церкви по роду своих занятий и образу жизни, то она должна иметь с ним много общего. Сознание, что наконец-то он обретет единомышленницу, которая много обещает как в смысле человеческих, так и духовных качеств, для впечатлительного и одинокого юноши было подобно росе Ермонской, и он до конца службы пребывал в состоянии полного восторга.

Правда, можно было бы сказать ему, что свежестью потянуло не только из Галилеи, но и с Кипра, но он решительно отверг бы такое подозрение.

Джуд выждал, пока она встанет с места и пройдет притвор, а затем встал и сам. Она не смотрела в его сторону, и когда он добрался до выхода, она уже ушла далеко вперед по широкой дорожке. Так как на нем был воскресный костюм, ему захотелось пойти за ней следом и представиться.

Но внутренне он еще не вполне подготовился к такому дерзкому поступку, да к тому же — увы! — вправе ли он был поступить так, когда в нем пробуждалось запретное чувство?

Несмотря на то, что во время богослужения он как будто всецело настроился на религиозный лад, в чем он и сам старался убедить себя, от него все же не укрылся истинный характер его влечения. Она ему совсем чужая, а что он видит в ней только родственницу — притворство! «Этого не должно быть! — говорил он себе. — Я человек женатый и не должен с ней знакомиться!» Однако Сью все-таки была ему родственницей, а то обстоятельство, что у него есть жена, хотя бы и в другом полушарии, в некотором смысле могло даже сослужить ему службу. Ведь Сью и в голову не придет подумать о каких-либо нежных чувствах с его стороны, и она будет встречаться с ним легко и непринужденно. Не без горечи он поймал себя на мысли, сколь мало он заинтересован в той легкости и непринужденности, какие она обретет, узнав о нем все.

За несколько дней до этого богослужения Сью Брайдхед — хорошенькая молодая женщина с ясным взглядом и легкой походкой — освободилась на вторую половину дня и, покинув церковную

лавку, где она не только работала, но и жила, отправилась с книгой в руках на прогулку за город. Стойл один из тех безоблачных дней, какие выдаются иногда между холодными и дождливыми днями в Уэссексе и других местах, словно по капризу бога погоды. Она прошла милю или две и, оставив город позади, поднялась на холм.

Дорога пролегала меж зеленых полей. Подойдя к перелазу, Сью остановилась, чтобы дочитать начатую страницу, затем оглянулась на город, на его старые и новые башни, купола и островерхие крыши.

По ту сторону перелаза, на тропинке, она увидела темноволосого человека с болезненным цветом лица, он сидел на траве возле большой квадратной доски, на которой вплотную одна к другой стояли гипсовые статуэтки (иные из них были покрыты бронзой), и переставлял их, собираясь двинуться дальше. В большинстве своем это были уменьшенные копии античных статуй богов, весьма мало похожих на те, какими девушка привыкла их видеть; среди них была наиболее распространенная копия Венеры, Диана, а из представителей другого пола — Апполон, Вакх и Марс. Несмотря на то, что фигурки стояли за много ярдов от Сью, они так ярко выделялись на

фоне зеленой травы в лучах юго-западного солнца, что она отчетливо различала все их контуры, а так как они пришлись почти на одной линии с городскими колокольнями, которые она видела перед собой, это будило в ней до странности чуждые и противоречивые мысли. Человек поднялся, а заметив ее, вежливо снял шляпу и выкрикнул: «Ста-а-атуэтки!» — причем произношение вполне соответствовало его внешности. После этом он проворно поднял к себе на колено доску с собранием богов и простых смертных, затем поставил ее на голову, подошел к Сью и опустил доску на ступеньки перелаза. Для начала он предложил ей изделия помельче — бюсты королей и королев, потом менестреля, затем Купидона с крылышками. Она отрицательно покачала головой.

— Сколько стоят вот эти две? — спросила она, тронула пальцем Венеру и Аполлона — самые большие статуэтки на доске.

Он ответил, что она может взять их за десять шиллингов.

— Для меня это слишком дорого, — сказала Сью.

Она предложила ему значительно меньше, и, к ее удивлению, торговец вынул статуэтки из проволочный гнезд и протянул ей. Она схватила

их, словно сокровище.

Но когда деньги были уплачены и торговец ушел, она растерялась, не зная, что с ними делать. Теперь, перейдя в ее руки, они казались такими заметными, такими голыми. Ей стало не по себе, и она вдруг устрашилась своей затеи. Пока она вертела статуэтки в руках, гипсовая пыль запорошила ее перчатки и жакет. Некоторое время она несла их неприкрытыми, но потом нашла выход. Она нарвала лопухов, лебеды и прочей сорной травы, росшей у изгороди, и старательно завернула в них свою ношу. Получился огромный букет зеленых растений, собранный страстной любительницей природы.

— Что ж, лучше уж что-нибудь, только не эти надоевшие церковные украшения! — подумала она вслух.

Однако она по-прежнему нервничала и почти жалела, что купила статуэтки.

То и дело заглядывая под листья, чтобы проверите цела ли рука у Венеры, она вступила со своей языческой ношей в наихристианнейший из городов страны по глухой улице, параллельной Главной, и, завернув за угол, подошла к боковому входу в лавку, где жила и работала. Она сразу же пронесла покупки в свою комнату

и сперва решила было запереть их в сундучок, который был ее собственностью, но, обнаружив, что статуэтки чересчур велики, она завернула их в большие листы оберточной бумаги и поставила на пол в углу.

Хозяйка дома, мисс Фонтовер, была пожилая дама в очках, одевавшаяся совсем как аббатиса, знаток ритуала, как и подобало человеку ее рода занятий, прихожанка обрядовой церкви св. Силы в упомянутом уже предместье «Вирсавия», которую начал посещать и Джуд. Она была дочерью небогатого священника и после его смерти, которая случилась за несколько лет до настоящих событий, смело бросила вызов нужде, купив небольшую лавку церковных принадлежностей и расширив ее до теперешних внушительных размеров. В качестве единственного украшения она носила нашейный крест и четки и знала наизусть весь христианский календарь.

Она пришла звать Сью к чаю и, так как девушка замешкалась с ответом, вошла в комнату как раз в тот момент, когда Сью в спешке обвязывала свертки бечевкой.

— Делали покупки, мисс Брайдхед? — спросила она, разглядывая завернутые статуэтки.

— Да… захотелось немного украсить комна-

ту, — ответила Сью.

— Гм… а мне-то казалось, что я уже позаботилась об этом, — сказала мисс Фонтовер, окидывая взглядом гравюры святых в готических рамках, свитки с готическими надписями и прочие вещицы, которые уже не годились для продажи и пошли на убранство этой мрачной комнаты. — Что это? Что-то большое! — Она проковыряла в бумаге дырку величиной с облатку и заглянула в нее. — О, статуэтки? Две штуки? Где вы их взяли?

— Купила у бродячего торговца…

— Это святые?

— Да.

— Какие же?

— Святой Петр и святая… э-э… святая Мария Магдалина.

— Ну ладно, пойдемте пить чай, а потом, если будя еще светло, заканчивайте тот органный текст.

Эти маленькие препятствия, помешавшие удовлетворению ее, в сущности, минутной прихоти, лишь еще сильнее разожгли в Сью желание поскорее распаковав свою покупку и рассмотреть ее, а потому, когда настали время сна и можно было не бояться, что ее потревожат, она не спеша сняла с богов их покровы. Поставив статуэтки на

комод, а возле них по свече, она улеглась в постель и начала читать книгу, которую вынула из своего сундучка и о существовании которой мисс Фонтовер даже не подозревала. Это был том Гиббона, а читала она главу о царствовании Юлиана Отступника. Время от времени она поднимала глаза на гипсовые фигурки, которые выглядели странно и неуместно рядом со святым распятием на стене, случайно оказавшимся между ними, и, словно это навело ее на мысль, она вдруг вскочила, достала из сундучка другую книгу — томик стихов — и раскрыла ее на знакомой поэме:

Ты победил, галилеянин бледный;
Мир поседел от твоего дыханья! —

которую дочитала до конца. Потом задула свечи, разделась и погасила свет.

Она была еще в том возрасте, когда спят крепко, однако в ту ночь она то и дело просыпалась и в рассеянном свете, проникавшем с улицы, видела на комоде белые гипсовые фигурки, составлявшие странный контраст их окружению — всем этим священным текстам, мученикам и гравюре в готической рамке со сценой распятия, различить на которой, правда, можно было лишь крест, так как фигуру еще скрывали ночные тени.

В одно из таких пробуждений она услышала, как часы на колокольне пробили ранний предрассветный час. Бой часов достиг слуха еще одного человека, что сидел над книгами в том же городе и не очень далеко от нее. Поскольку ночь была субботняя, Джуд не завел будильник, обычно поднимавший его спозаранку, и по привычке собирался лечь на два-три часа позже, чем позволял себе в будни. Сейчас он усердно читал свою грисбаховскую Библию, и в то самое время, когда Сью беспокойно ворочалась в постели, разглядывая статуэтки, полисмен и запоздалые горожане, которым случилось проходить под его окном, задержавшись, могли бы услышать, как в доме кто-то с жаром бормочет слова на неведомом наречии — слова, полные неизъяснимого очарования для Джуда и лишенные всякого смысла для других.

— «Алл гемин гейс теос то патер, экс гоу та панта, кай гемейс, эйс аутон».

А захлопывая книгу, он произнес звучным, полным благоговения голосом:

— «Кай гейс Куриос Иесоус Христос, ди гоу та панта кай гемейс ди аутоу!»

IV

В своем деле он был искусным работником, мастером на все руки, как и полагается быть ремесленнику в маленьких городах. В Лондоне рабочий, высекающий из камня рельефную деталь лиственного орнамента, откажется резать прилегающую к листве часть фриза, словно находя для себя унизительным выполнять вторую половину единого целого. Когда в мастерской не хватало работы по готическому фризу или украшению окон, Джуд нанимался делать надписи на памятниках и могильных плитах и даже находил удовольствие в такой перемене работы.

В следующий раз он увидел Сью, когда, стоя на приставной лестнице, выполнял подобного рода работу в одной из церквей. Начиналось короткое утреннее богослужение, и как только священник вошел, Джуд спустился с лестницы и подсел к прихожанам, — их набралось человек шесть, — чтобы по окончании молебна снова взяться за молоток. Только под конец он заметил среди женщин Сью: ей пришлось сопровождать в церковь почтена мисс Фонтовер.

Джуд смотрел на ее изящные плечи, на то, как свободно и непринужденно она вставала и снова садилась, как небрежно преклоняла колени, и думал о том, как помощницей была бы ему эта англиканка при более счастливых обстоятельствах. Вовсе не желание скорее приступить к работе заставило его снова взобраться на лестницу, как только прихожане стали расходиться, он просто не осмеливался здесь, в святом месте посмотреть в лицо женщине, которая производила на него столь неизъяснимое впечатление. Теперь, когда он уверился окончательно, что его влечение к ней носит чувственный характер, три упомянутых веских довода против близкого знакомства со Сью Брайдхед опять неотступно стояли перед ним. Но само собой разумеется человек не может жить одной только работой, и уж во всяком случае, такому человеку, как Джуд, необходимо было кого-нибудь любить. Другие не задумываясь кинулись бы к ней, чтобы вкусить прелесть легкой дружбы, в которой она едва ли могла бы отказать, а там что бог пошлет. Джуд так не мог — поначалу.

В последующие дни, особенно же в одинокие вечера он, терзаясь душевно, замечал, что думает о ней все больше и больше, да еще находит тай-

ную сладость в этом недозволенном чувстве. Он везде чувствовал ее присутствие; проходя мимо зданий, которые она посещала, он неизменно вспоминал о ней и был вынужден признаться себе, что в этой борьбе совесть его, кажется, терпит поражение.

Разумеется, она все еще была для него идеалом, почти целиком созданным его воображением. Быть может знакомство с нею излечило бы его от этой нежданной и запретной страсти. Однако внутренний голос шептал ему, что хоть он и желает этого знакомства, но излечиваться от своей страсти вовсе не желает.

Не оставалось никаких сомнений в том, что с точки зрения общепринятой морали, которую он разделял, положение становится безнравственным. Ибо для человека, которому по законам его страны разрешается любить до конца дней своих только Арабеллу и который к тому же избрал тот путь, на какой он, Джуд, стал, — полюбить Сью было прискорбным началом для его новой жизни. Он был так твердо в этом убежден, что однажды, работая, по обыкновению, один в деревенской церкви в окрестностях города, счел своим долгом обратиться к богу с просьбой избавить его от этой слабости. Но, несмотря на все старания, молитва

у него не получилась. Он увидел, что невозможно просить, чтобы тебя избавили от искушения, когда ты трижды жаждешь этого искушения. Тогда он нашел себе оправдание. В конце концов, — сказал он себе, — нельзя считать, что мною, как и в тот раз, владеет лишь чувственность. Я вижу, что она на редкость умна, и мои чувства в какой-то мере вызваны потребностью в духовной близости и доброте, которых мне так недостает в моем одиночестве. И он продолжал боготворить ее, боясь признаться себе, что в этом крылся некий порок. Ибо каковы бы ни были добродетели Сью, ее способности и религиозные чувства, отнюдь не они пробудили его любовь к ней, — это было очевидно.

Как-то вскоре днем во двор-мастерскую каменщика нерешительно вошла девушка и, приподняв юбки, чтобы они не волочились по белесой каменной пыли, направилась через двор к конторе.

— Миленькая, — бросил один из рабочих, которого звали дядюшка Джо.

— Кто такая? — спросил другой.

— Не знаю… Вижу ее то тут, то там. Постой, ну конечно же, это дочка того головастого малого Брайдхеда, что работал по металлу в церкви

святого Силы лет десять назад, а потом уехал в Лондон. Не знаю, как сейчас у него дела, думаю, не очень, раз она вернулась сюда.

Между тем девушка постучалась в контору и спросила, можно ли видеть мистера Джуда Фаули. Как раз в это время Джуд куда-то отлучился; это известие она выслушала с видимым разочарованием и тут же ушла. Когда Джуд вернулся и ему рассказали о посетительнице, описав ее внешность, он воскликнул:

— Да ведь это моя кузина Сью!

Он выглянул на улицу, но она уже скрылась из виду. Больше он уже не думал о том, чтобы умышленно избегать встречи с нею, и решил в тот же вечер навестить ее. Придя домой, он нашел от нее записку — первую записку, один из тех документов, которые сами по себе не представляют ничего особенного или необыкновенного, однако, когда оглянешься на прошлое, оказывается, таят в себе нечто невероятно важное. Полное неведение относительно надвигающейся драмы, о коем свидетельствуют эти первые невинные послания женщины к мужчине или vice versa[5] делает их тем более выразительными и торжественными, а

[5] Примечания: 5
Наоборот (лат.).

бывает, и зловещими, что по завершении драмы послания эти перечитываются в ее огненно-грозовом либо мертвенно-бледном свете.

Послание Сью было самым бесхитростным и непринужденным. Она называла его своим милым кузеном Джудом, сообщала, что лишь совсем недавно и совершенно случайно узнала о его пребывании в Кристминстере, и упрекала за то, что он не дал ей об этом знать. Они могли бы так приятно проводить время вместе, писала она, ведь по существу она предоставлена самой себе и у нее нет здесь, пожалуй, ни одного близкого друга. А теперь она, по всей вероятности, скоро уедет, и случай завести с ним дружбу будет упущен, возможно, навсегда.

При известии, что она уезжает, Джуд похолодел.

Ему и в голову не приходило, что это может случиться, и он поспешил написать ей записку. Он будет ждать ее сегодня вечером, через час после написания записки, у креста, выложенного на мостовой в знак принятых на этом месте мук.

Отослав с мальчиком записку, он тут же пожалел, что сгоряча предложил ей встретиться на улице, тогда как можно было просто зайти к ней. Назначать свидание под открытым небом — так

было принято в деревне, и потому ни о чем другом он не подумал. Именно так встречался он, на свою беду, с Арабеллой, но такой тонкой девушке, как Сью, это может показаться неприличным. Однако поправить дело было уже нельзя, и за несколько минут до назначенного срока он направился к условленному месту при свете только что зажженных фонарей.

Широкая улица была безмолвна и почти пустынна, хотя час был не поздний. На противоположной стороне он заметил фигуру — это была она, и они оба одновременно двинулись к изображению креста. Но не успели они дойти до него, как она крикнула:

— Не хочу, чтобы наша первая встреча произошла здесь! Пройдем дальше.

Голос ее, решительный и звонкий, звучал взволнованно. Они пошли параллельно друг другу, и Джуд, повинуясь ее воле, ждал, пока она не подала знак к сближению. Они встретились как раз на том месте, где днем стояли извозчики; в этот час тут никого уже не было.

— Прости, что я назначил встречу на улице, а не зашел к тебе, — с робостью влюбленного начал Джуд. — Мне казалось, так мы сбережем время, если вдруг захотим пройтись.

— О, все равно, — ответила она с дружеской непринужденностью. — Собственно говоря, мне и позвать-то к себе некуда. Я только подумала, что ты выбрал такое ужасное место… нет, пожалуй, нехорошо говорить — ужасное… я хотела сказать, мрачное и зловещее, если вспомнить… Но разве не смешно начинать разговор вот так, когда я даже не знакома с тобой? — Она с любопытством окинула его взглядом, меж тем как Джуд старался не смотреть на нее. — Ты как будто лучше знаешь меня, чем я тебя, — добавила она.

— Да… я тебя изредка видел.

— И знал, кто я, и не заговорил? Ну вот, а теперь я уезжаю.

— Да, это очень грустно. У меня ведь нет здесь больше друзей. Есть, правда, один старый друг, который живет где-то в этих краях, но пока я еще не хочу с ним встречаться. Не знаю, может, ты слыхала о нем. Его зовут Филотсон. Я думаю, теперь он уже приходский священник где-нибудь в графстве.

— Нет, я знаю другого Филотсона, что живет неподалеку в деревне, в Ламсдоне. Он школьный учитель.

— Как? Неужели это тот самый Филотсон? Нет, не может быть! Все еще школьный учитель! А

как его зовут? Уж не Ричард ли?

— Да, Ричард. Я посылала ему книги, но его самого ни разу не видела.

— Стало быть, он так ничего и не добился!

Джуд помрачнел: где ему рассчитывать на успех, если даже сам великий Филотсон потерпел неудачу? Он бы на целый день впал в отчаянье, если бы получил это известие не от своей обожаемой Сью. Однако уже сейчас он ясно представлял себе, как тяжело будет переживать крах планов Филотсона, когда она уйдет и он останется один.

— Раз уж мы решили погулять, может, зайдем к нему? — неожиданно предложил Джуд. — Еще не поздно.

Она согласилась, и они пошли вверх по холму через красивую лесистую местность. Вскоре на фоне неба показались зубчатая башня и квадратная колокольня, а за ними и школа. Они спросили первого встречного, бывает ли мистер Филотсон в это время дома, и услышали в ответ, что он всегда дома. Учитель вышел на стук со свечой в руке; лицо его, изможденное и похудевшее с тех пор, как Джуд видел его в последний раз, выражало недоумение.

Не такой рисовалась воображению Джуда встреча с мистером Филотсоном все эти годы, и

безотрадное от нее впечатление мигом развеяло ореол, которым был окружен в его глазах образ учителя с того дня, как они расстались. Вместе с тем в нем пробудилось сочувствие к Филотсону как к человеку явно много претерпевшему в жизни и перенесшему крах всех своих иллюзий. Джуд назвал себя и сказал, что пришел повидаться с ним, своим старым другом, который был так добр к нему в дни его детства.

— Я совершенно не помню вас, — задумчиво произнес учитель. — Вы говорите, что были моим учеником? Очень может быть, но их прошло тысячи через мою жизнь, разумеется, они так изменились, что я помню лишь немногих, разве что самых последних.

— Это было в Мэригрин, — сказал Джуд, уже жалея, что пришел.

— Да, да, я работал там некоторое время. А это тоже моя бывшая ученица?

— Нет… это моя кузина… Я просил вас прислать мне грамматики, если вы помните, и вы их прислали.

— Да, да! Помнится, было что-то такое.

— С вашей стороны это было очень любезно. Именно вы направили меня на верный путь. В то утро, когда вы уезжали из Мэригрин и ве-

щи ваши уже лежали в повозке, вы пожелали мне всего доброго и сказали, что намереваетесь окончить университет и вступить в лоно церкви, что ученая степень — это то пробирное клеймо, которое необходимо всякому, кто хочет чего-либо добиться как теолог или преподаватель.

— Помню, я подумывал об этом про себя, но удивлен, что не сохранил этого в тайне. Эту мечту я оставил давно.

— Зато я никогда не забывал об этом. Это-то и привело меня в Кристминстер и побудило навестить вас сегодня.

— Заходите, — пригласил Филотсон. — Вместе с вашей кузиной, разумеется.

Они вошли в гостиную с лампой под бумажным абажуром, освещавшей три или четыре книги на столе. Филотсон снял его, чтобы лучше разглядеть гостей, свет упал на выразительное лицо, живые черные глаза и волосы Сью, на серьезное лицо ее брата и усталое лицо и фигуру самого учителя — худощавого, задумчивого человека лет сорока пяти, с тонким, нервным ртом. Он чуть сутулился в силу привычки и был одет в черный сюртук, слегка лоснившийся от долгой носки на спине и на локтях.

Былая дружба мало-помалу возобновлялась:

школьный учитель рассказывал о своей жизни, брат и сестра — о своей. Он признался им, что иногда все еще подумывает о духовной карьере и, хотя не имеет возможности осуществить свое давнишнее намерение — принять сан, все же надеется приобщиться к церкви в качестве лиценциата. А пока что, сказал он, его вполне устраивает настоящее положение, вот разве что недостает помощника.

Ужинать они не остались и пошли обратно в Кристминстер, так как Сью должна была рано вернуться домой. Несмотря на то что говорили они только на обще темы, Джуд с изумлением убеждался, какая замечательная женщина открывается ему в Сью. Она была сама трепетность, и казалось, будто все, что бы она ни делал, имеет своим источником чувство. Какая-нибудь вдруг взволновавшая ее мысль заставляла ее настолько ускорять шаг, что он едва поспевал за нею, а ее щепетильность в некоторых вопросах могла быть принята за тщеславие. С тоскою в сердце от отмечал, что любит ее теперь сильнее, чем до знакомства, тогда как она питает нему всего лишь искренние дружеские чувства. И на обратном пути мрак царил не только в нависшей над ними ночи, но и в его мыслях о ее отъезде.

— Зачем ты уезжаешь из Кристминстера? — спросил он с сожалением. — Как ты можешь изменить городу, чья история связана с такими громкими именами, как Ньюмен, Пьюзи, Уорд и Кэбл?

— Да… громкими. Но прогремят ли они в мировой истории?.. И что за смешная причина к тому, чтобы остаться! Мне бы это и в голову не пришло! — Она засмеялась. — Ничего не поделаешь, приходится уезжать, — продолжала она. — Мисс Фонтовер, одна из совладелиц заведения, в котором я служу, недовольна мной, а я ею, так что мне лучше уехать.

— Что у вас произошло?

— Она разбила мои статуэтки.

— Как! Нарочно?

— Да. Она нашла их у меня в комнате и хотя они принадлежали мне лично, она швырнула их на пол и стала топтать ногами только потому, что они пришлись ей не по вкусу. У одной из статуэток она искрошила каблуком руки и голову. Это было ужасно!

— Должно быть, они показались ей слишком католическими? Наверное, она обозвала их папскими идолами и говорила о поклонении святым?

— Нет, не то. Дело обстояло совсем иначе.

— Вот как? Тогда я не понимаю!

— Мои святые заступники не понравились ей совсем по другой причине. Я не стерпела и заявила ей свое неудовольствие. Кончилось тем, что я решила уехать и найти такую работу, при которой я буду более независима.

— А не взяться ли тебе снова за преподавание? я слыхал, ты когда-то занималась этим.

— Я не думала возвращаться к преподаванию, потому что делала успехи как рисовальщица.

— Пожалуйста, позволь мне попросить Филотсона, чтобы он разрешил тебе попробовать свои силы в его школе, хорошо? Если работа тебе понравится, ты сможешь поступить в педагогический колледж и стать настоящей учительницей с дипломом и зарабатывать тогда будешь вдвое больше, чем любой рисовальщик или церковный художник, и свободней будешь вдвое.

— Что ж, попроси. А теперь я должна идти. До свиданья, милый Джуд! Я так рада, что мы наконец познакомились. Мы ведь не будем ссориться только из-за того, что ссорились наши родители, правда?

Не смея даже показать, до какой степени он с ней согласен, Джуд свернул в тихую улицу, на

которой жил.

Им теперь владело одно желание — удержать Сью Брайдхед возле себя, не считаясь с последствиями, и на другой же вечер он опять отправился в Ламсдон, не рассчитывая на убеждающую силу письма. Учитель не ожидал такого предложения.

— По правде говоря, мне бы нужен помощник для старших учеников, — сказал он. — Конечно, и ваша кузина могла бы подойти, но у нее нет опыта. Ах, есть, вы говорите? И она всерьез хочет избрать профессию учителя?!

Джуд ответил, что, по его мнению, она к этому расположена, и принялся так чистосердечно превозносить ее врожденные педагогические способности, которые внезапно в ней обнаружил, что учитель согласился взять ее в помощницы, но по-дружески внушил Джуду, что если его кузина не намерена всерьез работать на этом поприще и не будет рассматривать этот шаг как первую ступень ученичества, за которой последует вторая — обучение в педагогическом училище, она только понапрасну потеряет время, по сути даром получая деньги.

На другой день после этого посещения Филотсон получил от Джуда письмо, в котором тот

сообщал, что еще раз говорил с кузиной, что ее все больше начинает увлекать мысль о преподавании, словом, что она согласна приехать. Одинокому немолодому учителю и в голову не пришло, что пылкими стараниями Джуда устроить эти дело руководили какие-либо иные чувства по отношению к Сью чем естественное желание помочь родственнице.

V

Школьный учитель сидел в своем скромном доме при школе, оба здания были современной постройки, и глядел через дорогу на старый дом, где поселилась новая преподавательница Сью. Назначение было оформлено очень быстро. Помощник учителя, которого должны были перевести в школу Филотсона, не явился, Сью приняли как временную заместительницу. Подобные временные назначения могли оставаться в силе лишь до очередной ежегодной ревизии инспектора ее величества, чье согласие было необходимо для утверждения в должности. Строго говоря, мисс Брайдхед была не новичком в этом деле, поскольку уже преподавала года два в Лондоне, хотя в последнее время и отказалась от этого занятия, и Филотсон полагал, что будет нетрудно утвердить ее в должности, чего ему уже хотелось, несмотря на то, что она проработала с ним всего три-четыре недели. Она оказалась именно такой, какой Джуд описывал ее, — толковой и расторопной, а какой мастер не захочет удержать ученика, который выполняет за него

половину работы?

Было немногим больше половины девятого утра, и он ждал, пока она пересечет улицу, направляясь в школу, чтобы последовать за ней. Без двадцати девять она вышла в светлой шляпке, небрежно седевшей на голове, и он смотрел на нее, как на чудо. В это утро, казалось, от нее исходило какое-то особое обаяние, не имевшее никакого отношения к ее педагогическим талантам. Он прошел в школу следом за ней, и весь день Сью оставалась у него на глазах, занимаясь со своим классом в другом конце той же комнаты. Она и в самом деле была превосходным учителем.

В его обязанности входило давать ей по вечерам уроки, и один из параграфов устава требовал, чтобы на этих уроках присутствовала какая-нибудь почтенная пожилая особа, если учитель и обучаемый разного пола. Ричарду Филотсону это предписание казалось в данном случае явно нелепым, поскольку девушка годилась ему в дочери, однако он свято соблюдал его и давал ей уроки в комнате, где миссис Хоу — вдова, у которой поселилась Сью занималась шитьем. Впрочем, обойти это правило было бы отнюдь не легко, потому что другой общей комнаты в

доме не было.

Иной раз, решая задачи, — предметом их занятий была арифметика, — она невольно взглядывала на него с вопросительной улыбкой, словно полагала, что ее учитель должен знать, верный или неверный ответ складывается у нее в голове. Филотсон же вовсе и не думал об арифметике, он думал о ней, причем совсем иначе, чем, по его мнению, полагалось ему в роли наставника. Быть может, и она знала, что он думает о ней так.

В течение нескольких недель их занятия шли с однообразием, которое уже само по себе было для него усладой. Затем он решил повести учеников в Кристминстер на передвижную выставку макета Иерусалима, на которую в интересах образования школьников пускали, взимая по пенни с каждого. Дети шагали по дороге попарно, она — рядом со своим классом, под простеньким ситцевым зонтиком, придерживая его ручку большим пальцем; Филотсон — сзади, в длиннополом свободном сюртуке, элегантно помахивая тростью и пребывая в состоянии задумчивости, в которую впал с момента ее приезда. День выдался солнечный и пыльный, и когда они вошли в выставочный зал, то оказались там почти одни.

Макет древнего города стоял посредине зала, и

владелец его с лицом, на котором было написано религиозно-филантропическое рвение, ходил вокруг с указкой в руке, демонстрируя молодому поколению различные кварталы и места, знакомые ему по Библии: гору Мориа, долину Иосафата, град Сион, стены и врата; над одними вратами высился большой храм, подобный кургану, а на холме стоял маленький белый крест. По словам владельца, это была Голгофа.

— По-моему, — сказала Сью учителю, когда они остановились с ним чуть поодаль, — этот макет, как бы тщательно он ни был выполнен, в большей своей части — плод воображения. Откуда знать, что Иерусалим во время Христа выглядел именно так? Я уверена, что автор макета не может этого знать.

— Макет сделан по лучшим предположительным картам, созданным в результате посещений современного Иерусалима.

— Я думаю, хватит с нас Иерусалима, — сказала она, — тем более, что мы ведем свое происхождение не от евреев. В конце концов не сам Иерусалим, ни его народ не имеют такой первостепенной важности, как Афины, Рим, Александрия и другие древние города.

— Но, дорогая моя, подумайте, что он для нас

означает!

Она промолчала, так как не имела привычки настаивать на своем, и тут за группой детей, столпившихся вокруг макета, увидела юношу в белой фланелевой куртке. Он так низко склонился, сосредоточенно изучая долину Иосафата, что лица его почти не было видно за Масличной горой.

— Взгляните на вашего кузена Джуда! — продолжал учитель. — Уж он-то, наверное, не думает, что хватит с нас Иерусалима!

— Ой, я его и не заметила! — воскликнула она, оживившись. — Джуд, как серьезно ты это рассматриваешь!

Джуд очнулся от грез и увидел ее.

— Сью! — сказал он, вспыхнув от радости и смущения. — А это твои ученики, да? Я узнал, что после полудня разрешен вход школьникам, и подумал, что ты тоже можешь прийти. Но я так увлекся, что забыл, где нахожусь. Удивительно, как все это переносит нас в прошлое, не правда ли? Я мог бы изучать этот макет часами, но, к сожалению, у меня всего несколько минут, ведь я здесь работаю.

— Ваша умная кузина беспощадно раскритиковала макет, — пожаловался Филотсон с добродушной иронией.

— Она ставит под сомнение его достоверность.

— Ну, что вы, мистер Филотсон! Вовсе нет, нисколько! И я совсем не хочу считаться умной девицей — их и так развелось слишком много в последнее время! — с обидой возразила Сью. — Я лишь хотела сказать… даже не знаю, что я хотела сказать… во всяком случае, вам этого не понять!

— Я знаю, что ты хотела сказать! — с жаром воскликнул Джуд (на самом деле он этого не знал). — И мне кажется, ты совершенно права!

— Браво, Джуд! Я знаю, что уж ты-то в меня веришь!

Сью порывисто схватила его за руку и, бросив на учителя укоризненный взгляд, повернулась, к Джуду; в голосе ее — слышался трепет, совершенно не соответствующий, как это ей и самой показалось, столь мягкому сарказму. Но она даже не догадывалась, как рванулись к ней сердца обоих мужчин при этом мимолетном проявлении чувства и к каким осложнениям это приведет в их дальнейшей судьбе.

От макета веяло такой назидательностью, что дети очень скоро потеряли к нему интерес, и немного погодя их увели обратно в Ламсдон, а Джуд вернулся к своей работе. Он смотрел, как ребячья стайка в чистых курточках и передниках

парами тянулась вдоль улицы за город рядом с Филотсоном и Сью, и им овладело чувство тоски и разочарования, что жизнь этих двух людей проходит, минуя его. Филотсон пригласил его к себе в пятницу вечером, — в этот день он не давал уроков Сью, — и Джуд с радостью принял приглашение.

Между тем ученики и преподаватели продолжали свой путь к дому, и на другой день Филотсон с удивлением увидел на классной доске в классе Сью искусно нарисованную мелом перспективу Иерусалима, причем каждое здание было на месте.

— Мне казалось, макет вас не заинтересовал, вы едва удостоили его взглядом, — заметил он.

— Так оно и есть, — ответила она, — но кое-что я запомнила.

— Во всяком случае, больше меня.

В это время школьный инспектор ее величества разъезжал по округе с внезапными визитами, «налетом» проверяя работу учителей, и два дня спустя, в разгар утренних занятий, дверная щеколда потихоньку поднялась, и сей джентльмен — гроза начинающих учителей вступил в класс.

Для мистера Филотсона это не явилось большой неожиданностью, с ним так часто проделывали

этот трюк, что он был к нему готов. Но класс Сью находился в дальнем конце комнаты, а сама она стояла к вошедшему спиной, поэтому инспектор подошел, стал позади нее и целых полминуты наблюдал за тем, как она ведет урок, прежде чем она заметила его присутствие. Она обернулась и поняла, что настал момент, которого она так страшилась. Она не удержалась и вскрикнула от испуга. И тут Филотсон, повинуясь какому-то странному волнению, подбежал к ней как раз вовремя, чтобы не дать ей упасть в обморок. Она быстро оправилась и рассмеялась, но, как только инспектор ушел, наступила реакция: она так побледнела, что Филотсон увел ее в свою комнату и дал ей глоток бренди. Придя в себя, она увидела, что он держит ее руку.

— Вы должны были предупредить меня, что ожидается «налет» инспектора, — проговорила она с раздражением. — Ах, что же мне теперь делать? Он доложит начальству, что я никуда не гожусь, и я буду навсегда опозорена!

— Он этого не сделает, милая моя девочка. Вы лучшая учительница из всех, какие у меня были!

Он глядел на нее с такой нежностью, что она растрогалась и пожалела о своем упреке. Когда

ей стало лучше, она ушла к себе.

А Джуд тем временем с нетерпением ожидал пятницы. Всю среду и четверг им владело такое сильное желание увидеть ее, что с наступлением сумерек он выходил на дорогу, ведущую в деревню, а возвратившись домой с намерением почитать, был не в состоянии сосредоточиться на тексте. В пятницу вечером, одевшись получше, чтобы понравиться Сью, и наскоро выпив чашку чаю, он, несмотря на дождливую погоду, отправился в Ламсдон. Кроны деревьев над головой сгущали вечерний сумрак и уныло роняли капли, вызывая предчувствия, — ни на чем не основанные предчувствия, ибо, хотя он и знал, что любит ее, он знал также, что не может быть для нее никем иным, кроме брата.

Первое, что он увидел, когда завернул за угол и вступил в деревню, была пара под зонтиком, выходившая из калитки дома викария. Он был слишком далеко от них, чтобы они могли его заметить, но сам он сразу узнал в них Сью и Филотсона. Учитель держал зонтик над ее головой; по всей видимости, они только что были у викария, возможно, по делам школы. Они шли по мокрому и безлюдному переулку, и Филотсон обнял девушку за талию, но она мягко отстра-

нила его руку, а он обнял ее опять, и на этот, раз она не сопротивлялась, только быстро, с опаской повела взглядом вокруг. Но прямо назад она не посмотрела и поэтому не увидела Джуда, которые отшатнулся, словно от удара, и скрылся в живой изгороди. Он оставался в своем тайнике, пока они не подошли к домику Сью, она вошла в дом, а Филотсон прошел дальше, к школе.

— Ведь он слишком стар для нее… слишком стар! — воскликнул Джуд с мучительной болью отвергнутой любви.

Вмешиваться он не мог. Разве он не принадлежит Арабелле? Идти дальше он был не в состоянии и повернул обратно в Кристминстер. Казалось, каждый его шаг говорил ему, что он ни в коем случае не должен вставать между учителем и Сью. Филотсон старше ее лет на двадцать, но сколько бывает счастливых браков даже при такой разнице в годах! Последней каплей в чаше его горя явилась мысль, что по иронии судьбы он сам был виновником сближения его кузины и школьного учителя.

VI

Старая ворчливая бабка Джуда, что жила в деревне Мэригрин, расхворалась и слегла, и в следующее воскресенье он отправился ее навестить. К этому решению он пришел, поборов сильное желание свернуть в сторону деревни Ламсдон, где могла бы произойти горькая встреча с кузиной, во время которой он все равно не мог бы говорить с ней откровенно и не мог бы признаться, что наблюдал ту мучительную для него сцену.

Бабка уже не вставала с постели, и почти все время, что Джуд пробыл у нее, ему пришлось потратить на устройство ее дел. Ее небольшая пекарня был продана соседу; вырученных денег, а также сбережений вполне хватало на все необходимое; за бабкой ухаживала одна вдова из той же деревни, которая вместе с ней и жила. Уже пора было уходить, когда наконец Джуду удалось спокойно поговорить с ней, и невольно он перевел разговор на кузину.

— Сью здесь родилась?

— Да, в этой самой комнате. Они тогда жили здесь. А ты почему спрашиваешь?

— Так просто, захотелось узнать.

— Ага, значит, ты с ней уже виделся? — строго спросила старуха. — А что я тебе говорила?

— Что мне незачем ее видеть.

— И ты разговаривал с ней?

— Да.

— Ну так больше не смей! Отец учил ее ненавидеть всю материнскую родню, а на простого рабочего парня, как ты, она и вовсе смотреть не станет — теперь она столичная штучка! Я всегда ее недолюбливала. Дерзкая девчонка, и характер упрямый. Частенько ей от меня доставалось за дерзости. Раз она вот что придумала: сняла башмаки, чулки и влезла в пруд, задрав юбчонку выше колен! Только я хотела пристыдить ее, а она и говорит: «Уходите, бабуся! Скромным людям на такое смотреть грех!»

— Она же была тогда совсем ребенок.

— Двенадцать лет уже стукнуло!

— Да, да, конечно. Но теперь она взрослая и такая серьезная, чуткая, мягкая и впечатлительная…

— Джуд! — вскричала, старуха, приподнявшись в постели. — Бога ради, не давай ей себя морочить!

— Нет, нет, конечно, нет!

— Своей женитьбой на этой женщине, Арабелле, ты уже столько зла себе сделал, хуже не придумаешь. Правда, она укатила на другой конец света и теперь вряд ли до тебя доберется. Но ты все равно связан по рукам и ногам, и если ты еще влюбишься в Сью, тебе же будет хуже. Если твоя кузина с тобой любезна, любезничай на здоровье, только знай этому цену. Будь с ней по-родственному, все другое — сущее безумие. Ты пропал, если свяжешься с этой городской куклой, да к тому же, наверно распутной.

— Не говорите о ней плохо, бабушка! Прошу вас, не надо!

Он почувствовал облегчение, когда вошла компаньонка, сиделка его бабки. Должно быть, она прислушивалась к их разговору, так как сразу завела речь о прошлом и принялась описывать Сью Брайдхед, какой та запечатлелась в ее памяти. Она рассказала, что Сью была странной девочкой уже в то время, когда училась в деревенской школе, которая стоит через лужайку, — это было еще до переезда отца ее в Лондон; как она, самая маленькая из детей, выходила на сцену, когда викарий устраивал чтения и декламации, «в туфельках и белом платьице с розовым кушаком» и декламировала «Excelsior», «Ночь слушала ве-

селья звуки» и «Ворона» Эдгара По; как во время чтения она хмурила бровки и, по водя вокруг трагическим взглядом, бросала в пустоту словно обращаясь к кому-то живому:

> *О зловещий древний Ворон, там, где мрак Плутон простер,*
>
> *Как ты гордо назывался там, где мрак Плутон простер?*[6]

— Она так читала про этого страшного ворона, что казалось, будто он стоит у тебя перед глазами, — раздраженно вставила больная. — И ты, Джуд, тоже был горазд в детстве на такие штуки — будто тебе привиделось что.

Соседка рассказала и о других достоинствах Сью:

— Она была не то чтобы сорванец, но иной раз вытворяла такое, что впору только мальчишкам. Я сама видела, как она и еще двадцать ребят гуськом летели вниз с ледяной горы прямо к пруду, а потом без передышки вверх на другой берег. Их фигурки на фоне неба были как нарисованные на стекле, а у нее только кудряшки развевались. И все — мальчишки, она одна девчонка. А потом

---

[6] Примечания: 6
Перевод М. Зенкевича.

они кричали ей «ура», а она сказала: «Не приставайте!» — и вдруг убежала домой. Они хотели выманить ее снова на улицу, но она не вышла.

Эти разговоры лишь еще сильнее растравили душевную рану Джуда, — ведь ему нельзя было домогаться любви Сью, — и он с тяжелым сердцем покинул дом бабки. Его так и подмывало заглянуть в школу — посмотреть комнату, где когда-то отличилась маленькая Сью, но он смирил в себе это желанней прошел мимо.

Был воскресный вечер, крестьяне, знавшие его по той поре, что он жил здесь, стояли кучкой, разодетые в свои праздничные костюмы. Джуд вздрогнул, когда один из них заговорил с ним:

— Так, стало быть, вы все-таки попали туда!

Лицо Джуда выразило недоумение.

— Ну, в этот центр науки, «Город Света», про который вы любили толковать нам мальчонкой. Он что же, такой, как вы думали?

— Даже лучше! — воскликнул Джуд.

— Как-то раз мне довелось побыть там с часок, только ничего особенного я там не углядел. Дома — старые развалюхи, не то церкви, не то богадельни, да и жизни никакой нету.

— Вы не правы, Джон, там больше жизни, чем может заметить глаз прохожего. Это един-

ственный в своем роде центр мысли и религии, сокровищница культуры, источник духовных сил страны. Эта тишина и отсутствие суеты — на самом деле покой вечного движения или, если заимствовать сравнение у известного писателя, — кажущаяся неподвижность быстро вращающегося волчка.

— Что ж, может, все это так, а может, и нет. Только я говорю, ничего я такого не заметил за тот час или два, что я пробыл там. Ну, что я тогда — зашел, спросил кружку пива, булку за пенни да полпорции сыру, посидел немного, а там и домой идти пора. Вы-то, небось, уж поступили в какой-нибудь колледж?

— Где там! — ответил Джуд. — Колледж для меня сейчас почти так же недосягаем, как и прежде.

— Это как же так?

Джуд похлопал себя по карману.

— Так мы и думали! Эти места не про таких, как вы, а про тех, кто с толстым карманом.

— А вот в этом вы ошибаетесь! — с горечью возразил Джуд. — Они именно для таких, как я!

Однако этого замечания было достаточно, чтобы отвлечь внимание Джуда от мира грез, в котором он последнее время витал и где некая

абстрактная личность, более или менее тождественная с ним самим, возносилась в высокую сферу искусства и науки, считая себя призванной занять место в раю ученых. Он решил пересмотреть свои планы в трезвом свете дня. Не так давно он почувствовал, что не управляется с греческим — в особенности с языком драматических произведений — так, как ему того бы хотелось. Порою он до того выматывался за день работы, что терял ясность мысли, необходимую для серьезных занятий. Ему не хватало наставника, близкого друга, который в единый миг объяснил бы ему то, на что иногда у него уходил месяц утомительного рысканья по толстым заумным книгам.

Настало время более трезво оценить создавшееся положение. В конце концов, что толку отдавать все свое свободное время сомнительному труду, именуемому «самостоятельными занятиями», не задумываясь над тем, сумеет ли он применить свои знания на практике.

«Мне следовало подумать об этом раньше, — размышлял он по дороге домой. — Не надо было браться за книги, не представив себе ясно, что ты ждешь от этих занятий, к чему стремишься… Что толку слоняться под стенами колледжей, словно надеясь, что кто-нибудь протянет тебе

руку и введет тебя внутрь! Надо как следует все разузнать!»

Со следующей же недели он начал наводить справки. Удобный случай, как ему показалось, представился однажды под вечер: сидя в сквере, Джуд увидел проходившего по дорожке пожилого господина, главу одного из колледжей, как он узнал ранее. Господин подходил все ближе, и Джуд пытливо всматривался в его лицо. Оно казалось благосклонным, понимающим, хотя и несколько замкнутым. Поразмыслив, Джуд решил, что для него невозможно так просто встать и подойти к нему, но эта встреча навела его на мысль, что он поступит разумно, если изложит свои затруднения в письме к лучшим и наиболее рассудительным из старых профессоров и попросит их совета.

Последующие две недели он старался посещать такие районы города, где можно было увидеть наиболее известных ректоров и глав колледжей; из них он в конце концов остановился на пятерых — их лица казалось ему, говорили о том, что это люди умные и проницательные. Этим пятерым он и адресовал письма, кратко описав свои затруднения и спрашивая их совета, как ему быть.

Едва письма были отправлены, как Джуд начал

мысленно выискивать в них недостатки и уже жалел, что послал их. «Вышло одно из тех бесцеремонных, вульгарных, докучливых прошений, каких много пищух в наши дни, — думал он. — Неужели нельзя было придумать ничего лучшего, чем лезть за советом к совершенно незнакомым людям? Я покажусь им наглецом, бездельником, темной личностью, если даже потом выяснится, что это не так… Но может, такой я и есть?»

Тем не менее он цеплялся за надежду получить хоть какой-нибудь ответ, как за последнюю возможность вырваться на свободу. Он ждал день за днем, убеждая себя, что ждать бессмысленно, и все-таки ждал. В это время до него дошла взбудоражившая его весть о Филотсоне. Филотсон решил перейти из школы возле Кристминстера в другую, побольше, расположенную южнее, в Среднем Уэссексе. Что это означало? Как это затронет его кузину? А может, и даже весьма вероятно, учитель делает это из чисто практических соображений, ради большего жалованья, имея в виду, что ему придется содержать не одного себя, а двоих? На такой вопрос Джуд не смел себе ответить. А нежные отношения между Филотсоном и девушкой, в которую Джуд был страстно влюблен, делали для него решительно

невозможным просить у Филотсона совета по своему делу.

Между тем университетские особы, которым писал Джуд, не удостоили его ответом, и он, как и прежде, был полностью предоставлен самому себе, окутанный мраком угасающих надежд. Косвенными расспросами он вскоре выведал, что, как он давно уже с беспокойством догадывался, для него выход один: проявить себя в каком-нибудь научном труде. Но для этого надо много заниматься с учителем и к тому же иметь блестящие природные способности. Маловероятно, чтобы человек, учившийся по своей собственной системе, — пусть даже он читал много и серьезно в течение десяти лет, — мог соперничать с теми, кто всю жизнь занимался под руководством опытных учителей и вел работу в определенном направлении.

Был и другой путь, единственно реальный для таких, как он, и он состоял в том, чтобы, если можно так выразиться, проехать в науку на деньгах; вся трудность тут была чисто материального свойства. Наведя справки, он прикинул размеры этого материального препятствия и, к своему отчаянию, убедился, что если даже судьба улыбнется ему и он сможет откладывать деньги,

пройдет пятнадцать лет, прежде чем он получит возможность представить свидетельство главе колледжа и держать вступительные экзамены. Несбыточное дело!

Он понял, как искусно и коварно околдовала его близость города. Попасть туда, жить там, бродить среди церквей и колледжей, проникнуться в genius loci[7] — все это ему, мечтательному юноше, казалось чем-то чрезвычайно важным и прекрасным, когда город манил его сиянием на горизонте. «Дайте мне только попасть туда, — сказал он с самодовольством Крузо, мастерящего свою большую лодку, — остальное будет делом времени и энергии». Куда лучше во всех отношениях было бы никогда не видеть и не слышать про это обманное место, а уехать в какой-нибудь оживленный торговый город с единственной целью зарабатывать деньги своей смекалкой и там уж строить более реальные планы. Во всяком случае, одно было ясно: вся его затея при трезвом рассмотрении лопнула, как мыльный пузырь. Он оглянулся на вереницу прошедших лет и мысленно согласился с Гейне:

Где юность мечет вдохновенный

---

[7] Примечания: 7
Дух места (лат.).

взгляд,

Я вижу пестрый шутовской наряд,

К счастью, ему не пришлось омрачить этим разочарованием жизнь его милой Сью, и он не стал посвящать ее в свою неудачу. В дальнейшем он постарается не огорчать ее неприятными подробностями своего прозрения, четко обозначившего пределы его возможностей. Пусть ей будет известна лишь малая часть той жалкой борьбы, в которую он вступил безоружный, нищий и наивный.

Он навсегда запомнил тот день, когда пробудился от грез. Не зная, куда девать себя, он поднялся в восьмиугольную комнату в фонаре причудливого здания театра, выстроенного в центре этого странного и причудливого города. Со всех сторон были окна, из которых открывался вид на Кристминстер и его здания. Джуд скользил взглядом по панораме города задумчиво, мрачно, но неотступно. Все эти здания и кварталы с их привилегиями не для него. С далекой крыши большой библиотеки, в которую ему некогда было ходить, взгляд его переходил на шпили, фронтоны колледжей, улицы, часовни, сады и квадратные дворы, составлявшие ансамбль этой

непревзойденной панорамы. Он видел, что будущее его не здесь, а с простыми тружениками из убогого предместья, где ютился он сам и которое посетители и панегиристы Кристминстера даже не признавали частью города, однако, не будь обитателей предместья, усердные книжники не смогли бы предаваться своим занятиям, а возвышенные мыслители — существовать.

Он перевел взгляд с города на окрестности, туда, где деревья скрывали от него ту, чье присутствие поддерживало вначале бодрость его духа и чья потеря была для него пыткой, сводящей с ума. Если бы не этот удар, он бы еще смирился с судьбой. Он с легкостью отказался бы от своих честолюбивых замыслов, будь Сью рядом с ним. Без нее реакция после длительного напряжения, на какое он сам себя обрек, несомненно, должна была вызвать роковые последствия. Должно быть, и Филотсон прошел через такое же духовное разочарование, какое постигло Джуда. Однако школьный учитель был уже вознагражден, найдя утешение в милой Сью, тогда как для Джуда утешения не было.

Спустившись на улицу, он побрел куда глаза глядят и, оказавшись возле трактира, вошел в него. Выпил один за другим несколько стака-

нов пива, а когда вышел, уже настала ночь. При мерцающем свете фонарей он поплелся домой ужинать и только уселся за стол, как квартирная хозяйка принесла письмо, только что полученное на его имя. Она положила письмо на стол, словно сознавая важность его для Джуда; взглянув на конверт, Джуд увидел рельефную печать одного из колледжей, главам который он писал.

— Наконец-то хоть одно! — воскликнул он.

Письмо было короткое и не совсем такое, какое он ожидал, хотя и было, написано рукой самого ректора. Оно гласило:

> «М-ру Дж. Фаули, каменщику.
> Библиолл-колледж.
> Сэр, я с интересом прочел Ваше письмо по Вашему собственному признанию, Вы — рабочий, поэтому смею думать, что Вы добьетесь гораздо больших успехов, оставаясь верным своей среде и своей профессии, нежели избрав какой-либо иной путь. Так и советую Вам поступить.
> С уважением Т. Тетьюфиней».

Этот чудовищно разумный совет взбесил Джуда. Все это он знал и раньше. И знал, что это верно. И все-таки это выглядело как грубая пощечина

после десяти лет тяжелого труда и так глубоко поразило его в ту минуту, что он порывисто вскочил из-за стола и вместо того, чтобы засесть за чтение, как обычно, спустился вниз и выскочил на улицу. Зайдя в трактир, он один за другим опрокинул в себя три стакана спиртного, а потом двинулся наугад по улицам и так дошел до площади в центре города под названием Перекресток Четырех Дорог. Тут он, все еще не в себе, бессмысленно уставился на группы прохожих, потом очнулся и заговорил с полисменом, стоявшим на посту.

Полисмен зевнул, потянулся, приподнялся на носках и, поглядев с усмешкой на Джуда, спросил:

— Упились, молодой человек?

— Нет еще, только начал, — ответил Джуд, не смутившись.

Несмотря на выпитое, голова у него была ясная. Он уже почти не слушал, что говорил ему еще полисмен, так как задумался о людях, некогда останавливавшихся на этом перекрестке, которые, подобно ему, пытались пробиться в жизни и о которых теперь никто уже не помнит. История этого места была куда богаче истории старейшего из колледжей города. Перекресток буквально кишел тенями людей, поколение за поколением

сходившихся здесь для участия в трагедии, комедии или фарсе, какие разыгрывались в самой жизни. Люди собирались на перекрестке, чтобы поговорить о Наполеоне, о независимости Америки, о казни короля Карла, о сожжении мучеников, о крестовых походах, о победе норманнов, а быть может, и о высадке Цезаря. Представители двух полов встречались здесь, чтобы любить, ненавидеть, соединять свои судьбы и расставаться; здесь они ждали, страдали, торжествовали друг над другом, проклинали друг друга в минуту ревности, благословляли в минуту прощения.

Он начал понимать, что жизнь города представляет собою куда более волнующую, пеструю и богатую книгу человеческих судеб, чем жизнь колледжей. Эти мужчины и женщины, которых он видел своим мысленным взором, и были подлинным Кристминстером, хотя они мало что знали о Христе и соборе[8]. Такова ирония жизни! А постоянно меняющееся население из профессоров и студентов, которые знали и о Христе и о соборе, кристминстерцами, собственно, и не было.

Он взглянул на часы и, продолжая размышлять

---

[8] Примечания: 8

Здесь игра слов: Крист (Christ) — Христос (англ.), Минстер; (Minster) — кафедральный собор (англ.).

в том же духе, дошел так до увеселительного заведения, где давался концерт-променад. Войдя, Джуд увидел зал, битком набитый молодыми приказчиками и продавщицами, солдатами, подмастерьями, одиннадцатилетними мальчишками с сигаретами во рту и женщинами легкого поведения из почтенного разряда тех, что занимаются своим искусством исключительно из любви к нему. Вот где была жизнь подлинного Кристминстера! Играл оркестр, публика разгуливала в толчее по залу, а на эстраде один за другим сменялись певцы, исполнявшие веселые песенки.

Однако над ним словно витал дух Сью, не позволяя ему любезничать и пить с бойкими девицами, которые заигрывали с ним, желая урвать от жизни немного радости. В десять он ушел; он направился домой окольным путем, чтобы пройти мимо ворот колледжа, глава которого ответил ему. Ворота были заперты, и неожиданно для себя самого Джуд достал из кармана кусок мела, который по роду занятий всегда носил с собой, и написал на стене:

«И у меня есть сердце, как у вас; не ниже я вас; и кто не знает того же?» (Иов, XII, 3).

VII

Дав выход своему презрению, он облегчил душу и на другое утро сам посмеялся над своей гордыней. Но невеселый это был смех. Он перечитал письмо ректора, и мудрость строк, вызвавшая у него сначала ярость, повергла его в тоску и уныние. Надо же было быть таким глупцом!

Потеряв цель в жизни — и в духовной и в личной, он никак не мог взяться за работу. Едва он смирялся с тем, что ему не суждено стать студентом, как покой его нарушали размышления о его безнадежной любви к Сью. Мысль о том, что единственную родственную душу, которая повстречалась на его пути, он потерял из-за своей женитьбы, преследовала его с такой мучительной неотступностью, что, не в силах больше ее выносить, он снова кинулся искать утешения в жизни подлинного Кристминстера. На этот раз он нашел его в мрачной, с низким потолком таверне, которая была широко известна среди местных знатоков и в лучшие времена привлекла бы его лишь своей необычностью. Он просидел здесь почти весь день, убеждая себя, что он человек

порочный и ждать от него больше нечего.

К вечеру один за другим начали появляться завсегдатаи, а Джуд все сидел и сидел в углу, хотя денег у него уже не оставалось и за целый день он съел лишь одно печенье. Он созерцал собирающихся с философским спокойствием заядлого пьяницы, который успел уже завести здесь дружков, а именно: Оловянного Тэйлора, разорившегося торговца церковной утварью, который в начале своей карьеры был, как видно, набожным человеком, а теперь богохульствовал чуть ли не на каждом слове; красноносого аукциониста и двух таких же, как он сам, каменщиков, мастеров по готической резьбе, которых звали дядюшка Джим и дядюшка Джо. Еще сидели там несколько клерков, ученик портного по мантиям и стихарям, две особы, менявшие степень своей добродетели в зависимости от того, с кем водили компанию, одна по кличке «Приют Наслаждения» другая — «Веснушка»; несколько любителей скачек, которые были в курсе всех событий на ипподроме, заезжий актер и два бесшабашных молодых человека которые оказались студентами последнего курса и мантий еще не носили. Они пробрались сюда тайком чтобы переговорить кое с кем о породистых щенках, и теперь

курили короткие трубки и пили с упомянутыми любителями скачек, то и дело посматривая на часы.

Разговор стал общим. Разбирали по косточкам кристминстерское общество, выражали сожаление о недостатках донов, членов городского магистрата и прочих власть имущих и при этом широко и беспристрастно обсуждали, как бы им следовало вести себя и свои дела, чтобы заслужить уважение.

Джуд Фаули с заносчивостью и апломбом неглупого, но подвыпившего человека то и дело вставлял свои замечания; он столько лет преследовал одну цель, что, о чем бы ни говорили другие, он с одержимостью маньяка сводил все к разговору об учености и науках, причем свои собственные познания подчеркивал с настойчивостью, которой в трезвом состоянии сам устыдился бы.

— А мне наплевать на всех этих провостов, уорденов, ректоров и университетских магистров искусств, будь они неладны! — гремел он. — Подвернись только случай, уж я бы посадил их на место, я бы показал им, что они еще до многого не доросли!

— Нет, вы только послушайте, что он гово-

рит! — закричали из своего угла студенты, которые толковали между собой о породистых щенках.

— Ты, я слыхал, всегда любил книги, — вставил Оловянный Тэйлор. — И что до меня, то я тебе верю. А вот сам я думал иначе. Я считал, что из жизни научишься большему, чем из книг. Так я и действовал, а то никогда не добился бы своего.

— Ты как будто метишь в церковники? — спросил Джуда дядюшка Джо. — Что ж, ежели ты такой ученый и норовишь взлететь так высоко, покажи нам свою ученость! Можешь ты, к примеру, прочесть символ веры по-латыни? У нас так вот одного парня взяли и проверили.

— Ещё бы! — высокомерно ответил Джуд.

— Куда ему! Задается! — взвизгнула Приют Наслаждения.

— Заткнись, ты! — прикрикнул один из студентов. — Тише! — Он опрокинул в себя свой стакан, постучал им по стойке и объявил: — Сейчас джентльмен в углу прочтет в назидание публике символ веры по-латыни.

— Нет, — заявил Джуд.

— Ну, попробуй! — попросил портновский подмастерье.

— Ага, не можешь! — сказал дядюшка Джо.

— Да нет, может! — сказал Оловянный Тэйлор.

— Могу, черт вас подери! — воскликнул Джуд. — Ну ладно, поставьте мне стакан шотландского, тогда прочту.

— Справедливое требование, — сказал студент и бросил на стойку деньги.

С видом человека, который вынужден жить среди существ низшего порядка, буфетчица приготовила смесь, и стакан был вручен Джуду, он осушил его, поднялся и начал торжественно без, запинки:

— «Creda in unum Deum, Patrem omnipotentem, Factorem coeli et terirae, visibilium omnium et invisibilium.»[9]

— Прекрасно! Отличная латынь! — крикнул один из студентов, хотя не понял ни слова.

Остальные находившиеся в трактире хранили молчание, и даже буфетчица застыла на месте, словно умерла. Звучный голос Джуда долетел до хозяина, дремавшего во внутренних покоях, и он вышел посмотреть, что здесь происходит. А Джуд продолжал уверенно читать дальше:

— «Crucifixus etiam pro nobis: sub Pontio Pilato passus, et sepultus est. Et resurrexit tertia die,

---

[9] Примечания: 9

Верую во единого бога отца, вседержителя, творца неба и земли, видимым же всем и невидимым (лат.).

secundum Scripturas.»[10]

— Это никейский, — ухмыльнулся второй студент. — А мы хотели апостольский.

— Вы этого не сказали! А потом, всякий дурак знает, что только никейский символ исторически верен!

— Пусть читает дальше! Пусть дальше читает! — крикнул аукционист.

Но в голове у Джуда все перемешалось, и он не мог продолжать. Он схватился рукой за лоб, и на лице его появилось выражение боли.

— Дать ему еще стаканчик, чтобы он оправился и дочитал до конца, — предложил Оловянный Тэйлор.

Кто-то бросил три пенса, и стакан был подан. Джуд, не глядя, взял его, выпил залпом и через секунду продолжал с новой силой, к концу повысив голос, как это делает священник, обращаясь к своей пастве:

— «Et in Spiritum Sanctum, Dominum et vivificantem, qui ex Patre Filioque procedit. Qui cum Patre et Filio simul adoratur et conglorificatur. Qui locurus est per prophetas.

Et imam Catholicam et Apostolicam Ecclesiam.

---

[10] Примечания: 10

Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша и погребенна. И воскресшего в третий день по Писанием (лат.).

Confiteor unum Baptisma in remissionem peccatorum. Et expecto Resurrectionem mortuorum. Et vitam venturi saeculi. Amen.»[11]

— Вот здорово! — воскликнули некоторые, обрадовавшись последнему слову — единственному, какое они поняли.

Тут весь хмель с Джуда словно рукой сняло, и он обвел всех взглядом.

— Вы стадо болванов! — воскликнул он. — Ну скажите, кто из вас понял, что я прочел? Может, это была «Дочь крысолова» на тарабарском языке, дурьи вы головы! Подумать только, до чего я докатился, — связаться с такой компанией!

Хозяин, у которого уже отбирали патент за укрывательство темных личностей, испугался скандала и вышел из-за стойки, но Джуд, словно на него вдруг нашло просветление, с отвращением повернулся и вышел из трактира. Дверь с глухим стуком захлопнулась за ним.

Он быстро зашагал по переулку и свернул на широкую прямую улицу, которая вывела его на

---

[11] Примечания: 11

И в духа святаго, господа животворящего, иже от отца и сына исходящего, иже с отцем и сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки.

Во единую соборную и апостольскую церковь. Исповедую едина крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых. И жизни будущего века. Аминь (лат.).

проезжую дорогу. Шум и крики его недавних собутыльников остались далеко позади, а он шагал все дальше и дальше, гонимый тоской по единственному в мире существу, у которого наивно думал найти сейчас прибежище, — безотчетное желание, всю тщету которого он тогда не сознавал. Через час, между десятью и одиннадцатью, он добрался до деревни Ламсдон, и когда подошел к ее дому, то увидел в одной из комнат нижнего этажа свет. Он решил, что это ее комната, и случайно угадал.

Джуд вплотную подошел к стене, постучал пальцем в окно и нетерпеливо позвал:

— Сью! Сью!

Должно быть, она узнала его голос, потому что свет в комнате исчез, а через несколько секунд щелкнул замок, открылась дверь и на пороге появилась Сью со свечою в руке.

— Неужели это Джуд? Да, это он! Мой милый, милый брат, что случилось?

— О, я… я не мог не прийти, Сью! — проговорил он, опускаясь на порог. — Я такой скверный, Сью… сердце мое разбито, и я не мог вынести такой жизни! Я запил и богохульствовал или почти богохульствовал, я произносил святые слова в непотребном месте — повторял ради пустой

похвальбы слова, которые надо произносить не иначе, как с благоговением. Поступай со мной как хочешь, Сью, — убей меня, мне все равно! Только не питай ко мне ненависти и не презирай, как все остальные!

— Бедный мой, ты болен! Нет, я не буду тебя презирать, ну конечно, нет! Входи и отдыхай, я сделаю для тебя все, что могу. Ну, обопрись же на меня, не бойся.

Держа в одной руке свечу, а другой поддерживая Джуда, она ввела его в дом и усадила в кресло, подставила ему под ноги стул и сняла с него башмаки. Джуд мало-помалу приходил в себя и только повторял голосом, полным горя и раскаяния: «Милая, милая Сью!»

Она спросила, не голоден ли он, но Джуд отрицательно покачал головой. Затем, посоветовав ему уснуть и пообещав прийти завтра утром пораньше и приготовить для него завтрак, она пожелала ему доброй ночи и поднялась наверх.

Он почти сразу впал в тяжелый сон и проснулся только на рассвете. Сначала он не мог сообразить, где находится, но постепенно мысли его прояснились, и он со всей отчетливостью осознал ужас своего положения. Она узнала его с плохой стороны — с самой худшей. Как он теперь поглядит ей

в глаза? Скоро она спустится, чтобы хлопотать о завтраке, как обещала, и он, опозоренный, встанет ей навстречу? Нет, этого он вынести не мог. Потихоньку надев башмаки и сняв шляпу с гвоздя, куда она ее накануне повесила, он бесшумно выскользнул из дома.

Ему хотелось забраться в какое-нибудь укромное место, спрятаться и, быть может, помолиться; единственное место, о котором он вспомнил, была деревня Мэригрин. Он заглянул на свою квартиру в Кристминстере и нашел там записку от хозяина с отказом от места. Тогда он собрал вещи и распрощался с городом, доставившим ему столько разочарований, взяв путь на юг, в Уэссекс. Денег у него в кармане не оказалось; свои незначительные сбережения он, к счастью, поместил в один из кристминстерских банков, и они остались нетронутыми. Поэтому добраться до Мэригрин он мог только пешком, а так как дорога туда была неблизкая, что-то около двадцати миль, у него было достаточно времени, чтобы окончательно протрезветь.

К вечеру он дошел до Элфредстона. Здесь он заложил свой жилет и, отойдя мили на две от города, заночевал под стогом сена. На рассвете он встал, вытряс из одежды сенную труху и пошел

дальше, вверх по длинной белой дороге к меловым холмам, которые маячили далеко впереди, мимо придорожного столба, которому несколько лет тому назад он вверил свои надежды.

В старую деревушку Мэригрин он попал в час завтрака. Усталый и запыленный, зато с совершенно ясной головой, он присел у колодца и подумал о том, какую жалкую пародию на Христа он собой представляет. Заметив рядом колоду с водой, он умылся и направился к домику своей старой бабки. Он застал ее за завтраком в постели, а прислуживала ей женщина, которая жила у нее.

— Что, остался без работы? — спросила родственница, рассматривая его глубоко запавшими глазами, прикрытыми тяжелыми, словно крышки от горшков, веками; другой причины, объясняющей его убитый вид, не могла найти та, чья жизнь была постоянной борьбой с материальными невзгодами.

— Да, — мрачно ответил Джуд. — Мне думается, я должен немного отдохнуть.

Подкрепившись завтраком, он поднялся в свою прежнюю комнату и лег, по рабочей привычке не раздеваясь, только сняв куртку. Он проспал недолго и проснулся словно в аду. И то действи-

тельно был ад — ад от сознания, что все рухнуло, и честолюбивые планы, и любовь. Он вспомнил о той пропасти, в которую пал перед тем как покинуть эти места; она казалась ему тогда бездонной, однако теперешняя была глубже. Тогда были разбиты наружные бастионы его надежд, теперь же была прорвана и вторая линия.

Будь он женщиной, он бы разрыдался от огромного нервного напряжения. Но его мужское достоинство отвергало такое облегчение, он лишь крепче стиснул зубы, и вокруг рта у него легли складки, — совсем как у Лаокоона, — а между бровей появились морщины.

Ветер раскачивал деревья и печально гудел в камине, словно басы органа. Листочки плюща, увившего ограду расположенного по соседству заброшенного кладбища без церкви, больно клевали друг друга, скрипел флюгер новой церкви в стиле викторианской готики, построенной на новом месте. Но слышалось еще среди всех этих звуков какое-то глухое бормотанье, непохожее на ветер. Это был голос. Джуд сразу догадался, в чем дело: в нижней комнате вместе с бабкой молился помощник священника. Джуд вспомнил: бабушка говорила, что он должен прийти. Но вот голоса стихли, и на лестнице послышались шаги.

Джуд приподнялся и крикнул:

— Постойте!

Шаги направились к его двери, которая была открыта, и в комнату заглянул человек. Это был молодой священник.

— Вы, наверное, мистер Хайридж? — сказал Джуд. — Моя бабушка часто говорила о вас. Ну а я вот только что вернулся домой, что называется, докатился, хотя когда-то у меня были самые лучшие намерения. А теперь — черная меланхолия, да вдобавок пьянство и всякое такое…

Джуд понемногу раскрыл перед молодым священником свои прежние планы и что он делал для их осуществления, но, сам того не замечая, он больше говорил о своих честолюбивых замыслах, чем о проблемах теологии, хотя честолюбие было ему менее всего свойственно.

— Теперь-то я вижу, какого я свалял дурака, сам во всем виноват, — добавил он в заключение. — Но я ничуть не жалею, что рухнули мои надежды на поступление в университет. И не начал бы все сначала, даже если успех был бы мне обеспечен. Мирской успех меня больше не интересует. Но я чувствую в себе желание делать что-то доброе и горько сожалею о церкви, о том, что потерял возможность стать ее служителем.

Молодой священник, человек в этих краях новый, был глубоко тронут и под конец сказал:

— Если вы действительно чувствуете призвание служить богу, — а на основании нашей беседы я не стал бы утверждать обратное, ибо вы рассуждаете как человек разумный и образованный, — то вы могли бы приобщиться к церкви в качестве лиценциата. Но вы должны решительно покончить с питьем.

— Это далось бы мне легко, если бы только меня поддерживала хоть какая-нибудь надежда.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
В МЕЛЧЕСТЕРЕ

И не было девушки, подобной ей.
О жених!
Сафо (Г.-Т. Уортон)[12]

[12] Примечания: 12
Сафо в переводе на английский язык Г.-Т. Уортона.

I

Это была новая идея — посвятить себя жизни духовной и альтруистической, столь отличной от жизни мыслителя и честолюбца. Человек может читать проповеди и делать добро ближним и без диплома об окончании кристминстерского университета по двум специальностям, а приобретя лишь самые элементарные познания. Былое увлечение Джуда, рисовавшего себя в самых смелых своих мечтах епископом, было продиктовано не нравственным или религиозным порывом, а скорее, мирским честолюбием, облаченным в стихарь. Он сильно подозревал, что его план если и не был таким первоначально, то, во всяком случае, выродился в тот вид всеобщего беспокойства, которое не имело ничего общего с благородными побуждениями и было всего лишь искусственным продуктом цивилизации. В наше время тысячи молодых людей идут той же стезей, пытаясь найти самого себя. Какой-нибудь сластолюбец, который имел жену и пил да ел в свое удовольствие, беспечно проводя дни свои в праздности и суете, казался Джуду куда привле-

кательнее его самого.

Однако пойти в священнослужители без какого-либо духовного образования означало, что за всю свою карьеру ему никак не подняться выше места смиренного помощника священника, прозябающего в глухой деревушке или городских трущобах, но в этом было нечто добродетельное и величественное, возможно — подлинная религиозность и достойный путь искупления для человека, в котором говорит совесть.

Эта новая мысль, явившись по контрасту с прежними его намерениями в столь выгодном свете ободрила Джуда, пребывавшего в унынии и одиночестве, и, можно сказать, в последующие несколько дней нанесла coup de grace[13] его ученой карьере, которой было отдано более десяти лет жизни. Однако он довольно долго бездействовал и ничего не предпринимал ради нового своего замысла. Он брался за разную мелкую работу в окрестных деревнях: ставил и надписывал надгробия, смирясь с тем, что в глазах полудюжины фермеров и крестьян, которые удостаивали его кивком, он — неудачник, пропащий человек.

Живой интерес к новым планам, — а живой

---

[13] Примечания: 13
Здесь: последний удар (франц.).

интерес для людей одухотворенных и готовых на самопожертвование совершенно необходим, — возник после получения письма Сью с новым почтовым штемпелем. Судя по всему, она была чем-то взволнована и о своих делах писала скупо: сдала какой-то экзамен на королевскую стипендию и собирается поступить в педагогический колледж в Мелчестере, чтобы усовершенствоваться в профессии, избранной ею в какой-то мере под его влиянием. В Мелчестере был богословский колледж; сам Мелчестер был тихим, спокойным городом, по духу своему преимущественно церковным; светские науки и интеллектуальная изощренность были тут не в ходу, зато его альтруизм, возможно, ценился бы тут выше, чем внешний блеск, которым он не обладал.

Поскольку первое время ему все равно пришлось бы заниматься своим ремеслом и одновременно читать книги по богословию, которыми он в бытность свою в Кристминстере пренебрегал ради усердной зубрежки классиков, то для него и не могло быть ничего лучшего, как найти работу в Мелчестере и приступить к занятиям по этому новому плану. Что своим необычно живым интересом к новому месту он всецело обязан Сью, в

то время как она именно сейчас меньше чем когда-либо должна была возбуждать такой интерес, противоречило нравственному закону, и он это понимал. Такую уступку человеческой слабости он делал в надежде, что научится любить Сью лишь как друга и родственницу.

Он полагал, что сумеет так использовать ближайшие годы, чтобы стать священнослужителем в тридцать лет, — этот срок привлекал его потому, что тот, с кого он брал пример, начал проповедовать в Галилее именно в этом возрасте. В таком случае у него оставалось бы много свободного времени для углубленных занятий, и он смог бы откладывать часть заработанных денег с тем, чтобы впоследствии держать экзамены в богословский колледж.

Рождество пришло и ушло, и Сью уехала учиться в мелчестерскую педагогическую школу. В эту пору года устроиться на работу было особенно трудно, и Джуд написал Сью, что хочет отложить свой приезд приблизительно на месяц, когда дни станут длиннее. Она так охотно с ним согласилась, что он пожалел об этой отсрочке, — ясно, что ей нет до него дела, хотя она ни разу не упрекнула его за странное поведение: его ночной визит к ней, а затем молчаливое исчезновение. Она ни

словом не обмолвилась и о своих отношениях с Филотсоном.

Но потом от нее вдруг пришло очень взбудораженное письмо. Она так одинока и несчастна, писала она ему. Ей ненавистно место, в котором она живет; здесь хуже, чем в церковной лавке, хуже, чем где бы то ни было. Она чувствует себя всеми покинутой; не может ли он приехать немедленно? Правда, если он приедет, она сможет видеться с ним лишь в определенные часы, так как в школе, куда она попала, очень строгие порядки. Устроиться в эту школу ей посоветовал мистер Филотсон, и она жалеет, что послушалась его.

Очевидно, ухаживание Филотсона оказалось безуспешным, и, хоть это и было неразумно, Джуд обрадовался. Он собрал вещи и отправился в Мелчестер, — уже много месяцев у него не было так легко на душе.

Перевертывая новую страницу жизни, он решил остановиться в гостинице для трезвенников и нашел заведение такого рода неподалеку от вокзала. Подкрепившись, он вышел на улицу, под тусклое зимнее небо, перешел через городской мост и свернул за угол, к Соборной площади. День был туманный, и, став под стенами одного из

самых изящных зданий в Англии, он поглядел вверх. Величественное сооружение было видно до самого конька крыши; над ним уходил ввысь суживающийся шпиль, верхушка которого терялась в плывущей мимо него мгле.

Уже начали зажигать фонари, и Джуд пошел в обход здания к западной стороне его. Вокруг лежали глыбы камня, и он счел это добрым знаком, — стало быть, собор реставрируют или производят серьезный ремонт. Полный суеверных представлений, он видел в этом проявление заботы о нем высших сил, чтобы он мог иметь достаточно работы по своему ремеслу в ожидании, пока будет призван к более высокой деятельности.

Он вдруг почувствовал прилив нежности, подумав, как близко от него сейчас девушка с лучистыми глазами, открытым лбом и копной темных волос; девушка с искрящимся взором, иногда дерзко-ласковым и чем-то напоминающим взгляд девушек, виденных им на гравюрах с картин испанской школы. Она была здесь, где-то совсем рядом, в одном из домов напротив.

По усыпанной гравием широкой дорожке он направился туда. Это было старинное здание XV века, в прошлом дворец, а теперь педагогический

колледж — готические окна, перед ними двор, отгороженный от улицы стеной. Джуд отворил калитку и подошел к двери, через которую его пропустили лишь после того, как он осведомился о своей кузине. Затем с некоторой осторожностью его ввели в приемную, куда скоро вышла и она.

Несмотря на то что Сью пробыла здесь совсем недолго, она сильно изменилась с последней их встречи. От живости ее не осталось и следа, ее сменили уныние и скованность. Спала с нее и всякая шелуха условностей. Но это была и не та женщина, которая написала ему призывное письмо. Вероятно, она писала тогда в безотчетном порыве, а потом пожалела об этом, вспомнив о его недавнем позоре. Джуд совсем потерялся от волнения.

— Скажи, Сью… ты не считаешь меня… отпетым негодяем… за то, что я пришел к тебе тогда в таком виде… а потом постыдно сбежал?

— О, я старалась не думать так! Ты же мне все рассказал, и я поняла, отчего это. Надеюсь, мне никогда не придется усомниться в твоих достоинствах, бедный мой Джуд. И я так рада, что ты приехал!

На ней было темно-красное платье с кружевным воротничком. Оно было сшито совсем

просто и с удивительным изяществом облегало ее тонкую фигуру. Волосы, которые она раньше причесывала по моде, теперь были скручены в тугой узел, да и вообще она производила впечатление человека, скованного суровой дисциплиной; но где-то в глубине ее существа, казалось, светился огонек, который эта дисциплина еще не успела погасить.

Она мило приветствовала его, но Джуд понял, что вряд ли она ждет, чтобы он поцеловал ее иначе, чем по-родственному, как ему того хотелось. Ничто в ее поведении не говорило о том, что она видит или хоть когда-нибудь сможет увидеть в нем своего возлюбленного, после того как узнала его с наихудшей стороны, если б даже он и был вправе притязать на такую роль. Это подстегнуло его растущую решимость рассказать ей о своей неудачной женитьбе — он уже не раз откладывал это признание из страха лишиться радости дружбы с нею.

Сью выбралась погулять с ним по городу, они шли и разговаривали — все больше о пустяках. Джуд сказал, что хотел бы сделать ей какой-нибудь маленький подарок, и тут она со смущением призналась, что ужасно голодна. В колледже их держат впроголодь, поэтому самый желан-

ный подарок для нее сейчас получить сразу и обед, и чай, и ужин. Джуд немедленно повел ее в гостиницу и заказал все, что там могли предложить, — это было не так уж много. Зато здесь им представился чудесный случай побыть наедине, так как в комнате никого не было и они могли говорить свободно.

Она рассказывала ему о школе, о своем трудном житье-бытье, о пестром составе студентов, съехавшихся сюда со всех концов епархии, о том, как ей приходится вставать ни свет ни заря и заниматься при газовом освещении, — и все это с горечью молодости, не привыкшей к суровым ограничениям. А он слушал, хотя думал совсем о другом — о ее отношениях с Филотсоном. Но об этом она как раз не говорила. Когда обед уже близился к концу, Джуд вдруг положил свою руку на ее руку; она подняла на него глаза, улыбнулась и непринужденно взяла его руку в свою, маленькую и нежную, и стала разглядывать его пальцы, внимательно изучая их, словно то были пальцы перчатки, которую она собиралась купить.

— У тебя огрубелые руки, Джуд, правда? — сказала она.

— Еще бы. И у тебя были бы такие же, если б ты весь день работала молотком и резцом.

— А мне это нравится. Я считаю, что это даже благородно, когда руки мужчины носят следы его ремесла… И все-таки, пожалуй, я рада, что поступила в педагогический колледж. Вот увидишь, какой независимой я стану после двух лет занятий! Надеюсь, что экзамены я сдам хорошо, а потом мистер Филотсон пустит в ход свои связи, чтобы мне дали большую школу.

Наконец-то она коснулась этой темы.

— Я всегда подозревал… вернее, боялся, — начал Джуд, — что он… что он принимает в тебе слишком горячее участие, а может, и собирается на тебе жениться.

— Что за глупости!

— Но ведь он намекал на это, да?

— Если даже и так, какое это имеет значение? Он такой старый!

— Ну, ну, Сью, он вовсе не старик. И я видел, как он…

— Во всяком случае, не целовал меня, уж это точно!

— Нет. Он обнимал тебя за талию.

— А!.. Помню. Но я не ожидала, что он это сделает.

— Ты увиливаешь от ответа, Сью, это нехорошо.

Губы ее задрожали, она чуть прищурилась, как бы отыскивая ответ, на который вынуждал ее этот упрек.

— Я знаю, ты рассердишься, если я скажу тебе все, вот я и не хочу говорить!

— Ну и не надо, милая, — сказал он примирительно. — Собственно, я и права-то никакого не имею об этом спрашивать, да и знать не хочу.

— А я вот возьму и скажу! — воскликнула она со свойственной ей своенравностью. — Знаешь, что я сделала? Я обещала… я обещала выйти за него замуж через два года, когда окончу педагогический колледж и получу диплом. У него такой план: мы возьмем смешанную школу в каком-нибудь большом городе, он будет вести мальчиков, а я — девочек, учителя-супруги часто так делают, и вдвоем мы будем неплохо зарабатывать.

— О, Сью!.. Ну конечно, это очень разумно… Лучше и придумать нельзя…

Он взглянул на нее, и глаза их встретились, — его укоризненный взгляд противоречил словам. Он отнял у нее свою руку и отчужденно отвернулся к окну. Сью, не двигаясь, безучастно следила за ним.

— Я знала, что ты рассердишься! — молвила она каким-то лишенным выражения голосом. —

Ну и ладно, я не права, допускаю. Не надо было позволять тебе видеться сегодня со мною! Лучше нам больше не встречаться, будем изредка писать друг другу, и только о делах!

Как раз это-то и было для него самым невыносимым, и, возможно, она это знала. Он тотчас встрепенулся.

— Нет, мы будем встречаться! — быстро сказал он. — Какое мне дело до твоей помолвки! Я имею полное право видеться с тобой, когда захочу. И буду!

— Тогда не надо больше говорить об этом. Мы только портим себе вечер. Не все ли равно, кто что собирается делать через два года?

Она была для него загадкой, и он оставил этот разговор.

— Может быть, пройдемся, посидим в соборе? — спросил он, когда с едой было покончено.

— В соборе? Что ж, только, пожалуй, я с большим удовольствием посидела бы на вокзале, — ответила она все еще с некоторым оттенком раздражения. — Центр городской жизни теперь там. Собор свой век отжил!

— Какая ты современная!

— Станешь современной, если поживешь с мое в этом средневековье! Собор был отличным

местом лет четыреста-пятьсот назад, теперь там искать нечего… Но, по правде говоря, я вовсе не современная. Я древнее, чем средневековье, если хочешь знать.

Джуд был как будто огорчен.

— Хорошо — не буду больше об этом! — воскликнула она. — Только ты даже не знаешь, какая я дурная, а то бы не был обо мне такого высокого мнения и не было бы тебе дела, помолвлена я или нет. Ну, а теперь мы как раз успеем обойти вокруг собора, и я должна возвращаться, не то ворота запрут на ночь, и я не попаду в колледж.

Он проводил ее до ворот, и они простились. У него сложилось впечатление, что его злосчастный ночной визит ускорил ее помолвку, и, разумеется, это его не обрадовало. Так вот, значит, в какой форме она выразила ему свое осуждение! Тем не менее на следующее утро он отправился на поиски работы, и найти ее оказалось гораздо труднее, чем в Кристминстере, так как работы по камню в этом тихом городе было немного и большинство рабочих были постоянными. Но мало-помалу ему удалось зарекомендовать себя. Начал он с отделки надгробий для кладбища на холме и в конце концов добился, чего хотел, — его наняли на большие реставрационные работы

в соборе, где почти вся внутренняя облицовка заменялась новой. Дела тут было на годы, и при своем умении обращаться с молотком и резцом Джуд мог быть уверен в том, что длительность его пребывания здесь будет зависеть всецело от него.

У соборных ворот он снял комнату, которая не посрамила бы и помощника священника, правда, выплачивал он за нее из своего заработка гораздо больше, чем обычно позволяют себе ремесленники. Комната служила одновременно и спальней и гостиной и была увешана вставленными в рамки фотографиями домов тех пасторов и деканов, у которых служила экономкой его квартирная хозяйка, а в гостиной первого этажа камин украшали часы с надписью, сообщавшей, что они преподнесены сей почтенной женщине друзьями по случаю ее свадьбы. Джуд дополнил убранство своей комнаты фотографиями памятников и резных украшений, выполненных когда-то им самим; поскольку комната доселе пустовала, его как жильца сочли удачным приобретением.

В книжных лавках города он нашел изрядный запас богословских книг и с их помощью возобновил свои занятия, но уже в ином духе и направлении. Для передышки после отцов церк-

ви и таких традиционных авторов, как Пэйли и Батлер, он читал Ньюмена, Пьюзи и прочих современных знаменитостей. Он взял напрокат фисгармонию, поставил ее в своей комнате и разучивал церковные гимны на один и два голоса.

II

— Завтра наш день, ты помнишь? Куда мы поедем?

— Я свободна с трех до девяти. Так что куда угодно, лишь бы вовремя вернуться. Но только не к развалинам, Джуд, я их не люблю.

— Ну, скажем, к замку Уордер? А потом, если захочется, в Фонтхилл — день у нас длинный, успеем.

— Уордер — это готические развалины, а я терпеть не могу готику.

— Ничего подобного! Это классика, коринфский стиль, кажется, и там множество картин.

— А-а, тогда ничего. Против коринфского я ничего не имею. Поедем!

Такой разговор произошел между ними несколько недель спустя, и на следующий день они собрались в путь. Каждая деталь предстоящей прогулки вставала перед Джудом, словно сверкающая грань, и он боялся даже подумать о своем безрассудстве. Сью была для него чудесной загадкой — лишь это он знал твердо.

И вот настал момент трепетного ожидания у

дверей колледжа, ее появление в монашески простой одежде, причем простота эта была скорее вынужденной, чем добровольной; путь к станции, крики носильщиков: «Посторонись!» — паровозные гудки, — все предвещало чудесное путешествие. Никто не заглядывался на Сью, — она была слишком скромно одета, — и Джуд тешил себя мыслью, что одному ему известно, сколько обаяния таит в себе эта скромность. Какие-нибудь десять фунтов, истраченные в мануфактурной лавке, заставили бы весь Мелчестер залюбоваться Сью, хотя к ее подлинной жизни и ее настоящему «я» это не имело бы никакого отношения. Кондуктор поезда принял их за влюбленных и посадил в отдельное купе.

— Вот намеренье благое, да напрасное, — сказала она.

Джуд промолчал. Замечание показалось ему излишне жестоким и не совсем справедливым.

Они дошли до парка с замком и осмотрели картинную галерею, где Джуд останавливался предпочтительно перед картинами религиозного содержания таких мастеров, как Дель Сарто, Гвидо Рени, Спаньолетто, Сасферрато, Карло Дольчи, и других.

Сью терпеливо выстаивала рядом с ним и

украдкой скептически рассматривала его лицо; оно делалось благоговейным и сосредоточенным, когда он смотрел на деву Марию, святое семейство и святых. Досконально изучив выражение его лица, она шла дальше и ждала его перед Лили или Рейнольдсом. По-видимому, кузен глубоко интересовал ее, — так можно интересоваться человеком, еще плутающим в лабиринте, когда сам уже вышел из него.

Когда они покинули галерею, времени оставалось еще много, и Джуд предложил перекусить, а затем двинуться на север, пересечь нагорье и вернуться в Мелчестер по другой железнодорожной линии со станции, расположенной милях в семи отсюда. Сью, готовая к любому приключению, лишь бы усилить ощущение свободы, с радостью согласилась, и они двинулись в путь прочь от железной дороги.

Перед ними раскинулась открытая возвышенную местность. Они болтали и, увлекшись разговором, все быстрее шли вперед; в роще Джуд срезал для Сью палку с загнутым концом, почти в полный ее рост, и с палкой в руках Сью походила на пастушку. Примерно на половине пути они пересекли большой тракт, ведущий точно с востока на запад, — это была старая дорога из

Лондона к Краю Земли. Тут они ненадолго задержались, поглядели в обе стороны вдоль дороги и обменялись замечаниями о том, каким заброшенным стал этот некогда оживленный тракт; то и дело налетал ветер, взметая с земли соломинки и сухие травинки.

Они пересекли его и пошли дальше, однако еще через полмили Сью, как видно, устала, и Джуд забеспокоился. Они далеко отошли от железной дороги, и если бы не сумели добраться до другой станции, то оказались бы в весьма затруднительном положении. На широком пространстве меловых холмов и полей, засаженных репой долго не было видно ни одной хижины; но в конце концов они наткнулись на овчарню, а потом и на пастуха, ставившего плетень. Он сказал, что поблизости есть только один дом, где живет он с матерью, и, указав на небольшой овраг впереди, из которого поднимался синеватый дымок, предложил зайти к ним и передохнуть.

Так они и сделали. В дом их впустила беззубая старушка, и они обратились к ней со всей вежливостью, какую можно ожидать от путников, когда единственная их возможность найти пристанище и отдых зависит от расположения хозяйки дома.

— Славный у вас дом, — сказал Джуд.

— Не знаю уж, славный или нет. Только надо вот перекрывать крышу, а где взять соломы, ума не приложу, солома нынче так дорожает, что скоро дешевле станет покрыть дом железом, чем соломой.

Они присели отдохнуть, и в это время вошел пастух.

— Не обращайте на меня внимания, — успокоил он их. — Оставайтесь у нас, сколько захотите. Иль, может, вы думали вернуться в Мелчестер вечерним поездом? Ну, так самим вам ни за что отсюда не выбраться, потому как местности здешней вы не знаете. Я, конечно, мог бы проводить вас, да только поезд все равно уже прошел.

Они вскочили.

— Да что, вы можете у нас переночевать, верно, мать? Располагайтесь, как дома. Правда, спать будет жестковато, но бывает и хуже. — Он повернулся к Джуду и спросил потихоньку: — Вы муж и жена?

— Тс-с!.. Нет! — ответил Джуд.

— Ну, да я ничего плохого не думал! Тогда, стало быть, она может устроиться в комнате у матери, а мы с вами ляжем в проходной, когда они уйдут к себе. Рано утром я разбужу вас, чтобы поспеть

на первый поезд. На последний-то вы все равно опоздали.

Подумав, они решили принять это предложение и остались. Вместе с пастухом и его матерью они поужинали вареной свининой с овощами.

— А мне здесь нравится, — сказала Сью, когда хозяева стали убирать со стола. — Никаких законов, кроме закона тяготения и естественного развития.

— Это тебе только кажется, что нравится, а на самом деле это не так. Ты — продукт цивилизации, — сказал Джуд, вспоминая о ее помолвке и чувствуя некоторую обиду.

— Что ты, Джуд, вовсе нет. Я люблю читать и все такое, но мне хотелось бы жить так, как я жила в детстве вернуться к свободе.

— Так ли уж хорошо ты ее помнишь? Мне кажется, жизнь без всяких условностей — это не для тебя.

— Не для меня? Ты не знаешь, кто я в душе.

— Кто же?

— Исмаилитка.

— Городская мисс — вот ты кто!

Она взглянула на него с суровым неодобрением и отвернулась.

Пастух разбудил их на другое утро, как обещал.

Было солнечно и ясно, и четыре мили до станции они прошла с удовольствием. Приехав в Мелчестер, они отправились на Соборную площадь, и когда перед глазами Сью выросли фронтоны старинного здания, в котором ей снова предстояло стать затворницей, в глазах ее мелькнул испуг.

— Ой, и попадет же мне, наверное, — прошептала она.

Они позвонили в большой колокол и ждали.

— Ах да, чуть не забыла: я кое-что захватила для тебя, — быстро сказала она и порылась в кармане. — Моя новая фотография. Хочешь?

— Еще бы!

Он с радостью взял карточку, и в это время подошел привратник. Когда он открывал калитку, взгляд его не сулил ничего доброго. Сью вошла и, обернувшись, помахала Джуду рукой.

III

Семьдесят девиц в возрасте от девятнадцати до двадцати одного года, — впрочем, были среди них и постарше, — жившие в своего рода монастыре, именуемом мелчестерской педагогической школой, представляли собою весьма разношерстное общество: в него входили дочери ремесленников, священников, врачей, лавочников, фермеров, торговцев молочными продуктами, солдат, матросов и крестьян. В описанный нами выше вечер они сидели в большой классной комнате, как вдруг разнесся слух, что Сью Брайдхед не вернулась до закрытия ворот.

— Она ушла со своим кавалером, — сказала студентка второго курса, которая знала толк в кавалерах. — Мисс Трейсли видела их на вокзале. Ох, и влетит ей, когда она вернется.

— Она говорила, что он ее двоюродный брат, — заметила совсем юная девушка из новеньких.

— Эту отговорку слишком часто пускали в ход, и теперь она уже никого не спасет, — сухо бросила староста курса.

Дело в том, что всего год назад была прискорб-

ным образом совращена одна из учениц, которая пользовалась тем же предлогом для свиданий со своим возлюбленным. Это происшествие вызвало скандал, и с тех пор дирекцию приводило в ярость одно лишь упоминание о кузенах.

В девять часов была проведена перекличка, мисс Трейсли трижды громко назвала имя Сью, но не получила ответа.

В четверть десятого все семьдесят девушек поднялись, чтобы исполнить «Вечерний гимн», а затем преклонили колени для молитвы. После молитвы пошли ужинать, и у каждой на уме было одно: где же Сью Брайдхед? Кое-кто из студенток, видевших Джуда в окно, признавался себе, что они сами не прочь были бы понести наказание ради удовольствия целоваться с таким симпатичным молодым человеком. Никто из них не верил, что он действительно приходится Сью кузеном.

Спустя полчаса все ученицы лежали в разгороженных спальнях, каждая в своем отделении; их нежные девичьи лица были обращены к мигающему свету газовых рожков, которые один за другим следовали вдоль длинных дортуаров, и на лице каждой было написано — «слабая», как проклятье пола, к коему они принадлежали и который никаким напряжением их воли и

способностей не мог сделаться сильным, пока существовали неумолимые законы природы. Сами того не ведая, они являли собою прелестное, соблазнительное и трогательное зрелище, и узнать об этом им было суждено лишь среди бурь и испытаний грядущих лет, сулящих несправедливость, одиночество, рождение детей и утраты. Лишь тогда, унесясь мысленным взором в прошлое, поймут они, как много упустили.

Вошла одна из надзирательниц, чтобы потушить свет. Она бросила последний взгляд на пустующую кровать Сью и туалетный столик в ногах кровати, где, как у всех девушек, стояли разные безделушки, и среди них на видном месте фотографии в рамках. Выставка Сью выглядела довольно скромно: на столике рядом с зеркалом стояли в бархатной и филигранной рамках два мужских портрета.

— Она говорила когда-нибудь, кто эти мужчины? — спросила надзирательница. — Вы знаете, по правилам на столики разрешается ставить только портреты родственников.

— Один из них, тот, что средних лет, — сказала студентка, лежавшая на соседней кровати, — это школьный учитель, у которого она была помощницей, мистер Филотсон.

— А второй — этот студент в шапочке и мантии, кто он?

— Друг или бывший друг. Она никогда не называла его имени.

— За ней заходил один из этих двоих?

— Нет.

— Вы уверены, что это был не студент?

— Конечно. За ней заходил молодой человек с черной бородой.

Свет был тотчас погашен, но прежде чем заснуть, девушки долго строили разные предположения насчет Сью, гадая, какие еще выходки она позволяла себе в Лондоне и Кристминстере, перед тем как приехать сюда, а самые неугомонные выскочили из постелей и прильнули к готическому окну, за которым виднелся широкий задний фронтон и шпиль собора.

Проснувшись на следующее утро, они заглянули в отделение Сью: его обитательница еще не вернулась. Полуодетые, они засели за уроки при газовом свете, а когда поднялись наверх, чтобы завершить к завтраку свой туалет, у ворот громко зазвонил колокол. Надзирательница вышла и вскоре вернулась с указанием от директрисы, что без ее разрешения со Сью Брайдхед никто не должен разговаривать.

Поэтому, когда Сью, возбужденная и усталая, вошла в спальню, чтобы наскоро привести себя в порядок, никто не поздоровался с ней, не задал ей ни одного вопроса, и она молча прошла в свое отделение. Спустившись вниз к завтраку, девушки обнаружили, что Сью не последовала за ними в столовую, а потом узнали, что ей сделали серьезное внушение и посадили на неделю в отдельную комнату, где она будет и есть и заниматься.

При этом известии девушки возроптали, найдя приговор слишком суровым. Была составлена и отослана к директрисе круговая петиция с просьбой смягчить наказание Сью. Однако петиция осталась без ответа. Ближе к вечеру, когда учительница географии стала диктовать задание, все девушки в классе продолжали сидеть сложа руки.

— Вы хотите сказать, что не намерены работать? — наконец спросила она. — В таком случае могу сообщить вам следующее: установлено, что молодой человек, с которым проводила время Брайдхед, не кузен ей по той простой причине, что у нее вообще нет кузена. Мы наводили справки в Кристминстере.

— А мы верим ей на слово, — сказала староста курса.

— Этого молодого человека прогнали с работы в Кристминстере за пьянство и богохульство в трактире, и он переселился сюда только для того, чтобы быть возле нее.

Однако девушки упорствовали, продолжая сидеть неподвижно, и учительнице пришлось покинуть класс, чтобы получить указание от начальницы, что ей делать.

Наконец, когда уже начало темнеть, а ученицы по-прежнему сидели сложа руки, в соседней комнате, где занимались первокурсницы, послышался шум, затем в класс влетела одна из девушек и сообщила, что Сью Брайдхед вылезла из окна комнаты, куда ее заперли, пересекла в темноте лужайку и исчезла. Никто не мог понять, как ей удалось выбраться, — ведь внизу вдоль сада протекала река, а боковая калитка была заперта.

Все кинулись осматривать пустую комнату: рама окна была распахнута. Еще раз обошли с фонарем всю лужайку, обшарили каждый куст, но Сью нигде не нашли. Тогда расспросили привратника главного входа, и он припомнил, что слышал за домом на реке какой-то плеск, но не обратил на него внимания, решив, что эти утки плывут вниз по течению.

— Значит, она перешла вброд реку! — воскликнула одна из наставниц.

— Или утопилась, — сказал привратник.

Директриса была в полном смятении, страшась не столько смерти Сью, сколько появления газетной заметки с подробностями этого происшествия, что вкупе с прошлогодним скандалом на долгие месяцы сделало бы колледж притчей во языцех.

Достали еще несколько фонарей и обследовали реку и, наконец на противоположном илистом берегу, выходящем прямо в поле, обнаружили следы маленьких ног, и тут уж не осталось сомнений, что не в меру обидчивая девушка перешла вброд реку, доходившую ей почти до плеч, — река эта была главной в графстве и с почтением упоминалась во всех учебниках географии. Поскольку Сью не утопилась и не навлекла тем самым на школу позора, директриса заговорила о ней свысока и даже выразила радость по поводу того, что она сбежала.

В этот самый вечер Джуд сидел у себя дома возле соборных ворот. Часто с наступлением темноты он выходил на тихую Соборную площадь, останавливался перед домом, который укрывал от него Сью, и, следя за тенями девичьих голов,

мелькавших за шторами, мечтал об одном — сидеть и читать весь день, — занятие, которым многие из легкомысленных обитательниц этого дома пренебрегали. Но в этот вечер, вымывшись и выпив чаю, он углубился в изучение двадцать девятого тома библиотеки отцов церкви Пьюзи, которую он купил у букиниста по цене, показавшейся ему поразительно низкой за такой бесценный труд. Вдруг ему послышался легкий стук в окно, потом еще раз. Ну конечно, кто-то бросил в окно горсть гравия. Он встал и осторожно поднял раму.

— Джуд! — послышалось снизу.

— Сью?

— Да, это я! Могу я подняться к тебе незамеченной?

— Конечно!

— Тогда не спускайся. Закрой окно.

Джуд ждал, зная, что она может беспрепятственно войти в дом, лишь повернув ручку парадной двери, как заведено в большинстве старых провинциальных городов. Его бросило в дрожь при мысли, что она прибежала к нему со своим горем, как когда-то он к ней со своим. Как же они похожи! Он отодвинул задвижку на двери своей комнаты и услышал в темноте осторожное

поскрипывание ступеней, и через мгновенье она вошла в комнату, освещенную лампой. Он бросился к ней и протянул к ней руки — она была вся мокрая, словно русалка, платье прилипло к ней, подобно одеждам на фигурах парфенонского фриза.

— Ух, как я замерзла! — проговорила она, стуча зубами. — Можно к тебе на огонек, Джуд?

Она направилась к небольшому камину, в котором еще теплился огонь, однако вода текла с нее ручьями, и всякая надежда обсушиться казалась нелепой.

— Что ты наделала, родная? — спросил он с тревогой и невольной для себя нежностью.

— Перешла вброд самую широкую реку в графстве — больше ничего. Они меня заперли за нашу прогулку, и это было так несправедливо, что я не выдержала, вылезла в окно и убежала через реку.

Она начала объяснять обычным своим независимым тоном, но под конец ее тонкие розовые губы задрожали, и она еле сдержала слезы.

— Милая Сью! — воскликнул он. — Ты должна снять с себя все! Постой, дай сообразить… Можно одолжить платье у моей хозяйки. Я сейчас спрошу у нее.

— Нет, нет! Ради бога, пусть она ничего не знает! Школа совсем рядом, чего доброго, они еще придут за мной!

— Тогда надень мое. Хорошо?

— О нет.

— Мой воскресный костюм. Ты знаешь. Он как раз под рукой.

По правде говоря, в единственной комнате Джуда все было под рукой, иначе и быть не могло, поскольку просторностью она не отличалась. Он выдвинул ящик комода, достал свой лучший костюм и, встряхнув его, спросил:

— На сколько минут мне выйти?

— На десять.

Джуд спустился на улицу и принялся расхаживать перед домом взад и вперед. Когда часы пробили половину восьмого, он вернулся. В своем единственном кресле он увидел слабое и хрупкое существо, одетое, как он сам в воскресный день, такое трогательное в своей беззащитности, что сердце его переполнилось нежностью. На двух стульях перед камином была развешана ее мокрая одежда. Когда он сел рядом с ней, она покраснела, но только на мгновенье.

— Странно, да, Джуд, что я здесь перед, тобой в таком виде, а мои вещи развешаны вокруг?

Впрочем, какая ерунда! Это всего-навсего женская одежда — бесполая ткань... Ах, как мне нездоровится! Ты просушишь мое платье, Джуд? Пожалуйста, а потом я пойду искать себе пристанище. Еще не поздно.

— Нет, тебе никуда нельзя идти, раз ты больна. Оставайся здесь, Сью, дорогая! Что я могу для тебя сделать?

— Не знаю. Я не могу унять дрожь. Мне бы согреться.

Джуд набросил на нее свое пальто, а потом сбегал в ближайший трактир и вернулся с небольшой бутылкой.

— Вот отличный бренди, — сказал он. — Пей скорее, дорогая, пей все.

— Как же я буду пить, прямо из бутылки?

Джуд взял с туалетного столика стакан и разбавил бренди водой. Она чуть не поперхнулась, но все же проглотила содержимое стакана и откинулась на спинку кресла.

Затем она начала подробно рассказывать обо всем, что с ней произошло с момента их расставания, однако в середине рассказа язык ее стал заплетаться, голова поникла на грудь, и она умолкла. Ее объял крепкий сон. Джуд, страшно боявшийся, что она схватила сильную простуду,

очень обрадовался, услышав ее ровное дыхание. Тихонько подойдя к ней, он увидел, что на посинелых ранее щеках появился румянец, а прикоснувшись к свесившейся руке, убедился, что она потеплела. Потом, повернувшись спиной к огню, он долго стоял и глядел на нее, почти как на божество.

IV

Из задумчивости Джуда вывел скрип ступенек, — кто-то поднимался по лестнице.

Он живо собрал одежду Сью со стульев, где она сушилась, сунул ее под кровать, а сам уселся за книгу. Кто-то постучался и, не ожидая ответа, открыл дверь. Это была квартирная хозяйка.

— Ах, мистер Фаули, я не знала, дома вы или нет. Зашла спросить, будете ли вы ужинать. У вас, оказывается, молодой джентльмен…

— Да, мэм. Пожалуй, сегодня я не стану сходить вниз. Быть может, вы принесете ужин мне сюда на подносе, и еще чашку чая?

Во избежание хлопот у Джуда вошло в привычку спускаться в кухню и делить трапезу со всей семьей. Однако для такого случая хозяйка подала ужин наверх, и он принял его, стоя в дверях.

Когда она ушла, он поставил чайник на огонь и вытащил из-под кровати одежду Сью, — она еще далеко не просохла, а толстое шерстяное платье было совсем мокрое. Снова развесив вещи на стульях, он прибавил огня и глубоко задумался, глядя на пар, который тянулся от мокрой одежды

в дымоход.

Вдруг Сью позвала:

— Джуд!

— Да? Все в порядке. Как ты себя теперь чувствуешь?

— Лучше. Совсем хорошо. Неужели я спала? Который час? Надеюсь, не поздно?

— Одиннадцатый!

— Не может быть! Что же мне делать? — воскликнула она, встрепенувшись.

— Оставайся здесь.

— Я, конечно, согласна… Но… вдруг пойдут разговоры? А ты-то куда денешься?

— Я собираюсь всю ночь сидеть у огня и читать. Завтра воскресенье, мне никуда не надо идти. Быть может, ты избежишь серьезной болезни, если останешься здесь. Не бойся! Мне хорошо. Взгляни, что я раздобыл для тебя. Ужин!

Она села прямо в кресле, и у нее вырвался скорбный вздох.

— Я все еще чувствую слабость, — призналась она. — А думала, что уже все прошло. Мне не следовало бы здесь оставаться, правда?

Ужин все-таки подкрепил ее, а после чая она снова откинулась на спинку кресла, оживилась и повеселела.

Чай, вероятно, был зеленый или слишком крепкий, потому что после него она почувствовала неестественное возбуждение, тогда как самого Джуда, который чая не пил, начало клонить в сон, пока ее слова не привлекли его внимания.

— Ты назвал меня продуктом цивилизации или что-то в этом роде, так ведь? — спросила она, нарушив молчание. — Очень странно, что ты так сказал.

— Почему?

— Да потому, что это до обидного не так. Скорее я являю собой ее отрицание.

— Ты сущий философ. «Отрицание» — какое мудреное слово!

— Разве? Я в самом деле кажусь тебе ученой? — спросила она чуть насмешливо.

— Не то чтобы ученой, а… ты рассуждаешь не как девушка, которая… ну, словом, у которой не было возможности учиться по-настоящему.

— А у меня была такая возможность. Я, правда, не знаю ни латыни, ни греческого, но знакома с их грамматикой. И знаю многих греческих, и латинских классиков по переводам, знаю и других авторов. Я читала Ламприера, Катулла, Марциала, Ювенала, Лукиана, Бомонта и Флетчера, Боккаччо, Скаррона, де Брантома, Стерна, Дефо,

Смоллета, Фильдинга, Шекспира, Библию и кое-что еще. Я убедилась, что нездоровый интерес, какой вызывали иные из книг, пропадает, как только с них спадает покров таинственности.

— Ты читала больше меня, — сказал он со вздохом. — Тут есть и не совсем обычные авторы, как ты добралась до них?

— Видишь ли, — ответила она, подумав, — это вышло случайно. Моя жизнь складывалась всецело под влиянием, что называется, странности моего характера. Я не боюсь ни мужчин как таковых, ни их книг. Я общаюсь с ними — в особенности общалась с одним, нет, с двумя — почти как мужчина с мужчиной. Я хочу сказать, что не уподобляюсь большинству женщин, которым вечно внушают стоять на страже своей добродетели. Ведь ни один нормальный мужчина, если только он не сексуальный маньяк, не станет осаждать женщину ни днем, ни ночью, ни дома, ни на улице, если она сама не вызовет его на это. Пока она взглядом не скажет: «Иди ко мне», — он не посмеет к ней приблизиться, и шагу не сделает, если она не подаст ему знака словом или взглядом. Но я хотела сказать о другом: когда мне было восемнадцать, я подружилась в Кристминстере с одним студентом, и он многому научил меня,

давал читать книги, которые без него никогда бы не попали мне в руки.

— Ваша дружба оборвалась?

— Да. Он умер, бедняга, года через три после того, как получил диплом и уехал из Кристминстера.

— Ты, наверное, часто видалась с ним?

— Да, мы много бывали вместе — гуляли, читали и все такое — совсем как друзья-мужчины. Он предложил мне переселиться к нему, и я ответила письмом, что согласна. Но когда я приехала к нему в Лондон, я поняла, что он имел в виду нечто совсем другое. Он хотел, чтобы я стала его возлюбленной, но я не была в него влюблена. Я заявила, что уеду, если он не согласится на мои условия, и он согласился. На протяжении пятнадцати месяцев мы жили в одном доме с общей гостиной; он стал сотрудничать в одной из крупных лондонских газет, писать передовые статьи, но потом заболел и был вынужден уехать за границу. Он сказал, что я разбила ему сердце, живя с ним под одной крышей и не допуская его до себя; он никак не мог поверить, что женщина способна на это, и сказал, что я могу плохо кончить, если буду слишком часто злоупотреблять этой игрой. Домой он вернулся только для того,

чтобы умереть. После его смерти я горько раскаивалась в своей жестокости, хотя, думаю, он умер от чахотки, а не из-за меня. Я поехала в Сэндборн на похороны и одна только и оплакивала его. Он оставил мне немного денег, — должно быть, за то, что я разбила ему сердце. Вот каковы мужчины — куда лучше женщин!

— О, господи! А что же потом?

— Ну вот, теперь ты на меня рассердился! — воскликнула она, и в ее серебристом голосе вдруг зазвучала низкая трагическая нотка. — Знала бы, ни за что не стала бы рассказывать!

— Нет, я не сержусь. Расскажи мне все.

— Что ж, деньги этого бедняги я поместила неудачно и все потеряла. Некоторое время жила одна под Лондоном, а потом вернулась в Кристминстер, потому что мой отец, — он тогда тоже жил в Лондоне возле Лонг-Эйкра и начал заниматься художественной резьбой по металлу, — не хотел принять меня к себе. Я устроилась в церковной лавке, где ты меня и нашел… Вот видишь, я же говорила, что ты не знаешь, какая я дурная!

Джуд глядел на сидящую в кресле девушку, словно желая глубже распознать существо, которому дал пристанище. Когда он заговорил, голос у него дрожал:

— Как бы ты ни жила в прошлом, Сью, я уверен, что ты так же невинна, как и непосредственна.

— Не так уж я невинна, если развенчала пустую куклу, украшенную твоей мечтой, — сказала она, деланно усмехаясь, однако он почувствовал, что она вот-вот расплачется. — Но у меня не было ни одного любовника, если ты это имеешь в виду! Я осталась, какой была.

— Я тебе верю. Зато другие женщины не остались бы.

— Быть может, они лучше меня. Меня называют холодной, бесчувственной. Но это не так! Самые безудержно эротические поэты бывали самыми сдержанными людьми в повседневной жизни.

— Ты рассказала о своем университетском друге мистеру Филотсону?

— Да, с самого начала. Я никогда не делала из этого секрета.

— И что он сказал?

— Он меня не осудил… сказал только, что я для него все, что моя прошлая жизнь не имеет для него значения, ну и все такое прочее.

Джуд был подавлен; казалось, она уходит от него все дальше и дальше со своими странностями и удивительным непониманием отношений между мужчиной и женщиной.

— Ты на меня правда не сердишься, милый? — спросила она вдруг с такой необыкновенной нежностью, в голосе, что даже не верилось, будто это говорит та самая, женщина, которая только что беспечно поведала ему свое прошлое. — Кажется, я могу обидеть кого угодно на свете, только не тебя!

— Не знаю, сержусь или нет. Знаю только, что ты мне очень дорога!

— И ты мне дорог не меньше.

— Но не больше всех. Впрочем, я не вправе так говорить. Не отвечай на это!

Воцарилось долгое молчание. Он чувствовал, что она поступает с ним жестоко, хотя в чем именно, он не мог бы сказать. Казалось, сама ее беспомощность делает ее сильнее его.

— Хоть учился я и упорно, но в некоторых вопросах остался совершенным невеждой, — сказал он, чтобы переменить тему разговора. — Сейчас, видишь ли, я с головой ушел в теологию. Если бы тебя не было здесь, как ты думаешь, чем бы я занимался? Я бы читал вечерние молитвы. Едва ли ты захочешь…

— Ах, нет, нет! — перебила она. — Лучше не надо, если ты не возражаешь. С моей стороны это было бы таким… таким лицемерием.

— Я так и думал, что ты не захочешь присоединиться ко мне, а потому и не стал предлагать. Но не забудь, что со временем я надеюсь стать достойным служителем церкви.

— Ты, кажется, говорил, что собираешься принять сан?

— Да.

— Так, значит, ты не оставил эту мысль? Я-то думала, ты уже от нее отказался.

— Что ты! Мне было так приятно думать сначала, что и ты разделяешь мои чувства в этом отношении, ведь ты так тесно соприкоснулась с англиканством в Кристминстере. А мистер Филотсон…

— Я невысокого мнения о Кристминстере, разве что о его интеллектуальной жизни, да и то с оговоркой, — серьезно сказала Сью. — Мой друг, о котором я тебе говорила, излечил меня от этого. Он был самым неверующим человеком из всех, каких я знала, и самым высоконравственным. А интеллектуальность Кристминстера — это молодое вино в старых мехах. Все средневековое должно отпасть от Кристминстера, погибнуть, иначе погибнет сам Кристминстер. Конечно, иной раз никак не можешь отделаться от необъяснимой слабости к традициям старой веры,

которую с трогательной и наивной искренностью поддерживает кучка тамошних мыслителей, но когда я бывала настроена особенно грустно и трезво, я всегда вспоминала слова:

О, страшная слава святых, мощи распятых богов!

— Сью, если ты мне друг, ты не должна так говорить.

— Я больше не буду, милый Джуд! — В ее голосе вновь зазвучали взволнованные низкие ноты, и она отвернулась.

— В моих глазах Кристминстер еще не утратил всего своего великолепия, хоть я и негодовал, когда был отвергнут им.

Он говорил мягко, борясь с искушением довести ее до слез.

— Это город невежд, за исключением городского люда, ремесленников, пьяниц и бедняков, — сказала она, упорствуя в своем разногласии с ним. — Они-то знают, какова жизнь, не то что те, кто сидит в колледжах. Твой пример многое доказывает. Именно для таких, как ты, и предназначались колледжи Кристминстера, когда они создавались, — для людей, одержимых страстью к науке, без денег, без связей, без друзей. Но тебя

вытеснили сынки миллионеров.

— Ничего, обойдусь и без дипломов. Мои стремления выше.

— А мои — искать правды и широты, — сказала она. — Сейчас интеллект в Кристминстере тянет в одну сторону, а религия в другую, вот они и стоят на месте, словно два барана, сцепившиеся рогами.

— А что бы сказал мистер Филотсон…

— Это пристанище для фетишистов и духовидцев!

Он уже заметил, что всякий раз, как он спрашивал о школьном учителе, она переводила разговор на ненавистный ей Кристминстер, Он сгорал от мучительного любопытства узнать, как протекала ее жизнь в качестве protegee и невесты Филотсона, но она ни словом не обмолвилась об этом.

— Что ж, меня тоже можно причислить к ним, — сказал он. — Я боюсь жизни, и мне постоянно видятся призраки.

— Зато ты добрый и милый! — прошептала она. Сердце так и подпрыгнуло у него в груди, но он промолчал.

— Ты сейчас пребываешь в трактарианской стадии, не так ли? — продолжала она деланно

легкомысленным тоном, который принимала всегда, когда хотела скрыть истинные свои чувства. — Постой, когда же это было со мной?.. В тысяча восемьсот…

— Мне неприятен твой сарказм, Сью. Будь добра, сделай, как я попрошу! Я уже говорил, что в этот час я обычно читаю главу из Евангелия, а потом молюсь. Прошу тебя, возьми любую из моих книг, какая тебе понравится, сядь ко мне спиной и предоставь меня моей привычке. Ты никак не хочешь присоединиться ко мне?

— Я буду смотреть на тебя.

— Не надо. Не дразни меня, Сью.

— Хорошо, хорошо, я сделаю все, как ты сказал, я не буду тебя больше сердить, Джуд, — сказала он тоном ребенка, решившего быть послушным, и тут же повернулась к нему спиной. Возле нее лежала Библия маленького формата — не та, что была у него, а другая. Она взяла и листала ее, пока он молился. — Джуд, — сказала она весело, когда он кончил и вернулся к ней, — хочешь, я сделаю тебе новый Новый завет, какой я сделала для себя в Кристминстере?

— Ну, сделай. А как это?

— Я взяла и переделала мой старый: вырезала все послания и переставила их в том порядке,

как они были написаны, — сначала послания к фессалонийцам, потом остальные послания, а уж потом Евангелие. Потом дала все это переплести. Мой друг из университета, мистер… впрочем, зачем тебе знать, как его звали, беднягу, — сказал, что я очень хорошо придумала. И верно, после этого книга стала вдвое интереснее и понятнее.

— Гм! — произнес Джуд, почуяв в этом что-то кощунственное.

— А вот еще одно литературное преступление, — сказала она, перелистывая Песнь Песней, — этот краткий пересказ содержания в начале каждой главы, убивающий душу поэмы. Не волнуйся, никто и не требует вдохновения для заголовков. А многие богословы даже относятся к ним с презрением. Смех берет, как подумаешь об этих старейших или епископах, уже не помню, сколько их там было, двадцать четыре, что ли, как они сидят с постными лицами и сочиняют эту ерунду.

Лицо Джуда выражало страдание.

— Ты настоящая вольтерьянка! — прошептал он.

— Правда? Тогда я больше ничего не скажу, кроме одного — никто не имеет права фальсифицировать Библию! Я ненавижу эту ложь, когда

пытаются замуровать в теологических абстракциях восторженную, естественную человеческую любовь, воспетую в этой великой и страстной песне! — После его упрека она заговорила горячо, чуть ли не дерзко, и на глаза у нее навернулись слезы. — Как мне недостает друга, который поддержал бы меня! Никто никогда со мною не согласен!

— Что ты, милая Сью, моя хорошая Сью, разве я против тебя? — сказал он, беря ее руку и удивляясь, что она вкладывает столько чувства в обыкновенный спор.

— Да, против, против! — воскликнула она, отворачиваясь, чтобы скрыть от него слезы. — Ты заодно с этими людьми из педагогического колледжа или почти заодно! А я все равно считаю, что пояснять строки поэмы: «Куда ушел возлюбленный твой, о прекраснейшая из женщин?» — примечанием: «Церковь исповедует свою веру» — это просто курам на смех!

— Ну, хорошо, пусть так! Ты все принимаешь так близко к сердцу! Сейчас я и сам склонен дать мирское толкование этим словам. И если уж на то пошло, ты знаешь, что прекраснейшая из женщин для меня — это ты!

— Тебе не следует этого говорить! — отозвалась

она, и в голосе ее прозвучала суровая нотка.

Их глаза встретились, и они пожали друг другу руки, словно старые друзья-приятели. Джуд понял, сколь нелепо спорить о таком отвлеченном предмете, а она — как глупо плакать из-за того, что написано в такой древней книге, как Библия.

— Я не буду трогать твоих убеждений, честное слово! — продолжала она примирительно, так как теперь он был, пожалуй, куда более взволнован, чем она. — Но мне всегда так хотелось найти друга, которого я могла бы вдохновить на что-то высокое, и когда я узнала тебя и поняла, что ты хочешь быть мне другом, я, — что ж, признаюсь, — я подумала, что как раз ты и можешь быть этим другом. Но ты столько принимаешь на веру по традиции, что я совершенно теряюсь.

— Видишь ли, дорогая, мне кажется, что каждый должен принимать что-то на веру. Жизнь слишком коротка, чтобы доказывать каждый постулат Евклида прежде, чем в него поверить. Я принимаю христианство.

— Что ж, пожалуй, ты мог бы принять кое-что и похуже.

— Да, конечно. А пожалуй, и принимал! — Он вспомнил об Арабелле.

— Я не стану спрашивать, что, потому что ведь мы решили быть добрыми друзьями, да? И никогда, никогда не будем сердить друг друга? — Она доверчиво поглядела на него, и голос ее словно проник в его сердце.

— Ты всегда будешь мне дорога! — сказал Джуд.

— А ты — мне. Ведь ты такой прямодушный и все прощаешь своей негодной, надоедливой Сью!

Он отвел глаза: эта дружеская нежность была слишком мучительна. Быть, может она-то и разбила сердце бедному автору передовиц. Теперь пришел его черед? Но Сью так мила!.. Если б только он мог забыть, что она женщина, с такой же легкостью, с какой она забыла, что он мужчина, каким чудесным товарищем она была бы, — ведь разногласия по отвлеченным вопросам только сближали их в обычной, повседневной жизни. Она была ему ближе всех женщин, которых он знал, и он не допускал мысли, что время, вера или разлука могут отнять ее у него. Однако ее неверие его огорчало.

Они сидели, пока она не уснула, а следом за ней, не вставая со стула, задремал и он. Каждый раз, как он пробуждался, он переворачивал ее вещи и

раздувал огонь. Около шести он проснулся окончательно, зажег свечу и убедился, что ее платье просохло. В кресле было удобнее, чем на стуле, поэтому она еще продолжала спать, укрывшись его пальто, и казалась теплой, словно свежая булочка, и мальчишески юной, словно Ганимед. Положив перед ней одежду и тронув ее за плечо, он спустился во двор и умылся при свете звезд.

V

Вернувшись, он застал Сью в ее обычном виде.

— Смогу я выйти, чтобы меня не увидели? — спросила она. — Город еще не проснулся.

— Но ты же еще не завтракала!

— А я и не хочу! Ох, наверное, мне не надо было убегать из школы! В холодном утреннем свете все выглядит совсем по-другому, верно? Просто не знаю, что скажет на это мистер Филотсон! Я поступила туда только потому, что он так хотел. Он — единственный человек на свете, кого я уважаю или, скорее, побаиваюсь. Надеюсь, он простит меня, но разбранит ужасно!

— Я поеду к нему и объясню… — начал было Джуд.

— Нет, не надо. Какое мне до него дело! Пусть думает что угодно — все равно я буду поступать, как захочу!

— Но ты только что сама сказала…

— Ну и что? А я все равно буду делать все по-своему и с ним не посчитаюсь. Я уже решила, как быть, — поеду к сестре одной нашей ученицы, она приглашала меня к себе. У нее школа возле

Шестона, — это милях в восемнадцати отсюда, — поживу там, пока все уляжется, а потом вернусь в колледж.

В последнюю минуту она позволила сварить ей чашку кофе на спиртовке, которую он держал у себя в комнате, чтобы иметь возможность готовить себе завтрак каждый день перед уходом на работу, когда весь дом еще спал.

— Теперь закуси — и в путь, — сказал он. — По-настоящему позавтракаешь, когда доберешься до места…

Они потихоньку вышли из дому, и Джуд решил проводить ее до вокзала. Когда они шли по улице, из окна верхнего этажа высунулась чья-то голова и тут же спряталась. Сью как будто раскаивалась в своей опрометчивости и жалела, что подняла бунт; при расставании она пообещала дать знать о себе, когда ее снова допустят в педагогическую школу. Стоя рядом на платформе, они чувствовали себя несчастными, и было видно, что ему хочется сказать ей еще что-то.

— Я хочу тебе кое-что сказать, — торопливо проговорил он, когда подошел поезд. — Одно — теплое, другое — холодное.

— Джуд, — перебила она. — Одно я знаю. Не надо!

— Что не надо!

— Не надо любить меня! Относись ко мне хорошо — вот и все!

У Джуда был такой убитый вид, что, прощаясь с ним из окна вагона, она почувствовала волнение и жалость. Но вот поезд тронулся, и, помахав ему своей хорошенькой ручкой, она скрылась из глаз.

В то воскресенье Джуду было в Мелчестере до того тоскливо, а Соборная площадь казалась до того ненавистной, что он пропустил все службы в соборе. На следующее утро от нее пришло письмо, которое она со свойственной ей порывистостью написала, как только добралась до дома своей подруги. Она сообщала, что доехала благополучно и устроилась хорошо, а дальше писала:

> «По правде говоря, милый Джуд, пишу я тебе по поводу того, что сказала тебе при расставанье. Ты был со мною так добр и ласков, что как только ты исчез из виду, я вдруг почувствовала, какая я жестокая и неблагодарная, что сказала тебе такие слова, и совесть не дает мне покоя. Ты можешь любить меня, Джуд, если хочешь; я ничего не имею против и никогда уже не

скажу тебе — не надо!

Не хочу писать об этом ничего больше. Ведь ты простишь своей легкомысленной подруге ее жестокость и не сделаешь ее несчастной, сказав „нет“.

Твоя Сью»

Нет нужды говорить, каков был его ответ и как он размечтался о том, что бы он сделал, будь он свободен; Сью тогда было бы излишне задерживаться у своей подруги. Он чувствовал, что если бы дело дошло до борьбы с Филотсоном за обладание ею, победа была бы за ним.

Однако Джуд склонен был придавать записке Сью, посланной в невольном порыве чувств, большее значение, чем она того заслуживала.

Прошло несколько дней, и он поймал себя на том, что ждет от нее еще писем. Но писем больше не приходило, и, охваченный сильнейшим беспокойством, он послал ей снова записку, что собирается навестить ее в одно из воскресений, — ведь их разделяет всего восемнадцать миль.

Он ждал ответа на второе утро после отправки своего послания, однако не получил его. Настало третье утро, почтальон прошел мимо. Была суббота, и в лихорадочной тревоге он отправил Сью

коротенькую записку из трех строк, сообщая, что приедет на следующий день, так как чувствует, что с ней что-то случилось.

Первой его мыслью было — не слегла ли она после купанья в реке, но вскоре он сообразил, что в таком случае ему написали бы за нее. Догадкам был положен конец, когда он в ясное воскресное утро приехал в сельскую школу близ Шестона; было около двенадцати, и в деревне было безлюдно, словно в пустыне, так как все прихожане собрались в церкви, откуда время от времени доносились звучащие в унисон голоса.

Дверь ему открыла девочка.

— Мисс Брайдхед наверху, — сказала она. — Вы подниметесь к ней?

— Она больна? — поспешно спросил Джуд.

— Да так… Не очень.

Джуд вошел и поднялся наверх. Когда он ступил на лестничную площадку, его окликнули по имени. Голос принадлежал Сью, и ему не нужно было гадать, в какую Сторону повернуть. Он вошел в комнату в двенадцать квадратных футов и увидел ее, — она лежала в постели.

— Сью! — воскликнул он, садясь возле нее и беря ее руку. — Как же так? Ты не могла написать мне?

— Нет, не то, — ответила она. — Я на самом деле сильно простудилась, но все же написать я могла. Я просто не хотела!

— Почему же? Ты меня так напугала!

— Да? Я этого и боялась! Но я решила больше тебе не писать. Меня не приняли обратно — вот почему я не могла тебе написать. Дело не в самом факте, а в причине!

— Ну?

— Мало того что меня не приняли, мне еще дали на прощанье такой совет…

— Какой?

Она ответила не сразу.

— Я поклялась, что, никогда не скажу тебе, Джуд, — это так грубо и обидно!

— Касается нас?

— Да.

— Так говори же!

— Ну ладно… Кто-то сочинил о нас вздорную сплетню, и мне заявили, что мы должны скорее пожениться, чтобы спасти мою репутацию!.. Вот! Я не выдержала и сказала тебе все, а теперь уж жалею об этом.

— Сью, бедняжка!

— Я совсем не так о тебе думаю! Правда, случайно приходили в голову такие мысли, но пока

еще я ни о чем таком не помышляла. Конечно, я понимаю, что наше родство ничего не значит, раз мы встретились как совершенно чужие люди. Но выйти за тебя замуж, милый Джуд… ну конечно же, если бы я на это решилась, мне не следовало бы так часто бывать у тебя. И до того вечера, когда мне показалось, что ты меня немножко любишь, я даже не предполагала, что ты помышляешь о женитьбе на мне. Наверное, мне не следовало проводить с тобой так много времени. Я сама в этом виновата. Я всегда во всем виновата!

В ее словах звучало что-то надуманное, неестественное, и обоим стало от этого тяжело на душе.

— Какая же слепая я была вначале! — продолжала она. — Я совсем не замечала твоих чувств. О, ты нехорошо со мной поступил, да, да, ты видел во мне возлюбленную и ни слова не говорил об этом, — пусть, мол, сама догадается! Твое отношение ко мне стало известно, и, разумеется, они подумали бог знает что! Больше я никогда не доверюсь тебе!

— Да, Сью, — сказал он просто, — я виноват, и даже больше, чем ты думаешь. Я прекрасно знал, что до последних наших встреч ты не подозревала о моих чувствах к тебе. Мы встретились как чужие люди, а потому не думали о нашем

родстве, и, признаюсь, я воспользовался этой лазейкой. Но согласись, что я заслуживаю некоторого снисхождения за то, что, не умея подавить в себе это грешное, очень грешное чувство, я таил его от тебя.

Она с недоверием взглянула на него и отвела взгляд, словно боясь, что простит его.

По законам природы и любви поцелуй был бы единственным подходящим к моменту и настроению ответом, от которого сдержанность Сью, возможно, чуточку растаяла бы. Многие мужчины откинули бы всякую щепетильность, несмотря на видимую холодность противной стороны и на две подписи в ризнице приходской церкви, которую посещала Арабелла. Но Джуд этого не сделал. Ведь он, собственно, и приехал-то сюда отчасти для того, чтобы поведать Сью свою роковую историю. Он то и дело порывался начать свой рассказ, но в этот горький для него час так и не решился. Он предпочел не преступать стоявшей между ними преграды.

— Конечно… я знаю, что… я тебе совершенно безразличен, — горестно говорил он. — Ты права, так и должно быть. Ты принадлежишь Филотсону. Он, наверное, уже навещал тебя?

— Да, — коротко ответила она, чуть изменив-

шись в лице. — Хотя я вовсе не просила его об этом. Ты, конечно, рад, что он побывал у меня. Ну а я бы не возражала, если б он больше не приходил.

Джуд не знал, что и подумать. Почему она обиделась на него за честное смирение перед соперником, если сама же отвергла его любовь? Он перевел разговор на другую тему.

— Все образуется, милая Сью, — сказал он. — Начальство мелчестерского колледжа — это еще не весь свет. Ты еще будешь учиться — не в этом, так в другом месте, о чем тут говорить.

— Я посоветуюсь с Филотсоном, — решительно сказала она.

В это время вернулась из церкви подруга Сью, у которой она нашла приют, и о личных делах больше не говорили. Джуд ушел под вечер, бесконечно несчастный. Но все же он видел ее, сидел возле нее. Этим ему предстоит довольствоваться до конца своей жизни. Будущему приходскому священнику не мешает и даже необходим этот урок самоотречения.

Однако, проснувшись на другое утро, он почувствовал против нее раздражение и решил, что она вела себя неразумно, если не сказать капризно. И тут же, словно в подтверждение ха-

рактерной и многое искупающей черты, которую он уже начал подмечать в Сью, от нее пришло письмо, — как видно, она написала его почти сразу же после его ухода:

> «Прости меня за вчерашние мои капризы! Я вела себя отвратительно. Я это знаю и ужасно страдаю. Ты не рассердился, и это так мило с твоей стороны! Джуд, прошу тебя, считай меня по-прежнему своим другом и союзником, несмотря на все мои грехи. Постараюсь больше так не поступать.
>
> В субботу я приеду в Мелчестер, чтобы забрать из П.К. мои вещи и проч. Хочешь, погуляем вместе, с полчасика?
>
> С раскаянием
> твоя Сью»

Джуд тотчас же простил ее и попросил в письме, чтобы она, как приедет, зашла за ним в собор.

VI

Тем временем один пожилой господин предавался прекрасным мечтам касательно автора вышеприведенного письма. То был Ричард Филотсон; из школы совместного обучения в местечке Ламсдон близ Кристминстера он недавно перешел учительствовать в большую школу для мальчиков в его родном Шестоне, стоявшем на холме в шестидесяти милях к юго-западу по прямой.

Достаточно было бросить взгляд на городок и его окрестности, чтобы увидеть, что мечты и планы школьного учителя, так долго вынашиваемые, уступили место новой мечте, не имевшей ничего общего ни с церковью, ни с литературой. По натуре человек непрактичный, он задался теперь вполне практической целью — зарабатывать и копить деньги на содержание жены, которая при желании могла бы вести одну из соседних школ для девочек; ради этого он и посоветовал ей пройти учительскую подготовку, раз уж она не соглашалась выйти за него замуж сразу.

Примерно в то же время, когда Джуд переселился из Мэригрин в Мелчестер и разделил приключения, выпавшие на долю Сью, Филотсон обосновался в своей новой квартире при школе в Шестоне. Теперь, когда мебель была расставлена, книги разложены по полкам, все гвозди вбиты, он просиживал темные зимние вечера в гостиной, возобновив свои прежние занятия — в частности, изучение римско-британских древностей; труд этот не сулил ему никакого вознаграждения, но, расставшись со своими надеждами попасть в университет, он заинтересовался этой темой, так как она была сравнительно мало изучена и доступна для тех, кто, подобно ему, проживал в глухих уголках, изобиловавших этими древностями, которые приводили исследователей к выводам, резко противоречащим установленным взглядам на цивилизацию той эпохи.

Исследования эти стали теперь любимым занятием Филотсона и служили удобным предлогом, чтобы уединяться в полях, исчерченных мощеными дорогами, разделенных каменными оградами, усеянных могильными холмами, или же запираться у себя дома со своей небольшой коллекцией урн, черепков и мозаик, вместо того чтобы наносить визиты новым соседям, которые,

со своей стороны, были явно не прочь завязать с ним дружеские отношения. Но не эта страсть была подлинной и единственной причиной его затворничества. В один из вечеров, — время было позднее, около полуночи, — лампа в окне его дома, стоявшего на краю холма, освещала часть равнины, тянувшейся на многие мили к западу от города, возвещая о том, что и дом этот, и человек, в нем живущий, служат науке, однако на самом деле он занимался не научными исследованиями.

Все в комнате — книги и мебель, просторный сюртук учителя и его поза за столом, даже мерцание света — повествовало об упорном научном труде, делающем честь человеку, которому не на кого надеяться, кроме самого себя. И, однако же, повествование это, до самого последнего времени соответствовавшее действительности, теперь противоречило ей. Предметом изучения была не история, а заметки по истории, писанные смелым женским почерком под его диктовку несколько месяцев тому назад, и сейчас он занимался тем, что разбирал их слово за словом.

Потом он достал из комода аккуратно перевязанную пачку писем, — их было мало, очень мало, чтобы назвать настоящей перепиской.

Каждое письмо лежало в своем конверте, и написаны все они были тем же женским почерком, что и заметки по истории. Он раскрывал их одно за другим и задумчиво перечитывал. С первого взгляда могло показаться, что в этих коротеньких записках не над чем и размышлять. Это были незатейливые, откровенные письма, подписанные «Сью Б.», такие, какие пишутся в недолгой разлуке, в расчете, что их скоро уничтожат; они касались в основном прочитанных книг и различных событий в педагогической школе, о которых сам автор, наверное, забывал на другой же день после отправки письма. В одном из них — присланном совсем недавно — Сью писала, что получила его тактичное письмо и считает его обещание не посещать ее чаще, чем она того желает, благородным и великодушным (ведь школа совсем неподходящее место для приема гостей, к тому же она решительно не желает, чтобы ее помолвка с ним получила огласку, а это неизбежно произойдет, если он будет часто навещать ее). Эти фразы заставили школьного учителя задуматься. Сомнительная радость для мужчины, когда любимая женщина благодарит его за то, что он редко ее навещает. Этот вопрос занимал его и мучил.

Он выдвинул другой ящик, нашел в нем конверт и вынул из него фотографию Сью, сделанную, когда она была еще девочкой, задолго до той поры, как он с ней познакомился, — она стояла у шпалеры с корзиночкой в руке. Была у него и еще одна карточка Сью, на которой она была изображена молодой привлекательной женщиной, темноглазой и темноволосой, — портрет этот очень точно передавал серьезность Сью, скрытую под внешним легкомыслием. Такую же фотографию она подарила Джуду и выбрала бы для подарка любому мужчине. Филотсон поднес ее к губам, потом опустил, вспомнив смутившие его слова письма, но в конце концов все же поцеловал безжизненный картон со страстью и благоговением восемнадцатилетнего юноши.

Лицо у школьного учителя было болезненное и немолодое, это подчеркивалось еще тем, что брился он по-старомодному. На этом лице лежала печать врожденного благородства, свидетельствовавшая о неизменном стремлении во всем быть справедливым. Речь у него была несколько замедленная, но интонации такие искренние, что замедленность эта не казалась недостатком. Седеющие волосы его вились и расходились от макушки. Лоб пересекали четыре морщины,

он был в очках, правда, надевал он их только по вечерам, когда читал. Можно было почти с уверенностью сказать, что не отвращение к женщинам, а самозабвенная страсть к науке до сих пор удерживала его от вступления в брак.

Он часто предавался таким тихим размышлениям, когда был не на глазах учеников, чьи зоркие, проницательные взгляды порою становились просто нестерпимы для застенчивого учителя, болезненно переживавшего свою любовь к Сью, и в предрассветные часы он с ужасом думал о том, что снова увидит эти пытливые глаза, грозившие разгадать его мечты.

Он добросовестно подчинился требованию Сью не посещать ее часто в педагогической школе, но в конце концов терпение его истощилось, и как-то в субботу после обеда он поехал к ней с неожиданным визитом. Он стоял у входа в колледж, с минуты на минуту ожидая, что она выйдет к нему, как вдруг, словно снег на голову на него обрушилось известие об ее исчезновении, похожем скорей на исключение, и когда он повернул обратно, он не видел перед собой дороги.

Сью ни слова не написала о происшедшем своему жениху, хотя все случилось две недели назад. Однако, собравшись с мыслями, он решил, что

это еще ничего не значит: причиной молчания в такой же мере могла быть прирожденная стеснительность, как и виновность.

Ему сказали, где она теперь живет, и, не беспокоясь пока что о ее новом устройстве, он мысленно вознегодовал на педагогический совет школы. В расстроенных чувствах он зашел в соседний собор, где из-за ремонта царил ужасный беспорядок. Там он присел на глыбу камня, не заботясь о том, что пыль пристанет к его брюкам, и, безучастно следя взглядом за движениями работ чих, вдруг заметил среди них Джуда — предполагаемого возлюбленного Сью и главного виновника случившегося.

Джуд не разговаривал со своим героем былых лет с тех пор, как виделся с ним у макета Иерусалима. Сделавшись нечаянным свидетелем ухаживаний Филотсона на деревенской улочке, молодой человек испытывал какую-то странную неловкость при мысли о старшем друге, не желал встречаться или вступать с ним в какие-либо отношения, а когда ему стало известно, что Филотсону удалось заручиться пусть только обещанием Сью выйти за него замуж, он откровенно признался себе, что не хочет больше ни слышать, ни видеть своего наставника, ни знать о его на-

мерениях, ни даже вспоминать о его прекрасных качествах. В этот день Джуд ждал Сью, как они условились, вот почему, увидев в нефе собора Филотсона, который направился к нему с явным намерением заговорить, Джуд был немало смущен, однако Филотсон и сам был так смущен, что этого не заметил.

Джуд пошел к нему навстречу, а затем они отошли от рабочих к тому месту, где Филотсон только что сидел. Джуд предложил учителю сесть на кусок мешковины, чтобы не запачкаться…

— Да, да, — машинально согласился Филотсон, усаживаясь и глядя куда-то себе под ноги, словно пытаясь вспомнить, где же он находится. — Я вас надолго не задержу. Просто я слышал, что вы недавно виделись с моей приятельницей Сью, и я решил поговорить с вами. Мне лишь хотелось спросить… о ней.

— Кажется, я догадываюсь, что именно! — поспешно сказал Джуд. — Вы хотите спросить, почему она сбежала из педагогической школы и пришла ко мне?

— Да.

— Так вот… — На какое-то мгновение у Джуда возникло малодушное, жестокое желание любой ценой избавиться от своего соперника. Прибег-

нув к предательству, на какое может толкнуть мужчин — во всех прочих отношениях людей глубоко порядочных — ревность к сопернику, Джуд мог разделаться с Филотсоном, стоило ему заявить, что скандал разразился не зря и что судьба Сью теперь бесповоротно связана с его судьбой. Но он все-таки не поддался низменному инстинкту и лишь сказал: — Я рад, что вы были так добры и пришли ко мне откровенно поговорить об этом. Вы знаете, что они сказали? Что я должен жениться на ней.

— Что?!

— А мне так бы хотелось, чтобы это было возможно!

Филотсон вздрогнул, и его бледное лицо заострилось, словно у мертвеца.

— Я не предполагал, что дело приняло такой оборот! Господи боже!

— Нет, нет! — в ужасном, смущении вскричал Джуд. — Вы не поняли! Я хотел только сказать, что, имей я возможность жениться на ней или на ком-нибудь еще и осесть на одном месте, а не снимать комнаты то тут, то там, я бы с радостью это сделал!

На самом деле он просто хотел сказать, что любит ее.

— Но, раз уж мы начали этот неприятный разговор, что же все-таки произошло? — спросил Филотсон с решительностью человека, предпочитающего один раз испытать сильную боль, чем растягивать пытку и пребывать в неизвестности. — Бывают случаи, — а этот случай именно таков, — когда приходится задавать и не очень деликатные вопросы, чтобы избежать кривотолков и пресечь скандал.

Джуд охотно все объяснил, рассказал одно за другим все, события, включая ночь, проведенную у пастуха, и то, как она, вымокнув до нитки, пришла к нему, продрогшая после вынужденного купанья, и чуть не заболела, об их ночном разговоре и о том, как на другое утро он проводил ее.

— Хорошо, — сказал под конец Филотсон, — я верю вам на слово. Итак, я могу полагать, что подозрение, по которому ее исключили, было ни на чем не основано?

— Совершенно верно! — торжественно подтвердил Джуд. — Абсолютно ни на чем! Бог мне свидетель!

Школьный учитель поднялся. Оба чувствовали, что разговор не может гладко перейти в легкую беседу об их житье-бытье, как это принято у близких друзей, и после того как Джуд провел

Филотсона по собору и показал ему кое-что из реставрационных работ, Филотсон попрощался и ушел.

Встреча эта произошла около одиннадцати часов утра, Сью так и не появилась. Когда в час дня Джуд пошел обедать, на улице, ведущей от Северных ворот, он увидел впереди свою любимую, — она, казалось, и не думала искать его. Быстро нагнав Сью, он напомнил ей, что просил ее зайти к нему в собор и она обещала это сделать.

— Я заходила в колледж за своими вещами, — сказала она, явно рассчитывая удовлетворить его таким ответом, хотя, собственно, это был не ответ. Эта уклончивость вызвала в нем желание сообщить ей то, о чем он так долго умалчивал.

— Ты не виделась сегодня с мистером Филотсоном? — спросил он.

— Нет. Но я не допущу, чтобы меня допрашивали о нем. И если ты еще что-нибудь спросишь, я не стану отвечать!

— Как странно, что… — начал было он и замялся, глядя на нее.

— Что такое?

— Что при встрече ты бываешь со мной не так мила, как в письмах!

— Тебе в самом деле так кажется? — спросила она вдруг с любопытством и улыбнулась. — Да, это странно, но мои чувства к тебе не меняются, Джуд. И когда ты уходишь, я кажусь себе такой бессердечной…

Поскольку она знала теперь о его чувствах к ней, Джуд видел, что они вступают на опасную почву. Именно сейчас, подумал он, ему, следует поговорить с ней начистоту. Однако он промолчал, и она продолжала:

— Вот почему я тебе написала, что ты можешь любить меня, если хочешь, и что я не против.

Скрытый смысл ее слов, если таковой в них был, заставил бы его возликовать, но он уже принял решение и, помолчав, начал:

— Я тебе никогда не говорил…

— Нет, говорил, — прошептала она.

— Я хочу сказать, что никогда не рассказывал тебе о своем прошлом — все до конца.

— Я догадываюсь. Примерно представляю.

Джуд взглянул на нее. Неужели она знает о той давнишней утренней церемонии, связавшей его с Арабеллой, и о том, что через несколько месяцев брачные узы были порваны с большей решительностью, чем его сделала бы сама смерть? Он видел, что она этого не знает.

— Я не могу рассказывать об этом здесь, на улице, — мрачно продолжал он. — А ко мне тебе лучше не заходить. Давай зайдем сюда.

Они стояли возле крытого рынка, это было единственно доступное для них помещение, и они вошли туда. Базарный день кончился, все ряды и прилавки пустовали. Конечно, он предпочел бы более подходящее место, но, как это всегда случается, свою историю ему пришлось поведать не среди романтики полей и лугов, не в торжественной атмосфере храма, а на ходу. Они расхаживали по полу, усыпанному гнилыми капустными листьями, вокруг была обычная рыночная грязь — загнившие овощи и прочие, уже не пригодные к продаже отбросы. Его повествование было недолгим и сводилось к тому, что несколько лет тому назад он женился и что жена его жива и поныне. Сью даже не успела измениться в лице, как с ее губ сорвалось:

— Что же ты не сказал мне раньше?

— Я не мог. Это было так трудно!

— Трудно для тебя, Джуд. И ты решил быть жестоким по отношению ко мне?

— Нет, милая, любимая моя Сью! — горячо воскликнул Джуд.

Он хотел взять ее руку, но она отдернула ее. Ка-

залось, вдруг пришел конец взаимному доверию и остался лишь извечный антагонизм полов, который больше не смягчала взаимная склонность. Теперь она уже не была его товарищем, другом, любимой, она молчала и с отчужденностью глядела на него.

— Я стыдился этого эпизода моей жизни, который привел меня к женитьбе, — продолжал он. — Сейчас мне трудно объяснить все подробно. Но я мог бы это сделать, если б ты иначе к этому отнеслась!

— Но как же мне относиться иначе? — взорвалась она. — Я вот говорю или пишу тебе, что… ты можешь любить меня или что-то в этом роде! Пишу просто из жалости, а тем временем… О, как это все отвратительно! — воскликнула она, в раздражении даже топнув ногой.

— Ты несправедлива ко мне, Сью! Я до самого последнего времени не думал, что хоть что-нибудь значу для тебя, и поэтому считал, что все это неважно! Так неужели я что-нибудь значу для тебя, Сью? Ты понимаешь, что я имею в виду! «Из жалости» мне совсем не подходит!

В данную минуту Сью предпочла не отвечать на вопрос.

— А что она… твоя жена… наверное, очень хо-

рошенькая, хотя и дурная женщина? — быстро спросила она.

— Да, ее считают хорошенькой.

— И уж конечно, красивей меня?

— Вы совсем разные. И потом, я уже несколько лет её не видел… Но я не сомневаюсь, что она вернется, — такие всегда возвращаются!

— Странно, что ты живешь вот так один, без нее! — сказала Сью, однако дрожащие губы и сдавленный голос не вязались с ироничностью ее тона. — Ведь ты такой религиозный! Как же будут теперь просить за тебя полубоги твоего Пантеона, то бишь легендарные личности, которых ты именуешь святыми? Вот если бы я так поступила, тогда другое дело, ничего особенного, ведь я, во всяком случае, не считаю брак святыней. В теории-то ты не так смел, как в жизни.

— Сью, ты умеешь быть беспощадно язвительной — ты сам Вольтер! Что ж, казни меня, я в твоей воле!

У него был такой убитый вид, что она смягчилась и, пытаясь незаметно сморгнуть слезы сострадания, сказала с чарующей укоризной женщины, уязвленной до глубины души:

— Ах, ты должен был рассказать мне все, прежде чем дать понять, что просишь у меня

разрешения любить меня! У меня не было к тебе никаких чувств до той самой минуты на вокзале, если не считать…

Сейчас Сью, пытавшаяся скрыть свое волнение, что ей совсем не удавалось, выглядела не менее несчастной.

— Не плачь, родная! — взмолился он.

— Я… плачу… не потому, что я… совсем было полюбила тебя… а потому, что на тебя нельзя положиться!

С рыночной площади их не было видно, и Джуд не мог удержаться, чтобы не обнять ее. Это помогло ей овладеть собой.

— Нет, нет! — строго сказала она, отстраняясь и вытирая глаза. — Не надо! Было бы лицемерием считать, что ты обнимаешь меня по-родственному, а иначе быть не должно.

Они прошли несколько шагов вперед, и она как будто справилась с собой. Джуд был в отчаянии, ему было бы не так горько, если бы она вела себя иначе, не была бы такой терпимой и великодушной, хотя вначале, поддавшись порыву чувства, она и проявила некоторую мягкость — отдала неизбежную дань своему полу.

— Я не виню тебя за то, что от тебя не зависело! — сказала она, улыбаясь. — Это было бы

просто глупо! Я браню тебя лишь за то, что ты не сказал мне раньше. Но, в конце концов, это неважно. Все равно мы не могли бы соединиться, даже если бы в твоей жизни все сложилось по-другому.

— Нет, могли бы, Сью! Это единственное препятствие!

— Ты забываешь, что даже если б не было никаких препятствий, надо, чтобы я полюбила тебя и захотела стать твоей женой, — сказала Сью, за мягкой серьезностью тона скрывая подлинное свое настроение. — И потом, мы ведь двоюродные брат и сестра, и нам не следует вступать в брак. Да к тому же… я обручена с другим. Встречаться по-прежнему, как друзья, нам вряд ли удастся, — не такие вокруг нас люди. У них ограниченные взгляды на отношения между мужчиной и женщиной, это доказывает хотя бы исключение меня из школы. Их философия признает лишь отношения, основанные на животной страсти. Им неведома всякая иная сильная привязанность, в которой плотское желание играет, по крайней мере, второстепенную роль… роль этой… как ее?.. Венеры Урании.

Способность Сью философствовать показала, что она снова овладела собой, и еще до того, как

им расстаться, к ней почти вернулась живость взора и интонации, веселость и зрелая критичность по отношению к ее сверстницам.

Теперь он мог говорить с ней более непринужденно.

— Было несколько причин, которые заставляли меня молчать. Одну я уже назвал; вторая — это то, что мне всегда внушали, будто я не должен жениться, будто я родился в странной, необычной семье, где всем на роду написаны неудачные браки.

— А кто тебе это говорил?

— Моя двоюродная бабушка. Она говорила, что у нас, Фаули, брак всегда плохо кончается.

— Странно… Мой отец говорил мне то же.

Они замолкли, пораженные этой мыслью, неприятной уже как предположение; будь их союз возможен, он означал бы роковое усугубление наследственной неприспособленности к браку, два худа вместе — ждать третьего.

— А, это все ерунда! — с наигранной беспечностью сказала Сью. — Просто последнее время у нас в семье неудачно выбирали спутников жизни!

И они постарались убедить себя, что все случившееся не имеет никакого значения, что они могут

по-прежнему оставаться братом и сестрой, могут дружить, вести переписку и весело и приятно проводить время вместе, даже если встречаться придется реже, чем раньше. Они расстались как добрые друзья, хотя последний взгляд Джуда, обращенный к ней, выражал вопрос, потому что он чувствовал, что даже теперь не знает до конца ее решения.

VII

Дня через два от Сью пришла весть, которая как громом поразила его.

Еще не начав читать письмо, а только бросив взгляд на подпись, он уже догадался, что речь идет о чем-то очень серьезном, — она подписалась своим полным именем, чего раньше никогда не делала в своих письмах к нему.

«Милый Джуд! Должна сообщить тебе новость, которая, возможно, тебя не удивит, хотя, наверное, тебе покажется странной такая „экспрессность“, как говорят железнодорожные компании о своих поездах. Моя свадьба с мистером Филотсоном состоится очень скоро — через три или четыре недели. Ты знаешь, мы собирались подождать, пока я закончу курс и получу диплом, чтобы в случае необходимости стать его помощницей. Но он так великодушен, говорит, что нет смысла ждать, раз я больше не учусь в педагогической школе. С его стороны это так благородно, — ведь я оказалась в

своем нынешнем затруднительном положении целиком по своей вине, из-за того, что меня исключили из школы.

Пожелай мне счастья, знай, что я так велю, и не смей отказываться!

Любящая тебя кузина
Сюзанна Флоренс Мэри Брайдхед»

Джуд был потрясен. Он ничего не мог есть за завтраком и лишь пил и пил чай, так как в горле у него пересохло. Затем, собрался на работу, горько усмехаясь, как усмехался бы любой, попавший в его положение. Все оборачивалось в его глазах насмешкой. «С другой стороны, что оставалось делать бедняжке?» — спрашивал он себя, чувствуя, что не в состоянии даже заплакать.

— Ах, Сюзанна Флоренс Мэри! — твердил он себе за работой. — Ты еще не знаешь, что такое брак!

Может быть, она решилась на этот шаг после его признания, что он женат, как в свое время, возможно, ее толкнуло на помолвку его появление у нее в пьяном виде? Нет, конечно, для такого решения должны быть и другие, более веские причины практического и чисто человеческого свойства, однако Сью не была ни особенно прак-

тичной, ни расчетливой, и он поневоле склонялся к мысли, что именно самолюбие, уязвленное его неожиданным признанием, побудило ее уступить доводам Филотсона, который уверял ее, что лучший способ доказать, сколь необоснованны подозрения школьного начальства, — это как можно скорее выйти замуж за того, с кем она была помолвлена. В сущности, Сью оказалась в безвыходном положении. Бедная Сью!

Он решил вести себя как спартанец: не падать духом самому и поддержать ее, но в ближайшие два дня так и не смог написать поздравление, о котором она просила. А тем временем от его нетерпеливой кузины пришло еще одно письмо:

> «Джуд, не согласишься ли ты быть моим посаженым отцом? У меня нет больше никого, кто бы мог оказать мне такую услугу, ведь ты здесь мой единственный женатый родственник, даже мой родной отец мне бы не помог, прояви он такое желание, чего с ним, кстати, не случилось. Надеюсь, тебя это не затруднит? Я прочла в требнике про обряд бракосочетания, и мне показалось крайне унизительным, что обязательно кто-то должен „отда-

вать“ меня жениху. Согласно обряду, мой жених выбирает меня по своей воле и желанию, я его не выбираю. Кто-то отдает меня ему, словно ослицу, или козу, или еще какую-нибудь домашнюю скотину. Да будут благословенны ваши возвышенные взгляды на женщину, о церковник! Однако я забываюсь: мне теперь не положено тебя дразнить.

Твоя

Сюзанна Флоренс Мэри Брайдхед»

Джуд настроил себя на героический лад и ответил:

«Милая Сью, конечно, я желаю тебе счастья! И, разумеется, я буду твоим посаженым отцом. Вот что я предлагаю: так как у тебя нет своего дома, будет лучше, если тебя выдадут не из дома твоей школьной подруги, а из моего. Так, мне кажется, будет приличнее, раз я, как ты сама говоришь, ближайший твой родственник в этом уголке земли.

Не понимаю, почему ты должна подписываться по-новому и так ужасающе официально? Ведь я же тебе все-таки не

совсем чужой!
Всегда верный тебе
Джуд»

Гораздо больнее, чем подпись, его укололи слова, которые он обошел молчанием, — «женатый родственник». Надо было быть идиотом, чтобы представлять себя ее возлюбленным! Если Сью написала так в насмешку, он едва ли мог бы простить ее, если же с болью… о, тогда другое дело!

Так или иначе, его предложение выдать Сью замуж из своего дома, должно быть, пришлось по душе Филотсону, который написал ему несколько строк, выражая горячую благодарность и согласие. Сью также поблагодарила его. Джуд тотчас снял более просторную квартиру, не только для того, чтобы уйти от слежки подозрительной квартирной хозяйки, которая отчасти была повинна в неприятностях, выпавших на долю Сью, но и ради удобства.

Затем Сью сообщила ему день свадьбы, и Джуд, наведя справки, установил, что она должна переехать к нему в следующую субботу, чтобы провести в городе хотя бы десять дней до совершения обряда, — этого было достаточно, хотя формально полагалось пятнадцать.

Она приехала в указанный день десятичасовым поездом; Джуд не встречал ее на вокзале — на этом настояла она сама, — дескать, ему нельзя пропускать утренние часы работы и терять заработок (если это была подлинная причина). Но он уже достаточно хорошо знал Сью и решил, что она поступила так, памятуя о том, что в минуты сильных душевных волнений оба они не умеют держать себя в руках. Когда он вернулся домой к обеду, она уже расположилась в своей комнате.

Они жили в одном доме, но на разных этажах и виделись мало, лишь изредка ужиная вместе; при этих встречах Сью вела себя, как испуганный ребенок. Что она при этом чувствовала, он не знал; разговор у них шел машинально, хотя по ее виду нельзя было сказать, что она больна или ей нездоровится. Филотсон приходил часто, но обычно в отсутствие Джуда. Утром в день свадьбы Джуд отпросился с работы, и они в первый и последний раз за этот странный период завтракали вместе в его комнате-гостиной, которую он снял на то время, что Сью жила вместе с ним. Заметив своим женским глазом, что Джуду никак не удается навести в комнате уют, она принялась за уборку.

— Что с тобой, Джуд? — вдруг спросила она.

Он сидел, облокотившись о стол, подперев подбородок руками, и глядел на скатерть перед собой, словно на ней было начертано ее будущее.

— Ах, ничего!

— Ведь ты же мой посаженый отец. Так называют того, кто отдает невесту жениху.

Джуд мог бы возразить, что по возрасту звание отца скорее подходит Филотсону, но не стал досаждать ей таким дешевым выпадом.

Она говорила без умолку, словно страшась его молчания, и еще до того, как кончился завтрак, оба пожалели, что слишком уверовали в свои новые роли и вздумали завтракать вместе. Джуда тяготила мысль, что, сам сделав однажды неверный шаг, теперь он всячески помогает любимой женщине повторить его ошибку, вместо того чтобы отговорить ее и предостеречь. Его так и тянуло спросить: «Твое решение бесповоротно?»

После завтрака они вышли на улицу, и оба думали только о том, что сейчас у них последний случай побыть вместе запросто, по-дружески. По иронии судьбы и в силу странной склонности натуры, Сью, которая любила в трудные минуты искушать провидение, взяла его за руку, когда они проходили по грязной улице, — раньше она никогда этого не делала, — и, свернув за угол,

очутилась с ним возле серой высокой церкви с пологой крышей — это была церковь св. Фомы.

— А вот и церковь! — сказал Джуд.

— Где меня обвенчают?

— Да.

— Как интересно! — воскликнула она с любопытством. — Вот бы зайти посмотреть место, где я скоро преклоню колени и стану замужней женщиной.

И снова он повторил про себя: «Ты еще не знаешь, что такое брак!»

Он молча покорился ее желанию, и они вступили в церковь через западный вход. Внутри мрачного здания не было никого, только привратница занималась своим делом. Сью все еще опиралась на руку Джуда, словно он был ее возлюбленным. Она была мучительно нежна с ним в то утро, и он не мог без боли думать об ожидающем ее испытании.

...Я ни знать не могу,

Как удар поразит, наносимый мужчинам,

Ни открыть слишком много тебе, о жена!

Они чинно прошли вдоль нефа к решетке пе-

ред алтарем, в молчанье постояли перед ним, повернулись и прошли вдоль нефа обратно, по-прежнему рука об руку, совсем как новобрачные. От этой двусмысленной шутки, от начала до конца придуманной Сью, Джуд едва не потерял самообладание.

— Обожаю такие проделки, — сказала она воркующим голосом любителя острых ощущений, и было ясно, что она говорит это совершенно искренне.

— Знаю, знаю! — откликнулся Джуд.

— Мне это интересно потому, что до меня, быть может, никто не проделывал ничего подобного. Часа через два я вот так же пройду по церкви с моим мужем, не правда ли?

— Сущая правда!

— А когда ты женился, тоже так было?

— Боже мой, Сью! Не будь такой безжалостной!.. Ах, прости, дорогая, я не то хотел сказать!

— Ну вот, ты и рассердился! — с раскаянием сказала она, моргая, чтобы смахнуть набежавшую на глаза, слезу. — А ведь я обещала больше не сердить тебя... Наверное, мне не надо было просить, чтобы ты привел меня сюда. Ну конечно, не надо было, теперь я вижу. Мое любопытство и погоня за новыми ощущениями никогда не

приводят к добру. Прости меня!.. Ну скажи, что ты меня прощаешь, Джуд!

В ее словах звучало такое раскаяние, что у Джуда выступили на глазах слезы, и он вместо ответа пожал ей руку.

— Уйдем поскорей отсюда, я больше не буду! — покорно сказала она, и они покинули церковь.

Сью намеревалась пойти на вокзал встречать Филотсона. Но первым, на кого они натолкнулись, выйдя на Главную улицу, и был школьный учитель, — его поезд прибыл раньше, чем Сью ожидала. Собственно говоря, не было ничего предосудительного в том, что она опиралась на руку Джуда, но она поспешила выдернуть свою руку, и Джуду показалось, что Филотсон удивился этому.

— А мы сейчас так забавлялись! — воскликнула она, невинно улыбаясь. — Мы были в церкви и репетировали венчание. Правда, Джуд?

— Репетировали? — изумился Филотсон.

Джуд осудил в душе излишнее чистосердечие Сью, однако она зашла слишком далеко и надо было все объяснить, что она и не преминула сделать, рассказав, как они шествовали к алтарю.

Видя недоумение Филотсона, Джуд сказал как можно беззаботнее:

— Я хочу купить для Сью еще один маленький подарок. Зайдем все вместе в магазин?

— Нет, — возразила она, — я пойду с ним домой.

И, попросив своего друга не задерживаться, ушла с Филотсоном.

Джуд скоро вернулся и присоединился к ним, и они стали готовиться к венчальному обряду. Волосы Филотсона были гладко причесаны, даже прилизаны, а ворот рубашки туго накрахмален, — наверное, впервые за последние двадцать лет. Он производил впечатление человека почтенного и серьезного, и, глядя на него, вовсе нельзя было поручиться, что он будет добрым и снисходительным мужем, но что он обожает Сью — это было ясно, тогда как весь ее вид говорил, что она считает незаслуженным такое поклонение.

Хотя до церкви было рукой подать, он нанял в «Рыжем льве» экипаж, и когда они выходили, у дверей стояла кучка женщин и детей. Школьного учителя и Сью здесь никто не знал, но Джуда уже начали принимать за своего, городского; жениха и невесту сочли его родственниками, приехавшими издалека, и никто не предполагал, что Сью еще совсем недавно училась в здешнем педагогическом колледже.

В карете Джуд вынул из кармана еще один свадебный подарок — два или три ярда белого тюля — и набросил его на Сью поверх шляпки как фату.

— На шляпку не годится, — сказала она. — Я сниму ее.

— Нет; оставьте, — попросил Филотсон.

Она повиновалась.

Когда они вошли в церковь и заняли свои места, Джуду показалось, что предварительное посещение несколько притупило остроту восприятия всей церемонии, но уже в середине службы он глубоко сожалел, что согласился быть посаженым отцом. Как могла Сью набраться дерзости просить его об этом? Ведь это жестоко не только по отношению к нему, но и к себе самой! В таких делах женщины совсем не похожи на мужчин. Или, может быть, они вовсе не так чувствительны, как принято думать, а скорее, даже черствы и совсем не романтичны? Или они просто герои? А может, Сью до того испорчена, что умышленно причиняет боль себе и ему, находя странное и мрачное наслаждение в самоистязании и в нежной жалости к нему за то, что заставляет страдать и его? Он видел, какое напряженное у нее лицо, и когда настал мучительный момент, — он «от-

давал» ее Филотсону, — она едва владела собой, правда, не из жалости к себе, а скорее, потому, что сознавала, какие чувства должен испытывать он, и что ей не следовало звать его сюда. Возможно, в своем чудовищном непостоянстве она и впредь будет причинять муки другим и сама мучиться заодно.

Филотсон, казалось, ничего не видел и был словно в тумане, скрывавшем от него чувства окружающих. Когда они расписались в книге браков и вышли и самое тяжелое осталось позади, Джуд почувствовал облегчение.

У него дома они ознаменовали это событие скромной трапезой, и в два часа Сью и Филотсон отбыли. Проходя по мостовой к экипажу, Сью оглянулась, в глазах ее стоял страх. Неужели она совершила это безрассудство, этот опрометчивый бросок в неизвестность для того только, чтобы доказать ему свою независимость, отомстить ему за его скрытность? А может, она была такой отважной с мужчинами потому, что, словно дитя, не ведала о той стороне их натуры, которая разбивает сердца женщин и их жизнь?

Уже занеся ногу на подножку экипажа, она обернулась и сказала, что забыла что-то в доме. Джуд и квартирная хозяйка вызвались прине-

сти ей.

— Нет, — ответила она и кинулась назад. — Мой платок. Я помню, где я его оставила.

Джуд последовал за ней. Она нашла платок и вышла, держа его в руке. Полными слез глазами она поглядела на Джуда и чуть пошевелила губами, словно хотела признаться ему в чем-то. Но прошла мимо, и что она собиралась сказать, он так и не узнал.

VIII

Джуд спрашивал себя, в самом ли деле она забыла платок или собиралась сказать ему о своей несчастной любви, но в последний миг не решилась.

После их отъезда он не мог оставаться в опустевшей квартире и, боясь поддаться искушению утопить горе в вине, поднялся наверх, сменил темный костюм на светлый, а башмаки из тонкой кожи на грубые и пошел работать, как в обычный день.

Но в соборе его преследовал знакомый голос и неотступная мысль, что Сью вернется. Ему казалось, что она ни за что не уедет к Филотсону. Уверенность в этом все возрастала, не давая ему покоя. Как только бой часов возвестил о конце работы, он бросил инструменты и помчался домой.

— Кто-нибудь заходил ко мне? — спросил он.

Никто не заходил.

Поскольку гостиная на первом этаже была за ним до двенадцати ночи, он просидел там весь вечер. И даже когда пробило одиннадцать и хозяева ушли спать, он не мог отделаться от чувства, что

Сью и на этот раз вернется в маленькую комнату на другом этаже, где она провела уже столько ночей. Никогда нельзя знать заранее, как она поступит; так почему бы ей не вернуться? Он бы охотно примирился с мыслью, что она не будет его женой и возлюбленной, лишь бы она жила здесь как друг и сосед по дому, пусть даже между ними сохранятся самые строгие отношения. Ужин его стоял не тронутым; подойдя к парадной двери, он потихоньку открыл ее, вернулся к себе в комнату и сел; он так и не сомкнул глаз, подобно тем, кто не спит в Иванову ночь, ожидая, что появится призрак любимой. Но она не пришла.

Отчаявшись в своей безумной мечте, он поднялся наверх, стал у окна и постарался представить себе ее вечернее путешествие в Лондон, где она и Филотсон решили провести медовый месяц; он представил себе, как промозглой ночью они едут к гостинице вот под этим же небом в полосах облаков, сквозь которые не столько проглядывала, сколько угадывалась луна да несколько крупных звезд виднелись смутными расплывчатыми пятнами. Для Сью это было началом новой жизни. Он мысленно перенесся в будущее и увидел ее в окружении детей, похожих на нее. Но ему, как и другим таким же мечтателям, не дано было

утешиться тем, что в детях он увидит повторение ее образа, так как своевольная природа распорядилась, чтобы дети не были точной копией только одного из родителей. Об обновлении мечтают все, однако полного возрождения себя в детях, не подпорченного примесью, не бывает. «Если отчуждение или смерть отняли бы у меня любимую, то я мог бы пойти и посмотреть на ее ребенка — только ее одной, — и я бы утешился!» — думал Джуд и тут же с горечью отмечал, уже в который раз за последнее время, что природа презирает особо возвышенные чувства людей и остается равнодушна к их устремлениям.

В последующие дни гнетущая сила любви к Сью давала себя знать все явственнее. Ему сделались невыносимы мелчестерские фонари; солнечный свет казался ему тускло-серым, а голубое небо — цинковым. Потом пришла весть, что в Мэригрин тяжело больна его бабка, и почти одновременно с этим пришло письмо от его бывшего хозяина в Кристминстере, — он предлагал ему хорошую постоянную работу, если Джуд согласен вернуться. Эти письма явились для него почти облегчением. Он отправился навестить свою двоюродную бабку Друзиллу, а потом решил проехать в Кристминстер и выяснить, стоит ли

принять предложение каменщика.

Он застал бабку в еще худшем состоянии, чем можно было заключить из письма вдовы Эдлин. Конечно, могло статься, что она протянет еще несколько недель или месяцев, но это было маловероятно. Он написал Сью о болезни бабушки и высказал предположение, что, может быть, ей захочется повидать старушку родственницу, пока та еще жива. Тогда он встретит ее на другой день вечером, то есть в понедельник, на вокзале в Элфредстоне, на обратном пути из Кристминстера, если она выедет из Лондона поездом, который на этой станции встретится с его поездом. И на следующее утро он поехал в Кристминстер, с тем чтобы успеть вернуться в Элфредстон к часу встречи.

Город учености встретил его отчужденно, и Джуд почувствовал, что утратил с ним всякую связь. Но, наблюдая игру света и тени на залитых солнцем готических фасадах и контуры зубчатых стен на зеленом фоне квадратных дворов, он подумал, что никогда не видел более прекрасного города. Он свернул на улицу, где впервые увидел Сью. Стул, на котором она сидела, склонившись над церковными свитками, с кисточкой в руке, когда ее девичья фигура приковала к себе его

внимание, стоял на своем прежнем месте пустой. Казалось, будто она умерла, и не нашлось никого, кто бы наследовал ей в ее художественном ремесле. Над городом ныне витал ее призрак, и теням знаменитых ученых и церковников, которые некогда вызывали у Джуда душевный трепет, больше не находилось там места.

Так или иначе, он был в Кристминстере и, осуществляя свое намерение, отправился на прежнюю свою квартиру в «Вирсавии» возле церкви св. Силы. Дверь ему открыла его бывшая квартирная хозяйка; она как будто обрадовалась, увидев его, подала ему завтрак и рассказала, что его прежний хозяин — строитель — наведывался к ней, чтобы узнать его адрес.

Отсюда Джуд пошел в мастерскую, где он прежде работал. Однако вид старых навесов и каменных скамей вызвал у него тягостное чувство; он почувствовал, что не в силах заставить себя вернуться сюда и опять поселиться в этом городе несбывшихся надежд. Ему хотелось одного — чтобы поскорее настал час, когда отправляется поезде Элфредстон, где он рассчитывал встретить Сью.

Он провел ужасные полчаса, полчаса жесточайшей подавленности, вызванной увиденным,

и у него опять появилось ощущение, уже не раз доводившее его до беды, — ощущение, будто он не стоит того, чтобы о нем кто-нибудь заботился или чтобы он сам позаботился о себе. Именно в эти полчаса он повстречался на Перекрестке Четырех Дорог с Оловянным Тэйлором, разорившимся торговцем церковной утварью, и тот предложил ему зайти куда-нибудь выпить. Они пошли дальше по улице и очутились у одного из самых оживленных центров кристминстерской жизни — возле того трактира, где когда-то Джуд принял вызов и прочел символ веры по-латыни; теперь трактир этот пользовался большой популярностью, широкие и гостеприимные двери его вели в зал, наново переделанный и переоборудованный в современном стиле уже после того, как Джуд уехал из города.

Оловянный Тэйлор выпил свое и ушел, заявив, что для него это слишком шикарное место и он не может чувствовать себя здесь как дома, если не напьется, а денег для этого у него маловато. Джуд не спеша потягивал из своего стакана; молчаливый и рассеянный, стоял он в баре, который был почти пуст. Из бара убрали все лишнее и обставили его заново: старая раскрашенная фанера уступила место красному дереву, а позади стоек

поставили мягкие диваны. Зал, по принятому обычаю, был разгорожен на несколько отделений перегородками из матового стекла, оправленного в красное дерево, чтобы выпивающих не смущало присутствие знакомых в соседнем отделении. За стойкой две официантки орудовали над пивным насосом с белыми ручками и рядом маленьких посеребренных краников, из которых в оловянный лоток сочилось пиво.

Джуд, чувствуя усталость и не зная, чем заняться до отхода поезда, присел на диван. Позади девушек возвышались ограненные зеркала, а перед ними тянулись стеклянные полки, на которых стояли дорогие напитки; в бутылках цвета топаза, сапфира, рубина и аметиста, — названий их Джуд не знал. В трактире стало оживленнее, когда в соседнее отделение вошли посетители и заработал денежный счетчик, приветствуя звоном каждую опущенную монету.

Джуду не видна была девушка, обслуживающая это отделение, лишь иногда перед ним мелькала в зеркале ее спина. Он безучастно смотрел на ее отражение, пока она на секунду не повернулась к зеркалу, чтобы поправить прическу. И тут Джуд с изумлением узнал лицо Арабеллы.

Зайди она в его отделение, она бы увидела его.

Но она этого не делала, так как его отделение обслуживала девушка, стоявшая по другую сторону стойки. На Эбби было черное платье с манжетами и широким воротником из белого полотна, она пополнела, что подчеркивал букетик желтых нарциссов, приколотый слева на груди. В отделении, куда она зашла, на спиртовке, горевшей синим огнем, стоял оцинкованный сосуд с водой, над которым поднимался пар. Джуд видел все это в зеркале за ее спиной, отражавшем также лица мужчин, которых она обслуживала; один из них, красивый и беспутный малый, по всей видимости студент, рассказывал ей какое-то забавное приключение.

— Ах, мистер Кокмен! Как можно рассказывать такие истории целомудренной женщине! — весело воскликнула она. — Скажите-ка, мистер Кокмен, что вы делаете, чтобы ваши усы так красиво завивались?

Юноша был чисто выбрит, и ее шутка вызвала смех по его адресу.

— Полно вам! — сказал он. — Мне кюрасо и огоньку, пожалуйста!

Она налила ликер из красивой бутылки, зажгла спичку и поднесла ему, ожидая с лукавой услужливостью, пока он прикурит.

— Ну, какие вести от вашего муженька, милочка? — спросил он.

— Никаких, — ответила она.

— Так где же он?

— Я оставила его в Австралии, думаю, он все еще там.

У Джуда глаза полезли на лоб.

— Отчего же все-таки вы с ним расстались?

— Не задавайте вопросов — не услышите лжи.

— Что ж, в таком случае дайте мне сдачу, которую вот уже четверть часа вы так любовно храните у себя, и я исчезну на улицах этого живописного города.

Она протянула ему через стойку сдачу, и он, беря деньги, поймал ее руку и удержал в своей. Последовала легкая борьба, хихиканье, затем он распрощался и ушел.

Джуд взирал на все это с изумлением философа. Странно, до чего чужой казалась ему сейчас Арабелла. Он не мог себе представить, что когда-то они были близки. К тому же в теперешнем его настроении его совершенно не трогало, что Арабелла в самом деле доводится ему женой.

Посетители покинули отделение, которое она обслуживала, и после короткого размышления Джуд вошел туда и приблизился к стойке. Сна-

чала Арабелла не узнала его. Затем взгляды их встретились. Она вздрогнула, в ее глазах зажглась дерзкая усмешка, и она заговорила:

— Ах, будь я проклята! Я думала, ты давным-давно в могиле!

— Вот как!

— Я ничего не слыхала о тебе, а то я вряд ли вернулась бы сюда. Ну да ладно! Чем же мне угостить тебя? Шотландским с содовой? Выбирай! Все, что есть в заведении, — к твоим услугам в память старого знакомства.

— Спасибо, Арабелла, — ответил Джуд без улыбки. — С меня уже достаточно.

Неожиданная встреча с ней мгновенно убила в нем всякую охоту к спиртному, словно он превратился вдруг в грудного младенца.

— Что ж, очень жаль, тем более что это обошлось бы тебе даром.

— Давно ты здесь?

— Недель шесть. И три месяца как из Сиднея. Ты знаешь, эта работа всегда была мне по душе.

— Но почему ты приехала именно сюда, вот что меня удивляет!

— Я же сказала: я думала, что ты отправился к праотцам, а когда я была в Лондоне, я прочла там объявление об этом месте. К тому же здесь

меня никто не знает, если что, я ни разу не была в Кристминстере.

— А почему ты уехала из Австралии?

— О, на то были свои причины… Ну, а ты все еще не дон?

— Нет.

— И даже не ваше преподобие?

— Нет.

— Так, может, ваше высокопреподобие из диссидентов?

— Я остался тем, кем был.

— Оно и видно!

Небрежно держа руку на рычаге пивного насоса, она критически разглядывала его. Он заметил, что руки у нее стали изящнее и белее, чем в те времена, когда они жили вместе, а на пальце руки, лежащей на рычаге, красовалось кольцо с сапфиром, как будто настоящим, — каковым он и был, что приводило в восхищение молодых людей, посещавших трактир.

— Стало быть, ты говоришь всем, что ты замужем? — продолжал он.

— Да. Я считала, что неловко называть себя вдовой, хотя, быть может, мне этого и хотелось бы.

— Конечно! Ведь меня здесь немного знают.

— Я не то имела в виду, ведь я же сказала, что

не ожидала тебя увидеть. У меня были другие причины.

— Какие?

— Да неважно, — ответила она. — Зарабатываю я очень хорошо и, пожалуй, не нуждаюсь в твоей поддержке.

Вошел какой-то юнец со срезанным подбородком и усиками как женские брови; он заказал какую-то хитрую смесь, и Арабелла пошла обслуживать его.

— Здесь нам не удастся поговорить, — сказала она, вернувшись на минутку. — Ты можешь подождать до девяти? Соглашайся и не будь дурачком. Я отпрошусь на два часа раньше. Живу я сейчас не здесь.

Он подумал и хмуро ответил:

— Хорошо, я зайду. Мне кажется, мы должны кое о чем договориться.

— К черту! Я не собираюсь ни о чем договариваться.

— Но мне надо кое-что выяснить, а потолковать здесь, ты сама говоришь, не удастся. Ладно, я зайду за тобой.

Не допив стакан, он вышел из трактира и пошел бродить по улицам. В его чистое и горькое чувство к Сью грубо вторглась действительность.

Хотя Арабелле ни в чем нельзя было верить, он все же думал, что она говорит правду, будто считала его умершим и не собиралась к нему возвращаться. Как бы там ни было, выход оставался один: честно играть свою роль, ибо закон есть закон, и, хотя между ним и этой женщиной близости не больше, чем между востоком и западом, в глазах церкви они составляют единое целое.

Уговорившись о встрече с Арабеллой, он, естественно, не мог встретить Сью в Элфредстоне, как обещал. Мысль об этом причиняла ему жгучую боль, но он был бессилен тут что-либо сделать. Уж не была ли Арабелла орудием провидения, возмездием за его недозволенную любовь? Томясь ожиданием, он весь вечер бесцельно бродил по городу, обходя стороной все церкви и колледжи, — ему было тошно смотреть на них, — и вернулся в трактир, когда большой колокол Кардинальского колледжа пробил сто один раз, — совпадение, показавшееся ему незаслуженной насмешкой. Трактир сверкал огнями, теперь в нем царили оживление и веселье. Лица официанток раскраснелись, на щеках пылал румянец, держали они себя более игриво, чем днем, развязно и возбужденно и почти не скрывали своих чувственных желаний, заливаясь жеман-

ным смехом.

За какой-нибудь час трактир наполнился самой разношерстной публикой, и он слышал с улицы гул голосов; наконец посетители начали расходиться. Он кивком подозвал Арабеллу и сказал, чтобы она, как кончит, искала его на улице у входа.

— Только сначала ты должен со мной выпить, — заявила она на редкость добродушно. — Одну рюмочку, на сон грядущий! Я всегда так делаю. А потом выйдешь и подождешь минутку, — лучше, чтобы никто не видел, как мы уходим вместе.

Она налила в ликерные рюмки коньяк и, хотя была уже явно навеселе, — либо оттого, что пила, либо, и это казалось более вероятным, от той атмосферы, в какой провела столько часов, — быстро осушила свою рюмку. Он выпил свою и вышел.

Она появилась через несколько минут в темном жакете и в шляпе с черным пером.

— Я живу совсем близко, — сказала она, беря его под руку, — и могу вернуться домой в любое время, у меня есть ключ. Так о чем же мы должны договориться?

— Да ни о чем особенном, — ответил он, чувствуя себя измученным и бесконечно усталым;

мысленно он вновь и вновь возвращался в Элфредстон, думая, о поезде, который ушел без него, и о том, как будет разочарована Сью, приехав и не найдя его на вокзале, и о том, что он лишился радости совершить с ней вдвоем ночную прогулку по длинной, крутой и безлюдной дороге в Мэригрин. — Мне обязательно надо было вернуться! Боюсь, бабушка моя при смерти.

— Завтра утром я поеду с тобой. Думаю, на денек меня отпустят.

Было что-то совсем несообразное в мысли, что Арабелла, которая не более тигрицы симпатизировала его родственникам и ему самому, вдруг появится у постели умирающей бабки и встретится со Сью. Однако он сказал:

— Разумеется, если хочешь, можешь поехать.

— Ну, мы еще обсудим это… А пока мы ни о чем не договорились, нам неловко показываться вместе, — и тебя здесь знают, и я становлюсь тут своим человеком, хотя никто и не подозревает, что я как-то связана с тобой. Раз уж мы идем к вокзалу, не проехаться ли нам поездом девять сорок до Олдбрикхема? Мы будем там примерно через полчаса, за одну ночь нас там никто не признает, и мы можем делать что хотим, пока не решим, разглашать нам нашу тайну или помалкивать.

— Как хочешь.

— Тогда подожди, мне надо кое-что захватить с собой. Вот мой дом. Иногда, если приходится задерживаться допоздна, я остаюсь ночевать в трактире, так что никто ничего не подумает, если я не приду ночевать.

Она вернулась тут же; они отправились на вокзал и через полчаса были в Олдбрикхеме; там они зашли в третьеразрядную гостиницу у вокзала и успели даже получить ужин.

IX

Наутро, между девятью и половиной десятого, они возвращались в Кристминстер; в купе вагона третьего класса они были одни. Боясь опоздать на поезд, Арабелла оделась на скорую руку и выглядела довольно неряшливо, — теперь она казалась далеко не такой оживлённой, как накануне вечером в трактире.

Когда они сошли на вокзале, она обнаружила, что до открытия заведения остается еще полчаса. Они молча пошли из города по направлению к Элфредстону. Джуд смотрел вдаль, на проезжую дорогу.

— О… какой я слабый и ничтожный! — пробормотал он наконец.

— Что? — спросила она.

— Ведь это та самая дорога, по которой несколько лет назад я шел в Кристминстер — шел полный надежд!

— Ну, дорога — дорогой, а времени у меня почти не остается — к одиннадцати я должна быть в трактире. Я уже сказала, что не стану отпрашиваться на целый день, чтобы поехать

с тобой к бабке. Поэтому нам, пожалуй, лучше распрощаться здесь. Я бы не хотела показываться с тобой на Главной улице, раз мы ни до чего не дотолковались.

— Хорошо. Но сегодня утром, когда мы вставали, ты сказала, что хочешь мне что-то рассказать, прежде чем мы разойдемся.

— Да, хочу… О двух вещах… об одной в особенности. Только обещай сохранить это в тайне, тогда скажу. Обещаешь? Я женщина честная и хочу, чтобы ты это знал… Это то самое, о чем я начала рассказывать тебе ночью… О человеке, который содержал гостиницу в Сиднее. — Арабелла говорила с несвойственной ей поспешностью. — Будешь помалкивать?

— Да, да, обещаю! — с нетерпением отвечал Джуд. — Разумеется, я не стану выдавать твои секреты!

— Так вот, всякий раз, как мы встречались с ним на прогулке, он твердил, что я ему очень нравлюсь, и уговаривал выйти за него замуж. Возвращаться в Англию я не собиралась, а своего дома там, в Австралии, после того как я ушла от отца, у меня не было, и в конце концов я уступила.

— Как? Вышла за него замуж?

— Да.

— По всем правилам, по закону, с венчанием в церкви?

— Да. И жила с ним почти до самого моего отъезда. Это было глупо, я знаю, но что сделано — то сделано! Ну вот и сказала тебе все. Не доноси на меня! Он, бедняга, пишет, что хочет вернуться в Англию. Но если он вернется, он вряд ли меня найдет.

Джуд стоял перед ней бледный и неподвижный.

— Почему же, черт возьми, ты не сказала мне об этом ночью! — проговорил он.

— Не указала так не сказала… Стало быть, ты не хочешь помириться со мной?

— Так, значит, когда ты говорила в трактире, о «своем муже», ты не меня имела в виду?

— Конечно… Да брось ты из-за этого кипятиться.

— Мне нечего больше сказать! — заключил Джуд. — Просто нечего сказать о… преступлении, в котором ты сама призналась!

— Подумаешь, преступление! Там на такое и не смотрят! Многие так делают… Но если это тебя так задело, я вернусь к нему! Он очень меня любил, и мы жили с ним честь по чести, как любая

почтенная супружеская пара в колониях! Откуда я могла знать, где ты и что?

— Я не собираюсь тебя порицать. Я мог бы сказать многое, но, пожалуй, это ни к чему. Чего ты от меня хочешь?

— Ничего. Я хотела сказать тебе еще кое-что, но, кажется, мы уже успели надоесть друг другу! Я обдумаю все, что ты мне сказал о своих делах, и дам тебе знать.

На том они и расстались. Джуд смотрел ей вслед, пока она не скрылась в направлении трактира, потом пошел на вокзал. Узнав, что до отхода поезда на Элфредстон остается три четверти часа, он опять вышел в город и машинально добрел до Перекрестка Четырех Дорог, где остановился и постоял, как делал это часто и прежде, оглядывая простиравшуюся перед ним Главную улицу с ее колледжами, столь живописную, что соперничать с ней могли только такие проспекты на континенте, как улица Дворцов в Генуе; в прозрачном утреннем воздухе очертания зданий вырисовывались четко, как на архитектурном проекте. Но Джуд был не в том настроении, чтобы любоваться такими вещами или критически оценивать их; ночь, проведенная с Арабеллой, унизительные воспоминания о их близости, об-

раз Арабеллы, заснувшей на рассвете, рождали мучительное чувство вины, налагавшее на его застывшее лицо печать обреченности. Если б он только презирал Арабеллу, он не был бы так несчастен; но он и жалел и осуждал ее одновременно.

Джуд повернулся и пошел назад. Уже подходя к вокзалу, он вдруг услышал, что кто-то позвал его, и вздрогнул не от оклика, а от самого звука голоса. К его великому удивлению, перед ним, как призрак, выросла Сью, растерянно ищущая чего-то, словно во сне, с дрожащими губами и напряженным взглядом, который будто упрекал его.

— О, Джуд… Как я рада, что встретилась с тобой! — проговорила она быстро, прерывающимся голосом, готовая вот-вот разрыдаться… Но тут же вспыхнула, угадав, о чем он подумал: после ее свадьбы они видятся сейчас в первый раз.

Оба отвели глаза, боясь выдать свои чувства, молча взялись за руки и пошли рядом; наконец она украдкой взглянула на него с беспокойством.

— Я приехала в Элфредстон вчера вечером, как ты просил, но никто меня не встретил! Я одна добралась до Мэригрин, и там мне сказали, что бабушке стало легче. Я посидела с ней; уж и ночь

прошла, а тебя все не было, и тогда я встревожилась, подумала, что ты попал опять в знакомый город и, наверное, расстроился… Вспомнил, что я замужем, что меня там больше нет, и тебе не с кем поговорить, и захотел утопить свое горе в вине… Как в тот раз, когда потерял надежду поступить в колледж… Забыл, что обещал мне никогда больше не повторять этого. «Наверное, поэтому он меня и не встретил», — подумала я.

— И приехала отыскать меня и спасти, как добрый ангел?

— Я решила ехать утренним поездом и попробовать разыскать тебя в случае, если… если…

— Нет, я помнил о своем обещании, дорогая, все время помнил! Со мной этого больше никогда не случится, я уверен. Возможно, я занимался делом ничуть не лучшим, но только не пил — мне ненавистна сама мысль об этом.

— Я рада, что ты задержался из-за другого. И все-таки, — в ее голосе зазвучала обида, — ты не приехал вчера вечером встретить Меня, как обещал.

— Увы, не приехал, мне очень жаль. На девять у меня была назначена встреча, и я опоздал бы к поезду, который встречался с твоим, да и вообще никуда не попал бы.

Он с нежностью смотрел на свою любимую, говоря себе: вот милый и бескорыстнейший друг, какой у тебя когда-либо был, существо, живущее пылкой игрой воображения и до того эфемерное, что, кажется, видишь, как душа трепещет в ее теле; и ему делалось стыдно за те часы плотских утех, что он провел в обществе Арабеллы. Как-то грубо и безнравственно было бы омрачать этими недавними событиями его жизни душу той, которая казалась ему до того лишенной всего плотского, что порою он считал невероятным, чтобы она могла быть женой простого смертного. И все же она была женой Филотсона. Как могла она стать ею, как продолжала жить после этого — все это не укладывалось у него в голове, когда он смотрел на нее сейчас.

— Ты проедешь со мной до Мэригрин? — спросил он. — Как раз сейчас есть поезд. Я очень беспокоюсь за бабушку… Скажи, Сью, значит, ты только из-за меня проделала весь этот путь? До чего ж рано тебе пришлось подняться, бедняжка!

— Конечно. Пока я сидела там одна и ждала, я так волновалась за тебя, и как только начало светать, я отправилась в путь. Но ты больше не заставишь меня понапрасну беспокоиться за твою нравственность?

Он не был так уверен, что она беспокоилась за его нравственность понапрасну. Когда они садились в поезд, он выпустил ее руку, — ему показалось, что это тот самый вагон, из которого он совсем недавно вышел с другой; они сели рядом, Сью — около окна. Он видел ее тонкий профиль и небольшие тугие, как яблоки, округлости груди, столь несхожей с пышными формами Арабеллы. Она знала, что он смотрит на нее, однако не повернулась к нему, а глядела перед собой, словно боялась, как бы не начался какой-нибудь тягостный разговор, если взгляды их встретятся.

— Сью, вот и ты теперь замужем, и я женат, но все свершилось так быстро, что мы даже не успели словом перемолвиться.

— И не надо, — быстро ответила она.

— Конечно, может, и не надо… Но мне хотелось…

— Джуд, не надо говорить обо мне! Ну, пожалуйста!.. — взмолилась она. — Для меня это мучительно. Прости, что я так говорю. Где ты провел эту ночь?

Она задала этот вопрос без всякой задней мысли, так только, чтобы переменить разговор. Он это знал и ответил лишь:

— В гостинице, — хотя для него было бы облег-

чением рассказать ей о неожиданной встрече с женой. Но сделанное ею напоследок признание о ее замужестве в Австралии смущало его, — он боялся, как бы такая откровенность не повредила Арабелле.

Беседа не клеилась до самого Элфредстона. Всякий раз, как Джуду хотелось начать откровенный разговор, ему мешало то, что она уже не просто Сью, а Сью Филотсон. Правда, она как будто совсем не изменилась, а почему — он не мог сказать.

От станции до деревни было пять миль, и что пройти их, что проехать, было все равно. Джуд еще ни разу не проходил здесь со Сью, зато часто ходил с другой. Но теперь он словно нес с собой яркий светильник, который на время рассеял темные тени прошлого.

Сью разговорилась, однако Джуд заметил, что о себе она по-прежнему умалчивает. Наконец он сам спросил, здоров ли ее муж.

— О да! — ответила она. — Он целый день занят в школе, не то приехал бы со мной. Он такой добрый и милый, что готов был отменить занятия, чтобы сопровождать меня, хоть это и противоречит его принципам: он не признает даже вынужденных прогулов, и я отговорила

его. Поеду-ка лучше одна, решила я. Я ведь знаю, что бабушка Друзилла с причудами, а он для нее совсем чужой человек, и им было бы трудно друг с другом. Видишь ли, бабушка почти никого не узнает, и я рада, что не просила его поехать со мной.

Джуд угрюмо слушал эти хвалы Филотсону.

— Филотсон во всем тебе угождает, как и следует быть, — заключил он.

— Конечно.

— Ты должна считать себя счастливой женой.

— Так оно и есть.

— Я должен был бы сказать — новобрачной. Не так уж много времени прошло с тех пор, как я был твоим посаженым отцом и…

— Да, я понимаю…

Было что-то в ее лице, что опровергало последние ее уверения, высказанные безупречно ровным и столь безжизненным тоном, точно она просто цитировала «Правила поведения для жены». Зная малейшие оттенки голоса Сью и умея угадывать по ним малейшие изменения в ее настроении, Джуд был уверен, что она несчастлива, хотя и месяца не прошло со дня свадьбы. Правда, то, что она так поспешно выпорхнула из дома, чтобы отдать последний долг родственнице,

которую едва знала, еще ничего не доказывало, — такие поступки были в ее характере.

— Желаю вам счастья, миссис Филотсон, как и всегда желал.

Она укоризненно взглянула на него.

— Нет, ты не миссис Филотсон, — тихо сказал Джуд. — Ты все та же милая, независимая Сью Брайдхед, только ты сама не знаешь об этом! Замужество еще не перемололо тебя, — не засосало в свою трясину, не превратило в безликий атом.

Приняв обиженный вид, Сью ответила:

— Так же, как тебя женитьба, насколько я могу судить!

— Как бы не так! — возразил он, горестно покачав головой.

На дороге между Бурым Домом и Мэригрин они поравнялись с уединенным домиком под елями, в котором когда-то жили и ссорились Джуд с Арабеллой; Джуд обернулся и поглядел на него. Теперь здесь ютились какие-то бедняки. Он не выдержал и сказал:

— В этим доме мы с женой жили все время, пока не расстались. Сюда я привел ее после свадьбы.

Она взглянула на дом.

— Значит, для тебя он был тем, чем стал для меня дом при школе в Шестоне?

— Да. Но я не был здесь так счастлив, как ты у себя.

Она не ответила и лишь поджала губы. Некоторое время они шли молча, пока она не взглянула на него, чтобы узнать, о чем он думает.

— Возможно, я преувеличиваю меру твоего счастья… Никогда нельзя знать наверняка, — мягко сказал он.

— Нет, Джуд, не надо так думать, хотя, может быть, ты сказал это, чтоб уколоть меня! Он так добр ко мне, что лучшего и желать нельзя, он дает мне полную свободу, а ведь пожилые мужья обычно не таковы… Если ты думаешь, что я несчастлива оттого, что он слишком стар для меня, ты ошибаешься.

— Я ничего такого о нем не думаю, дорогая.

— И ты не будешь больше донимать меня такими разговорами?

— Не буду.

Он замолчал, поняв одно: по той или иной причине Сью чувствует, что выйдя замуж за Филотсона, она сделала то, чего ей делать не следовало.

Они спустились в котловину, за которой начиналась деревня, — в ту самую котловину, где много лет назад Джуд получил взбучку от фер-

мера. Поднявшись в деревню и подойдя к дому, они увидели на пороге миссис Эдлин, которая, заметив их, так и всплеснула руками.

— Представьте себе, она спустилась вниз! — воскликнула вдова. — Встала с постели, и я никак не могла ее удержать. Чем это кончится, не знаю!

Они вошли в дом и действительно увидели, что старуха сидит у камина, закутанная в одеяла; она повернула к ним лицо, удивительно напоминавшее лицо Лазаря на картине Себастьяно. Наверное, у них был очень удивленный вид, потому что она заговорила глухим голосом:

— Что, испугала вас? Только я не собираюсь больше лежать там, наверху, для вашего удовольствия! Ни одна живая душа не вынесет, когда тобой командуют: сделай то, сделай это! Да и кто командует-то? У кого мозгов вдвое меньше, чем у тебя!.. Ну а ты еще пожалеешь, что вышла замуж, он вот тоже пожалел! — продолжала она, обращаясь к Сью. — У нас в роду все такие… да и почти у всех так выходит. Делала бы, как я, простота ты, простота! Да еще за кого вышла-то — за школьного учителя Филотсона! Ну чего ты за него пошла?

— Ах, почему женщины выходят замуж, бабушка?

— О! Ты хочешь сказать, что полюбила его?

— Я не хотела сказать ничего определенного.

— Любишь ты его?

— Не спрашивай меня, бабушка.

— Уж мне ли его не знать! Благопристойный, почтенный, но бог ты мой!.. Я не хочу тебя обидеть, да только… Есть такие мужчины, которых ни одна женщина, если только она не уродина, не может вынести. По мне, он вот такой и есть. Тебя я не убеждаю, ты сама лучше знаешь. Да только, по мне, он именно такой!

Сью вскочила и выбежала из, комнаты, Джуд бросился за ней; она плакала в прихожей.

— Не плачь, родная! — сокрушенно сказал Джуд. — Она ничего плохого не думала, просто она слишком резкая и не в себе сейчас, ты ведь знаешь.

— Ах, нет, я не о том! — сказала Сью, стараясь сдержать слезы. — Ее грубость меня не трогает.

— Тогда о чем же?

— Все, что она сказала, правда!

— Боже мой! Значит, он тебе неприятен? — спросил Джуд.

— Нет, не то! — поспешила поправиться она. — Просто… мне не следовало выходить замуж!

Интересно, не это ли она хотела сказать ему

с самого начала, подумал он. Они вернулись в комнату и больше не заговаривали об этом, а бабка была добра к Сью и сказала даже, что не всякая молодая жена проделала бы такое длинное путешествие только затем, чтобы повидать больную старуху. После обеда Сью собралась уезжать, Джуд сговорился с соседом, чтобы тот отвез ее в Элфредстон.

— Я провожу тебя до станции, если ты не возражаешь, — сказал он.

Но она не разрешила. Подъехал сосед в двуколке, и Джуд помог ей сесть, быть может, даже с излишней предупредительностью, так как она строго взглянула на него.

— Надеюсь, я могу навестить тебя как-нибудь, когда вернусь в Мелчестер? — отрывисто спросил он.

Она склонилась к нему и сказала мягко:

— Не надо, милый… пока что не надо. Мне кажется, у тебя неподходящее для этого настроение.

— Ну, что ж, — сказал Джуд. — Всего хорошего!

— Всего хорошего! — Она махнула ему рукой и уехала.

— Она права! Не надо! — прошептал он.

Этот вечер и последующие дни он всячески

старался подавить в себе желание видеть ее и чуть ли не морил себя голодом, пытаясь постом угасить в себе страстное влечение к ней. Он перечитывал проповеди об умерщвлении плоти, а в истории церкви выискивал жизнеописания аскетов второго века. Перед его отъездом из Мэригрин в Мелчестер пришло письмо от Арабеллы. При виде этого письма в нем с новой силой вспыхнули угрызения совести, причем вовсе не из-за привязанности к Сью, а из-за мимолетной встречи, с Арабеллой.

На письме стоял штемпель Лондона, а не Кристминстера. Арабелла писала, что через несколько дней после того, как они расстались утром в Кристминстере, она, к своему изумлению, получила нежное письмо от своего австралийского мужа, бывшего содержателя гостиницы в Сиднее. Он приехал в Англию специально для того, чтобы разыскать её, купил, в Лэмбете трактир с правом торговать спиртными напитками и пригласил ее вести с ним дело, которое обещает быть весьма прибыльным, так как заведение расположено в очень удачном, густо населенном районе, жители которого питают пристрастие к джину, и доход уже достигает двухсот фунтов в месяц, причем его легко удвоить.

Он писал еще, что очень любит ее, и умолял сообщить, где она живет, и так как поводом к их разлуке послужила пустячная размолвка, а ее работа в Кристминстере была временной, она тут же и поехала к нему, как он просил. Она не может отделаться от чувства, что принадлежит больше ему, чем Джуду, потому что прожила с ним в законном браке гораздо дольше. Прощаясь с Джудом, она не питает к нему зла и верит, что он не донесет на нее, не подведет ее, слабую женщину, и не погубит как раз теперь, когда ей подвернулся случай поправить свои дела и зажить, как подобает порядочным людям.

X

Джуд вернулся в Мелчестер, так как город этот имел то сомнительное преимущество, что находился всего в двенадцати с половиною милях от места, где поселилась Сью. Сначала, чтобы быть поближе к ней, он вообще не хотел перебираться на юг, но Кристминстер стал ему невыносим, к тому же незначительное расстояние между Шестоном и Мелчестером сулило ему торжество победы над лукавым в близком бою — победы, какой намеренна искали пастыри и девственницы эпохи ранней церкви, когда, презрев трусливое бегство от соблазна, безнаказанно делили одну спальню. Только Джуду почему-то не вспомнилось лаконичное утверждение историка, что при подобных обстоятельствах «оскорбленная природа иногда силой отстаивала свои права».

Сознавая, что в последнее время его целеустремленность и преданность делу подвергались серьезном испытаниям, Джуд с лихорадочным отчаяньем вернулся к своим богословским занятиям. Душу его смущала любовь к Сью, но еще больший грех виделся ему в том, что он провел

двенадцать часов с Арабеллой, хотя она лишь позднее призналась ему в том, что завела себе мужа в Сиднее. Он искренне верил, что побороль в себе тягу к вину; впрочем, верно и то, что он никогда не пил ради удовольствия, а лишь от нестерпимой душевной муки. И все же он с грустью сознавал, что страстность его натуры не позволит ему стать хорошим священником; оставалось уповать на одно — что в постоянной внутренней борьбе между плотью и духом победа не всегда будет за первой.

Кроме чтения богословских книг, он пристрастился еще к церковной музыке и, расширив свои скудные познания в нотной, грамоте, научился сносно петь по нотам. Милях в двух от Мелчестера была реставрированная деревенская церковь, Джуд ставил в ней когда-то новые колонны и капители и по этому случаю знал органиста. В результате этого знакомства его приняли в хор петь басовые партии.

Каждое воскресенье он дважды отправлялся в эту церковь, а иногда ходил туда и в будни. Как-то вечером на страстной неделе хор собрался на спевку, чтобы разучить к пасхе новый гимн, написанный, как ему сказали, одним уэссекским композитором. Музыка гимна была удивительно

волнующей. По мере того как они повторяли, его снова, и снова, музыка все больше захватывала Джуда и в конце концов привела в сильнейшее душевное волнение.

После репетиции он подошел к органисту с расспросами. Партитура гимна была написана от руки, сверху стояло имя композитора и название — «У подножия креста».

— Да, — ответил ему органист, — он из здешних мест. По профессии музыкант, живет в Кеннетбридже, по дороге отсюда в Кристминстер. Викарий его знает. Он рос и воспитывался в кристминстерских традициях, этим и объясняются достоинства гимна. Кажется, он играет там в большой церкви и руководит церковным хором. Временами он бывает в Мелчестере, как-то он даже добивался места органиста в соборе, когда была вакансия. На пасху его гимн будет исполняться повсюду.

По дороге домой, напевая мотив гимна, Джуд размышлял о его создателе и причинах, побудивших композитора написать его. Как тонко должен чувствовать этот человек! Хорошо бы познакомиться с ним сейчас, когда сам он, Джуд, истерзан историей со Сью и Арабеллой и когда совесть его смущена ложностью собственного

положения. «Вот он бы понял, как мне трудно!» — думал порывистый Джуд. Если и есть на свете человек, которому можно поверить свои невзгоды, так это именно автор гимна, ибо он, наверное, изведал и муки, и волнения, и тоску.

Короче говоря, как ни худо обстояло у него со временем и деньгами, Джуд Фаули, словно ребенок, каким он, собственно, и был, решил отправиться в ближайшее воскресенье в Кеннетбридж и в назначенный день выехал туда чуть свет, так как до города надо было добираться с несколькими пересадками. К полудню он прибыл на место и, перейдя мост, очутился в причудливом старинном городе, там он спросил, где живет композитор.

Ему описали красный кирпичный дом, он увидит его, пройдя чуть дальше вперед. И добавили, что хозяин всего пять минут, как прошел по улице.

— В какую сторону? — поспешно спросил Джуд.

— Из церкви прямо домой.

Джуд пошел быстрее и вскоре увидел впереди человека в черном сюртуке и черной фетровой шляпе с опущенными полями. Джуд прибавил шагу. «Алчущая душа в погоне за сытой! — думал

он. — Я непременно должен говорить с этим человеком!»

Однако ему не удалось нагнать композитора на улице; тот вошел в дом, и тут возник вопрос, подходящее ли сейчас время для визита. Как бы там ни было Джуд решил нанести визит немедленно, раз уж он приехал сюда, так как обратный путь слишком долог и ждать до вечера он не мог. Композитор, наверное, великодушный человек и простит ему такое отступление от приличий, а может, и окажется добрым советчиком в трудном случае, когда запретная земная страсть коварно проникла в сердце через врата, раскрытые для религии.

Итак, Джуд позвонил, его впустили.

Композитор тотчас вышел к нему, и Джуд, благодаря приличному костюму, привлекательности и хорошим манерам, был принят благосклонно. Тем не менее он почувствовал, что объяснить цель своего прихода будет несколько затруднительно.

— Я пою в хоре, в небольшой церкви близ Мелчестера, — начал он. — На этой неделе мы разучивали гимн «У подножия креста», который, как я узнал, написан вами, сэр.

— Да, эта я написал его примерно год тому

назад.

— Мне он очень нравится. Это необыкновенно красиво!

— Да, да… многие так говорят. На нем можно было бы неплохо заработать, если б удалось его издать. А вместе с ним и другие мои произведения. Мне бы очень хотелось, чтобы они вышли в свет, до сегодняшнего дня они не принесли мне и пяти фунтов. Ох, уж эти господа издатели — они норовят приобрести право на издание произведений таких безвестных композиторов, как я, за сумму чуть ли не меньшую, чем приличная копия партитуры. Гимн, о котором вы говорите, я разослал своим друзьям здесь и в Мелчестере, и теперь его хоть изредка будут исполнять. Но музыка — плохой кормилец, и я собираюсь оставить это дело. В наше время, если хочешь зарабатывать деньги, надо заниматься коммерцией. Винная торговля — вот о чем я подумываю. А это мой прейскурант, он еще не отпечатан, но вы можете взять экземпляр.

Он вручил Джуду рекламный проспект — книжечку в несколько страниц с красной каймой, где перечислялись клареты, шампанские, портвейны, хересы и прочие вина, предназначенные положить начало его торговому предприятию.

Джуд был поражен, когда эта «тонкая душа» раскрылась перед ним, и почувствовал, что не сможет доверить ему свои тайны.

Они поговорили еще немного, но уже натянуто, потому что как только композитор узнал, что Джуд человек бедный, его отношение к нему резко изменилось; лишь поначалу внешность Джуда и умение держать себя ввели его в заблуждение относительно положения и рода занятий гостя. Джуд пробормотал что-то о своем желании поздравить автора столь возвышенного гимна и в замешательстве ушел.

Всю дорогу, пока он ехал домой в еле ползущем воскресном поезде или сидел в нетопленых даже в этот холодный весенний день залах ожидания, его удручало одно — каким же надо быть простаком, чтобы отправиться в такое путешествие! Дома, в Мелчестере, он нашел на свое имя письмо, оно прибыло еще утром, всего несколько минут спустя после его ухода. Это было коротенькое покаянное письмо от Сью, в котором она с подкупающим смирением признавалась, что поступила ужасно, запретив ему навещать ее, что она презирает себя за такую приверженность условностям и просит его непременно приехать в воскресенье с поездом одиннадцать сорок пять,

чтобы пообедать с ними в половине второго.

Джуд готов был рвать на себе волосы, прочтя это письмо слишком поздно, когда уже ничего нельзя было поделать, но за последнее время ему часто приходилось прибегать к самообузданию, и в конце концов его химерическое путешествие в Кеннетбридж стало казаться ему неслучайным вмешательством провидения с целью отвести его от соблазна. Растущая в нем религиозность, какую он уже не раз подмечал в себе, заставила его с насмешкой отмести мысль о том, будто бог может посылать людей по пустым делам. Но он жаждал ее видеть, он был зол на себя, что упустил такую возможность, и он тут же написал ей о том, что произошло, заявив, что не вытерпит до следующего воскресенья, а хочет приехать в любой день на неделе, какой она укажет.

Письмо вышло слишком пылкое, и потому Сью, как это было ей свойственно, протянула с ответом до четверга, то есть до кануна страстной пятницы; она разрешила ему приехать в этот день после полудня и объяснила, что раньше пригласить его не могла, так как работает теперь младшей учительницей в школе своего мужа. Джуд, пожертвовав однодневным заработком, отпросился с работы в соборе и поехал.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
В ШЕСТОНЕ

Тот, кто ставит брак или другой обряд выше блага человечества и простого закона милосердия, пусть называет он себя папистом, протестантом или кем угодно, — он не лучше, чем фарисей.

Дж. Мильтон

I

Шестон, он же Пэладор древних бриттов,
Чье основанье странные сперва
родило слухи, —

как писал о нем Дрейтон, был и доныне остается городом грез. Всплывающие в памяти смутные образы крепости, трех монетных дворов, внушительного полукруглого здания аббатства — главной достопримечательности Южного Уэссекса, двенадцати церквей, усыпальниц, часовен, богаделен и островерхих каменных особняков, всего, что ныне безжалостно снесено, — невольно навевают на приезжего задумчивую грусть, которую не способны развеять ни бодрящий воздух, ни бескрайняя даль окружающего ландшафта. Город этот некогда был местом погребения короля и королевы, аббатов и аббатис, святых и епископов, рыцарей и оруженосцев. Прах короля Эдуарда Мученика, заботливо перевезенный сюда для благоговейного поклонения, привлекал в Шестон паломников со всех концов Европы и стяжал ему славу далеко за пределами Англии. Но, по словам

историков, роспуск парламента прозвучал похоронным звоном для этого прекрасного творения великого средневековья. Разрушение огромного здания аббатства повело к упадку всего города; останки короля-мученика разделили участь священного храма, в котором они покоились, и ныне не осталось ни одного камня, который указывал бы место их погребения.

Живописность и своеобразие города сохранились до сих пор, но, как ни странно, достоинства эти, отмеченные многими писателями еще в те века, когда красота пейзажа вовсе не ценилась, в наше время оставлены без внимания, и один из самых интересных и необычных городов Англии почти никем не посещается. Шестон замечателен единственным в своем роде расположением на вершине величественного крутого холма, который с северной, южной и западной сторон города возвышается над низкой наносной равниной Блекмур, и вид из Касл-Грин на зеленеющие луга трех графств: Южного, Среднего и Северного Уэссекса — такая же нежданная радость для путешественника, как и целебный воздух здешних мест. Железную дорогу провести в Шестон невозможно, и потому подняться в город проще всего пешком или в легком экипаже, но и для экипажа

единственно доступный путь — это нечто вроде перешейка, соединяющего северо-восточную часть города с высоким меловым плоскогорьем.

Таким был и остается всеми забытый Шестон, или Пэладор. Из-за своего местоположения он всегда страдал от недостатка воды, и в памяти горожан еще живы с трудом поднимающиеся по извилистым тропинкам люди, лошади и ослы, нагруженные бочонками и кадками с водой; добытой из колодцев у подножья горы, а также разносчики, торговавшие водой по полпенни за ведро.

Помимо трудности водоснабжения, город отличают еще две особенности: расположение главного кладбища на крутом, как скат крыши, откосе за церковью и необычайная распущенность нравов, царившая когда-то среди монахов и горожан, откуда и пошла молва, что жителям Шестона дано три отрадных преимущества, которых не найдешь больше нигде на свете: кладбище у них ближе к небесам, чем церковная колокольня, пива у них больше, чем воды, а женщин легкого поведения больше, чем целомудренных девушек и жен. Говорят, будто в конце концов жители средневекового Шестона так обеднели, что не могли платить священникам, и им пришлось

снести все церкви и отказаться от церковной службы, о чем скорбели воскресными вечерами за кружкой пива в трактире. Как видно, в те времена шестонцы не лишены были чувства юмора.

Своему расположению Шестон обязан и еще одной особенностью, относящейся уже к современности. Он постоянно служил местом отдыха и временным пристанищем для владельцев балаганов, панорам и прочих странствующих предприятий, подвизающихся чаще всего на ярмарках и базарах. Как дикие перелетные птицы собираются на скалистом мысе, раздумчиво отдыхая перед долгим перелетом или возвращением в родные места, так и здесь, в этом городе на утесе, стояли желтые и зеленые фургоны с нездешними названиями, как бы замерев в уединении перед внезапной сменой пейзажа, которая мешала им двигаться дальше; здесь они оставались всю зиму, а с наступлением весны вновь продолжали свой путь.

Вот в это-то необыкновенное, овеянное ветрами место и попал впервые в своей жизни Джуд, когда около четырех часов дня сошёл на ближайшей станции; преодолев утомительный подъем, он взобрался на вершину холма, прошел мимо первых домов этого как бы нависшего над

бездной города и направился к школе. Было ещё рано, ученики сидели в классах, оттуда, словно тонкое жужжание комариного роя, доносились их голоса; он прошел несколько шагов по аллее аббатства и окинул взглядом место, которое волей судеб стало обителью той, кого он любил больше всех на свете. Перед обшарпанными каменными зданиями школы росли два огромных бука с гладкими, мышиного цвета стволами, какие обычно растут только на меловых взгорьях. Сквозь частый переплет окон он увидел над подоконниками черные, каштановые и белокурые головки школьниц и, чтобы как-нибудь скоротать время, спустился на широкую террасу, где некогда были разбиты сады аббатства. Помимо его воли сердце у него учащенно билось.

Не желая заходить в школу до окончания уроков, он дождался, пока на улице послышались детские голоса и девочки в красных и синих платьицах и белых передниках вприпрыжку побежали по дорожкам, где три века назад смиренно прогуливались настоятельница монастыря, ее помощницы и полсотни монахинь. Однако, снова вернувшись к школе, он обнаружил, что прождал слишком долго и Сью уже ушла вместе с последними школьницами, а мистер

Филотсон весь день был занят на собрании учителей в Шотсфорде.

Джуд вошел в пустой класс и остался там ждать, так как служанка, подметавшая пол, сказала ему, что миссис Филотсон скоро вернется. Рядом стояло фортепьяно — то самое старенькое фортепьяно, которое Филотсон привез из Мэригрин, и хотя в сумерках клавиши разглядеть было трудно, Джуд осторожно коснулся их и стал наигрывать гимн, который так взволновал его на прошлой неделе.

За его спиной раздались чьи-то шаги, и, думая, что это все та же служанка с щеткой, Джуд не обратил на них никакого внимания; но вот кто-то подошел к нему вплотную, и чьи-то пальцы легко легли на его левую руку. Джуд знал эту маленькую ручку.

Он обернулся.

— Продолжай, — сказал Сью. — Мне нравится этот гимн. Я выучила его еще в Мелчестере, в педагогической школе. Его там всегда играли.

— Чтоб я стал барабанить при тебе? Сыграй лучше ты мне.

— Что ж, пожалуй.

Сью села за фортепьяно, и ее довольно заурядное исполнение показалось ему просто

божественным после его игры. К своему удивлению, она тоже растрогалась воскресшей в памяти мелодией, и когда она кончила играть, Джуд протянул ей руку, и она вложила в нее свою. Джуд горячо пожал ее — так же, как сделал это в тот день, перед венчанием.

— Странно, — произнесла Сью вдруг изменившимся голосом, — странно, что меня так трогает эта мелодия, потому что…

— Что?

— Я не такая, совсем не такая.

— Тебя не легко растрогать?

— Нет, я не о том.

— Ты именно такая, ведь сердцем ты та же, что и я!

— Сердцем, но не разумом!

Она опять заиграла, но вдруг обернулась, и руки их невольно встретились еще раз.

Она быстро отдернула свою руку и с деланным смешком воскликнула:

— Как забавно! Почему это мы оба так сделали?

— Наверное, потому, что мы такие одинаковые, ведь я уже сказал.

— Только не мыслями, нет! Вот разве что чувствами.

— Чувства управляют мыслями… И поневоле готов проклясть целый свет, когда узнаешь, что создатель такого гимна — самый заурядный человек!

— Как? Ты знаешь его?

— Я ездил знакомиться с ним.

— Вот чудак! Еще я могла бы это сделать, но ты-то почему?

— Потому, что мы не похожи друг на друга, — сухо отозвался он.

— Сейчас будем пить чай, — сказала Сью. — Может, здесь будем пить, а не дома? Посуду и чайник принести не трудно. Мы ведь живем не при школе, а вон в том старинном доме напротив, его здесь называют Олд-Гроув-Плейс[14]. Он страшно угнетает меня своей древностью и мрачностью. Такие дома интересно осматривать, но не жить в них, — кажется, будто тебя вдавливает в землю тяжесть всех прожитых там жизней. Вот в новых зданиях, вроде этой школы, ощущаешь только собственную жизнь. Садись, я скажу Аде, чтобы подали чай сюда.

Он ждал ее при свете печки, дверцу которой Сью перед уходом распахнула настежь, и когда

---

[14] Примечания: 14
Дом в старой роще (англ.).

она вернулась в сопровождении служанки с чайным прибором, они сели за стол при свете той же печки и голубого пламени спиртовки под медным чайником.

— Это один из твоих свадебных подарков. — Она указала на чайник.

— Да, — отозвался Джуд.

Ему казалось, что в песенке подаренного им чайника звучат насмешливые нотки, и он решил переменить тему разговора.

— Ты не знаешь какого-нибудь хорошего неканонического издания Нового завета? В школе вы, конечно, таких книг не читаете.

— Еще бы! Это возмутило бы всю округу!.. Есть одна книга… Сейчас я уже плохо ее помню, но в свое время очень интересовалась ею, когда жив был мой прежний друг. Это «Апокрифическое евангелие» Каупера.

— Пожалуй, это как раз то, что мне нужно.

Где-то в его мыслях больно отозвались слова: «Мой прежний друг»; Джуд знал, что Сью называет так своего бывшего товарища из университета. Хотелось бы знать, говорила ли она о нем Филотсону?

— Очень интересно Евангелие от Никодима, — продолжала Сью, стараясь отвлечь его от

ревнивых мыслей, которые всегда легко угадывала. Больше того, они настолько хорошо понимали друг друга, что всякий раз, когда они говорили как сейчас, о чем-нибудь безразличном, между ними шел другой, немой разговор — разговор чувств. — Оно совсем как каноническое. И даже разделено на стихи, так что кажется, словно читаешь одного из подлинных евангелистов, но только во сне, знаешь, когда все как будто то же и вместе с тем не то. А что, ты по-прежнему увлекаешься такими вопросами? Одолеваешь «Апологетику»?

— Да, занимаюсь богословием, и притом еще усерднее, чем раньше.

Она взглянула на него с любопытством.

— Что ты так на меня смотришь? — спросил Джуд.

— А зачем тебе знать?

— Я уверен, ты можешь рассказать мне обо всем, чего я не знаю в этом предмете. Ты, наверно, узнала кучу всяких вещей от своего дорогого умершего друга!

— Не надо сейчас говорить об этом! — ласково попросила Сью. — Ты будешь на этой неделе работать в той церкви, где выучил этот красивый гимн?

— Наверное, буду.

— Чудесно! Можно мне навестить тебя там? Я могла бы приехать в любой день на полчасика.

— Нет, лучше не приезжай.

— Как? Разве мы с тобой больше не друзья?

— Нет.

— Я не знала… Мне казалось, ты всегда будешь добр ко мне.

— Нет. Не буду.

— Но в чем же дело? Я была так уверена, что мы оба…

Голос ее дрогнул и прервался.

— Сью, иногда мне кажется, что ты просто кокетка, — резко ответил Джуд.

Наступило минутное молчание, потом Сью вскочила с места, и при свете спиртовки Джуд с удивлением заметил, что ее лицо залилось краской.

— Я должна прекратить этот разговор, Джуд, — произнесла она своим прежним, трагическим контральто, — становится слишком темно, чтобы сидеть так вдвоем, да еще после меланхолического гимна страстной пятницы, который вызывает в нас недозволенные чувства… Ни сидеть, ни болтать так нам больше не следует… Да, тебе лучше уехать, потому что ты ошибся во мне! Я совсем не

такая, какой ты имел жестокость меня назвать. Ах, Джуд! Право, нехорошо было так говорить! Но я не могу сказать тебе правду. Ты был бы поражен, узнав, как я несдержанна и как страдаю от мысли, что напрасно создана привлекательной, раз мне не предназначено этим пользоваться! У некоторых женщин жажда быть любимой также ненасытна, как и потребность любить, и в последнем случае они часто обнаруживают, что не могут постоянно дарить свою любовь человеку, которому брачное свидетельство, подписанное епископом, дает на нее право. Впрочем, ты слишком прямодушен, чтобы понять меня... Тебе пора идти. Как жаль, что мужа нет дома.

— Жаль?

— Кажется, я сказала это только для приличия! Честно говоря, нисколько не жаль. Как ни грустно в этом признаваться — мне просто безразлично!

Вместо прежних горячих рукопожатий Сью, прощаясь, лишь слегка коснулась его пальцев. Но едва Джуд вышел, как она, явно досадуя на себя, вскочила на парту и распахнула железную раму окна, под которым он проходил по дорожке.

— Джуд, когда тебе нужно выехать отсюда, чтобы не опоздать к поезду? — крикнула она.

Он с удивлением поднял голову.

— Дилижанс уходит на станцию минут через сорок пять.

— Куда же ты денешься на это время?

— Поброжу немного. Или, может быть, посижу в старой церкви.

— Ну и хороша же я — так тебя выпроводила! Ты и так, видит бог, слишком много думаешь о церквах, нечего тебе там делать, да еще в темноте. Стой тут!

— Где?

— Там, где стоишь. Так мне легче с тобой разговаривать, чем в комнате. Ты такой молодец — потерять половину рабочего дня, чтобы приехать ко мне! Ты — Иосиф-сновидец, дорогой мой Джуд. И трагический Дон-Кихот. А иногда ты точно святой Себастьян, который видел разверстые небеса в то время, как его побивали камнями. Ах, друг мой, несчастный мой товарищ, много еще придется тебе страдать!

Теперь, когда их разделял высокий подоконник и Джуд не мог к ней приблизиться, Сью, казалось, готова была на откровенность, которой страшилась, сидя с ним рядом.

— Я все думаю о том, — так же возбужденно продолжала она, — что общественные формы, навязанные людям цивилизацией, соответствуют

нашей подлинной сути не более, чем условное изображение созвездий подлинному расположению звезд. Вот я называюсь миссис Ричард Филотсон и живу мирной супружеской жизнью с моей законной половиной. На самом же деле я вовсе не миссис Ричард Филотсон, а одинокая, мятущаяся женщина со странными увлечениями и необъяснимыми антипатиями… Но тебе надо идти, а то опоздаешь на дилижанс. Приезжай еще. Только в следующий раз заходи ко мне домой.

— Хорошо! — согласился Джуд. — Когда?

— Через неделю. А теперь до свиданья!.. До свиданья!

Она протянула руку и с жалостью погладила его по голове — всего раз. Джуд попрощался и исчез в темноте.

Когда он шел по Бимпорт-стрит, ему послышался шум колес отъезжающего дилижанса, и когда Джуд достиг Рыночной площади у ворот Дьюкс-Армз, обнаружилось, что дилижанс действительно ушел. Поспеть на ближайший поезд пешком невозможно, приходилось рассчитывать лишь на следующий — последний в этот вечер поезд до Манчестера.

Джуд побродил по улицам, закусил, но времени оставалось еще около получаса, и, повинуясь без-

отчетному влечению, пошел по липовой аллее через старинное кладбище церкви Святой Троицы по направлению к школе. Здания ее были погружены во тьму. Сью говорила, что живет напротив в Олд-Гроув-Плейс — доме, который он легко отыскал по ее описанию благодаря его старинному облику.

В одном из окон на улицу, еще не закрытом ставнями, мерцал огонек свечи. Джуд ясно видел комнату, — пол в ней был ступеньки на две ниже мостовой, которая постепенно нарастала в течение столетий, прошедших со времени постройки дома. Сью, видимо, только что вошла и, еще в шляпе, стояла посреди этой не той гостиной, не то приемной, стены которой были обшиты дубовой панелью от пола до потолка, пересеченного огромными резными балками почти над самой ее головой. Массивный камин был отделан лепными украшениями и пилястрами в стиле Жакоб. Столетия действительно всей своей тяжестью давили на молодую женщину, проводившую здесь свои дни. Перед ней была открытая шкатулка розового дерева, из которой она вынула фотографическую карточку. Некоторое время она разглядывала ее, потом прижала к груди и снова положила на место.

Заметив, что ставни не закрыты, Сью со свечой в руке подошла к окну. В темноте она не могла разглядеть стоявшего на улице Джуда, зато ему хорошо было видно ее лицо с явными следами слез на темных, с длинными ресницами, глазах.

Она закрыла ставни, и одинокий Джуд отправился в обратный путь домой. «На чью фотографию она смотрела?» — думал он. Когда-то он дал ей свою, но знал, что у нее есть и другие. А что, если это его?

Он уже знал, что воспользуется ее приглашением и опять поедет в Шестон. Конечно, те суровые, святые люди, о которых он читал, его «полубоги», как не совсем почтительно называла их Сью, отказались бы от таких встреч, если бы усомнились в своей твердости. Но Джуду это было не по силам. Его не спасли бы ни пост, ни молитва в течение всей недели: человеческое в нем было сильнее божественного.

II

Однако если бог не располагал, то рассудила женщина. Через день от нее пришло такое письмо:

> «Не приезжай на будущей неделе. Так лучше для тебя. Мы слишком много позволили себе под влиянием сумерек и этого грустного гимна. Постарайся поменьше думать о
>
> Сюзанне Флоренс Мэри»,

Это было горькое разочарование. Джуд ясно представлял себе настроение и выражение лица Сью в то время, как она подписалась своим полным именем. Но каково бы ни было ее настроение, он понимал, что, по существу, она права. Он ответил:

> «Я повинуюсь. Ты права. Пусть это послужит мне уроком самоотречения.
>
> Джуд».

Он отправил письмо в страстную субботу, и

тем самым их решение как будто определилось. Однако помимо него в действие вступили иные законы и силы. В понедельник на пасху пришла весть от вдовы Эдлин, которую он просил телеграфировать, если случится что-нибудь серьезное.

«Бабушка при смерти. Выезжай немедленно».

Он бросил инструменты и отправился в путь. Спустя три с половиной часа он уже шагал по холмам в окрестностях Мэригрин, потом спустился в котловину, где через поле шла прямая тропинка к деревне. Снова поднявшись по склону, он увидел какого-то человека, который наблюдал за ним из-за калитки с другой стороны дороги и нерешительно двинулся ему навстречу, как бы собираясь что-то сказать.

«Должно быть, умерла, — подумал Джуд. — Бедная бабушка Друзилла!»

Так оно и было, и миссис Эдлин выслала навстречу работника, чтобы предупредить о печальном событии.

— Она все равно не узнала бы вас, — сказал он. — Лежала с остекленевшими глазами, как кукла. Не беда, что вас не было при этом.

Джуд направился к дому бабки, но только после

полудня, когда все хлопоты были окончены и гробовщики, выпив пива, удалились, он остался в затихшем доме один. Хотя всего два дня назад он и Сью договорились больше не видеться, нужно было все же сообщить ей о случившемся. Он отправил ей коротенькую записку:

«Бабушка Друзилла скончалась почти внезапно. Похороны в пятницу днем».

Оставшиеся до похорон дни Джуд провел в Мэригрин и ее окрестностях. В пятницу утром он ходил узнать, готова ли могила, и все время думал, приедет Сью или нет. Отсутствие письма могло означать, что скорей всего она приедет. Рассчитав, когда приходит единственный удобный для нее поезд, Джуд около полудня запер дом, прошел через пустынную низину к нагорью у Бурого Дома и стал там, устремив взгляд вдаль, на обширные равнины на севере и на лежащий ближе Элфредстон. Милях в двух за городом слева направо бежала струйка белого пара. Чтобы узнать, приехала ли Сью, нужно было ждать, и довольно долго. Он решил ждать, и наконец у подножья холма остановился легкий наемный экипаж. Высадив пассажира, экипаж уехал, и пассажир стал подниматься на холм. И тут Джуд

узнал ее; она выглядела до того хрупкой, что, казалось, могла сломаться в пылком объятии — которое не ему суждено было раскрыть для нее. Пройдя почти две трети пути до вершины, она смущенно опустила голову, и Джуд понял, что в этот момент она узнала его. Задумчивая улыбка скользнула по ее губам и исчезла, как только он подошел, спустившись немного ей навстречу.

— Я подумала, что тебе уж очень грустно будет одному на похоронах! — с нервной торопливостью заговорила она. — И вот... в последнюю минуту решила поехать.

— Дорогая моя, верная Сью! — прошептал Джуд.

Но с обычной для ее странной, двойственной натуры уклончивостью она даже не остановилась для дальнейшего обмена приветствиями, хотя времени до похорон оставалось достаточно. Джуд знал, что сложное волнующее чувство, охватившее их в этот час, может не повториться годы, а то и никогда, и ему хотелось задержаться, поговорить, поразмыслить. Но Сью или не видела этого, или же, видя это даже яснее Джуда, не желала подаваться чувству.

Печальный и скромный обряд закончился очень быстро, процессия двигалась к церкви чуть

ли не бегом, — так как похоронных дел мастер должен был через час присутствовать на более пышных похоронах в трех милях от Мэригрин. Друзиллу похоронили в новой части кладбища, вдали от ее предков. Сью и Джуд шли бок о бок до самой могилы, а потом пили чай в давно знакомом доме, — последний долг перед умершей объединил их.

— Ты говоришь, она всегда была противницей брака? — спросила Сью.

— Да, в особенности для членов нашего рода.

Взгляды их встретились, и с минуту она смотрела ему прямо в глаза.

— Несчастный наш род, правда?

— Бабушка считала, что из нас выходят плохие мужья и жены. Несчастные — это несомненно. Я сам тому пример.

Сью помолчала.

— Джуд, — начала она дрогнувшим голосом, — разве это дурно, когда муж или жена рассказывают кому-нибудь, что они несчастливы в браке? По-моему, если бракосочетание религиозный союз, это, может быть, и нехорошо, но иногда брак только мерзкая сделка ради материальных выгод: удобств семейной жизни, избавления от налогов или установления законного отцовства

при наследовании детьми земли или денег, — и в этих случаях человек не обязан молчать, а может даже во всеуслышание провозгласить, что брак для него горе и позор.

— Но ведь я так тебе и говорил.

— А как ты думаешь, — продолжала она после недолгого молчания, — много ли таких супружеств, где один чувствует неприязнь к другому без всякой видимой причины?

— Думаю, что много. Например, если один из супругов любит кого-нибудь другого.

— Ну а помимо этого? Можно ли, например, считать женщину очень дурной, если ей не хочется жить с мужем только потому... — Голос ее дрогнул, и Джуд угадал почему. — ...Только потому, что у нее есть на это личные причины: физическое отвращение, брезгливость, — называй как хочешь, — хотя, она может чувствовать к нему и уважение и благодарность? Я, конечно, только к примеру так говорю. Не следует ли ей постараться преодолеть свою антипатию?

Джуд с тревогой взглянул на Сью и отвернулся:

— Это как раз тот случай, когда мой опыт идет вразрез с моими убеждениями. Как порядочный человек, каким, я надеюсь меня считают, хотя боюсь, что напрасно, я должен сказать: да.

Но на основании своего опыта и естественных склонностей я говорю: нет!.. Сью, мне кажется, ты несчастна!

— Что ты! Вполне счастлива! — возразила она. — Как может быть несчастной женщина, которая всего два месяца назад вышла замуж по свободному выбору?

— По свободному выбору?

— Ну да, зачем повторять? Однако мне надо уехать шестичасовым поездом. Ты, наверно, останешься здесь?

— Да, на несколько дней, чтобы уладить бабушкины дела. Дом уже сдан. Проводить тебя до станции?

Сью принужденно усмехнулась.

— Лучше не надо. Но пройти вместе часть пути можно.

— Постой-ка! Да ведь тебе не уехать сегодня. Сегодня уже не будет поездов до Шестона. Тебе придется остаться до завтра.

— Пожалуй, — нерешительно произнесла Сью. — Я и не обещала ему, что вернусь сегодня.

Джуд пошел предупредить вдову Эдлин, жившую в соседнем доме, и через несколько минут вернулся.

— Ужасное положение у нас с тобой, Сью, про-

сто ужасное! — неловко сказал он, потупясь.

— Почему? Нисколько.

— Я не могу рассказать тебе все о своем несчастье. Твое же состоит в том, что тебе не следовало выходить за него. Я это видел с самого начала, но считал, что не должен вмешиваться. Я ошибся. Мне следовало вмешаться!

— С чего ты это взял, милый?

— Я же вижу тебя насквозь, бедная моя птичка!

Рука Сью лежала на столе, Джуд прикрыл ее своей. Сью отдернула руку.

— Это смешно, Сью, после всего того, что было сказано между нами! — вскричал он. — Уж если на то пошло, так я строже и церемоннее, чем ты; противясь такому невинному жесту, ты, только доказываешь свою нелепую непоследовательность!

— Да, возможно, я чересчур щепетильна, — с раскаянием проговорила Сью. — Только мне показалось, что мы с тобой хитрим и слишком злоупотребляем этой уловкой… Ну, бери мою руку и держи сколько хочешь. Так хорошо?

— Да, очень.

— Но я должна сказать ему.

— Кому?

— Ричарду.

— А… Разумеется, если считаешь это необходимым. Но ведь это пустяк, который может только напрасно расстроить его.

— Ну, а ты уверен, что делаешь это только как мой кузен?

— Совершенно уверен. Любовных чувств во мне больше нет.

— Это новость! Как же это случилось?

— Я виделся с Арабеллой.

Она вздрогнула, как от удара, потом спросила с любопытством:

— Когда?

— Когда ездил в Кристминстер.

— Значит, она вернулась? И ты ничего мне сказал! Наверно, будешь жить с нею теперь?

— Конечно, так же, как и ты со своим мужем.

Она устремила взгляд на забытые, увядшие герани и кактусы на окне и смотрела сквозь них куда-то вдаль, пока глаза ее не наполнились слезами.

— Что с тобой? — тихо спросил Джуд.

— Почему ты так радуешься возвращению к ней, если… если то, что ты мне говорил, правда, вернее, было правдой? Теперь-то, уж конечно, нет! Как ты мог так скоро снова отдать свое серд-

це Арабелле?

— Вероятно, это устроено самим провидением.

— Неправда! — с досадой воскликнула Сью. — Ты дразнишь меня, вот и все, потому что вообразил, будто я несчастна.

— Этого я не знаю, и это меня не касается.

— Если бы я была несчастна, то только по своей собственной вине, из-за моего скверного характера. Это не значит, что я вправе не любить своего мужа! Он такой внимательный ко мне и такой интересный человек, он читал все на свете и так много знает… Как по-твоему, Джуд, мужчине лучше жениться на женщине своего возраста или чтобы она была моложе… ну, скажем, на восемнадцать лет, как я, например?

— Это зависит от того, какие чувства они питают друг к другу.

Он не хотел успокоить ее, и лишенная поддержки, она продолжала упавшим голосом, чуть не плача:

— Я… я думаю, мне нужно быть с тобой такой же откровенной, как ты была со мной. Ты, может, уже догадался, что я хочу сказать. Мистер Филотсон мне друг, но он не нравится мне… для меня пытка жить с ним как с мужем! Ну, вот я и сказала все, я не могла иначе, хоть и старалась

притворяться счастливой. Теперь ты будешь вечно презирать меня?..

Она опустила голову на руки, и шаткий трехногий стол задрожал от ее беззвучных рыданий.

— Я всего два месяца замужем, — продолжала она, всхлипывая и не отнимая рук от лица. — Говорят, с годами женщины начинают совершенно равнодушно относиться к тому, что вызывает у них отвращение в первые дни брака. Но ведь это все равно что сказать, будто ампутация ноги или руки не горе для человека, потому что со временем он преспокойно привыкает пользоваться деревянной ногой или рукой.

Джуд едва мог вымолвить слово.

— Я так и думал, что у тебя что-то неладно, Сью, — наконец с трудом произнес он. — Я так и думал!

— Да нет же, совсем не то! Ничего нет неладного, кроме моей испорченности, как ты, наверно, назвал бы это… кроме отвращения, причину которого я не могу объяснить, да никто и не признает ее уважительной. Для меня мучительно отзываться на желание этого человека — вполне нравственного, заметь, — когда бы ему это ни вздумалось, и по обязанности проявлять определенные чувства в той близости, самая сущность

которой — добросовестность! Пусть бы он бил меня, изменял мне, обидел бы меня так, чтобы это оправдало мое к нему отношение! Но он ничего подобного не делает, только стал несколько холоднее с тех пор, как догадался о моих чувствах. Он и на похороны поэтому не приехал… О, как я несчастна! Просто не знаю, что делать… Не подходи ко мне, Джуд, нельзя. Не подходи же!

Но он вскочил с места и приник лицом к ее лицу, вернее, к уху, так как лицо она закрыла.

— Я сказала — не надо, Джуд!

— Знаю, но я так хочу утешить тебя! Все случилось из-за того, что я женился раньше, чем мы встретились. Если б не это, ты стала бы моей женой, правда, Сью?

Вместо ответа она быстро поднялась и вышла, сказав, что хочет пройти на кладбище к могиле бабушки. Джуд остался на месте. Минут двадцать спустя он увидел, как она направилась по лугу к дому миссис Эдлин, и вскоре за ее вещами явилась девочка и сообщила, что Сью устала и сегодня они больше не увидятся.

Сидя в пустой комнате, Джуд смотрел, как ночная мгла окутывает домик вдовы Эдлин. Он знал, что Сью сидит там такая же одинокая и несчастная, как он сам, и снова усомнился в пра-

вильности своего благочестивого девиза: «Все к лучшему».

Он лег рано, но и во сне чувствовал, что Сью где-то тут, совсем близко, и сон его часто прерывался. Около двух часов ночи, когда сон стал крепче, его разбудил пронзительный писк, знакомый ему еще по тем временем, когда он постоянно жил в Мэригрин: пищал попавший в капкан кролик. Теперь зверек уж долго не повторит свой крик и сделает это всего раза два, а потом будет мучиться молча, пока охотник утром не прикончит его ударом по голове.

Джуд, щадивший в детстве даже дождевых червей, ясно представил себе страдания кролика с искалеченной лапкой. Если капкан захлопнулся «неудачно», прихватив заднюю лапку, зверек будет биться часов шесть, пока железные зубья капкана не обдерут все мясо с кости; может статься, он вырвет лапу из капкана и уползет умирать где-нибудь в поле. Если же захват был «удачный», за переднюю лапу, значит, кость была сломана и конечность почти разорвана пополам в бесплодной попытке освободиться.

Полчаса спустя кролик пискнул снова. Джуд не мог больше лежать спокойно — надо было положить конец его мучениям — и, быстро одевшись,

вышел из дома; при свете луны он направился по лужайке в ту сторону, откуда доносился звук. У забора, окружавшего сад вдовы, он остановился. Слабое позвякивание капкана, в котором бился зверек, подсказало ему направление, он подошел, стукнул кролика ребром ладони по шее, и тот вытянулся и затих.

Джуд повернулся и хотел идти назад, как вдруг увидел женскую головку, высунувшуюся из окна нижнего этажа соседнего дома.

— Джуд, — робко прозвучал голос Сью, — это ты?

— Да, дорогая.

— Я никак не могла заснуть, а потом услышала кролика и все думала, как ему больно, и в конце концов решила, что должна пойти и убить его. Как хорошо, что ты опередил меня! Надо бы запретить эти стальные капканы, правда?

Джуд подошел к окну. Оно было расположено так низко, что Сью было видно до пояса. Она отняла руку от оконной рамы и коснулась его руки; лицо ее в свете луны выглядело печальным.

— Он не давал тебе спать? — спросил Джуд.

— Нет, просто мне не спалось.

— Почему?

— Ты же знаешь. Ах да, понимаю — по твоим

религиозным убеждениям, замужняя женщина вроде меня совершает смертный грех, поверяя свои огорчения постороннему мужчине. Лучше б я этого не делала!

— Не говори так, дорогая, — возразил Джуд. — Я, может, считал так раньше, но теперь начинаю отходить от таких воззрений.

— Я так и знала! Вот почему и клялась не смущать твою веру. Но я так рада видеть тебя, хоть и решила больше не встречаться с тобой, раз со смертью бабушки Друзиллы порвалась наша последняя связь.

— Осталась другая, более крепкая связь! — сказал Джуд, схватив ее руку и прижимая ее к губам. — Что мне религия и какие-то там доктрины! Бог с ними! Позволь мне помочь тебе, пусть даже я люблю тебя и пусть даже ты…

— Молчи! Я знаю, что ты хочешь сказать, но это уж слишком. Не надо! Догадывайся о чем хочешь, только не заставляй меня отвечать на вопросы.

— Что говорить обо мне! Лишь бы ты была счастлива.

— Я не могу быть счастливой! Не многие поймут мои чувства. Люди скажут: слишком разборчивая или еще что-нибудь в этом роде, — и осудят меня… Это ведь не подлинная трагедия

любви, а любовная драма, искусственно созданная цивилизованным обществом для людей, которым легче и естественнее всего было бы расстаться друг с другом. Наверное, нехорошо с моей стороны рассказывать тебе о своем горе, но я должна с кем-нибудь поделиться, а кроме тебя, у меня никого нет! Видишь ли, Джуд, пока я не вышла за него замуж, я знала, что такое брак, но никогда серьезно не задумывалась о его сущности. Какая непростительная глупость! Я считала себя достаточно взрослой и очень опытной, вот и поступила, как самоуверенная дурочка, — бросилась очертя голову после скандала в педагогической школе… Только, по-моему, каждый должен иметь возможность поправить то, что сделано им по неведению. Ведь, наверно, это случается со многими женщинами, только они покоряются, а я брыкаюсь. Что-то скажут о нас люди будущих поколений, оглядываясь на варварские обычаи и предрассудки того века, в который мы имеем несчастье жить.

— Тебе очень горько, дорогая моя Сью. Я бы так хотел…

— Тебе надо идти!

В мгновенном порыве она склонилась через подоконник и, плача, приникла лицом к волосам

Джуда, потом чуть заметным движением губ поцеловала его голову и отпрянула назад, не дав ему обнять себя, как он намеревался сделать. Окно захлопнулось, и Джуд вернулся к себе.

III

Горе Сью, ее скорбная исповедь всю ночь не выходили у Джуда из головы.

Наутро, в час ее отъезда, соседи видели, как она вместе с ним спустилась пешком по тропинке, ведущей к пустынной дороге на Элфредстон. Он вернулся тем же путем, через час, и лицо его выражало восторг и отчаянную решимость. Вот что произошло.

Они стояли на безлюдной дороге, прощаясь, и так велико было смятение и страстный порыв их душ, что они начали путано обсуждать, насколько близкими могут быть их отношения; при этом они едва не поссорились, и Сью со слезами на глазах заявила, что ему, как будущему священнику, едва ли прилично целовать ее на прощание, как он хотел. Потом она признала, что поцелуй сам по себе еще ничто, все зависит от того, с какими чувствами он ее поцелует. Она не против, если он поцелует ее как кузен или как друг, но только не как влюбленный.

— Можешь ты поклясться, что поцелуешь меня не как влюбленный? — спросила она.

Нет, поклясться он не мог, и, отчужденно отвернувшись друг от друга, они расстались, но вдруг оба оглянулись одновременно. Это оказалось роковым для их выдержки. Ни о чем не думая, они бросились друг к другу, обнялись и замерли в долгом поцелуе. Когда они расстались, щеки у Сью пылали, а у Джуда бешено колотилось сердце.

Этот поцелуй перевернул жизнь Джуда. Вернувшись домой и обдумав случившееся, он понял одно: пусть поцелуй этого неземного создания был самым чистым мгновением в его греховной жизни, его запретное чувство к Сью явно идет вразрез с его намерением стать слугой и поборником веры, которая считает плотскую любовь в лучшем случае слабостью, а в худшем — проклятием. То, что вырвалось у Сью сгоряча, на самом деле было трезвой истиной. Если он намерен всячески отстаивать свое чувство и с безудержной настойчивостью ухаживать за ней, он ipso facto погубит в себе поборника общепринятой морали. Очевидно, он не только по своему общественному положению, но и по натуре не подходит к роли проповедника религиозных догматов.

Примечательно, что и первому его благому порыву — получить университетское образование, и второму — стать на путь апостольского

служения — помешали женщины. «Но так ли уж они виноваты? — думал он. — Или все дело в искусственно созданном положении вещей, когда естественное влечение обращается дьявольской западней — семейными путами, которые захватывают и тянут назад всех, кто стремится вперед?»

Не помышляя о личной выгоде, он хотел стать скромным наставником своих мятущихся ближних. Но, с точки зрения ходячей морали, он слишком низко пал, чтобы его можно было уважать, раз жена его живет с новым мужем, а сам он отдался греховному чувству к другой и этим, быть может, заставил ее восстать против своего положения.

Думать было больше не о чем, приходилось признать очевидный факт: в роли блюстителя законности и духовного пастыря он всего-навсего самозванец.

В сумерках Джуд вышел в сад и выкопал там неглубокую яму, куда снес все свои книги по богословию и этике. Он знал, что в его родной стране, населенной истинно верующими, большая часть этих книг ценится не выше макулатуры, и предпочел отделаться от них своим способом, несмотря на некоторый материальный ущерб.

Сперва он поджег несколько растрепанных брошюр, затем старательно разодрал на куски каждый том и вилами побросал их в огонь. Книги пылали, освещая стену дома, свинарник и его самого, пока не сгорели дотла.

Хотя Джуд был теперь почти чужим в Мэригрин, соседи, проходя мимо, заговаривали с ним через забор.

— Сжигаете бабушкин хлам? Да-а, чего только не накопится по углам и чуланам, если живёшь восемьдесят лет в одном доме.

Было около часу ночи, когда переплеты, обложки и листы творений Джереми Тэйлора, Батлера, Додриджа, Пэйли, Пьюзи, Ньюмена и прочих превратились в пепел; кругом стояла тишина, а Джуд все ворошил вилами обрывки бумаги, ощущая облегчение и покой от сознания, что ему не надо больше лицемерить перед самим собой. Он может по-прежнему верить, но он уже не будет ничего проповедовать и не будет выставлять напоказ орудия вероисповедания, которые ему как их владельцу следовало бы испытать прежде всего на самом себе. Да и в чувстве своем к Сью он может теперь быть не «гробом повапленным», а самым обычным грешником.

Тем временем Сью шла на станцию вся в слезах,

жалея, что позволила Джуду себя поцеловать. Он не должен был притворяться, что не любит ее, зачем он заставил ее поддаться настроению и поступить так неприлично и даже безнравственно. Именно безнравственно; согласно собственной причудливой логике, Сью считала, что любой поступок может быть хорош, пока он не совершен, а будучи совершенным, становится часто плохим, или, другими словами, — что хорошо в теории, дурно на практике.

«Я, наверное, слишком податлива! — думала она, быстро шагая по дороге и то и дело смахивая слезы. — Такой жгучий поцелуй — это поцелуй влюбленного, да-да! Не буду я ему больше писать, по всяком случае, очень долго, чтобы не ронять своего достоинства. То-то он помучится, ожидая письма завтра утром, потом послезавтра, потом послепослезавтра, письма все не будет. Он совсем изведется от ожидания. Ну и пусть! Я очень рада».

Слезы жалости к Джуду, которому предстояло так страдать, мешались со слезами жалости к себе самой.

Так шла она по дороге, тоненькая, хрупкая, жена не любимого ею мужа, нервное, восприимчивое создание, ни по темпераменту, ни по ин-

стинктам не пригодное для брака с Филотсоном, как и, пожалуй, ни с каким другим мужчиной, — шла неровным шагом, тяжело дыша, и в глазах ее были усталость и безнадежная тоска.

Филотсон встретил ее на станции и, видя, что она расстроена, приписал это тяжелому впечатлению от похорон бабушки. Он начал рассказывать ей о своих делах и о неожиданном визите своего старого приятеля, учителя соседней школы Джиллингема, с которым не виделся много лет. Когда они на империале омнибуса поднимались в город, Сью, смотревшая на белую меловую дорогу и окаймлявшие ее кусты орешника, вдруг сказала с виноватым видом:

— Ричард, я позволила мистеру Фаули взять меня за руку. Как по-твоему — это дурно?

— Да? А зачем? — рассеянно отозвался Филотсон, видимо, очнувшись от каких-то совсем иных мыслей.

— Не знаю. Он захотел, а я позволила.

— Должно быть, ему это было приятно. Хоть едва ли в новинку.

Наступило молчание. Какой-нибудь дотошный судья, разбирая это дело, наверное, отметил бы то примечательное обстоятельство, что Сью скрыла большую нескромность за меньшей, умолчав о

поцелуе.

Вечером, после чая, Филотсон занялся подведением итогов в классных журналах. Сью, необычно молчаливая и встревоженная, скоро ушла спать, сославшись на усталость. Когда Филотсон, утомленный трудными подсчетами посещаемости, поднялся наверх, было без четверти двенадцать. Он вошел в комнату, из окон которой днем была видна почти вся долина Блекмур и даже Южный Уэссекс, и приник лицом к стеклу, напряженно всматриваясь в окружающую таинственную тьму и что-то обдумывая.

— Надо, пожалуй, добиться в совете, чтобы сменили поставщика школьных принадлежностей, — сказал он наконец, не оборачиваясь. — Опять прислали совсем не те тетради.

Ответа не последовало. Думая, что Сью только дремлет, он продолжал:

— А еще нужно переделать вентилятор в классной комнате. Ветер нещадно дует мне прямо в голову, я уже застудил уши.

Тишина в комнате казалась более глубокой, чем обычно, и учитель оглянулся. Мрачная и тяжелая дубовая панель, покрывавшая стены на обоих этажах обветшалого Олд-Гроув-Плейс, и поднимавшийся до потолка массивный камин

составляли резкий контраст с новой блестящей медной кроватью и гарнитуром березовой мебели, которую он купил для Сью; стили двух разных эпох приветствовали друг друга через три столетия, соседствуя на одном и том же шатком полу.

— Су! — позвал Филотсон. Так он обычно произносил ее имя.

Сью не было в постели, но, очевидно, она только что лежала там, так как одеяло с ее стороны было откинуто. Думая, что она спустилась на минуту в кухню, Филотсон снял сюртук, подождал несколько минут, потом вышел со свечой на площадку лестницы и снова крикнул:

— Су!

— Да! — раздался голос из кухни.

— Что ты там возишься ночью? Только утомляешься понапрасну.

— Мне не хочется спать. Я читаю, а здесь светлее.

Филотсон лег. Когда он проснулся среди ночи, Сью все еще не было. Он поспешно зажег свечу, вышел на площадку и опять позвал ее.

Как и в первый раз, она ответила: «Да», — но голос прозвучал так глухо, что Филотсон сперва не понял, откуда он исходит. Казалось, он шел из-под лестницы, где был небольшой чулан без

окна. Дверь чулана была приоткрыта, она не запиралась на ключ. Встревоженный учитель подошел к чулану, спрашивая себя, уж не помешалась ли вдруг его жена.

— Что ты здесь делаешь?

— Я устроилась тут, чтобы не беспокоить тебя так поздно.

— Но ведь тут нет кровати, да и дышать нечем! Ты задохнешься тут ночью.

— Да нет же! Не беспокойся, пожалуйста.

— Но как же… — Филотсон дернул дверь за ручку.

Изнутри она оказалась привязанной бечевкой, которая лопнула от его рывка. Кровати в чулане действительно не было, но Сью набросала в угол каких-то ковриков и устроила из них род гнездышка.

Когда Филотсон заглянул в дверь, она, вся дрожа, с расширенными от испуга глазами вскочила с этого ложа.

— Зачем ты открыл дверь? — крикнула она. — Это так не похоже на тебя! Прошу тебя, уйди! Ну пожалуйста!

В ночной рубашке, белеющей в полутьме чулана, Сью казалась такой жалкой и беззащитной, что Филотсон совсем растерялся. А она продолжа-

ла упрашивать, чтобы он оставил ее в покое.

— Я всегда был к тебе добр и не стеснял тебя ни в чем, — сказал он. — Это просто чудовищно — так относиться ко мне!

— Я знаю, это дурно и грешно, — заплакала она. — Мне самой неприятно, но не я одна тут виновата.

— Кто же еще? Уж не я ли?

— Не знаю! Должно быть, весь мир, все устои жизни, ужасные и жестокие.

— Бесполезный разговор! Можно ли устраивать мужу такие сцены, да еще по ночам! Того и гляди, услышит Элиза. (Он имел в виду служанку.) Ты только подумай — что, если бы нас сейчас увидел кто-нибудь из наших священников?! Я терпеть не могу таких чудачеств, Сью. У тебя нет ни благоразумия, ни выдержки. Навязываться тебе я больше не собираюсь, но советую не закрывать дверь слишком плотно, а то к утру ты совсем задохнешься.

Встав на следующий день, Филотсон тотчас же заглянул в чулан, но Сью там уже не было. Над ее постелью в углу свисала с потолка паутина.

«Какое отвращение ко мне испытывает эта женщина, если оно пересиливает даже страх перед пауками», — с горечью подумал он.

Он застал Сью за столом, и завтрак их начался почти в полном молчании; прохожие приветливо кивали счастливой парочке, шагая мимо дома по мостовой или, вернее сказать, по дороге, лежавшей фута на три выше пола комнаты.

— Ричард, — внезапно начала Сью, — что, если я буду жить сама по себе?

— Но ведь именно так ты и жила, пока мы не поженились. Зачем же тогда было выходить замуж?

— Мой ответ вряд ли будет приятен тебе.

— Ничего, я хочу знать.

— Затем, что другого выхода у меня не было. Если помнишь, ты заручился моим согласием задолго перед тем. Потом я стала жалеть об этом и искала честный способ отказать тебе, но ничего не могла придумать. Я вела себя легкомысленно и старалась не думать о приличиях. Потом, как ты знаешь, пошли скандальные слухи, и меня исключили из педагогической школы, куда ты подготовил и с таким трудом устроил меня. Я испугалась и решила, что единственный выход — это оставить в силе нашу помолвку. Конечно, мне меньше, чем кому-либо, надо было обращать внимание на сплетни, я ведь всегда воображала, что не боюсь их. Но на деле я оказалась трусихой,

как многие женщины, и моя теория презрения к условностям потерпела крах. Не случись этого, было бы, конечно, порядочнее раз в жизни оскорбить, твои чувства, чем делать это постоянно, став твоей женой… Ты к тому же был так благороден, что ни на минуту не поверил сплетням.

— Должен честно признаться, я взвесил их вероятность и даже расспрашивал твоего кузена.

— А-а! — с болезненным изумлением протянула Сью.

— Я не сомневался в тебе.

— И все-таки решил расспросить?

— Но я поверил ему на слово!

— Он бы спрашивать не стал! — прошептала Сью, и глаза ее наполнились слезами. — Но ты так и не ответил на мой вопрос. Можно мне уехать? Я знаю, что не должна просить об этом…

— Да, не должна.

— И все-таки я прошу! Законы семейной жизни должны соответствовать характерам людей, а их необходимо как-то различать. Если признать, что люди разнятся темпераментами, то одни должны страдать от тех самых правил, которые удобны для других… Ты отпустишь меня?

— Но ведь мы женаты.

— Что толку в законах и обрядах, если они де-

лают тебя несчастным, а ты знаешь, что ни в чем не виноват! — воскликнула Сью.

— Твоя вина в том, что ты меня не любишь.

— Да нет же, люблю! Я только не думала, что потребуется нечто… гораздо большее. Когда мужчина и женщина живут супружеской жизнью и один из них чувствует то, что чувствую я, их близость все равно что прелюбодеяние, хотя бы и узаконенное. Ну вот, я сказала все, что хотела… Ты отпустишь меня, Ричард?

— Твоя настойчивость удручает меня, Сюзанна!

— Но почему же нельзя дать друг другу свободу? Мы заключили договор, мы вправе его расторгнуть, если не по закону, то во всяком случае, морально, тем более что нас не связывают никакие общие интересы, как, например, забота о детях. Можно ведь остаться друзьями и встречаться потом, не испытывая никакой горечи. О Ричард, будь мне другом, сжалься! Пройдет немного лет, и мы оба умрем, кому тогда будет дело до того, что ты дал мне свободу раньше времени? Я знаю, ты считаешь меня взбалмошной, чересчур щепетильной и даже нелепой. Пусть так! Но почему я должна страдать из-за того, что я такой родилась, если это никого не затрагивает?

— Как не затрагивает? Это затрагивает меня, ты дала клятву любить меня.

— Ах, вот оно что! Да, я не права. Я всегда не права! Но клясться в вечной любви так же грешно, как давать обет верности одной догме, и так же глупо, как обещать постоянно любить одну и ту же еду или питье!

— Ты собираешься жить одна, уйдя от меня?

— Да, если ты этого потребуешь. Но я собиралась жить с Джудом.

— Как жена?

— Как я захочу.

Филотсона передернуло.

— «Тот, кто предоставляет миру или части мира, к которой принадлежит, выбирать для него план его жизни, — продолжала Сью, — не нуждается ни в каких иных качествах, кроме обезьяньей способности к подражанию». Вот слова Джона Стюарта Милля, я перечитываю их вновь и вновь. Почему бы тебе не руководствоваться ими? Я решила это делать всегда.

— Что мне Джон Стюарт Милль! — простонал Филотсон. — Я хочу жить спокойно. Прости, что я об этом говорю: я только теперь догадался о том, что ты любишь и всегда любила Джуда Фаули. До свадьбы это мне и в голову не приходило.

— Можешь гадать сколько хочешь. Но неужели ты думаешь, что в таком случае я стала бы просить, чтобы ты отпустил меня к нему?

Школьный звонок избавил Филотсона от необходимости немедленно отвечать на довод, который вовсе не казался ему таким убедительным, каким пыталась представить его Сью, в последнюю минуту уже терявшая мужество. Поведение его жены становилось настолько загадочным и нелепым, что даже такую невероятную просьбу он готов был счесть одной из ее маленьких странностей.

В то утро они отправились в школу, как всегда. Сью прошла в свой класс, и всякий раз, когда Филотсон смотрел в ее сторону, он сквозь стеклянную перегородку видел ее затылок. Спрашивая и объясняя урок, он хмурил брови и морщился от беспокойных мыслей; наконец он оторвал клочок бумаги и написал:

«Твоя просьба не дает мне работать. Я не понимаю, что я делаю! Неужели это серьезно?»

Он несколько раз сложил эту короткую записку и отправил к Сью с одним из своих учеников. Ребенок прошел к ней в класс. Филотсон увидел, как его жена обернулась, взяла записку и склонила над ней свою хорошенькую головку; читая,

она слегка сжала губы, чтобы скрыть выражение лица от любопытных взглядов множества детских глаз. Рук ее он не видел, но вскоре она изменила позу, и малыш вернулся — без ответа. Через минуту, однако, появился один из ее учеников с такой же маленькой запиской, где было нацарапано карандашом несколько слов:

«Мне очень жаль, но просьба моя совершенно серьезна».

Филотсон еще больше встревожился, и меж бровей его опять появилась складка. Через десять минут он подозвал того же малыша и отправил с ним новое послание:

«Видит бог, я не хочу перечить тебе ни в чем сколько-нибудь разумном и думаю только о твоем спокойствии и счастье, но согласиться с такой нелепой выходкой, как намерение жить с любовником, никак не могу. И тебя и меня перестанут уважать и считать порядочными».

Через некоторое время в соседнем классе повторилась та же, сцена, и пришел ответ:

«Я знаю, что ты хочешь мне добра. Но я не желаю быть порядочной! „Человеческое развитие в его бесконечном разнообразии“ (как говорил твой Гумбольдт) для меня намного выше уважения. Не сомневаюсь, что мои взгляды кажутся

тебе безнадежно низменными. Если ты не хочешь отпустить меня к нему, исполни хотя бы такую просьбу: позволь мне жить в твоем доме отдельно от тебя».

На это Филотсон ничего не ответил. Она написала ему вновь:

«Я знаю, что ты думаешь, но неужели у тебя нет жалости? Прошу, умоляю тебя: будь милосерден! Меня вынуждает к этому невыносимость моего положения. Еще ни одна несчастная женщина, наверно, не желала так страстно, как я, чтобы Ева не совершала грехопадения. Тогда, если верить примитивному христианскому учению, рай был бы заселен каким-нибудь невинным растительным способом. Впрочем, мне не до шуток. Будь добр ко мне, если даже я никогда не была добра к тебе. Я уеду за границу, куда угодно, и никогда не обеспокою тебя».

Только примерно через час она получила его ответ:

«Я не хочу причинять тебе боль, и ты отлично это знаешь. Дай мне опомниться. Я склонен согласиться на твое последнее предложение».

От нее пришла строчка:

«Спасибо от всего сердца, Ричард. Я не стою твоей доброты».

Весь день Филотсон растерянно следил за Сью через стеклянную дверь, чувствуя себя таким же одиноким, как до знакомства с ней.

Но он сдержал слово и позволил ей жить в доме отдельно от него. Они встречались за столом, и вначале Сью как будто успокоилась и была довольна такой жизнью. Но неестественность их отношений отзывалась на ее настроении, и каждый нерв в ней был натянут, как струна. Она сбивчиво и беспорядочно говорила о всяких пустяках, чтобы не дать мужу заговорить о главном.

IV

Филотсон, как это часто с ним случалось, засиделся допоздна, просматривая и отбирая материалы для своей давно заброшенной любимой работы о римских древностях. Впервые после долгого перерыва он почувствовал к ней интерес. Увлекшись, он позабыл обо всем на свете, а когда опомнился и поднялся наверх, было уже около двух часов ночи.

Он был так занят своими мыслями, что направился не в ту часть дома, где спал теперь, а в комнату, которую занимал с женой, когда они только что переехали в Олд-Гроув-Плейс, и в которой с момента их размолвки жила Сью. Он вошел и машинально стал раздеваться.

С кровати послышался крик и быстрый шорох. Не успел учитель сообразить, в чем дело, как Сью, дико озираясь спросонок, соскочила с постели и бросилась к окну, наполовину скрытому от Филотсона пологом кровати. В тот же момент он услышал, как она распахнула раму. И прежде чему него мелькнула мысль, что вряд ли она собирается просто проветрить комнату, Сью

вскочила на подоконник и выпрыгнула из окна. Она исчезла во тьме, и Филотсон услышал звук ее падения.

Не помня себя от страха, он ринулся вниз по винтовой лестнице и впопыхах больно ударился о столб. Открыв входную дверь, он взбежал на несколько ступенек вверх до уровня земли, и увидел лежащую на песке белую фигуру. Подхватив Сью на руки, он внес ее в переднюю, посадил на стул и стал осматривать при свете мигавшей на сквозняке свечи, оставленной им на нижней ступеньке лестницы.

Лишь по счастливой случайности Сью не сломала себе шею. Невидящим взором она смотрела на него, и глаза ее, вообще говоря, не такие уж большие, были сейчас огромны. Она потерла бок и руку, — как видно, сильно ушибленные, — потом встала и смущенно отвернулась от его взгляда.

— Слава богу, ты не разбилась насмерть, хотя приложила к этому все старания. Не очень ушиблась, надеюсь?

Ее падение и в самом деле оказалось неопасным, так как окно было не очень высоко над землей. Она отделалась синяком на боку и ссадиной на локте.

— Я, кажется, спала, — проговорила она, все еще не поворачивая к нему лица, — и мне приснилось что-то страшное… Я так испугалась… Мне показалось, что ты…

Она вспомнила, как было дело, и умолкла. На двери висел плащ Сью, и Филотсон закутал в него жену.

— Проводить тебя наверх? — спросил он мрачно, безмерно угнетенный случившимся, чувствуя отвращение ко всему на свете и к себе самому.

— Благодарю тебя, Ричард, мне совсем не больно, дойду и одна.

— Тебе следовало бы запирать дверь, — сказал он, по привычке впадая в назидательный тон, — тогда никто не войдет к тебе даже по рассеянности.

— Я пробовала — она не запирается. У нас все двери не в порядке.

Такое признание не улучшило положения. Сью медленно поднялась по лестнице при свете дрожащего пламени свечи. Филотсон не двигался с места, пока она не скрылась в своей комнате. Затем он запер входную дверь и присел на нижнюю ступеньку лестницы, взявшись одной рукой за столб, а другой закрыв лицо. Так он сидел долго-долго, и вид его каждому внушил бы жалость.

Потом он поднял голову, глубоко вздохнул, видимо, решив, что — с женой или без жены — жизнь его все равно должна идти своим чередом, взял свечу и направился в свою одинокую комнату по другую сторону лестничной площадки.

До следующего вечера в их отношениях все оставалось по-прежнему, но как только в школе кончились занятия, Филотсон ушел из дома, отказавшись от чая и не сказав Сью, куда он идет. Он спустился с холма на северо-запад и шел все дальше и дальше вниз по крутой тропинке, пока сухая беловатая почва у него под ногами не сменилась вязкой красной глиной. Теперь он был на низком наносном берегу,

Где путь указывает Данклифф
И мутный Стаур катит волны.

В надвигающихся сумерках он не раз оглядывался назад. Шестон смутно вырисовывался на фоне неба,

На серых холмах Пэладора,
Когда уходит бледный день…
(Уильям Барнс)

В окнах, одно из которых было его собственное, только что зажглись огни; они, казалось, упорно

следили за ним. Над его окном с трудом различалась остроконечная башня церкви Святой Троицы. Воздух здесь, внизу, был влажный и расслабляющий, смягченный испарениями вязкой глинистой почвы, совсем не такой, как наверху, в городе, так что, пройдя одну-две мили, Филотсон вынужден был вытереть лицо носовым платком.

Он оставил холм Данклифф слева и шел в темноте совершенно уверенно, как в любое время дня и ночи может ходить человек в тех краях, где он провел детство. Он прошел около четырех с половиной миль до того места,

Где Стаур обретает силу,
Питаемый шестью ключами, —
(Дрейтон)

перебрался через приток Стаура и, достигнув Леддентона — городка с тремя-четырьмя тысячами жителей, — направился в школу для мальчиков и постучал в квартиру учителя. Дверь открыл молодой помощник учителя и на вопрос, можно ли видеть мистера Джиллингема, ответил, что тот дома, после, чего немедленно отправился к себе домой, предоставив Филотсону действовать дальше самостоятельно. Филотсон застал своего друга за уборкой книг после вечерних

уроков. При свете керосиновой лампы лицо гостя казалось бледным и измученным по сравнению со спокойно-деловитым лицом Джиллингема. Когда-то, много лет назад, они вместе учились в школе, потом в педагогическом колледже в Уинтончестере.

— Рад тебя видеть, Дик! Но ты что-то неважно выглядишь. Что-нибудь случилось?

Филотсон, не отвечая, прошел в дверь, и Джиллингем, закрыв шкаф, приблизился к своему гостю.

— Ведь ты, кажется, не был у меня с тех пор, как женился? Я заходил как-то к вам, но не застал никого дома, а карабкаться на гору в темноте, по правде говоря, дело нешуточное, вот я и жду, когда дни станут длиннее, чтобы нагрянуть к вам снова. Очень хорошо, что ты не стал меня дожидаться, а сам пришел.

Несмотря на то что оба были образованными и опытными учителями, говоря с глазу на глаз, они частенько употребляли жаргонные словечки своего детства.

— Джордж, я пришел объяснить тебе причину одного решения, которое я собираюсь принять; может, хоть ты поймешь меня, потому что другие, наверно, усомнятся в его правильности. Но

что бы там ни было, все будет лучше моего теперешнего положения. Храни тебя бог от таких переживаний, как у меня!

— Присаживайся. Ты хочешь сказать, что-то произошло между тобой и миссис Филотсон, так, что ли?

— Да. Мое несчастье в том, что я люблю свою жену, а она меня не только не любит, но даже... ну, да что там говорить!.. Мне ясны ее чувства! Лучше бы она меня ненавидела!

— Да что ты!

— И печальнее всего то, что виновата в этом не столько она, сколько я сам. Ты знаешь, она была моей помощницей, и я воспользовался ее неопытностью, приглашал ее на далекие прогулки и склонил к помолвке, убеждая, что женитьба состоится нескоро, — и все это задолго до того, как она разобралась в самой себе. Она встретила потом другого, — но слепо выполнила данное мне обещание.

— Любя другого?

— Да, у нее к нему какая-то особенная участливая нежность. Впрочем, это чувство — загадка для меня, да и для него тоже, а быть может, и для нее самой. Я в жизни своей не встречал такого удивительного создания. Особенно поражают

меня два факта. Во-первых, их необычная взаимная симпатия, какое-то сродство душ, словно они — одно существо, разделенное надвое (возможно, это отчасти объясняется тем, что он ей кузен). И, во-вторых, непреодолимое отвращение ко мне как к мужу, хотя как другом она мною, кажется, дорожит. Выносить это больше нет сил. Она добросовестно старалась себя перебороть, но все напрасно. А я не могу так дальше — не могу! Мне нечего возразить на ее доводы, она в десять раз начитаннее меня, и ум ее сверкает, как бриллиант, а мой тлеет, как оберточная бумага. Куда мне до нее!

— А может, она еще переборет себя?

— Никогда! Я не хочу вдаваться в причины, но знаю, что это невозможно. Кончилось тем, что она преспокойно спросила, можно ли ей бросить меня и уйти к нему. А прошлой ночью дошло до крайности; я случайно вошел к ней в комнату, и она почувствовала такой ужас, что выпрыгнула из окна! Она сказала, будто ей приснился страшный сон, но это так только, чтобы утешить меня. Уж если женщина бросается из окна, рискуя сломать себе шею, тут все ясно, а раз так, то грешно мучить своего ближнего, и я не желаю быть бесчеловечным негодяем, чего бы

мне это ни стоило!

— Как! Ты намерен отпустить ее, да еще с любовником?

— С кем — это уже ее дело. Я отпущу ее, пусть даже с ним, если ей так угодно. Возможно, я неправ и мой поступок нельзя оправдать ни логически, ни с религиозной точки зрения, а тем более согласовать его с принципами, в которых я был воспитан. Я знаю одно: совесть говорит мне, что я поступлю дурно, если откажу ей. Признаюсь, как всякий мужчина, я воспитан в убеждении, что если жена обращается к мужу с такой, как говорится, чудовищной просьбой, то единственно достойный для него выход — это отказать ей, посадить ее под замок в угоду добродетели и, быть может, убить ее любовника. Но что здесь от достоинства и добродетели, а что от подлости и эгоизма? Не берусь судить. Я поступаю согласно своему внутреннему убеждению, а до принципов мне дела нет. Если человек нечаянно попал в трясину и зовет на помощь, я за то, чтобы помочь ему, если возможно.

— Да, но как посмотрят на это соседи, люди? Представь себе, если каждый…

— Ах, оставим философию! Я вижу только то, что у меня перед глазами.

— Так... и все-таки я не одобряю твоего решения, Дик! — сурово сказал Джиллингем. — По правде говоря, я просто поражен, как может такой уравновешенный, обстоятельный человек, как ты, хоть на миг склониться к подобному безрассудству. Ты говорил, что в жене твоей много непонятного и странного, но мне кажется, это больше относится к тебе самому!

— А в твоей жизни было так, чтобы женщина, заведомо порядочная, на коленях умоляла тебя о милости, просила отпустить ее?

— Слава богу, нет!

— Тогда ты едва ли вправе судить. Мне вот довелось попасть в такое положение, и в этом-то все и дело. Надо иметь в себе хоть каплю мужества и достоинства, чтобы признать это. Я многие годы жил холостяком и даже не подозревал о том, что, приведя женщину в церковь и надев ей на палец кольцо, стану виновником постоянной, повседневной трагедии, которая выпала на нашу с ней долю.

— Ну, хорошо, я готов согласиться, что можно отпустить ее при условии, что она будет жить одна, но если она уйдет к любовнику — это же совсем другое дело.

— Ничуть. Ведь она скорее, как мне кажется,

предпочтет свое нынешнее жалкое положение обещанию жить с ним врозь. Пусть решает сама. Это ведь совсем не то, что изменить мужу, продолжать жить с ним вместе и обманывать его… Между прочим, она вовсе не сказала определенно, что будет жить с ним как жена, хотя мне кажется, именно к этому идет дело… Насколько я понимаю, их чувство не низменное, не чисто плотское, вот в чем беда, потому что такая связь может оказаться прочной. Я не думал посвящать тебя в это, но в первые недели после женитьбы, когда ревность еще мешала мне рассуждать здраво, я как-то вечером спрятался в школе, когда они были там вдвоем, и подслушал их разговор. Теперь мне стыдно вспоминать об этом, хотя, по-моему, я всего-навсего осуществлял свое законное право. Так вот, мне пришлось тогда убедиться, что их связывает какое-то необычайное духовное сродство и взаимопонимание, исключающее всякий намек на непристойность. Их высшее желание — быть вместе, делиться переживаниями, надеждами, мечтами…

— Платоническая любовь!

— Нет. Уж скорее как у Шелли. Они напоминают мне этих… как же их имена… Лаона и Цитну или, пожалуй, Поля и Виргинию. Чем больше я

думаю, тем больше склоняюсь на их сторону.

— Но если бы все так поступали, это привело бы к полному распаду семейных устоев. Семья перестала бы существовать как общественная ячейка.

— Да, я совсем запутался, — грустно сказал Филотсон. — Я ведь, если помнишь, никогда не был силен в спорах. И все-таки непонятно, почему женщина с детьми, но без мужа не может быть этой самой ячейкой.

— Вот тебе на! Матриархат!.. И она тоже так рассуждает?

— О нет. Она и не подозревает, что за последние полсуток я кое в чем перещеголял ее!

— Но это же вызов общественному мнению! Боже милостивый, вот будет разговоров в Шестоне!

— Возможно. Не знаю, просто не знаю!.. Как я уже сказал, я человек сердца, а не рассудка.

— Ладно! — сказал Джиллингем. — Давай запьем это дело и не будем принимать его близко к сердцу.

Он принес из кладовой бутылку сидра, и оба основательно к ней приложились.

— Ты, по-моему, расстроен и немного не в себе, — продолжал Джиллингем. — Возвращайся-ка домой и постарайся примириться с причудами

жены. Только не отпускай ее. Я со всех сторон слышу, что она у тебя просто очаровательна.

— О да! В том-то все и горе! Однако я не могу больше задерживаться, ведь мне еще столько идти до дому.

Провожая Филотсона, Джиллингем прошел с ним около мили и, прощаясь, выразил надежду, что, несмотря на необычность их сегодняшней беседы, она послужит к возобновлению их старой дружбы.

— Смотри же, не отпускай ее! — крикнул он из темноты вслед Филотсону.

— Да, да! — донеслось в ответ.

Но когда Филотсон остался один под покровом ночи, в полной тишине, нарушаемой лишь журчаньем ручейков, сбегавших в Стаур, он прошептал:

— Итак, дружище Джиллингем, у тебя не нашлось более убедительных доводов!

А Джиллингем, возвращаясь домой, бормотал:

— Выпороть ее хорошенько, чтобы опомнилась, — вот и все!

Наутро за завтраком Филотсон сказал Сью:

— Можешь уходить с кем хочешь. Даю тебе полное и безоговорочное согласие.

Придя к такому заключению, он все больше

и больше убеждался в его правильности. Спокойное сознание, что он исполняет долг перед женщиной, которая находится всецело в его власти, заглушало в нем тоску расставания с ней.

Прошло несколько дней, и настал вечер, когда они в последний раз сели ужинать вместе. Небо было облачное, дул ветер, редко затихающий в этой возвышенной местности. В памяти Филотсона надолго запечатлелась тонкая гибкая фигурка Сью, когда она вышла в тот вечер к чаю, ее бледное, осунувшееся лицо с выражением трагической обреченности, сменившей ее былую жизнерадостность, и то, как она, сидя за столом, бралась то за один, то за другой кусок, но ничего не могла есть. Ее нервность объяснялась боязнью как-нибудь задеть Филотсона, хотя на посторонний взгляд могло показаться, что она недовольна необходимостью терпеть общество Филотсона и в эти последние минуты.

— Ты бы съела ветчины или яйцо, взяла бы что-нибудь к чаю. Нельзя же отправляться в дорогу, не съев ничего, кроме хлеба с маслом!

Она взяла ломтик ветчины; разговор шел лишь об обычных хозяйственных делах: где лежат ключи от шкафов, какие счета оплачены и все такое прочее.

— Я ведь холостяк по натуре, Сью, — сказал Филотсон, мужественно стараясь рассеять ее смущение. — Мне не так уж скучно будет без жены, не то что другим мужчинам, которые быстро привыкают к семейной жизни. К тому же меня сейчас увлекает мысль написать книгу «Римские древности в Уэссексе», это заполнит мой досуг.

— Если ты пришлешь мне часть рукописи для переписки, я охотно сделаю это, как прежде, и в любое время, — с кроткой готовностью сказала она. — Мне очень хотелось бы чем-нибудь помочь тебе… как другу.

— Нет, — после некоторого раздумья сказал Филотсон, — если уж расставаться, так совсем. Вот почему я не спрашиваю тебя ни о твоих намерениях, ни даже об адресе. Кстати, тебе в дорогу нужны деньги. Сколько тебе дать?

— Что ты, Ричард! У меня и в мыслях не было уезжать от тебя на твои деньги! Да мне деньги и не нужны, на первых порах мне хватит своих, а там поможет Джуд…

— О нем я ничего не хотел бы слышать. Ты абсолютно свободна и можешь действовать по своему усмотрению.

— Я хочу только сказать, что я взяла с собой две смены белья и кое-что из моих личных вещей.

Прошу тебя, загляни в мой чемодан, пока он не заперт. Кроме того, есть еще небольшой сверток, который пойдет в чемодан Джуда.

— С какой стати я буду осматривать твой багаж! Я готов отдать тебе три четверти всех вещей, чтобы они не обременяли меня. Мне дороги только вещи, принадлежавшие моим родителям. Все остальное можешь забрать, когда тебе вздумается.

— Этого я никогда не сделаю.

— Твой поезд отходит в половине седьмого? Сейчас без четверти шесть.

— Ты… Ты, кажется, не очень огорчен, что я уезжаю, Ричард?

— Пожалуй, что нет.

— Я очень, очень признательна тебе за то, что ты так поступил. Как ни странно, но с тех пор, как ты опять стал для меня не мужем, а только моим старым учителем, я почувствовала, как сильно привязана к тебе. Не буду уверять, что это любовь, ты знаешь, что нет, но ты дорог мне как друг. Во всяком случае, я действительно считаю тебе своим другом.

Сью прослезилась при этих словах, но тут как раз подошел омнибус, идущий на станцию. Филотсон уложил наверх ее багаж, помог ей сесть

и сделал вид, будто целует ее на прощанье: она поняла его и ответила тем же. Видя, как спокойно они прощаются, кондуктор омнибуса решил, что Сью уезжает куда-нибудь погостить.

Вернувшись домой, Филотсон поднялся наверх и открыл окно, выходящее в ту сторону, куда ушел омнибус. Стук колес скоро замер вдали. С искаженным, как от боли, лицом Филотсон спустился вниз, надел шляпу, и выйдя из дома, прошел около мили в том же направлении. Потом внезапно повернул и пошел обратно.

Не успел он войти в дом, как из комнаты окнами на улицу раздался голос Джиллингема:

— Я никак не мог достучаться, увидел, что дверь открыта, вошел и устроился здесь. Я ведь обещал зайти, помнишь?

— Да, Джиллингем, и я очень рад, что ты пришел именно сегодня.

— Как поживает миссис…

— Очень хорошо. Она уехала — только что уехала. Вот чашка, из которой она пила всего час назад, а вот тарелка, с которой… — Он почувствовал комок в горле и, отвернувшись, молча стал сдвигать посуду в сторону. — Кстати, ты пил чай? — через некоторое время спросил он более твердым тоном.

— Нет… то есть да… Но это неважно, — в замешательстве проговорил Джиллингем. — Так ты говоришь, она уехала?

— Да… Я жизнь за нее готов отдать и не могу поступить с нею жестоко даже именем закона. Как я понял, она уехала к своему возлюбленному. Не знаю, каковы их намерения. Знаю только, что дал ей полное согласие на все.

Филотсон произнес это так твердо и убежденно, что Джиллингем счел за лучшее воздержаться от возражений.

— Может, мне уйти? — спросил он.

— Нет, нет. Очень хорошо, что ты пришел. Сейчас мне надо убрать кое-какие вещи. Ты поможешь мне?

Джиллингем согласился; учитель прошел с ним наверх и принялся вынимать из комода оставленные женой вещи и укладывать их в большой баул.

— Она не захотела взять с собой все, что я предлагал. Но раз уж я решился дать ей свободу, пусть так и будет.

— Немногие мужчины пошли бы на такое.

— Я все обдумал и больше не намерен обсуждать этот вопрос. Я держался и держусь самых старозаветных понятий о браке и, в сущности,

никогда не задумывался над его нравственной стороной. Но, столкнувшись лицом к лицу с некоторыми фактами, я был не в силах им противостоять.

Они продолжали молча укладывать вещи. Потом Филотсон закрыл баул и запер его на ключ.

— Так, — сказал он. — Теперь она будет наряжаться для другого! Для меня — уже никогда!

V

За сутки до этого Сью написала Джуду следующее письмо:

> «Все произошло, как я говорила; уезжаю завтра вечером. Мы с Ричардом решили, что в сумерках это все будет не так заметно посторонним. Мне что-то страшно, а потому прошу тебя выйти к поезду, который приходит в Мелчестер, встретить меня. Я приеду около семи часов. Уверена, что ты сделаешь это, дорогой Джуд, но все-таки мне тревожно, так что, пожалуйста, не опаздывай. Он был так добр ко мне.
>
> До скорого свидания!
>
> С.»

Когда омнибус увозил ее — единственную в этот вечер пассажирку — все дальше и дальше от города на холме, она печально смотрела на убегающую назад дорогу, но в лице ее не было и тени нерешительности.

Поезд, с которым она уезжала, останавливался

на станции только по требованию, и странно было видеть, что вся эта организованная мощь — целый железнодорожный состав — должен был замереть на месте ради нее одной — жены, сбежавшей от своего законного мужа.

Двадцатиминутное путешествие подходило к концу, и она стала собирать вещи, готовясь к выходу. Когда поезд остановился у платформы в Мелчестере, чья-то рука толкнула дверь вагона, и Сью увидела Джуда. Он быстро вошел в купе. На нем был темный праздничный костюм, в руках черный саквояж. Он выглядел совсем красавцем, и глаза его светились горячей любовью к ней.

— О Джуд! — воскликнула она, сжимая обеими руками его руку и всхлипывая от долго сдерживаемого волнения. — Как я рада! Мне выходить?

— Нет, дорогая, я уложил свои вещи и еду с тобой. Кроме этого саквояжа, у меня есть еще большой баул, он в багаже.

— Не выходить? Разве мы не останемся тут?

— Видишь ли, это невозможно. Нас — меня, по крайней мере, — здесь хорошо знают, так что я взял билеты до Олдбрикхема и для себя и для тебя, потому что твой годен только до этой станции.

— А я-то думала, мы останемся здесь, — повторила Сью.

— Об этом не может быть и речи.

— Да, пожалуй…

— Я не успел предупредить тебя о том, куда я решил перебраться. Олдбрикхем гораздо крупнее Мелчестера, в нем шестьдесят или семьдесят тысяч жителей, и о нас там никто ничего не знает.

— Значит, ты бросил работу в здешнем соборе?

— Да. Это вышло как-то вдруг, ведь твое письмо пришло неожиданно. Строго говоря, меня могли заставить доделать недельное задание, а отпустили только потому, что я отговорился крайней необходимостью. По твоему зову, дорогая, я бросил бы работу в любой день. Да и чего бы я не бросил ради тебя!

— Боюсь, что я причиняю тебе много зла. Испортила твою церковную карьеру, теперь мешаю успеху в твоем ремесле — всему мешаю!

— Церковь для меня, больше не существует! Не стоит говорить о ней. Мне не бывать

В рядах воителей святых, что ввысь
Стремятся в пламенном горенье веры
И мнят блаженство обрести, —

если только такое существует. Мое блаженство не на небесах, а здесь.

— И все-таки я, наверно, очень дурная, что так

коверкаю людские жизни! — воскликнула Сью, заражаясь его волнением.

Но когда они проехали миль десять, душевное равновесие вернулось к ней.

— Он был так добр, что разрешил мне уехать, — заговорила она вновь. — А вот записка для тебя, я нашла ее у себя на туалете.

— Да, он неплохой человек, — согласился Джуд, мельком пробегая записку. — Мне стыдно, что я ненавижу его за эту женитьбу.

— По всем правилам женского непостоянства я, наверное, должна сразу влюбиться в него за то, что он так неожиданно и великодушно отпустил меня, — улыбнулась Сью. — Но, видимо, мне не хватает тепла, чувства благодарности или чего-то еще, так что даже такое благородство не вызывает во мне ни любви, ни раскаяния, ни желания оставаться его женой, хоть я и одобряю такую широту взглядов и уважаю его больше, чем прежде.

— Будь он не так добр, тебе пришлось бы бежать из дому вопреки его воле, и все сложилось бы для нас куда хуже, — пробормотал Джуд.

— Ну, этого бы я никогда не сделала!

Джуд задумчиво посмотрел ей в лицо. Потом вдруг поцеловал ее и хотел поцеловать еще.

— Нет. Только один раз… ну, прошу тебя, Джуд.

— По-моему, это жестоко! — возразил он, но покорился. — Представь, какая странная вещь, — помолчав, продолжал он. — Арабелла просит дать ей развод из добрых к ней чувств, как она пишет. Она хочет стать законной супругой того человека, с которым жила все это время, и просит помочь ей в этом.

— Ну и что ты ей ответил?

— Согласился. Сперва я боялся, как бы не повредить ей, если вдруг откроется дело о ее вторичном браке, — ведь я вовсе не желаю ей зла. В конце концов, она, наверное, ничем не хуже меня! Но здесь об этом деле ничего не известно, так что, вероятно, процедура развода будет несложной, и если она хочет начать новую жизнь, то у меня есть все основания не препятствовать ей.

— И тогда ты будешь свободен?

— Да, свободен.

— Куда же мы едем? — вдруг спросила она с отличавшей ее в этот вечер рассеянностью.

— В Олдбрикхем, я уже говорил.

— Но ведь мы приедем туда очень поздно?

— Да, я об этом подумал и заказал по телефону номер в гостинице Общества трезвости.

— Один?

— Да, один.

Сью взглянула на него.

— Ах, Джуд, — она беспомощно припала головой к вагонной стенке, — я так боялась, что ты сделаешь это и что я ввожу тебя в заблуждение! Но, право, я не это имела в виду!

Наступила пауза. Джуд: обескураженно уставился на противоположную скамейку.

— Н-да… — сказал он. — Н-да…

И снова умолк. Видя, как он расстроен, Сью прижалась лицом к его щеке и прошептала:

— Ну не сердись же на меня, милый.

— Нет, нет, ничего, — ответил он. — Я просто считал… Ты что же, вдруг передумала?

— Ты не имеешь права задавать мне такой вопрос, и я не стану на него отвечать, — с улыбкой сказала она.

— Дорогая моя, твое счастье мне дороже всего, и твоя воля для меня закон, хотя часто мне кажется, что мы вот-вот поссоримся. Не такой уж я эгоист, надеюсь. Пусть будет по-твоему! Только, быть может, дело тут не в условностях, а в том, что ты меня просто не любишь! Хоть ты и научила меня ненавидеть условности, но уж лучше условности, чем то, другое!

Даже в эту располагающую к откровенности минуту Сью не могла до конца раскрыть перед

ним, что, собственно, происходит в ее сердце, и поспешила найти уклончивый ответ.

— Отнеси это за счет моей застенчивости, естественного для женщины смущения в такой критический момент. Я, как и ты, могу считать себя вправе с сегодняшнего дня жить с тобой так, как ты предполагал. Я даже могу думать, что в разумно устроенном обществе вопрос об отце ребенка будет таким же личным делом женщины, как покрой ее белья, и она ни перед кем не будет обязана в этом отчитываться. Но сейчас я хочу лишь одного — быть чуточку посдержанней, отчасти, наверное, потому, что своей свободой я обязана великодушию Филотсона. Если б я сбежала из дому по веревочной лестнице, а он гнался бы за нами с пистолетом — тогда другое дело, и я вела бы себя иначе. Не торопи и не осуждай меня, Джуд! Допустим, что у меня не хватает смелости поступать согласно моим убеждениям. Я знаю, я жалкая и ничтожная, у меня нет твоей страстности.

— Я думал… Ну, в общем, понятно, что я думал, — только и ответил он. — Но пусть будет по-твоему. Филотсон, конечно, тоже думал, как я. Вот послушай, что он пишет.

Джуд развернул привезенную ею записку и

прочел вслух:

— «Ставлю Вам единственное условие — будьте ласковы и снисходительны к ней. Я знаю, что Вы ее любите. Но порой и любовь бывает жестокой. Вы созданы друг для друга, это очевидно — для всякого беспристрастного человека. В моей короткой семейной жизни Вы с самого начала были „незримым третьим“. Еще раз прошу Вас: берегите Сью!»

— Какой он хороший, правда? — сказала она со слезами в голосе. — Он так покорно отпустил меня… Пожалуй, даже слишком покорно, — добавила она, подумав. — Я никогда не была так близка к тому, чтобы полюбить его, как в те минуты, когда он заботливо собирал меня в дорогу и предлагал мне денег. И все же я его не полюбила. Если б я могла хоть чуть-чуть любить его как жена, я вернулась бы к нему даже теперь.

— Но ведь ты его не любишь?

— Да, это правда… Ужасная правда! Я его не люблю.

— Боюсь, что и меня тоже! — раздраженно вырвалось у Джуда. — Да и вообще никого, наверно! Когда я сержусь на тебя, Сью, порою мне кажется, что ты неспособна на настоящую любовь.

— Ну, это несправедливо, не ожидала услышать

от тебя такое! — воскликнула она и, отодвинувшись от него подальше, сурово уставилась в темноту за окном. Потом, не оборачиваясь, добавила обиженным тоном: — А если мое чувство к тебе совсем не такое, как у некоторых? Быть с тобой для меня утонченнейшее наслаждение, и я не хочу его усиливать, не хочу идти дальше, рискуя потерять все. Я хорошо понимаю риск, с каким связано всякое сближение женщины с мужчиной. Но ведь мы-то с тобой не просто женщина и мужчина, вот я и решила довериться тебе, зная, что мое желание для тебя дороже своего. Джуд, милый, давай не будем больше говорить об этом.

— Ну конечно, раз тебя начинают терзать угрызения совести… Но ты все-таки любишь меня, Сью? Ну скажи, что любишь! Скажи, что чувствуешь ко мне хоть четверть, хоть одну десятую того, что я чувствую к тебе, мне и этого будет довольно!

— Я же позволила тебе поцеловать меня, этим все сказано.

— Всего-то один разочек!

— Не жадничай!

Он откинулся назад и долго сидел так, не глядя на нее. Ему вспомнился эпизод из ее прошлого, который она ему рассказала, — история несчаст-

ного кристминстерского студента, — и он думал о том, что, видимо, теперь настал его черед пройти через те же муки.

— Странно как-то выглядит твое бегство от мужа! — прошептал он. — А может, я только слепое орудие в твоей игре с Филотсоном? Честное слово, невольно подумаешь так, глядя на твой чопорный вид.

— Я запрещаю тебе сердиться! — нежно прошептала Сью, поворачиваясь и придвигаясь к нему. — Ты ведь все-таки поцеловал меня, и, не скрою, мне было приятно. Только больше я пока не хочу, не в таком я сейчас настроении, как ты этого не понимаешь!

Он просто не мог противиться её просьбам, и она отлично это знала. Некоторое время они сидели рядом, взявшись за руки, пока новая мысль не заставила ее встрепенуться.

— Я не могу ехать в эту гостиницу после твоей телеграммы!

— Почему?

— Неужели ты не понимаешь!

— Ну хорошо, в городе, конечно, найдутся и другие гостиницы. С тех пор как из-за какого-то глупого скандала ты вышла замуж за Филотсона, мне иной раз кажется, что под личиной незави-

симых взглядов ты остаешься такой же рабой ходячей морали, как любая другая женщина.

— Во всяком случае, не духовно. Впрочем, я уже сказала: на практике я куда трусливее, чем в теории. А замуж я вышла не только из-за скандала. В женщине желание быть любимой часто заглушает голос совести, и хотя ей претит мысль о том, что она жестоко поступает с мужчиной, она поощряет его любовь даже тогда, когда она нисколько его не любит. Позже, видя его страдания, она начинает раскаиваться и готова на все, чтобы искупить свою вину.

— Другими словами, ты безжалостно флиртовала с беднягой Филотсоном, потом в тебе заговорила совесть, и ты попыталась загладить свою вину, выйдя за него замуж и чуть не замучив себя до смерти?

— Да, грубо говоря, так оно и было… Это, да к тому же скандал… Да еще ты скрыл от меня то, что должен был сказать раньше.

Он увидел, что она расстроена и вот-вот заплачет от его замечаний, и принялся утешать ее:

— Полно, моя хорошая… Прости меня! Или казни, если хочешь. Ты же знаешь: что бы ты ни делала, ты для меня все на свете!

— Нет, я дурная и беспринципная, и ты это

знаешь, конечно, — сказала она сквозь слезы.

— Я знаю одно — что ты моя дорогая Сью, и никто и ничто в мире не разлучит меня с тобой!

При всей своей умудренности во многих вопросах Сью все еще оставалась таким ребенком, что эти слова утешили ее, и к концу пути они снова были в прекрасном настроении. Около десяти часов поезд прибыл в Олдбрикхем — главный город Северного Уэссекса. Так как Сью не захотела остановиться в гостинице Общества трезвости из-за его телеграммы, Джуд навел справки, и какой-то парень вызвался проводить их в отель «Джордж» и свез туда на тележке их багаж; это оказалась та самая гостиница, где Джуд останавливался с Арабеллой, когда они встретились после многих лет разлуки.

Озабоченный их устройством, Джуд не сразу узнал это место, тем более что они вошли с другого входа. Заняв каждый свой номер, они спустились вниз поужинать. Воспользовавшись минутной отлучкой Джуда, официантка обратилась к Сью:

— Мне помнится, мэм, что ваш родственник, или друг, или кем он там вам приходится, уже останавливался у нас как-то, он приехал так же поздно, как сегодня, и с ним была жена, эдакая

леди, совсем на вас не похожая…

— Да? — с замиранием сердца проговорила Сью. — Должно быть, вы ошибаетесь! Давно это было?

— Месяца два назад. Такая дородная, красивая женщина. Они занимали вон ту комнату.

Когда Джуд вернулся и сел за ужин, у Сью был унылый и жалкий вид.

— Джуд, — печально сказала она, прощаясь с ним на лестничной площадке, — нам с тобой что-то не так хорошо, как раньше! Мне здесь не нравится — противное место! И тебя я люблю меньше, чем любила.

— Ты чем-то расстроена, дорогая? Откуда такая перемена в настроении?

— Жестоко было привозить меня сюда!

— Почему?

— Ты был здесь недавно с Арабеллой, вот почему!

— Боже мой!.. — сказал Джуд, озираясь. — Верно, это та самая гостиница! Но я же этого не знал, Сью. И почему это жестоко, раз мы находимся здесь сейчас просто как родственники?

— Скажи мне, когда это было. Ну, говори же!

— Накануне того дня, когда мы с тобой встретились в Кристминстере и вернулись вместе

Мэригрин. Я же тебе говорил, что виделся с нею.

— Ты говорил только, что виделся с нею, но не сказал мне всего. По твоим словам выходило, что вы встретились как чужие, совсем не как муж и жена, и что ты с нею не мирился.

— Мы и не мирились, — печально произнес Джуд. — Мне трудно это объяснить, Сью.

— Ты меня обманул! Ты, моя последняя надежда! Я никогда тебе этого не прощу, никогда!

— Но ведь ты же сама хочешь, дорогая, чтобы мы были друзьями, а не любовниками. Это так непоследовательно…

— Можно ревновать и друга!

— Я тебя не понимаю. Мне ничего не разрешается, а тебе я должен разрешить все. В конце концов, ты тогда была в хороших отношениях со своим мужем.

— Нет, не была. Как ты можешь так думать, Джуд! Ты хоть и не намеренно, но обманул меня.

Она так расстроилась, что Джуду пришлось увести ее в номер и прикрыть дверь, чтобы их никто не услышал.

— Это та самая комната? По лицу твоему вижу, что та. Я не желаю здесь оставаться. Какое вероломство — сойтись опять с ней! А я-то прыгала из окна!..

— Но послушай, Сью, ведь она как-никак была моей законной женой, если не…

Сью упала на колени перед кроватью, зарылась лицом в одеяло и заплакала.

— Никогда еще не видел такого безрассудства! Вот уж поистине собака на сене, — не удержался Джуд. — Ни к тебе не подступись, ни к кому другому!

— Ну как же ты не понимаешь? Ну почему? А я-то прыгала из окна! Почему ты такой грубый?

— Прыгала из окна?

— Я не могу этого объяснить!

Он действительно плохо понимал ее. Но все же кое-что понял и стал любить еще больше.

— Я-то думала, ты с тех пор никого не любил, не хотел никого на свете, — продолжала Сью.

— Это так и есть. Не любил и не люблю, — ответил Джуд, расстроенный не меньше, чем она.

— Но ты, наверное, много думал о ней! Иначе…

— Да нет, зачем же… Ты тоже меня не понимаешь, с женщинами вечно так! Чего ради поднимать столько шуму из-за пустяков?

Подняв голову от одеяла, Сью сказала с обидой:

— Если б не это, я, может, и согласилась бы остановиться в гостинице Общества трезвости, — как ты хотел, ведь я уже почти свыклась с мыслью,

что я твоя!

— Это не имеет значения, — сухо отозвался Джуд.

— Я считала, что Арабелла тебе больше не жена, раз она по своей воле ушла от тебя столько лет назад. Такая разлука, как ваша или моя с Ричардом, — это, по-моему, конец брака.

— Больше я ничего не могу сказать, не задевая Арабеллу, а отзываться о ней дурно не хочу. Все же должен сказать тебе одно — и, по-моему, это решает дело. Она вышла замуж за другого самым настоящим образом. Я узнал об этом только при встрече с нею здесь.

— Вышла за другого? Но это же преступление… По крайней мере, так принято считать, хотя никто не думает этого всерьез.

— Ну вот, теперь я узнаю в тебе прежнюю Сью. Да, это преступление, как ты сама это признаешь, хотя и убеждаешь себя в противном. Но я никогда не донесу на Арабеллу! Особенно теперь, когда угрызения совести заставили ее просить у меня развода, чтобы законно оформить новый брак. Так что сама понимаешь, я вряд ли когда-нибудь еще увижусь с ней.

— И ты в самом деле ничего не знал, когда встретился с ней? — уже мягче спросила Сью,

вставая с колен.

— Ничего. Принимая это во внимание, тебе, право, не следует сердиться, моя милая.

— Я не сержусь. Но в гостиницу Общества трезвости не пойду.

— Ну и ладно! — засмеялся он. — С меня довольно и того, что мы вместе. Я, ничтожный смертный, большего и не заслуживаю, ведь для меня ты словно призрак — бесплотный, нежный и дразнящий. Когда я обнимаю тебя, мои руки, кажется, вот-вот пройдут сквозь твое тело, — как сквозь воздух. Прости мне мою, как ты это называешь, грубость и помни: нас завела в ловушку игра в родственные чувства, когда на самом деле мы были чужими. Вражда между нашими родителями придавала тебе в моих глазах особую привлекательность, с какой не сравнится обычная новизна знакомства.

— Прочти мне эти чудесные строчки из «Эпипсихидиона» Шелли, они будто обо мне написаны, — попросила она, становясь с ним рядом. — Ты знаешь их?

— Я почти ничего не знаю наизусть, — уныло ответил он.

— Да? Вот они:

Там было существо, его мой дух

Встречал в своих скитаньях в небесах

.

.

Для человека слишком хрупок, серафим

Был в женском лучезарном облике сокрыт…

Нет, это слишком лестно для меня, не буду дальше читать. Но скажи мне, что это я. Ну скажи!

— Это так и есть, дорогая, это в точности ты.

— Тогда я тебя прощаю! Можешь поцеловать меня вот тут. — Она осторожно приложила палец к щеке. — Только чтоб поцелуй был недолгий.

Он послушно выполнил ее приказание.

— Ты ведь очень любишь меня, правда? Хоть сама-то я не… Ну, да ты понимаешь!

— Да, моя радость! — сказал он со вздохом и, пожелав ей спокойной ночи, ушел.

VI

Когда Филотсон вернулся учительствовать в свой родной Шестон, жители города приняли в нем участие и, по старой памяти, встретили его с искренним почтением, хоть и не сумели оценить по достоинству его разнообразных познаний, как оценили бы, вероятно, где-нибудь в другом месте. А когда вскоре после приезда он ввел в свой дом хорошенькую жену, они и ее встретили радушно, отметив, однако, про себя, что уж слишком она хорошенькая, и горе ему, если он не будет как следует присматривать за ней.

Первое время после отъезда Сью ее отсутствие не вызывало никаких толков. Через несколько дней ее место в школе заняла новая учительница, но и это прошло незамеченным, так как Сью исполняла должность помощницы Филотсона лишь временно. Однако когда месяц спустя Филотсон в разговоре со знакомым случайно обмолвился, что не знает, где находится его жена, это возбудило всеобщее любопытство, и обитатели города вскоре пришли к заключению, что Сью изменила мужу и сбежала от него. Подав-

ленность Филотсона, его рассеянность в часы занятий лишь придавали правдоподобие такому объяснению.

Филотсон отмалчивался, сколько мог, делая исключение лишь для Джиллингема, однако врожденная честность и прямота заставили его заговорить, как только о поведении Сью пошли ложные слухи. Как-то утром, в понедельник, в школу зашел председатель школьного комитета и, побеседовав о делах, отвел Филотсона в сторону, чтобы их дальнейший разговор не услышали ученики.

— Извините меня, Филотсон, но поскольку все говорят о ваших семейных делах... Правда ли, что жена ваша не уехала в гости, а тайно сбежала со своим любовником? Если так, весьма вам сочувствую.

— Можете не сочувствовать. И никакого секрета здесь нет.

— Значит, она поехала навестить друзей?

— Нет.

— Так что же случилось?

— Она уехала при обстоятельствах, обычно вызывающих сочувствие к мужу. Но я сам дал ей свое согласие.

Председатель смотрел на него, ничего не по-

нимая.

— Я говорю вам то, что есть, — с досадой продолжал Филотсон. — Она попросила отпустить ее к любимому человеку, и я отпустил ее. Почему бы нет? Она взрослый человек, и это вопрос ее совести, а не моей. Я не тюремщик. Больше я ничего не хочу объяснять и прошу вас оставить этот допрос.

Школьники заметили серьезное выражение на лицах обоих мужчин и, придя домой, рассказали родителям, что с миссис Филотсон приключилась какая-то история. Затем служанка Филотсона, девочка только что со школьной скамьи, рассказала, как он помогал своей жене укладываться в дорогу, предлагал ей денег и написал дружеское письмо ее молодому человеку с просьбой позаботиться о ней. Взвесив обстоятельства дела, председатель переговорил с другими членами комитета, и Филотсону предложили явиться для дачи объяснений. После продолжительной беседы учитель, по обыкновению бледный и усталый, вернулся домой. Там его ожидал Джиллингем.

— Ты был прав, — произнес Филотсон, тяжело опускаясь на стул. — Мне предложили подать в отставку по причине моего недостойного поведения: я, видишь ли, дал свободу своей измаявшейся

жене или, как они выражаются, поощрил прелюбодеяние. Но я не уйду по своей воле!

— Я бы, пожалуй, ушел.

— А я не уйду. Какое им дело? В конце концов, это вовсе не отражается на моих учительских способностях. Пусть сами уволят меня, если хотят.

— Если ты подымешь шум, дело попадет в газеты, и ты не получишь места ни в одной школе. Комитет ведь должен считаться с тем, что ты наставник юношества, в этом смысле твой поступок влияет на общественную нравственность, и общепринятой точки зрения твою позицию оправдать нельзя. Ты уж позволь мне это сказать.

Но Филотсон не желал слушать своего друга.

— Мне все равно, — заявил он. — Я не уйду, пока меня не выгонят, хотя бы потому, что, уходя добровольно, я как бы признаю, что поступил неправильно. А между тем я с каждым днем все более убеждаюсь, что я прав и перед богом, и с точки зрения простой, неизвращенной человечности.

Джиллингем понимал, что его строптивый друг не сможет долго отстаивать такие взгляды, но не стал спорить, и не прошло и четверти часа, как Филотсону вручили официальное уведомление об увольнении. Чтобы написать его, члены

комитета специально задержались после ухода учителя. Он заявил, что не согласен с увольнением, и передал дело на решение собрания горожан, куда к отправился сам, хотя выглядел совсем больным и Джиллингем уговаривал его остаться дома. Филотсон взял слово и так же твердо, как в разговоре со своим другом, возражал против решения комитета, утверждая, что речь идет о его личных, семейных делах, которые никого не касаются. Комитет опроверг его заявление, указав, что всякие ненормальности в личной жизни учителей также подлежат контролю со стороны комитета, поскольку они затрагивают нравственность обучаемых. На это Филотсон ответил, что не видит, каким образом проявление милосердия может повредить нравственности.

Зажиточные и уважаемые граждане города, как один, ополчились против Филотсона, но, к немалому его удивлению, у него оказались и неожиданные защитники числом более десяти человек.

Как уже говорилось выше, Шестон служил пристанищем разного рода бродягам, стекавшимся в Уэссекс на многочисленные базары и ярмарки в летние и осенние месяцы. И вот, хотя Филотсон никогда не водил с ними компании, они доблест-

но выступили в защиту заведомо проигранного дела. В числе их были два коробейника, владелец тира с двумя помощницами, заряжавшими ружья, два боксера, хозяин карусели, пряничник, две торговки метлами, выдававшие себя за вдов, и владельцы силомера и качелей.

Эта благородная фаланга сочувствующих и еще несколько присоединившихся к ним независимых, у которых семейная жизнь тоже шла не совсем гладко, подходили к Филотсону и горячо пожимали ему руку, после чего в таких сильных выражениях высказывали свое мнение собравшимся, что дело дошло до потасовки, в пылу которой было разбито три окна и сломана классная доска, манишка городского советника оказалась залита чернилами, а церковного старосту так ударили картой Палестины, что голова его насквозь проткнула Самарию; много было наставлено синяков и разбито носов, в том числе, к общему ужасу, нос приходского священника, пострадавшего от усердия какого-то просвещенного трубочиста, ставшего на сторону Филотсона. Увидев кровь на лице священника, Филотсон чуть не застонал от сознания неловкости и унизительности происшедшего и горько пожалел, что не принял предложенную ему отставку, а вер-

нувшись домой, почувствовал себя так плохо, что слег и на другой день не смог встать с постели.

Это прискорбное и нелепое событие явилось для него началом серьезной болезни. Он лежал в своей одинокой спальне в том трогательно-грустном настроении, какое бывает у пожилого человека, осознавшего, что жизнь его как в общественном, так и в личном плане сложилась неудачно. Джиллингем навещал его по вечерам и однажды завел разговор о Сью.

— Ей все равно, есть я или нет, — сказал Филотсон. — С чего бы ей мною интересоваться?

— Она не знает, что ты болен.

— Тем лучше для нас обоих.

— Где же она теперь живет со своим любовником?

— Наверное, в Мелчестере. По крайней мере, раньше он жил там.

Джиллингем вернулся домой, подумал и написал Сью анонимное письмо с расчетом, что оно как-нибудь дойдет до нее; письмо он вложил в конверт, адресованный на имя Джуда в кафедральный собор. Оттуда оно было направлено в Мэригрин, в Северном Уэссексе, а из Мэригрин в Олдбрикхем его переслала вдова, в свое время ухаживавшая за бабкой Джуда, так как только

она одна и знала его теперешний адрес.

Через три дня вечером, когда солнце во всем своем великолепии склонялось к закату над долиной Блекмур и окна Шестона казались жителям этой долины огненными языками, больному учителю послышалось, что кто-то подъехал к дому, и через минуту в дверь спальни постучали. Филотсон не ответил, дверь нерешительно приоткрылась, и вошла Сью.

На ней был светлый весенний костюм, и в ее появлении было что-то призрачно-нереальное, словно в комнату впорхнул мотылек. Он взглянул на нее, покраснел, хотел было что-то сказать, но удержался.

— У меня нет тут никаких дел, — начала она, наклонив к нему испуганное лицо. — Но до меня дошли слухи, что ты болен, серьезно болен, и вот, зная, что ты допускаешь возможность иных отношений между мужчиной и женщиной, чем плотская любовь, — я приехала.

— Я не так уж серьезно болен, дружок мой. Мне просто нездоровится.

— Этого я не знала. Боюсь, что в таком случае мой приезд ничем не оправдан.

— Да, да. Пожалуй, тебе лучше было бы не приезжать. То есть я хочу сказать, что ты чуточку

поспешила. Ну да ладно, пусть будет так. Ты, наверное, ничего не слышала о событиях в нашей школе?

— Нет. А что?

— Я ухожу отсюда на другое место. Не поладил со школьным комитетом, и мы решили расстаться — вот и все!

Ни в эту минуту, ни после Сью даже не догадывалась о том, какие неприятности он навлек на себя, дав ей свободу. Ей это просто не приходило в голову, а новостей из Шестона она не получала. Они немного поговорили о том, о сем, и когда ему был подан чай, он приказал изумленной маленькой служанке принести чашку чаю Сью. Эта молодая особа интересовалась их делами гораздо больше, чем они предполагали: спустившись в кухню, она возвела глаза к небу и в совершенном изумлении всплеснула руками. Во время чаепития Сью подошла к окну.

— Какой чудесный закат, Ричард! — проговорила она задумчиво.

— Они почти всегда хороши, когда смотришь отсюда, наверное, потому, что лучи пронизывают туман над долиной. Но это не для меня: солнце не заглядывает в сумрачный угол, где я лежу.

— А может, ты полюбуешься им хоть сегодня?

Небо словно разверзлось над нами!

— И хотел бы, да не могу.

— Я помогу тебе.

— Нет… Кровать невозможно передвинуть.

— А вот посмотри, что я сделаю.

Она сняла со стены вращающееся в раме зеркало и поставила его на подоконник так, чтобы в нем отражался закат, а затем стала поворачивать до тех пор, пока отраженные лучи не упали на лицо Филотсона.

— Ну вот, теперь тебе видно, какое солнце огромное и яркое! — воскликнула она. — Я уверена… я так надеюсь на то, что оно тебя подбодрит!

В голосе ее была ласковость раскаявшегося ребенка, который не знает, чем еще он может загладить свою вину.

— Странное ты создание, — печально усмехнулся Филотсон, когда в глаза ему блеснуло солнце. — Вздумала вдруг приехать ко мне после всего того, что между, нами произошло!

— Не будем ворошить прошлое! — быстро сказала она. — Мне надо доспеть на омнибусе к ближайшему поезду. Джуд не знает, что я здесь, потому что его не было дома, когда я выезжала, так что мне надо поскорее вернуться. Я так рада, что тебе лучше, Ричард. Ты ведь не чувствуешь

ко мне ненависти? Ты всегда был таким добрым моим другом!

— Рад слышать, что ты так думаешь, — хрипло проговорил он. — Нет, ненависти к тебе я не чувствую.

Пока шел этот отрывистый разговор, в комнате быстро стемнело. Когда принесли свечи и Сью было пора уезжать, она вложила свою руку в руку Филотсона, вернее, лишь слепо коснулась ее, так мимолетно было это движение. Она отвернулась, и Филотсон заметил при этом, что у неё задрожали губы и слезы набежали на глаза. Когда она почти совсем затворила за собой дверь, он вдруг позвал ее?

— Сью!

Он понимал, что ему не следует этого делать, но не мог удержаться. Она вернулась.

— Сью! — прошептал он. — Хочешь, помиримся? Оставайся… Я все прощу, все забуду.

— Нет, нет, — поспешно возразила она, — ты не можешь меня простить!

— Ты хочешь сказать, что фактически он уже стал твоим мужем?

— Считай, что так. Он хлопочет о разводе со своей женой Арабеллой.

— С женой? Для меня новость, то он женат!

— Это был неудачный брак.

— Как твой.

— Да, как мой. Он делает это не столько ради себя, сколько ради нее. Она писала, что этим он окажет ей услугу, потому что она сможет снова выйти замуж и жить, как все порядочные женщины. Джуд согласился.

— Жена?.. Услуга?.. Да, конечно, это услуга — дать ей полную свободу, хотя мне это что-то не нравится… Но как бы там ни было, я могу все простить, Сью.

— Нет, нет, я не могу вернуться к тебе после того, как поступила так дурно!

В лице Сью мелькнул испуг, который охватывал ее всякий раз, как Филотсон пытался выступать в роли мужа, а не друга. В таких случаях она любым способом старалась оградить себя от его супружеских чувств.

— Мне надо идти. Я приеду еще раз, можно?

— Я вовсе не хочу, чтобы ты уходила. Я хочу, чтобы ты осталась.

— Спасибо, Ричард, но мне надо идти. Раз ты не настолько болен, как я думала, я не могу остаться.

— Ты его — с головы до ног! — сказал Филотсон так тихо, что Сью не расслышала этих слов, за-

крывая за собой дверь.

Ее испугал порыв учителя, к тому же она стыдилась признаться даже ему, какой неполноценной и несовершенной должна была казаться мужчине та любовь, которую она дарила теперь Джуду. Вот почему она не решалась сказать ему о своих неопределенных отношениях с Джудом, и Филотсон терпел адские муки, представляя себе, как это нарядное, носящее его имя существо, в котором сочувствие к нему мешается с отвращением, нетерпеливо стремится домой, к своему возлюбленному.

Джиллингем так близко принимал к сердцу дела Филотсона и так за него беспокоился, что два, а то и три раза в неделю поднимался в Шестон по круче холма, хотя путешествие в оба конца составляло около девяти миль и он совершал его между чаем и ужином, после тяжелого рабочего дня в школе. Придя в первый раз после посещения Сью, он застал своего друга в нижнем этаже и заметил, что его апатия сменилась более спокойным и сосредоточенным настроением.

— Она была у меня после твоего последнего посещения, — сказал учитель.

— Кто? Миссис Филотсон?

— Да.

— Ага!

— Значит, вы помирились?

— Нет, она просто приехала поиграть полчасика в заботливую сиделку, взбила своими белыми ручками мои подушки и уехала.

— Вот потаскушка, черт бы ее подрал!

— Что ты сказал?

— Ничего.

— Но все-таки?

— Я говорю: вот капризница, вот мучительница! Не будь она твоей женой…

— А она и не жена мне, она жена другого, разве что не по имени и не по закону. Разговор с ней навел меня на мысль, что для ее блага мне следует полностью порвать законные узы, связывающие нас. Мне думается, я смогу это сделать сейчас, после того, как она побывала у меня и отказалась остаться, даже когда я сказал, что прощаю ее. Мне кажется, это облегчит дело развода, хоть я и не сразу это сообразил. Что толку держать ее на привязи, раз она мне уже не принадлежит? Я знаю, я абсолютно уверен в том, что она воспримет такой шаг как величайшее благодеяние. Потому что если она сочувствует мне, жалеет и даже оплакивает меня как близкого человека, как муж я ей невыносим и даже противен — именно противен,

не будем стесняться в выражениях, — а стало быть, у меня остается лишь один достойный мужчины милосердный выход — завершить то, что я начал. К тому же и с практической точки зрения ей лучше быть независимой. Я безнадежно погубил свою карьеру, поступив так, как мне казалось лучше для нас обоих, хотя она об этом не знает; теперь у меня впереди жестокая нужда, — до самой могилы — так как в учителя меня больше не возьмут. Лишившись права учительствовать, я, вероятно, весь остаток моих дней буду вынужден добывать себе хлеб тяжким трудом, и одному это будет легче. Могу еще добавить, что на мое решение повлияло известие о том, что Фаули тоже разводится.

— О-о, значит, у него тоже есть супруга? Любопытная парочка, нечего сказать!

— Мм… Меня не интересует мое мнение по этому вопросу. Скажу только, что развод не принесет Сью вреда и откроет ей возможность счастья, о котором она до сих пор не мечтала. Они ведь смогут тогда пожениться. Это им следовало сделать с самого начала.

Джиллингем помедлил с ответом.

— Едва ли я соглашусь с твоими обоснованиями, — мягко проговорил он, так как привык

уважать чужие взгляды, даже если их не разделял. — Но решение твое считаю правильным; если только ты сможешь его осуществить, в чем я сильно сомневаюсь.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
В ОЛДБРИКХЕМЕ И ДРУГИХ МЕСТАХ

Эфирная часть твоего существа и все смешавшиеся в тебе огненные части по природе своей имеют тяготение ввысь, но, покорясь законам вселенной, связаны здесь в сложной массе тела.

М. Антонин (Лонг)

I

Насколько справедливы были сомнения Джиллингема, выяснится незамедлительно, как только, опустив целый ряд скучных месяцев и эпизодов, прошедших со времени событий, описанных в предыдущей главе, мы остановимся на одном воскресном дне в феврале следующего года.

Сью и Джуд жили в Олдбрикхеме все в тех же отношениях, которые установились между ними в том году, когда Сью покинула Шестон и приехала к нему. Доходившие до них известия о том, как подвигаются в суде их бракоразводные дела, были или глухими отзвуками молвы, или редкими и малопонятными официальными сообщениями.

В этот день они, как обычно, сидели за завтраком в маленьком домике, на котором была дощечка с именем Джуда: он снимал его за пятнадцать фунтов в год, не считая трех фунтов десяти шиллингов налога, и обставил громоздкой ветхой мебелью своей бабки, хотя перевозка вещей из Мэригрин обошлась ему почти во столько же, сколько стоил весь этот хлам. Сью занималась

домашними делами и вела хозяйство.

Когда Джуд вошел утром в столовую, Сью показала ему только что полученное письмо.

— Что там? — спросил он, целуя ее.

— Нам сообщают, что постановление суда по делу Филотсона против Филотсон и Фаули, вынесенное шесть месяцев назад, вступило в силу.

— А! — сказал Джуд, садясь за стол.

Подобное же заключение по делу Джуда против Арабеллы было получено около двух месяцев назад. Оба процесса были настолько неприметельны, что в газете о них упоминалось лишь в длинном списке других необжалованных решений.

— Ну, Сью, уж теперь-то ты вольна поступать по своему усмотрению, — сказал Джуд, пытливо глядя на свою подругу.

— Значит, мы оба, и ты и я, совершенно свободны, как будто вовсе и не состояли в браке?

— Ну разумеется, хотя, быть может, и найдется священник, который не пожелает вторично венчать тебя и передаст это дело другому.

— А так уж ты уверен, что мы действительно свободны? Я понимаю это умом, но у меня какое-то неловкое чувство, будто я получила свободу под фальшивым предлогом.

— Как так?

— Да ведь постановление о разводе не состоялось бы, если бы судьи знали о нас всю правду. Мы не защищались в суде, ввели их в заблуждение, так можно ли считать мою свободу законной, хоть я и заслуживаю ее?

— Ты сама виновата, что она досталась тебе под фальшивым предлогом! — лукаво заметил Джуд.

— Перестань сейчас же, Джуд! Нельзя быть таким злопамятным. Принимай меня такой, какая я есть.

— Хорошо, дорогая. Быть может, ты права. Что касается твоего вопроса, то мы не были обязаны указывать суду на препятствия к разводу. Пусть доискиваются сами. Так или иначе, мы всё равно сожительствуем.

— Да, но не в том смысле, как они думают.

— Для меня ясно одно: на каком бы основании ни состоялся развод, раз брак расторгнут — он расторгнут. В этом преимущество таких безвестных бедняков, как, мы, — наши дела решаются наспех, без лишних проволочек. Так было и в моем деле с Арабеллой. Я опасался, что суд узнает о ее преступном втором браке и она будет наказана, но никто не поинтересовался ею, никто ни о чем не спрашивал и не подозревал. Будь мы титу-

лованные особы — конца бы не было хлопотам, и всякие расследований растянулись бы на многие дни и недели.

Мало-помалу радостное ощущение свободы, владевшее им, передалось Сью, и она предложила пойти прогуляться за города пусть даже потом им придется есть остывший обед. Джуд согласился, она поднялась наверх и, в ознаменование своего освобождения, нарядилась в яркое платье, а Джуд повязал себе светлый галстук.

— Уж теперь-то мы пойдем под руку, как обрученные, — заявил он, — это наше законное право.

Они выбрались из города и прошли тропинкой через примыкавшую к нему низину, хотя земля была промерзшая, а поля пусты и унылы. Но оба они были так заняты своими мыслями, что почти не замечали окружающего.

— Ну что ж, дорогая, теперь наконец мы можем пожениться, выждав для приличия некоторый срок.

— Наверное, можем, — безучастно отозвалась Сью. — А что, разве мы не собираемся?

— Мне бы не хотелось отвечать тебе «нет», милый Джуд, но мое отношение к браку не изменилось. Я по-прежнему боюсь, как бы его

железные оковы не убили в нас взаимной нежности, как это случилось с нашими несчастными родителями.

— Но что же нам делать? Я ведь люблю тебя, Сью, ты знаешь.

— Знаю, и даже очень хорошо. Но мне бы больше хотелось всегда жить с тобой, как теперь, встречаться только днем, как влюбленные. Это куда приятнее, особенно для женщины и при условии, что она уверена в мужчине. А что касается приличий, то теперь можно уж не так сильно заботиться о них, как прежде.

— Слов нет, наш супружеский опыт, что твой, что мой, не особенно обнадеживает, — уныло произнес Джуд. — Быть может, это просто невезение, а быть может, всему виной наши вечно не удовлетворенные, не приспособленные к жизни натуры. Но вот вдвоем…

— …мы оказались бы двумя неудачниками, сказанными вместе, и, это было бы вдвое хуже… Мне кажется, я начну бояться тебя с того самого момента, как ты скрепишь государственной печатью обязанность любить и лелеять меня, а я получу официальное право быть любимой. Бр-р… Как это ужасно и отвратительно! Зато сейчас, пока ты свободен, я доверяю тебе больше, чем

кому-либо на свете.

— Нет, нет, не говори, что я могу стать другим! — с укором воскликнул Джуд, но и в его голосе тоже звучало опасение.

— Если оставить в стороне вопрос о нас самих и нашей несчастной фамильной черте, человеческой природе чуждо любить по приказу. Вот если бы человеку запрещали любить, — было бы куда более вероятно, что он станет любить. Если бы при совершении брачного обряда обе стороны давали клятвы и подписывали договор впредь не любить друг друга и стараться поменьше встречаться с того самого дня, когда они получили законное право принадлежать друг другу, на свете было бы гораздо больше любящих пар, чем теперь. Ты только представь себе тайные свидания клятвопреступников — мужа и жены, как им приходится отрицать, что они видятся, как им приходится прятаться в чуланах, влезать в спальню через окно. Какое уж наслаждение…

— Допустим, такое возможно, но ведь ты же не единственная в мире, кто понимает это, милая Сью. Люди женятся потому, что они не в силах противиться законам природы, хотя многие из них прекрасно сознают, что получают месяц удовольствия ценой несчастья всей жизни. И

наши с тобой родители, конечно, понимали это, если, в них была хоть капля нашей наблюдательности. И все-таки они поженились; потому что ими владели обычные человеческие страсти. Ну, а ты, Сью, настолько призрачное бесплотное существо в тебе, позволь мне это сказать, так мало земного чувства, что ты можешь поступать разумно там, где нам, более грубым созданиям, это не по силам.

— Вот ты и признал, что мы можем плохо кончить, если поженимся, — вздохнула Сью. — Я вовсе не какая-нибудь особенная. Напрасно ты думаешь, что женщинам нравится замужество, — они вступают в брак потому, что это придаёт им известное достоинство и создает положение в обществе, а я вполне могу обойтись без того и другого.

Тут Джуд опять пожаловался на то, что, несмотря на их близость, она еще ни разу не сказала ему прямо и недвусмысленно, что любит его или может полюбить.

— Порой мне кажется, что ты вообще неспособна любить, — сказал он почти сердито. — Ты такая скрытная. Я знаю, женщины иногда учат друг друга, что мужчинам не следует говорить всю правду. Но ведь истинная любовь невоз-

можна без полной взаимной искренности. Вам, женщинам, не дано понять, что мужчина, оглядываясь на свое прошлое и думая о женщинах, с которыми был близок, с особой нежностью вспоминает ту, которая была с ним чистосердечна. Самого достойного из мужчин можно увлечь кокетством и ловкими увертками, но удержать его этим нельзя. Женщину, которая слишком злоупотребляет своей изворотливостью, неизбежно ждет возмездие: рано или поздно все поклонники отвернутся от нее с презрением, она сойдет в могилу, никем неоплаканная.

Сью слушала его с виноватым видом, устремив глаза в пустоту, и вдруг сказала трагическим тоном:

— Сегодня ты мне нравишься гораздо меньше, Джуд!

— Да? А почему?

— Потому, что ты раздражен и только и знаешь, что проповедуешь. Впрочем, наверно, я такая дурная, что заслуживаю самого сурового нравоучения.

— Нет. Ты не дурная. Ты прелесть. Только увертываешься, как угорь, всякий раз, как я хочу добиться от тебя признания.

— Нет, нет, я гадкая, упрямая, — каких только

дурных качеств во мне нет! И, пожалуйста, не притворяйся, что это не так. Хороших девушек так не отчитывают… Но ты единственный мне близкий человек, за меня некому заступиться, а поэтому очень жестоко не позволять мне решить самой, как я буду с тобой жить, выходить ли мне замуж или нет.

— Сью, дружочек мой, милая моя, я вовсе не хочу принуждать тебя ни к замужеству, ни к чему другому! Нет, конечно! Нельзя быть такой злюкой. Давай не будем больше говорить об этом, и пусть все останется, как было, и пусть до конца прогулки наш разговор будет только о лугах, о речке и о видах на урожай.

После этого они несколько дней не возвращались к вопросу о браке, хотя, живя в комнатах, разделенных только лестничной площадкой, постоянно думали о нем. Сью теперь по-настоящему помогала Джуду: с недавних пор он на свой страх и риск занялся изготовлением могильных плит и вырезыванием надписей на них. Надгробья были сложены в маленьком дворике позади дома, и в свободное от домашних дел время Сью размечала для него буквы и закрашивала надписи, уже вырезанные Джудом. Эта работа была гораздо скромнее той, которую ему поручали в соборе,

и единственными его заказчиками были жившие по соседству бедняки, которые знали, что «Джуд Фаули, мастер по надгробным памятникам», — как гласила дощечка на дверях его дома, берет недорого за скромные надгробья для их умерших близких. Зато он чувствовал себя более независимым, чем прежде, и к тому же это была единственная работа, в которой Сью, ни за что не желавшая быть ему обузой, могла ему помочь.

II

Как-то вечером в конце того же месяца Джуд вернулся с лекции по древней истории, которую слушал в доме для общественных собраний по соседству. Сью все это время была дома и, когда он вошел, сразу же начала накрывать стол к ужину. Против обыкновения, она с ним не заговорила. Джуд стал просматривать какие-то журналы и с головой ушел в чтение, как вдруг, случайно подняв глаза, заметил, что она как будто чем-то встревожена.

— Ты чем-то расстроена, Сью?

— Меня просили кое-что тебе передать, — не сразу ответила она.

— Кто-нибудь заходил?

— Да, Женщина. — Голос Сью дрогнул, она вдруг бросила приготовления к ужину, села у камина и, сложив на коленях руки, устремила взгляд на огонь. — Не знаю, хорошо ли я поступила, — продолжала она. — Я сказала, что тебя нет дома, а когда она сказала, что она подождет, я ответила, что тебе, наверное, не захочется принять ее.

— Зачем же ты так сказала, милая?.. Она, долж-

но быть, хотела заказать надгробье. Она была в трауре?

— Нет, не в трауре, и никакого надгробья ей не надо, и я решила, что тебе ни к чему с ней видеться, — проговорила Сью, пытливо и вместе с тем умоляюще глядя на Джуда.

— Так кто же приходил? Она назвала себя?

— Нет. Она не захотела назвать себя? Но я знаю, кто эта женщина, да, знаю! Это Арабелла!

— Господи помилуй! Зачем ей понадобилось сюда приходить? Почему ты решила, что это она?

— Это трудно объяснить, но я знаю, что это была она, я ничуть не сомневаюсь в этом! Ух, как сверкали у нее глаза, когда она глядела на меня! Толстая такая, вульгарная женщина.

— Ну, я бы не сказал, что Арабелла такая уж вульгарная, разве что в разговоре. Впрочем, быть может, теперь она и огрубела, поработав в трактире. Она была хороша собой, когда я ее знал.

— Хороша собой!.. Ну да, да, так оно и есть!

— У тебя как будто дрогнул голосок? Но какова бы она ни была, она теперь добродетельная супруга другого и для меня не существует. Не понимаю, зачем ей понадобилось беспокоить нас?

— Ты уверен, что она замужем? Есть у тебя

достоверные сведения?

— Нет, достоверных сведений у меня нет. Но ведь как раз для этого она и просила дать ей развод. Как я понял, она и этот человек хотели начать порядочную жизнь.

— Ах, Джуд, и все же это была она! — воскликнула Сью, закрывая лицо руками. — Я так несчастна! Зачем бы она ни приходила, это дурной знак. Ты не хочешь видеться с ней, правда?

— Пожалуй, что так. Нам было бы очень тягостно разговаривать теперь друг с другом — и ей и мне. Но как бы там ни было, она ушла. Она сказала, что зайдет еще раз?

— Нет, но ушла она очень неохотно.

Сью легко расстраивалась из-за пустяков, поэтому есть она не стала, а Джуд поужинал и собрался идти спать. Но не успел он разгрести огонь в камине, запереть входную дверь и подняться наверх, как внизу раздался стук. Сью тотчас выбежала из своей комнаты, в которую только что вошла, и испуганно шепнула:

— Это опять она!

— Почем ты знаешь?

— Она и первый раз стучала точно так же!

Они прислушались. Стук повторился, и отозваться на него мог только кто-нибудь из них, так

как служанки у них не было.

— Я открою окно, — сказал Джуд. — Кто бы там ни был, пусть не рассчитывает попасть в дом в такой поздний час.

Он вошел в свою спальню и поднял раму окна. Тихая улица, заселенная рабочим людом, привыкшим ложиться рано, была совершенно пустынна, и лишь несколько поодаль, под уличным фонарем, шагала взад и вперед одинокая женская фигура.

— Кто здесь? — окликнул Джуд.

— Это мистер Фаули? — отозвался женский голос, принадлежавший, несомненно, Арабелле.

Джуд ответил утвердительно.

— Это она? — спросила Сью, стоявшая в дверях с полуоткрытым ртом.

— Да, дорогая, — ответил Джуд. — Что тебе нужно, Арабелла? — спросил он.

— Извини, что беспокою тебя, Джуд, — смиренно ответила та. — Я уже заходила сюда, очень хотела тебя повидать, если можно, сегодня же. У меня большие неприятности, и мне не от кого ждать помощи.

— Неприятности?

— Да.

Наступило молчание. Услышав эти слова, Джуд

почувствовал неуместную жалость к Арабелле.

— Разве ты не замужем? — спросил он.

— Нет, — нерешительно отозвалась она. — В конце концов он раздумал, и я оказалась в затруднительном положении. Надеюсь устроиться в какой-нибудь трактир. Но на это нужно время, а я, правда, сейчас очень расстроена, потому что из Австралии на меня неожиданно свалилась страшная обуза. Если б не это, поверь, я не стала бы тебя тревожить. Вот об этом-то я и хотела тебе рассказать.

Сью с мучительным, напряжением прислушивалась к каждому слову разговора, но хранила полное молчание.

— Тебе, может, нужны деньги, Арабелла? — заметно мягче спросил Джуд.

— За ночлег заплатить у меня хватит, а уж на обратный путь, пожалуй, и нет.

— Где ты живешь?

— По-прежнему в Лондоне. — Она хотела было дать свой адрес, но раздумала. — Боюсь, нас кто-нибудь может услышать, а потому не хочу особенно громко говорить о своих делах. Может, ты спустишься и пройдешь со мною до гостиницы «Принс-Инн», — я там остановилась, — тогда я тебе все объясню? Сделай это ради нашего про-

шлого!

— Бедняжка! Я должен оказать ей эту услугу — выслушать, в чем там у нее дело, — в замешательстве проговорил Джуд. — От этого ничего не изменится, раз она завтра уезжает.

— Но ведь ты можешь пойти и навестить ее завтра, Джуд! Только не сейчас, Джуд! — раздался с порога жалобный возглас. — Я знаю, она хочет опять поймать тебя, как раньше. Не ходи, милый, не ходи! Она низкая женщина — это ведь сразу видно!

— Нет, я пойду, — сказал Джуд. — Не пытайся меня удерживать, Сью! Видит бог, я к ней равнодушен, но жестоким быть не хочу.

С этими словами он направился к лестнице.

— Она ведь не жена тебе! — в отчаянии крикнула Сью. — А я…

— А ты тоже пока еще нет, дорогая, — заметил Джуд.

— Неужели ты идешь к ней? Не надо! Останься дома! Ну, пожалуйста, прошу тебя, останься, не ходи, раз она тебе не больше жена, чем я!

— Ну нет, уж если на то пошло, она мне больше жена, чем ты, — возразил Джуд, решительно берясь за шляпу. — Я только того и хочу, чтобы ты стала моей женой, жду этого терпеливо, как

Иов, но пока что не замечаю, чтобы мое самоотречение к чему-нибудь привело. Разумеется, я выслушаю все, что она хочет мне сказать, и дам ей денег. Это долг всякого порядочного человека!

Было в тоне Джуда что-то такое, из чего Сью поняла, что протестовать бесполезно. Не сказав больше ни слова, смиренно, словно мученица, она удалилась в свою комнату и услышала, как он спустился по лестнице и захлопнул за собой дверь. Оставшись одна, она сразу, чисто по-женски, забыла о всяком чувстве собственного достоинства и, всхлипывая, побежала вниз. Там она прислушалась. Ей было хорошо известно, где находится гостиница, которую назвала Арабелла. Чтобы дойти туда не спеша, требовалось около семи минут, еще семь — чтобы вернуться. Если через четырнадцать минут Джуд не придет, значит, он задержался у нее. Сью взглянула на часы. Было без двадцати пяти одиннадцать. А вдруг он зайдет к Арабелле в гостиницу, если она еще не закрылась на ночь? А вдруг Арабелла уговорит его выпить с ней? Одному богу ведомо, что с ним тогда стрясется!

Она молча терзалась неизвестностью и ждала. Когда предполагаемый срок почти истек, дверь вдруг открылась, и вошел Джуд.

— О-о! Я знала, что на тебя можно положиться! — восторженно воскликнула она. — Какой же ты хороший!

— Я не мог ее нигде найти, а вышел в домашних туфлях. Наверное, бедняжка ушла, решив, что я слишком черств, чтобы откликнуться на ее просьбу. Я вернулся за сапогами — собирается дождь.

— Ты так заботишься о женщине, которая так дурно с тобой обошлась, — вспыхнув ревностью, разочарованно сказала Сью.

— Но ведь она женщина, Сью, и я когда-то любил ее, нельзя же быть скотиной в таких обстоятельствах.

— Она не жена тебе больше! — страстно воскликнула Сью. — Ты не должен идти ее разыскивать! Это несправедливо! Ты не можешь с нею встречаться, раз она теперь чужая тебе. Как ты этого не понимаешь, милый, дорогой мой!

— Мне кажется, она такая же, какой была, — беспечная, легкомысленная, вечно неустроенная, — сказал Джуд, натягивая сапоги. — Вся эта комедия, которую ломали законники в Лондоне, нисколько не меняет моего истинного отношения к ней. Если она считалась моей женой, живя с другим где-то в Австралии, значит, она и сейчас

мне жена.

— Но она не была твоей женой в Австралии! Это же смешно! Полнейший абсурд! Ну ладно… Скажи, ты ведь сразу вернешься домой, милый? Она слишком груба, слишком вульгарна, чтобы ты мог долго разговаривать с ней. Она всегда была такой!

— Быть может, на мое несчастье, я тоже груб. Во мне зародыши всех человеческих пороков, я в этом глубоко убежден, вот почему я понял, как нелепо с моей стороны мечтать о сане священника. От пьянства я, кажется, излечился, но я никогда не знаю, в какую новую форму может вылиться моя подспудная порочность. Я люблю тебя, Сью, я хожу перёд тобой на задних лапках, хотя мало чем вознагражден за это. К тебе устремлены лучшие и благороднейшие побуждения моей души! Твоя чистота возвышает меня и помогает делать все то, на что еще два года назад я не считал способным ни себя, ни кого-либо другого. Легко читать проповеди о самообуздании и о том, как дурно принуждать к чему-нибудь женщину. Но пусть бы те поборники добродетели, что осуждали меня за Арабеллу и за многое другое, помучились так, как я мучаюсь возле тебя последнее время! Уж наверное бы они признали,

что надо иметь некоторую выдержку, чтобы жить с тобой рядом под одной кровлей и постоянно уступать твоим желаниям.

— Да, ты добр ко мне, Джуд, я знаю это, ты моя единственная опора.

— Так вот, Арабелла просила меня о помощи. Я должен выйти и хотя бы поговорить с ней, Сью.

— Что ж! Больше я не скажу ни слова! Должен так должен! — сказала Сью и вдруг горько разрыдалась. — У меня никого нет, кроме тебя, Джуд, а ты хочешь меня покинуть. Вот ты, оказывается, какой! Нет, это невозможно! Невозможно! Другое дело, если б она была твоей женой…

— Или ты.

— Ну хорошо, пусть будет так! Если ты настаиваешь, я согласна. Я буду твоей женой! Только я не хотела этого, и выходить замуж второй раз не хотела! Но я согласна, согласна! Я люблю тебя, и я должна была сообразить, что если мы будем жить вот так вместе, ты в конце концов настоишь на своем. — Она подбежала к нему и обвила руками его шею. — Я вовсе не холодная и не бесполая, пусть даже я долго не подпускала тебя к себе! Да и ты сам, я уверена, этого не думаешь. Вот увидишь! Теперь я твоя! Сдаюсь!

— Значит, завтра или как только захочешь, я

займусь приготовлениями к свадьбе?

— Да.

— Ну так я не стану ее разыскивать, — сказал он, нежно обнимая Сью. — Я и в самом деле чувствую, что встречаться с ней как-то нечестно по отношению к тебе, да, пожалуй, и к ней тоже. Думать иначе было бы просто несправедливо. Она вовсе не такая, как ты, моя радость, и никогда такой не была — это же ясно. Ну, перестань же плакать. Вот так… вот так… и вот так… — говорил он, целуя ее сначала в одну щеку, потом в другую, потом в губы и снова закрывая на засов входную дверь.

Утро было дождливое.

— Ну, что ж, дорогая, — весело сказал Джуд за завтраком, — сегодня суббота, и я думаю сейчас же пойти и договориться об оглашении, чтобы первое оглашение было уже завтра, иначе мы потеряем целую неделю. Ты согласна обойтись только оглашением? На этом можно сэкономить фунта два.

Сью рассеянно кивнула. Мысли ее были заняты совсем другим. Вчерашняя горячность покинула ее, и на лице выражалось уныние.

— Кажется, я вела себя вчера, как ужасная эгоистка! — сказала она. — Это хуже, чем жестокость

— обойтись с человеком так, как я обошлась с Арабеллой. Я слышать не хотела о том, что у нее несчастье и что она хочет тебе что-то сказать. Вдруг это действительно что-то важное? А все мой скверный характер, — в любви, по крайней мере, в моей, когда дело доходит до соперничества, действует своя особая, темная мораль… Интересно, что сталось с Арабеллой? Надеюсь, бедняжка благополучно добралась до гостиницы.

— Ну конечно, — благодушно произнес Джуд. — Что с ней станется?

— Хорошо, если гостиницу не закрыли на ночь и ей не пришлось бродить по улицам под дождем. Надену-ка я плащ и пойду разузнаю, как она, ты не возражаешь? Все утро только о ней и думаю.

— А нужно ли это? Ты даже не можешь себе представить, до чего она изворотлива, когда надо. Впрочем, если хочешь, сходи и узнай.

Когда Сью в чем-нибудь раскаивалась, она не знала границ, придумывая для себя странные и ненужные способы искупления; ее тянуло навещать совершенно чуждых ей людей, чье отношение к ней было такого рода, что любой другой на ее месте отшатнулся бы от них, поэтому Джуда не удивила ее просьба.

— Вернешься — пойду договариваться об огла-

шении. Ты пойдешь со мной?

Она согласилась, надела плащ, взяла зонтик и, уходя, позволила сколько угодно целовать себя и сама отвечала на его поцелуи, как никогда прежде. Времена явно переменились.

— Птичка наконец попалась, — с грустной улыбкой произнесла она.

— Нет, только свила гнездышко, — ласково возразил он.

Сью прошла по грязной улице до указанной Арабеллой гостиницы, неподалеку от их дома. Там ей сказали, что Арабелла еще не уехала, и, не зная, как назвать себя, чтобы та, которую Джуд любил когда-то, поняла, кто пришел, она попросила передать, что Арабеллу хочет видеть друг со Спринг-стрит, и назвала адрес Джуда. Ее пригласили наверх, и, войдя в указанный номер, она поняла, что это спальня Арабеллы и что обитательница ее еще не вставала. Сью в нерешительности остановилась на пороге, но тут с кровати раздался голос: «Входи и закрой дверь!» И она поспешно выполнила приказание.

Арабелла лежала лицом к окну и не сразу повернула голову, и у Сью, несмотря на покаянное настроение, мелькнуло злорадное желание, чтобы Джуд мог увидеть ее предшественницу сейчас,

в беспощадном дневном свете. В профиль и при вечернем освещении Арабелла еще могла сойти за красивую женщину, однако сейчас вид у нее был весьма помятый, и Сью сразу повеселела, увидев в зеркале свое хорошенькое, свежее личико, но тут же возненавидела себя за такое низкое, ревнивое чувство.

— Я зашла узнать, благополучно ли вы добрались вчера вечером, — тихо произнесла она, — я боялась, как бы с вами чего не случилось.

— Какая чепуха! Я-то думала, это не вы, а ваш друг… или муж, миссис Фаули, так ведь вы теперь именуетесь, верно? — сказала Арабелла, разочарованно откинувшись на подушки и забыв о ямочке на щеке, которую только что старательно сделала.

— Нет, не так, — отвечала Сью.

— Ну, а я думала, что так, пусть даже он вам и не муж. Соблюдать приличия всегда неплохо.

— Не знаю, что вы хотите сказать, — сухо отозвалась Сью, — но если уж на то пошло, теперь он мой.

— Вчера еще он вашим не был.

Сью залилась румянцем и спросила:

— Почему вы так думаете?

— Поняла по тому, как вы разговаривали со

мной у двери. Ну а теперь вы поспешили наверстать упущенное, и этому, кажется, помог мой вчерашний визит, не так ли? — расхохоталась Арабелла. — Но я не собираюсь отнимать его у вас.

Сью взглянула на струи дождя за окном, на грязную скатерть на туалете, на фальшивую косу Арабеллы, которая висела на зеркале, совсем как когда-то при Джуде, и пожалела, что пришла сюда. В это время раздался стук в дверь, и вошла горничная с телеграммой на имя «миссис Картлетт».

Арабелла распечатала ее, не вставая, и весь ее задор как рукой сняло.

— Очень признательна вам за хлопоты, — любезно сказала она, когда горничная вышла, — но, право, это напрасно. Мой любезный, решил, что не может жить без меня, и готов выполнить свое обещание — жениться на мне по приезде сюда. Вот посмотрите! Это его ответ на мою телеграмму.

С этими словами она протянула Сью бланк, но та не взяла его.

— Он просит меня вернуться. Его трактир в Лэмбете развалится без меня, — пишет он. Ну что ж, только драться под мухой ему уж не придется,

как только нас свяжет английский закон… А что до вас, то я бы на вашем месте уломала Джуда немедля пойти к священнику — и делу конец. Дружески советую вам это, милочка.

— Он готов сделать это в любой день, — с холодным достоинством заметила Сью.

— Ну и пусть женится, во славу божию! Жизнь с мужчиной после этого устраивается куда проще, и денежные дела решаются быстрее. А еще, если вы поругаетесь и он вздумает вас выгнать, вы можете искать защиты в суде, а если вы не жена, никто за вас не вступится, разве что он пырнет вас ножом или трахнет кочергой по башке. Ну а если он сбежит от вас, — говорю это по-дружески, как женщина женщине, никогда ведь не знаешь, что может выкинуть мужчина, — тогда вам хоть обстановка останется, и никто не скажет, что вы ее украли. Я-то со своим венчаться буду, пока он согласен, ну а первый-то наш брак был с изъянцем. Вчера вечером я послала ему телеграмму, сказала, что почти помирилась с Джудом, вот он, наверное, и испугался, прислал ответ! Быть может, так оно и было бы, если б не вы, — усмехнулась она, — и тогда с сегодняшнего дня наша с вами жизнь пошла бы совсем по-другому. Где еще найдешь такого простака, как Джуд, стоит

только прикинуться несчастной да разжалобить его! Он и с птицами и со зверями был такой же. Ну да ладно, все устроилось не хуже и без нашего примирения, и я вас прощаю. Еще раз советую поскорее довести дело до законного брака, а то потом не оберетесь хлопот.

— Я уже сказала, что Джуд сам просит меня выйти за него замуж, чтобы узаконить нашу связь, — еще надменнее произнесла Сью. — Он не сделал этого сразу после моего развода лишь потому, что я этого не пожелала.

— Ах вот как! Вы тоже разведенная, как и я, — сказала Арабелла, критически оглядывая свою гостью. — Тоже сбежали от первого мужа?

— Мне пора идти. Всего хорошего! — поспешно проговорила Сью.

— Мне тоже пора вставать и убираться отсюда, — сказала Арабелла и так стремительно спрыгнула с кровати, что все ее полное тело заколыхалось. Сью в испуге отскочила в сторону. — Не робей! Я всего-навсего женщина, а не гренадер!.. — воскликнула Арабелла. — Подожди минутку, милочка, — продолжала она, удерживая Сью за руку. — Я ведь и вправду хотела переговорить с Джудом об одном дельце и затем только и заходила к вам вчера. Не придет ли он

проводить меня на вокзал? Думаете, нет? Ну что ж, тогда придется написать ему. Не хотелось мне писать об этом, ну да что делать — напишу!

III

Когда Сью вернулась домой, Джуд ждал ее у дверей, готовый идти выполнять первую из необходимых перед венчанием формальностей. Она молча по-дружески взяла его за руку, и они пошли рядом. Он видел, что она чем-то озабочена, но воздерживался от расспросов. Наконец Сью сказала:

— Джуд, я говорила с ней и теперь жалею, что я это сделала! Хотя, быть может, и лучше, когда тебе кое о чем напоминают.

— Она была вежлива, надеюсь?

— Да, и даже понравилась мне — так, чуть-чуть! Она не лишена великодушия, и я очень рада, что ее затруднения так неожиданно кончились. — Сью рассказала, что Арабеллу вызывают обратно в Лондон и она, видимо, сможет восстановить свое былое положение. — Но я хочу вернуться к нашему давнишнему вопросу. Разговор с Арабеллой дал мне особенно ясно почувствовать, как вульгарен так называемый законный брак. Ведь это нечто вроде ловушки для мужчин, противно даже подумать! Лучше б я не давала тебе согласия

на завтрашнее оглашение!

— О, обо мне не беспокойся! Мне все равно, когда мы это сделаем. Я просто думал, теперь ты сама захочешь поскорее пройти через все это.

— Уверяю тебя, сейчас мне этого хочется не больше, чем раньше. Будь на твоем месте другой, я бы, возможно, немножко беспокоилась, но среди немногих добродетелей, которыми обладали наши родичи, мне кажется, можно назвать верность. Поэтому я нисколько не боюсь потерять тебя, раз уж я по-настоящему твоя, а ты — мой. Мне даже легче на душе, потому что я теперь чиста перед Ричардом и он по праву может считать себя свободным. А то мне все казалось, будто мы его обманываем.

— Когда ты такая, как сейчас, Сью, мне кажется, что ты вовсе не христианка, а обитательница какой-нибудь великой древней страны, о которой я читал в былые дни, напрасно потраченные на изучение классиков. Мне так и чудится, что ты вот-вот начнешь рассказывать о своем недавнем разговоре с какой-нибудь подругой на Священной римской дороге, об Октавии или Ливии, или о том, как ты наслаждалась красноречием Аспазии или наблюдала, как Праксителъ высекал из мрамора свою последнюю Венеру, а Фрина

жаловалась, что устала позировать…

В этот момент они подошли к дому причетника. Сью остановилась поодаль, а Джуд направился к двери. Он уже поднял руку, чтобы постучать, как вдруг она окликнула его:

— Джуд!

Он оглянулся.

— Подожди минутку, хорошо?

Он вернулся к ней.

— Давай еще подумаем, — сказала она робко. — Я как-то видела такой ужасный сон! И Арабелла…

— Что она тебе сказала?

— Что если люди связаны законным браком, то мужа легче приструнить, когда он бьет жену, и что когда супруги ссорятся… Джуд… Ты действительно думаешь, что если закон обяжет тебя жить со мной, мы станем счастливее, чем теперь? У нас в роду все мужчины и женщины очень великодушны, пока все зависит от их доброй воли, но принуждение всегда вызывает в них протест. Тебя не пугают отношения, которые неощутимо возникают из законных обстоятельств? Разве они не губят чувство, весь смысл которого — добровольность?

— Клянусь богом, любовь моя, ты начинаешь

пугать меня своими предчувствиями! Ладно, давай вернемся и подумаем еще.

— Да, так мы наделаем! — отозвалась она, просияв, и они повернули назад от дверей причетника. Сью взяла Джуда под руку и тихонько запела:

Можно ль полету пчелы помешать.
Оперенью голубки смениться не дать
Или в оковах любовь удержать?

Думали ли они о своем браке или не спешили думать, — во всяком случае, несомненно одно; действовать они не спешили и жили, словно в каком-то райском сне. Прошло две, потом три недели, а дело это нисколько не продвинулось вперед, и их имена не были оглашены ни в одном из приходов Олдбрикхема.

Так они тянули и тянули, пока однажды утром, перед завтраком, от Арабеллы не пришли письмо и газета. Узнав на конверте ее почерк, Джуд пошел сказать об этом Сью, и она, быстро одевшись, сбежала вниз. Он начал читать письмо, а она развернула газету и тотчас протянула ее Джуду, указывая на какое-то сообщение на первой странице, но он был занят чтением и не сразу обернулся к ней.

— Смотри-ка! — сказала она.

Он взглянул и прочел. Это была газета, имевшая хождение лишь в южной части Лондона, а сообщение оказалось объявлением о том, что в церкви св. Иоанна на Ватерлоо-роуд состоялось бракосочетание пары Картлетт — Донн, иными словами — Арабеллы и ее трактирщика.

— Что ж, это хорошо, — удовлетворенно произнесла Сью. — Правда, теперь, кажется как-то унизительно последовать их примеру, и я рада, что… Ну да как бы там ни было, надеюсь, что после всех своих ошибок бедняжка более или менее устроена. Гораздо приятнее сознавать это, чем тревожиться за нее. Быть может, и мне следует написать Ричарду, узнать, как он поживает?

Однако Джуд все еще был поглощен письмом. Мельком пробежав объявление, он проговорил озабоченно:

— Послушай-ка, что она пишет. Что мне ей отвечать, что делать?

«Лэмбет, трактир „Три рога“.

Дорогой Джуд (не хочу именовать тебя мистер Фаули, словно ты чужой мне), посылаю тебе весьма полезный документ — газету, из которой ты узнаешь, что в

прошлый вторник я вторично сочеталась браком с Картлеттом. Уж теперь-то это крепко завязано. Но пишу я тебе совсем по другому, личному делу, ради которого, собственно, и приезжала в Олдбрикхем. Посвящать в него твою подругу было как-то неудобно, и я охотнее изложила бы его тебе при встрече, чем письмом, так мне было бы легче все объяснить. Дело в том, Джуд, что, хотя я, никогда тебе об этом не говорила, у нас с тобой есть сын, который родился в Сиднее восемь месяцев спустя после того, как мы с тобой расстались. Доказать это очень легко. Я не считала уместным сообщать о его рождении, потому что, уезжая от тебя, еще не знала, что это должно случиться, к тому же жила я так далеко, да и поссорились мы не на шутку. Я подыскала тогда себе хорошее место, поэтому ребенка взяли мои родители и он с тех пор жил у них. Вот почему я не упомянула о нем ни при встрече с тобой в Кристминстере, ни при разводе. Сейчас он уже подрос, конечно, и недавно старики написали мне, что им живется трудно и что, раз я теперь хорошо устро-

ена, с какой стати им нести заботы о мальчике, у которого живы родители. Я бы взяла его к себе, но он еще слишком мал, чтобы прислуживать в трактире, и не скоро дорастет до этого, так что может показаться Картлетту помехой. Старики уже отправили его ко мне с какими-то знакомыми, которые возвращаются на родину, так что я вынуждена просить тебя взять его к себе, когда он приедет, потому что я просто не знаю, что мне с ним делать. Даю тебе торжественную клятву, что он твой законный сын. Можешь от моего имени назвать бесстыдным лгуном всякого, кто скажет, что это не так. Что бы я ни делала до или после, но со дня нашей свадьбы и вплоть до моего ухода от тебя я была верна тебе.

Уважающая тебя
Арабелла Картлетт»

Лицо Сью выражало смятение.

— Что же теперь делать, милый? — чуть слышно прошептала она.

Джуд не отвечал, и Сью с тревогой глядела на него, с трудом переводя дыхание.

— Вот это новость! — наконец проговорил он как бы про себя. — Возможно, все это правда, я не могу это проверить. Разумеется, если она верно указывает время рождения — он мой. Но почему она ничего не сказала, когда мы встретились в Кристминстере и приехали сюда в тот вечер? Ах да, помнится, она говорила, будто у нее что-то на душе и ей хотелось бы открыть мне это, если мы когда-нибудь будем жить вместе.

— Похоже, этот бедный ребенок никому не нужен, — заметила Сью, и глаза ее наполнились слезами.

Тем временем Джуд уже пришел в себя.

— Мой он или не мой, — сказал он, — воображаю, какие у него понятия о жизни! Будь я не так беден, ни минуты не задумался бы над тем, чей это ребенок, а просто взял бы его к себе. В конце концов, что значит какой-то несчастный вопрос о происхождении? Подумать хорошенько, так не все ли равно, твой ребенок по крови или нет. Все малыши нашего века — дети всех нас, взрослых современников, и имеют право на нашу общую о них заботу. В конце концов, такая чрезмерная любовь родителей к собственным детям и неприязнь к чужим, так же, как классовость, патриотизм, чувство самосохранения и другие

наши свойства, в своей основе есть не что иное, как жалкое стремление видеть в себе что-то исключительное.

Сью вскочила с места и страстно расцеловала Джуда.

— Ты прав, милый! Возьмем его к себе! А если он не твой — тем лучше. Я все-таки надеюсь, что он не твой, хотя, быть — может, это дурно с моей стороны. Нет, если он не твой, нам надо его усыновить!

— Можешь думать о нем, как тебе больше нравится, странный ты человек, — сказал Джуд. — Мне-то, во всяком случае, не хочется бросать несчастного мальчугана на произвол судьбы. Подумай только, какая жизнь ждет его в лэмбетском трактире, — там так легко попасть под дурное влияние. Матери он не нужен, она его почти не знает, а отчиму он и вовсе чужой. «Да сгинет день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: „Зачался человек!“» Так рано или поздно может сказать о себе этой мальчик — мой мальчик, быть может?

— Нет, нет!

— Заявление о разводе подавал я, значит, на мне лежит обязанность заботиться о ребенке.

— Так это или не так, мы все равно должны

его взять. Я, как смогу, заменю ему мать, а уж прокормить-то мы его прокормим. Я буду больше работать… Интересно, когда он приедет?

— Недели через две-три, я думаю…

— Мне бы так хотелось… Когда же мы наберемся храбрости и поженимся, Джуд?

— Когда ты решишься на это, тут же решусь и я. Вся зависит от тебя, дорогая. Скажи слово — и все будет сделано.

— До приезда мальчика?

— Конечно.

— Быть может, у него тогда будет дом как дом, — прошептала она.

После этого Джуд написал Арабелле письмо в строгом деловом тоне с просьбой направить к ним мальчика, как только тот прибудет в Англию; при этом он не выразил ни малейшего удивления по поводу ее сообщения и ни словом не обмолвился о том, считает ли он себя отцом ребенка и каково было бы его отношение к ней, узнай он все это раньше.

На следующий день в поезде, что приходит в Олдбрикхем из Лондона около десяти часов вечера, в полутьме вагона третьего класса можно было видеть бледное личико мальчика с большими испуганными глазами. Шея его была повязана

белым шерстяным шарфом, поверх которого болтался на веревочке ключ, поблескивавший при свете лампы. За ленту шляпы был засунут детский железнодорожный билет. Мальчик почти не сводил глаз с сиденья напротив и не выглядывал в окно, даже когда поезд останавливался и выкликалось название станции. В купе с ним сидели трое пассажиров, и среди них работница, державшая на коленях корзинку с пестрым котенком. Порою она приоткрывала крышку корзинки, котенок высовывал голову и начинал проделывать уморительные штуки, вызывая смех у всех пассажиров, кроме одинокого мальчугана с ключом и детским билетом, который смотрел на него своими большими глазами и как будто говорил: «Всякий смех происходит от недоразумения. Ведь если взглянуть трезво, ничего нет смешного в этом мире».

Изредка на остановках в купе заглядывал проводник и говорил, обращаясь к мальчику:

— Все в порядке, дружище, сундук твой цел и невредим в багажном вагоне.

— Спасибо, — безжизненным голосом отвечал мальчик, тщетно силясь улыбнуться.

Этого ребенка можно было бы назвать Старостью, замаскированной под Младость, причем

так неудачно, что ее подлинная сущность вылезала из всех прорех. Казалось, мощная волна, вздымающаяся из темной глубины веков, то и дело вторгалась в утро дней этого ребенка, и он, равнодушно отворачиваясь от жизни, обращал свой взор назад, на огромный Океан Времени.

Пассажиры один за другим начали подремывать, даже котенок свернулся в клубок, устав возиться в тесноте, и только мальчик по-прежнему сидел неподвижно. Он как бы бодрствовал теперь и за себя и за них, подобно пленному и превращенному в карлика божеству, бесстрастно взирая на своих спутников, будто видел перед собой не их самих, а весь завершенный круг их жизней.

Это был сын Арабеллы. С обычной своей беспечностью она собралась написать о нем мужу лишь накануне прихода парохода, когда откладывать больше было невозможно, хотя она знала дату его приезда и за несколько недель до этого и в Олдбрикхем приезжала с намерением объявить Джуду о существовании малыша и о скором его прибытии. В этот самый день после полудня, когда она получила ответ от своего бывшего мужа, пароход, на борту которого находился ее сын, пришвартовался в лондонских доках, и

знакомые, которым он был поручен, посадили его в кеб, сказали мальчику лэмбетский адрес Арабеллы и, распрощавшись с ним, отправились своей дорогой.

Когда он появился в трактире «Три рога», мать осмотрела его с таким видом, будто хотела сказать: «Ну, ничего другого я от тебя и не ожидала», — дала ему поесть, сунула немного денег и, невзирая на поздний час, отправила к Джуду с ближайшим поездом, чтобы он не попался на глаза ушедшему куда-то Картлетту.

Поезд пришел в Олдбрикхем, и мальчика вместе с его сундуком выставили на безлюдную платформу. Контролер взял у него билет и, чувствуя, что тут что-то не так, спросил, куда он направляется один в такой поздний час.

— На Спринг-стрит, — безучастно ответил малыш.

— Но ведь это очень далеко, чуть ли не за городом, все уже лягут спать, пока ты дойдешь.

— Мне надо туда.

— С таким сундуком тебе придется взять извозчика.

— Нет, я должен идти пешком.

— Ну ладно. Тогда оставь сундук здесь, пришлешь за ним потом. Половину пути проедешь

на омнибусе, а дальше пойдешь сам.

— Я не боюсь.

— А почему тебя никто не встретил?

— Наверное, не знали, что я приеду.

— К кому же ты приехал?

— Мама не велела говорить об этом.

— Ну, тогда я могу позаботиться о твоем сундуке, а ты шагай, да побыстрее!

Мальчик молча вышел на улицу и, оглядевшись вокруг, убедился, что никто не идет и не следует за ним. Пройдя немного, он спросил, где находится нужная ему улица, и получил ответ, что ему надо идти прямо до самой окраины.

Он двинулся вперед ровным, механическим шагом и в походке его было что-то безличное, как в движении волны, ветра или облака. Он точно придерживался указанного ему направления и не бросал по сторонам любопытных взглядов. Чувствовалось, что у этого ребенка совсем иные представления о жизни, чем у других мальчиков. Дети начинают с частности и лишь потом переходят к обобщениям; они сперва знакомятся с близлежащим, затем мало-помалу постигают общее. Этот же малыш, вероятно, начал с общих жизненных истин и никогда не интересовался частностями. Для него дома, ивы и

темные просторы полей вокруг были не кирпичными строениями, деревьями и лужайками, а абстрактными понятиями человеческого жилья, растительности и обширного, погруженного во мрак мира.

Он добрался до маленького переулка и постучался в дом, где жил Джуд. Тот только что лег, а Сью собиралась идти к себе в соседнюю комнату, но, услышав стук, спустилась вниз.

— Здесь живет папа? — спросил мальчик.

— Кто?

— Мистер Фаули, так его зовут.

Сью побежала к Джуду наверх, и тот поспешно сошел вниз, хотя, на ее взгляд, он страшно мешкал.

— Неужели это он так скоро? — спрашивала у него Сью.

Она пристально всматривалась в черты мальчика и вдруг ушла в соседнюю комнату. Джуд приподнял ребенка и, внимательно, с угрюмой нежностью разглядывая его, сказал, что они непременно встретили бы его, если б знали, что он приедет так скоро. Потом он усадил малыша на стул и пошел к Сью, зная ее повышенную впечатлительность и угадывая ее смятение. Сью стояла в темноте, припав головой к спинке

кресла. Джуд обнял ее и, прижавшись щекой к ее лицу, прошептал:

— Что случилось?

— Арабелла сказала правду… да, правду! Я вижу в нем тебя!

— Значит, хоть что-то в моей жизни вышло так, как должно быть.

— Но другая половина его — она! И это невыносимо! Но я должна… я постараюсь привыкнуть! Да, должна!

— Ах ты маленькая ревнивица! Беру назад все свои слова о том, что ты бесполое существо. Ничего, со временем все уладится… Знаешь, милая, что мне пришло на ум? Мы воспитаем и подготовим его в университет. Может, хоть через сына я достигну того, что не удалось мне самому. Теперь ведь беднякам облегчают условия приема.

— Ах ты, мечтатель! — сказала она, и, взявшись за руки, они вместе вышли к мальчику. Теперь тот, в свою очередь, стал пристально разглядывать ее.

— Это вы наконец моя настоящая мама?

— А разве похоже, что я жена твоего отца?

— Да, но только он, кажется, любит вас, а вы его… Можно, я буду называть вас мамой?

Ребенок с тоской взглянул на нее и вдруг рас-

плакался. Сью тут же последовала его примеру: она была как арфа, вибрировавшая от малейшего волнения чужого сердца, так же, как и своего собственного.

— Можешь называть меня мамой, если хочешь, бедненький ты мой, — сказала она, прижавшись щекой к его щеке, чтобы скрыть слезы.

— А что у тебя на шее? — с деланным спокойствием, спросил Джуд, чтобы скрыть свое волнение.

— Ключ от моего сундука, который остался на вокзале.

Сью и Джуд засуетились, дали мальчику поужинать и устроили ему временную постель: он лег и сейчас же заснул. Они стояли и смотрели на спящего ребенка.

— Он в полусне два или три раза назвал тебя мамой, — прошептал Джуд. — Странно, что у него явилось такое желание.

— Это очень важно, — заметила Сью. — Это маленькое стосковавшееся сердечко может дать нам больше пищи для размышлений, чем все звезды в небе… Ну, а теперь милый, мне кажется, мы должны собраться с духом и пройти через известный обряд, — что толку плыть против течения? Я чувствую, что неизбежно втягиваюсь

в рутину, предуготованную всем женщинам. Ах, Джуд, правда, ты и после этого будешь любить меня так же нежно? Мне так хочется обласкать этого ребенка и заменить ему мать, и может, это дастся мне легче, когда брак наш станет законным.

IV

К следующей, второй попытке узаконить свою связь они подошли более обдуманно, хоть и предприняли ее на следующее же утро после появления в их доме странного ребенка.

Они заметили у него привычку сидеть молча, с застывшим, загадочным выражением на лице и с глазами, устремленными на что-то не существующее в реальном мире.

— Его лицо напоминает трагическую маску Мельпомены, — сказала Сью. — Ты еще не сказал нам, как тебя зовут, милый.

— Меня всегда называли Старичок. Это такое прозвище, потому что, говорят, я выгляжу, как старичок.

— Ты и разговариваешь так же, — мягко заметила Сью. — Странное дело, Джуд, что такие преждевременно повзрослевшие дети приезжают обычно из новых стран. Ну, а какое же имя тебе дали при крещении?

— Я некрещеный.

— Почему?

— Потому что, если б я умер некрещеным, не

пришлось бы тратиться на похороны по христианскому обряду.

— Значит, тебя зовут не Джуд? — с некоторым разочарованием спросил его отец.

Мальчик отрицательно покачал головой.

— Никогда не слыхал такого имени.

— Ну еще бы! — подхватила Сью. — Ведь она все время тебя ненавидела.

— Мы его окрестим, — сказал Джуд и добавил тихо, так, чтобы слышала только Сью: — В день нашей свадьбы.

Приезд мальчика все-таки нарушил его покой.

Они стеснялись своего положения, и так как им казалось, что гражданский брак привлечет меньше внимания, чем венчание в церкви, они на этот раз решили обойтись без церкви. Подавать прошение в мэрию они отправились вместе: они теперь стали такой неразлучной парой, что все важные дела могли делать только вдвоем.

Джуд сел заполнять бланк прошения, а Сью, стоя за его спиной, следила, как его рука выводит слова. По мере того как она читала этот никогда не виданный ею документ, куда вписывались их имена и на основании которого нечто неуловимое, их любовь, как предполагалось, должно было стать вечным, в лице ее все усиливалось выра-

жение мучительной тревоги. «Имена и фамилии сторон…» (Значит, они теперь уже «стороны», а не любящие, думала она.) «Общественное положение…» (Что за дикость!) «Звание или профессия…» «Возраст…» «Место жительства…» «Как давно проживает…» «Церковь или другое учреждение, где брак будет скреплен обрядом…» «Район и графство, в котором проживают стороны…»

— Так можно убить всякое чувство! — возмущалась Сью по дороге домой. — Это еще более противная процедура, чем подписание контракта в ризнице. В церковном обряде есть хоть какая-то поэзия. Ну, ничего, постараемся как-нибудь пережить это, дорогой.

— И переживем. Недаром иудейский законодатель сказал: «И кто обручился с женой и не взял ее, тот пусть, идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении и другой не взял ее».

— Как хорошо ты знаешь Библию, Джуд! Тебе вправду следовало стать священником. Я вот могу цитировать только светских писателей.

В последующие дни, до получения согласия на брак, Сью, делая покупки по хозяйству, иногда проходила мимо мэрии и, украдкой заглядывая внутрь, видела приколотое на стене объявление об их предстоящем браке. Вид его был ей невы-

носим. После первого опыта супружеской жизни вся романтика чувства, казалось, умирала оттого, что новый брак заключался по тому же подобию! Обычно она вела за руку маленького Старичка, и ей казалось, будто люди принимают его за ее сына и видят в предстоящем браке искупление ее старого греха.

Тем временем Джуд решил хоть как-то связать свое прошлое и настоящее и для этого пригласил на свадьбу единственную оставшуюся в живых знакомую, которая знала его еще в Мэригрин, — старую вдову Эдлин, приятельницу его двоюродной бабки, ходившую за ней во время ее болезни перед смертью. Он не особенно надеялся на то, что она приедет, но старушка явилась и привезла своеобразные подарки: яблоки, варенье, медные щипцы для снимания нагара, старинное оловянное блюдо, грелку и огромный мешок гусиных перьев для перины. Ее поместили в свободную комнату наверху, куда она удалилась довольно рано, и через потолок им было слышно, как она громко и набожно читала молитву господню, согласно предписанию церковного устава.

Заснуть ей, однако, не удалось, и, узнав, что Сью и Джуд еще не ложились — было всего десять часов вечера, — она снова оделась и сошла вниз,

и они все вместе допоздна засиделись у камина, в том числе и Старичок, хотя его почти не замечали, потому что он все время молчал.

— Что ж, я не против замужества, как была ваша бабушка, — сказала вдова. — Надеюсь, на этот раз свадьба у вас будет счастливая. Кому, как не мне, пожелать вам счастья? На свете никого уж, кроме меня, и не осталось, кто бы так хорошо знал ваших родителей. Видит бог, не везло им в браке!

Сью тревожно вздохнула.

— Добрые были люди, бывало, мухи не обидят, — продолжала гостья, — только уж если что неладно или не по них, так сразу голову теряли. Вот и натворил бед один такой, о котором ходят толки, не знаю только, вправду ли он из вашего рода.

— А что он сделал? — спросил Джуд.

— Да ведь вы слышали, наверно, про него… ну, про того, которого повесили как раз над обрывом возле Бурого Дома… Неподалеку от придорожного столба, что у развилки между Мэригрин и Элфредстоном? Но, может, он вам вовсе и не родня. И когда еще это было, лет сто назад!

— Я отлично знаю место, где, как говорят, стояла виселица, — пробормотал Джуд. — Но историю

эту никогда не слышал. Что же он сделал, этот наш предок, убил жену?

— Не совсем так. Она убежала от него с ребенком к друзьям, и ребенок вскорости умер. Он хотел забрать тело, чтобы похоронить его вместе со своими родными, а жена не дала. Тогда он явился ночью с повозкой и пробрался в дом, чтобы украсть гроб, но его схватили, а он из упрямства не захотел сознаться, зачем пришел. Ну, его и судили за кражу со взломом и повесили там, на холме у Бурого Дома. Жена сошла с ума после его смерти. Только, может, он был вам такой же родственник, как и мне.

— На твоем месте, мама, я бы не стал выходить замуж за папу, — словно из-под земли, раздался слабый голос Старичка, который сидел в тени у камина.

Все вздрогнули, так как совсем забыли о его присутствии.

— О, это ведь всего-навсего сказка! — бодро сказала Сью.

После такой веселенькой истории, рассказанной вдовой накануне торжественного дня бракосочетания, они встали и, пожелав гостье спокойной ночи, удалились на покой.

На следующее утро Сью места себе не находила

от волнения и перед уходом из дому тихонько отозвала Джуда в гостиную.

— Джуд, я хочу, чтобы ты поцеловал меня нежно, как влюбленный, — сказала она со слезами на глазах, порывисто прижимаясь к нему. — Больше так уж никогда не будет, правда? Лучше б мы не затевали этой свадьбы! Но теперь уж надо довести все до конца. Как ужасна эта история, что рассказала нам вчера миссис Эдлин! Она испортила мне настроение на весь день. Теперь мне кажется, что над нашей семьей тяготеет трагический рок, как над домом Атрея.

— Или над домом Иеровоамовым, — заметил бывший богослов.

— Верно. И потому с нашей стороны ужасно опрометчиво вступать в брак. Мне придется клясться тебе в верности теми же словами, которыми я клялась моему первому мужу, а ты повторишь мне тот же обет, что давал первой жене, и это несмотря на то, чему научила нас жизнь!

— Если тебя это беспокоит, я тоже не могу быть счастливым, — сказал Джуд. — Я надеялся видеть тебя сегодня радостной. Но раз нет, значит, нет. Что толку притворяться? Если для тебя сегодняшняя церемония — печальное событие, значит, и

для меня тоже.

— В ней есть неприятное сходство с той, первой, вот и все, — прошептала она. — Ну, ладно, пойдем.

Взявшись под руку, они отправились в мэрию, не пригласив никаких свидетелей, кроме вдовы Эдлин. День был серый и холодный, липкий туман тянулся над городом со стороны «украшенной королевскими башнями Темзы».

Люди, приходившие в мэрию, нанесли грязь на ступеньки у входа, в вестибюле стояли мокрые зонты. В зале собралось несколько человек — там шло бракосочетание какого-то солдата с молодой женщиной. Пока длилась эта церемония, Сью стояла поодаль, с Джудом и миссис Эдлин и читала вывешенные на стене объявления о браках. На их взгляд, комната была очень мрачной, хотя обычные посетители, видимо, не находили в ней ничего особенного. Тома свода законов в ветхих переплетах из телячьей кожи сплошь закрывали собой одну из стен, повсюду лежали почтовые указатели и всякого рода справочники. Папки с бумагами, перевязанными красной тесьмой, были рассованы по полкам, в нише стояло несколько несгораемых ящиков. На голых досках пола, так же как и у входа, красовались следы

многочисленных посетителей.

Солдат был угрюм и недоволен, невеста — застенчива и печальна; под глазом у нее был синяк, и в скором времени ей, видимо, предстояло стать матерью. Скромная церемония скоро закончилась, и пара покинула помещение в сопровождении бестолково засуетившихся друзей. Один из свидетелей, проходя мимо Сью и Джуда, обратился к ним, словно к давним знакомым, и сказал:

— Поглядите-ка вот на этих, они только что вошли. Ха-ха! Парня только утром выпустили из тюрьмы. Она встретила его у ворот — и сразу сюда. Сама и расходы все оплатила.

Сью обернулась и увидела некрасивого, наголо остриженного человека под руку с широколицей рябой женщиной, раскрасневшейся от выпивки и от радостного сознания близкого исполнения желаний. Оба игриво приветствовали выходившую пару и, протиснувшись вперед, стали как раз перед Джудом и Сью, замешательство которых все возрастало. Сью отступила назад и взглянула на Джуда, губы ее искривились, как у готового заплакать ребенка.

— Джуд, мне не нравится здесь! Лучше бы мы сюда не приходили! Это место внушает мне

омерзение: разве не противоестественно такое освящение нашей любви? Лучше уж пойти в церковь, если обряд так уж необходим. Там хоть не так пошло!

— Девочка моя дорогая, как ты бледна и встревожена! — сказал Джуд.

— Наверно, теперь уж все равно придется проделать это здесь?

— Нет… быть может, не обязательно.

Он поговорил с секретарем и вернулся к Сью.

— Нет, мы и сейчас не обязаны регистрировать брак ни здесь, ни где-нибудь еще, если не хотим, — сказал он. — Можно повенчаться и в церкви, но, кажется, на это надо получить от него другое свидетельство. Во всяком случае, давай уйдем отсюда, дорогая, успокоимся немного, а там поговорим.

Они вышли украдкой, с виноватым видом, словно совершили какой-нибудь проступок, бесшумно прикрыли за собой дверь, и сказали вдове, которая все это время была в вестибюле, чтобы она шла домой и ждала их там: если будет нужно, они пригласят в свидетели кого-нибудь из прохожих. Выйдя на улицу, они свернули в безлюдный переулок и стали прогуливаться взад и вперед, как когда-то на крытом рынке в Мелчестере.

— Что же нам теперь делать, дорогая? Кажется, мы порядком запутались. Я согласен на все, лишь бы ты была довольна.

— Джуд, милый, я замучила тебя! Ты хотел покончить с этим делом там, правда?

— Правду сказать, когда я вошел, мне не очень этого захотелось. Обстановка безобразная, и на меня она подействовала почти так же угнетающе, как на тебя. И еще я вспомнил твои слова утром о том, следует ли нам вот обще решаться на этот шаг.

Они шли куда глаза глядят, потом Сью остановилась и заговорила снова:

— Конечно, с нашей стороны это слабость — так колебаться. И все-таки лучше уж так, чем снова совершить безрассудство… Какая это была отвратительная сцена, там, в мэрии! Помнишь выражение лица у этой обрюзгшей женщины, которая готова отдать себя какому-то арестанту, и не на время, как ей хочется, а на всю жизнь? И та, другая, бедняжка… Чтобы избежать того, что она считает позором, которым она обязана слабости характера, она унижается до подлинно позорной связи с презирающим ее тираном, тогда как единственная возможность спасения для нее — это расстаться с ним… А вот, кажется, наша

приходская церковь. Сюда бы мы пришли, если бы действовали обычным путем. Кажется, сейчас тут идет служба.

Джуд поднялся по ступеням и заглянул внутрь.

— И здесь венчанье! — сказал он. — Кажется, сегодня все решили пойти по нашим стопам.

Сью сказала, что это, должно быть, по случаю окончания великого поста, когда всегда бывает много свадеб.

— Давай послушаем и посмотрим, какое впечатление произведет на нас церковный обряд, — предложила она.

Они вошли, сели на заднюю скамью и стали наблюдать за происходящим у алтаря. Жених и невеста, очевидно, принадлежали к зажиточному среднему сословию, но свадьба их не отличалась ни особой пышностью, ни занимательностью. Сью и Джуд даже на расстоянии видели, как дрожат цветы в руках невесты, и им слышно было, как она машинально бормочет слова, в смятении своем не понимая их смысла. Сью и Джуд слушали ее и вспоминали, как в прошлом они сами проходили через такое же испытание.

— Для нее, бедняжки, все это не так, как было бы для меня, если б я снова решилась пойти на это, уже наученная горьким опытом, — прошептала

Сью. — Им, видишь ли, приходится переживать все это впервые, и они принимают обряд как должное. Мы же, по крайней мере я, до конца сознаем огромную важность этого события. Быть может, я чересчур щепетильна, но, право, мне кажется безнравственным пойти и сознательно проделать все это снова. Видя все здесь происходящее, я начинаю бояться церковного брака не меньше, чем того, в мэрии… Мы с тобой слабые и робкие люди, Джуд, и полны сомнений там, где другие чувствуют себя уверенно. Боюсь, я не найду в себе сил заключить эту гнусную сделку еще раз.

Они вымученно улыбались и продолжали обсуждать происходящую перед их глазами церемонию. Джуд заявил, что и по его мнению они слишком чувствительны и им не надо было родиться на свет, а уж тем более сходиться вместе для брака — самой нелепой формы совместной жизни, какую можно для них придумать.

При этих его словах Сью вздрогнула и серьезно спросила, действительно ли он считает, что им не следует брать на себя такое пожизненное обязательство.

— Это ведь ужасно — сознавать собственную слабость и все же идти на ложную клятву, — ска-

зала она.

— Да, пожалуй, именно так я и думаю, раз уж ты спросила об этом, — отозвался Джуд. — Но помни, родная, я готов на это, как только ты захочешь.

Она не нашлась, что сказать, и он признался, что хоть он и понимает необходимость решиться на брак, его, как и ее, пугает мысль об их неприспособленности для такого союза, быть может, вытекающей из особенностей их натур, — ведь они совсем не похожи на других людей.

— Мы ужасно остро все чувствуем, вот в чем наша беда, Сью, — сказал он.

— Таких, как мы, наверно, гораздо больше на свете, чем мы думаем!

— Не знаю, очень может быть. Брачный договор преследует благую цель сам по себе и во многих случаях себя оправдывает, но у нас он дает осечку, такие уж мы чудаки. Связанные принудительными семейными узами, мы теряем всю сердечность и непосредственность чувства.

Сью упорно не хотела признать, что они какие-то особенные, отличные от других.

— Все такие, как мы, — утверждала она. — Мы только чуть раньше остальных почувствовали то, что скоро почувствует каждый. А лет через пятьдесят или сто наши потомки будут чувство-

вать и поступать ещё хуже, чем мы. Они воочию увидят в мятущемся человечестве

Свое подобье в безобразном размноженье, —

и будут бояться воспроизводить его.

— Какие ужасные стихи!.. Хотя, признаться, и сам я в тяжелые минуты также смотрю на своих ближних.

Они пошептались еще немного, пока Сью, несколько повеселев, не заявила:

— Вообще-то говоря, какое нам дело до общественных проблем? Не нам с тобой ломать над этим голову. Мы с тобой, хоть и по разным причинам, пришли к заключению, что лично для нас давать нерушимую клятву рискованно. Поедем-ка лучше домой, Джуд, и не будем губить нашу мечту, хорошо? Как ты добр, дружок мой, что терпишь все мои причуды!

— Они в значительной мере соответствуют моим.

Он тихонько поцеловал ее, прячась за колонну и пользуясь тем, что внимание присутствующих было отвлечено вхождением новобрачных в ризницу. Потом они пробрались к выходу и постояли там, пока не вернулись уезжавшие

на время экипажи и молодожены не вышли на яркий дневной свет.

— В цветах невесты есть печальное сходство с гирляндами, которыми в древности украшали жертвенных тельцов, — вздохнула Сью.

— И все же женщине приходится в браке не тяжелее, чем мужчине, Сью. Некоторые женщины этого не видят и вместо того, чтобы восставать против социальных условий, восстают против их жертвы — мужей. Знаешь, вот как в толпе женщина ругает мужчину за то, что он толкнул ее, тогда как на деле он просто не в силах устоять против общего натиска.

— Да, многие так поступают, вместо того чтобы объединиться против общего врага — принуждения.

Новобрачные тем временем уехали, и Сью с Джудом пошли от церкви вместе с толпой зевак.

— Нет, не будем венчаться, — сказала Сью. — Во всяком случае, не сейчас.

Они под руку приблизились к дому и, проходя мимо окна, увидели, что вдова Эдлин смотрит на них.

— Ну вот! — воскликнула гостья, как только они вошли. — Стоило мне увидеть, что вы, точно два голубка, подходите к двери, как я сразу сказа-

ла себе: «Наконец-то решились!»

Джуд и Сью кратко сообщили ей, что она ошиблась.

— Как? Так-таки не повенчались? Пропади все пропадом! «Была под венцом, и дело с концом», — вот как в старину-то заведено было, а вы против поговорки пошли! Сподобил же меня господь дожить до такого! Нет, поеду-ка я лучше назад к себе в Мэригрин. Вот они, новые-то понятия, до чего доводят! В мое время никому и в голову не приходило бояться брака; никто не боялся ничего, кроме пушечного ядра да пустого буфета! Мы с покойным мужем повенчались — как в бабки сыграли!

— Не говорите ничего мальчику, когда он придет, — тревожно прошептала Сью, — не надо его смущать. Пусть думает, что все в порядке, и не ломает себе голову. Мы, конечно, только отложили венчанье, чтобы еще раз все обдумать. Кому какое дело, если мы и так счастливы?

V

В задачу повествователя, описывающего поступки и настроения героев, не входит высказывание собственного мнения по изложенному выше спорному вопросу. Несомненно одно: в промежутках между днями печали Сью и Джуд были счастливы. Неожиданное появление в их семье ребенка, вопреки ожиданию, не только не внесло смятения в их жизнь, но наполнило ее новым смыслом, бескорыстным и облагораживающим, и не только не нарушило, а скорее упрочило их счастье.

Разумеется, таких добрых, отзывчивых людей, как они, приезд мальчика невольно заставлял задуматься о будущем, тем более что малыш отличался каким-то странным отсутствием обычных детских склонностей. Но оба они старались хотя бы временно не слишком много предаваться тревожным мыслям.

Есть в Северном Уэссексе старинный городок под названием Стоук-Бэрхиллз с девятью или десятью тысячами жителей. Со своей мрачной, неприглядной древней церковью и новыми

кирпичными домами окраин он стоит на открытой меловой равнине в центре воображаемого треугольника, углы которого составляют города Олдбрикхем, Уинтончестер и важный военный пункт Куортершот. Через город проходит большая западная дорога из Лондона, которая разветвляется здесь на две, чтобы через каких-нибудь двадцать миль дальше на запад снова слиться в одну. В те дни, когда еще не было железных дорог, перед путниками вечно вставал вопрос о том, какой из двух путей избрать. Вопрос этот отошел в прошлое вместе с кондукторами почтовых карет, ломовыми извозчиками и мелкими землевладельцами, которых он когда-то занимал, и никому из теперешних обитателей Стоук-Бэрхиллза, наверное, и в голову не придет, что две дороги, расходящиеся в городе, где-то соединяются вновь, так как никто не ездит теперь по этому западному пути ни в ту, ни в другую сторону.

В наши дни главной достопримечательностью Стоук-Бэрхиллза считается кладбище, расположенное среди живописных средневековых развалин невдалеке от железной дороги, и современные часовни, современные склепы и современный кустарник кажутся чем-то по-

сторонним, вторгшимся в рассыпающиеся от времени, увитые плющом древние стены.

В один из дней того года, к которому подошло наше повествование, в начале июня, в этот ничем не интересный городок съехались по железной дороге множество людей; некоторые поезда, прибывшие из Лондона, оставили в нем почти всех пассажиров: шла неделя Большой Уэссекской сельскохозяйственной выставки, обширные павильоны которой раскинулись на городских окраинах, подобно палаткам осадившего город войска. Всевозможные временные сооружения: навесы, будки, балаганы, павильоны, пассажи и галереи — заняли на лугу пространство около квадратной полумили, и толпы приезжих непрерывным потоком двигались к выставке через город. Вдоль всего их пути выстроились рядами ларьки, лотки и пешие разносчики, превратив улицы в рынок и помогая непредусмотрительным людям облегчить свои карманы, еще не дойдя до ворот выставки, ради которой они приехали.

Это был популярный народный праздник — «день шиллинга». Пассажирские поезда прибывали один за другим, из них два пришли с разных направлений на смежные платформы почти в

одну и ту же минуту. Один прибыл из Лондона, другой — по боковой ветке — из Олдбрикхема. Из лондонского поезда вышла пара: небольшого роста пухлый мужчина с круглым брюшком и короткими ножками, напоминающий волчок на двух шпоньках, и статная женщина с красным лицом, в черном платье, сверху донизу шитом бисером, которое сверкало на ней, словно кольчуга.

Они осмотрелись по сторонам, и мужчина хотел было, по примеру прочих, нанять извозчика, но женщина остановила его:

— Не торопись, Картлетт, до выставки не так уж далеко. Давай пройдемся по улицам. Быть может, попадется какая-нибудь недорогая мебель или старый фарфор. Давненько я не была здесь, с тех самых пор, как еще девушкой жила в Олдбрикхеме и приезжала сюда погулять со своим кавалером.

— Ты не сможешь провезти мебель в пассажирском поезде, — возразил басом ее муж — хозяин трактира «Три рога» в «прекрасном густонаселенном районе, где жители охотно пьют джин», как гласило прельстившее их когда-то объявление; с тех пор они владели этим заведением в Лэмбете, откуда и прибыли сейчас. Лицо и фигура хозяи-

на явно свидетельствовали о том, что, подобно своим посетителям, он тоже весьма привержен к напиткам, которыми торговал.

— Можно распорядиться, чтобы ее прислали, если попадет стоящая, — сказала жена.

Они отправились в путь, но едва вошли в город, как внимание Арабеллы привлекла молодая пара с ребенком, сошедшая с соседней платформы, куда подошел поезд из Олдбрикхема. Она шла немного впереди их.

— Вот те на! — воскликнула Арабелла.

— Что такое? — отозвался Картлетт.

— Как ты думаешь, кто эти двое? Узнаешь мужчину?

— Нет.

— Я же показывала тебе его карточки!

— Неужели Фаули?

— Он самый.

— Ну что ж, видно, и ему, как всем прочим, захотелось посмотреть выставку.

Если Картлетт и интересовался Джудом в то время, когда еще находил в Арабелле прелесть новизны, то интерес этот явно увял с тех пор, как все ее чары, фальшивые локоны и искусственные ямочки на щеках стали для него прочитанной книгой.

Арабелла старалась идти так, чтобы все время быть позади Сью и Джуда, — в потоке пешеходов это не бросалось в глаза. На замечания Картлетта она отвечала рассеянно и небрежно: шедшая впереди группа интересовала ее куда больше, чем все окружающее.

— Как видно, они любят друг друга и своего ребенка, — сказал трактирщик.

— Своего! Это вовсе не их ребенок! — раздраженно, с непонятной завистью воскликнула Арабелла. — Они не так давно женаты, чтобы иметь такого сына!

Хотя не совсем угасший в ней материнский инстинкт и заставил ее возразить мужу, подумав, она решила особенно не откровенничать. Ведь мистер Картлетт был убежден, что сын его жены от первого брака живет у его родных в другом полушарии.

— Пожалуй, что так. Она совсем девочка с виду.

— Они просто влюбленные, а если и женаты, то совсем недавно, это сразу видно, а ребенок у них на воспитании.

Тем временем толпа продолжала продвигаться вперед, а с нею вместе и ничего не подозревавшие Сью и Джуд. Они решили посмотреть выстав-

ку, — благо ехать им было каких-нибудь двадцать миль, — и за небольшую плату соединить поучительную экскурсию с приятной прогулкой. Заботясь не только о себе, они взяли с собой и Старичка и, как только могли, старались растормошить и развеселить его, хотя он до некоторой степени мешал им в прогулках, которыми они наслаждались с такой чудесной непринужденностью. Впрочем, очень скоро они перестали стесняться мальчика и продолжали по-прежнему дарить друг друга той нежной внимательностью, которую не умеют скрывать даже самые застенчивые люди и которую они здесь, в толпе совершенна незнакомых им людей, скрывали еще меньше, чем у себя в Олдбрикхеме. Сью в новом летнем платье, тоненькая и легкая, как птичка, чуть придерживала пальцем ручку белого батистового зонтика и не ступала, а словно летела над землей, так что казалось, дунь ветер чуть посильнее — и ее унесет, через изгородь на поле. Джуд, одетый в светло-серый праздничный костюм, искренне гордился своей спутницей, причем не столько ее внешностью, сколько подкупающей манерой держаться и разговаривать. Полное взаимопонимание, при котором жесты и взгляды говорят лучше всяких слов, делало их

как бы двумя частями единого целого.

Они прошли через турникет, и Арабелла с мужем последовали за ними. Войдя на территорию выставки, жена трактирщика могла видеть, что они все свое внимание обратили на мальчика, показывая и объясняя ему интересные экспонаты живой и неживой природы; по лицам их пробегала тень грусти всякий раз, когда им не удавалось побороть его апатию.

— Как она льнет к нему! — сказала Арабелла. — Нет, я не думаю, что они женаты, иначе они не носились бы так друг с другом. Вот интересно-то!

— Но ведь ты как будто сказала, что он женился на ней?

— Я лишь слыхала, что он собирался — опять собирался после того, как несколько раз откладывал. Господи! Они ведут себя так, будто, кроме них, на выставке никого нет! Я бы на его месте постыдилась валять такого дурака!

— Не вижу в их поведении ничего особенного. Даже не заметил бы, что они влюблены, если бы ты не сказала.

— Ну, ты никогда ничего не замечаешь! — отрезала она.

Однако не было никакого сомнения в том что и вся толпа на выставке разделяла мнение Карт-

летта о поведении молодой пары, ибо никто не обращал ни малейшего внимания на то, что увидел обостренно зоркий взгляд Арабеллы.

— Он так очарован ею, точно она какая-нибудь фея, — продолжала она. — Посмотри, все время оглядывается на нее, просто глаз оторвать не может. По-моему, она куда меньше влюблена в него, чем он в нее. Она, видно, не очень-то любвеобильна, просто отвечает на его чувство, как может, а он мог бы и помучить ее немножко, только очень уж он прост для этого… Ага! Они пошли к конюшням смотреть ломовых лошадей, идем скорее!

— Я не хочу смотреть ломовых лошадей. С какой стати нам ходить за ними по пятам? Уж раз мы пришли на выставку, так давай осматривать то, что нам нравится, вот как они это делают.

— Ладно. Тогда давай сговоримся, где нам встретиться через час, — хотя бы вон в той палатке с прохладительными напитками. Будем ходить порознь, и каждый посмотрит, что хочет.

Картлетт охотно согласился, и они разошлись — он пошел к павильону, где демонстрировались процессы соложения, а Арабелла — вслед за Джудом и Сью. Но не успела она нагнать их, как перед ней появилась смеющаяся физиономия Энни,

подруги ее юности.

Энни от души расхохоталась, радуясь неожиданной встрече.

— Я все еще живу здесь поблизости, — заговорила она, утихомирившись. — Собираюсь скоро замуж, вот только жених мой не смог поехать сегодня со мной. Из наших-то краев много народу сюда понаехало, ну а я от всех отбилась.

— А тебе не встретился Джуд со своей кралей или женой, уж не знаю, кто там она ему. Я вот сейчас их видала.

— Нет, я уж сколько лет его не видела.

— Они должны быть где-то здесь… А, вон они, возле той серой лошади!

— О-о, какая у него теперь зазноба! Жена, говоришь? Он, что же, опять женился?

— Не знаю.

— А она недурна собой, правда?

— Да, ничего, но только и с ума сходить не от чего — так, пигалица какая-то. Все вертится чего-то.

— И он тоже красивый парень. Зря ты его бросила, Арабелла!

— Возможно, возможно, — пробормотала та.

— Узнаю тебя, Арабелла! — засмеялась Энни. — Всегда ты заришься на чужих мужчин, мало тебе

своего.

— А кто из нас, женщин, не зарится, хотела бы я знать? Ну а эта, которая с ним, так она даже не знает, что такое любовь, или хотя бы то, что я называю любовью! По лицу видно, что не знает!

— Ну а если, Эбби, дорогая, ты тоже не знаешь, что она называет любовью?

— А я и знать не хочу!.. Ага! Они идут в павильон искусств. Я и сама не прочь взглянуть на картины. Пойдем вместе? О, да тут сегодня чуть ли не весь Уэссекс! Вон и доктор Вильберт! Давненько я его не видала, а он все такой же, как прежде, ничуть не постарел. Здравствуйте, доктор; вот я говорю, вы совсем не изменились с тех пор, как знали меня девушкой.

— А все оттого, что я регулярно принимаю пилюли собственного изготовления, мэм. Всего два шиллинга три пенса коробка. Лечебное действие гарантируется государственным патентом. Советую последовать моему примеру и приобрести это средство, предохраняющее от разрушительного действия времени. Всего два шиллинга три пенса.

Лекарь вытащил из жилетного кармана коробочку, и Арабелла поддалась искушению купить ее.

— Надо сказать, — продолжал он, пряча деньги, — что у вас есть передо мной преимущество, миссис… уж конечно, не Фаули, ну а в прошлом — мисс Донн из окрестностей Мэригрин.

— Верно, но теперь — миссис Картлетт.

— Так, значит, вы потеряли своего первого мужа? Способный был юноша. Мой ученик, между прочим. Учился у меня древним языкам. И поверите ли, очень скоро почти сравнялся со мною в познаниях.

— Я потеряла его, но не в том смысле, как вы думаете, — сухо отозвалась Арабелла. — Нас разъединили юристы. Он жив и здоров и разгуливает сейчас с молодой женщиной, вон поглядите, они входят в павильон искусств!

— А-а! Скажите, пожалуйста! Как он ее любит, должно быть!

— Говорят, они двоюродные брат и сестра.

— Родство пришлось им на руку, как я погляжу!

— В точности так. Ее муж, видно, тоже так думал, когда давал ей развод… Не посмотреть ли и нам картины?

Они втроем пересекли лужайку и вошли в павильон. Джуд и Сью, не подозревая, какой интерес к себе они вызывают, остановились возле

одного из экспонатов в конце зала и довольно долго разглядывали его, прежде чем двинуться дальше. Арабелла и ее друзья прошли следом за ними и прочли приклеенную к макету надпись: «Модель Кардинальского колледжа в Кристминстере. Работа Дж. Фаули и С.-Ф.-М.Брайдхед».

— Любовались собственной работой! — усмехнулась Арабелла. — Как это похоже на Джуда! Все бы ему думать о колледжах да о Кристминстере, а не делом заниматься!

Они бегло просмотрели картины и прошли к эстраде послушать музыку военного оркестра. Через некоторое время к эстраде с другой стороны приблизились Сью и Джуд. Арабелла ничего не имела против, если бы они ее заметили, но те были слишком поглощены собственными переживаниями и музыкой, чтобы узнать ее под расшитой бисером вуалью. Она обошла собравшуюся перед эстрадой толпу, и стала за спиной влюбленных, каждое движение которых имело для нее неизъяснимую притягательную силу. Глядя на них сзади в упор, она заметила, как рука Джуда встретилась с рукой Сью; они стояли, тесно прижавшись друг к другу, полагая, что так никто не увидит этого немого знака их взаимной нежности.

— Дурачье! Точно дети малые! — сердито проворчала про себя Арабелла и отошла к своим спутникам, нахмуренная и притихшая.

Энни между тем игриво сообщила Вильберту, что ее подруга не на шутку заинтересовалась своим первым мужем.

— Послушайте, миссис Картлетт, — обратился он к Арабелле, отводя ее в сторону. — Не желаете ли приобрести одно средство? Это не из моих обычных лекарств, но иногда у меня просят что-нибудь в этом духе. — Он показал ей маленький флакончик с прозрачной жидкостью. — Это любовный напиток, употреблявшийся в древности с большим успехом. Я открыл его состав, изучая старинные рукописи, и знаю, что оно действует безотказно.

— А из чего он сделан? — заинтересовалась Арабелла.

— Одна из составных частей его — очищенный сок голубиных сердец. Чтобы получить одну такую бутылочку, требуется около сотни сердец.

— Как же вы достаете столько голубей?

— Скажу вам по секрету: я беру кусочек каменной соли, которую голуби особенно любят, и кладу в голубятню у себя на крыше. Через несколько часов голуби слетаются туда со всех

четырех стран света — с востока, с запада, с севера и с юга, — и тут лови их сколько угодно. Надо постараться, чтобы желанный вам человек выпил капель десять этой жидкости в каком-нибудь напитке. Но учтите, я рассказал вам все это только потому, что, судя по вашим расспросам, вижу в вас покупательницу. Вы ведь не подведете меня?

— Что ж, пожалуй, можно взять бутылочку. Дам кому-нибудь из подруг, пусть испробует на своем кавалере.

Арабелла уплатила лекарю требуемую сумму — пять шиллингов — и спрятала флакончик за свой объемистый корсаж. Затем она заявила, что ее ждет муж, и направилась к бару с прохладительными напитками.

Тем временем Джуд со своим семейством прошел к павильону садоводства, и Арабелла увидела, как они остановились перед цветущим кустом роз. Она выждала немного, наблюдая за ними, и присоединилась к супругу в отнюдь не мирном настроении. Он сидел на табурете перед стойкой бара и болтал с одной из нарядно одетых девушек, которая прислуживала ему.

— Тебе что, дома этого не хватает? — раздраженно начала она. — Уехать за пятьдесят миль от своего трактира для того, чтобы застрять в

чужом! Вставай, проведи меня по выставке, как полагается порядочному супругу. Право же, можно подумать, будто ты молодой холостяк и у тебя нет других забот, кроме как о себе самом!

— Но мы же договорились встретиться здесь. Что мне оставалось делать, как не ждать?

— Ну вот мы и встретились. Идем! — ответила она в раздражении, готовая поссориться с целым миром, и они удалились — мужчина с брюшком и расфранченная женщина, сердитые и обиженные друг на друга, — типичные примерные супруги.

Тем временем другая, не столь обычная пара с мальчиком все еще была в цветочном павильоне, который казался им волшебным замком; щеки Сью, обычно такие бледные, словно переняли румянец у роз, которыми она любовалась, пестрые зрелища, свежий воздух, музыка и удовольствие от прогулки с Джудом горячили ей кровь и придавали живость взгляду. Сью очень любила розы, и Арабелле довелось увидеть ее как раз в тот момент, когда она чуть не насильно удерживала около них Джуда. Она старалась запомнить названия сортов и, наклонившись к самым цветам, вдыхала их аромат.

— Какая прелесть! Так и хочется зарыться в них лицом! — говорила она. — Но, надо полагать,

трогать их запрещается, да, Джуд?

— Ну разумеется! Какой ты еще ребенок! — смеялся Джуд и шутливо подталкивал ее, пока она не коснулась носом лепестков.

— Сейчас к нам подойдет полисмен, и я скажу, что это мой муж виноват! — улыбнулась она, вскинув на него глаза, и улыбка эта многое открыла Арабелле.

— Ты счастлива? — шепотом спросил он. Она молча кивнула в ответ.

— А почему? Потому что увидела Большую Уэссекскую выставку или потому, что мы вместе увидели ее?

— Вечно ты заставляешь меня признаваться во всяких глупостях! Почему, почему! Конечно, только потому, что я расширяю свой кругозор, глядя на все эти паровые плуги, молотилки, соломорезки, на всех этих коров, овец и свиней.

Джуд вполне удовлетворился этими шутливыми словами и тут же забыл о своем вопросе, но именно потому, что он уже не ждал на него ответа, она продолжала:

— У меня такое ощущение, будто к нам вернулась жизнерадостность древних греков, мы закрыли глаза на все горести и печали и позабыли о том, чему учат человечество последние

двадцать пять столетий, как сказал кто-то из твоих кристминстерских светил. Только одна тень у нас перед глазами — одна-единственная.

И она указала взглядом на преждевременно состарившегося ребенка, которого они тщетно старались заинтересовать, показывая ему все, что способно привлечь детский ум.

Он понял их разговор и их мысли.

— Не сердитесь, папа и мама, — сказал он, — мне очень жаль, но я ничего не могу с собой поделать. Мне бы очень, очень понравились эти цветы, если бы я не думал все время, что через несколько дней они увянут!

VI

С того дня, как Джуд и Сью отложили свою свадьбу, их жизнь, на которую раньше никто не обращал внимания, стала предметом обсуждения и наблюдения не для одной только Арабеллы. Обитатели Спринг-стрит и соседних с ней улиц не понимали, да им и трудно было бы объяснить личные переживания, намерения и опасения этой пары. Такие странные события, как неожиданное появление в доме ребенка, называвшего их папой и мамой, отмена брачного обряда, который они хотели совершить в мэрии, чтобы не привлекать к себе внимания, а также слухи о неких необжалованных постановлениях о разводе находили у обывателей лишь одно объяснение.

Старичок, — эта кличка так за ним и осталась, хотя он теперь был переименован в Джуда, — приходил по вечерам из школы и пересказывал все те толки и замечания, которые слышал от других мальчиков, и это очень огорчало не только Сью, но и Джуда, когда он выслушивал его.

Кончилось тем, что вскоре после попытки заре-

гистрировать брак они уехали на несколько дней, по всей видимости в Лондон, поручив присмотр за мальчиком кому-то из соседей. Возвратившись домой, они с самым безразличным видом, так, между прочим, дали косвенным образом понять, что вступили наконец в законный брак. Сью, носившая прежде свою девичью фамилию Брайдхед, стала открыто называться миссис Фаули. Ее вялость, подавленность и полная апатия ко всему, казалось, подтверждали свершившееся.

Однако, по общему мнению, было ошибкой проделать все под таким секретом, это лишь окружило их жизнь еще большей таинственностью, и они скоро поняли, что, вопреки ожиданию, ничего не выиграли в глазах соседей. Живая тайна оказалась не менее интересной, чем погребенный скандал.

Мальчишки-рассыльные из булочной и бакалейной лавки, которые прежде, принося товар, вежливо снимали перед Сью шапки, теперь не находили нужным оказывать ей почтение, жены местных ремесленников при встрече с ней устремляли взор в пространство.

Правда, открыто их никто не оскорблял, но вокруг них создалась какая-то гнетущая атмосфера, особенно после поездки на выставку, словно посе-

щение ее оказало на их судьбу какое-то зловещее влияние. По характеру своему они оба могли только страдать в такой обстановке и неспособны были разрядить ее открытым и резким словом. Их попытка исправить положение слишком запоздала и кончилась ничем!

Заказы на памятники и эпитафии поступали все реже и реже, и через два-три месяца, с наступлением осени, Джуд увидел, что ему придется опять перейти на поденную работу, а это было совсем некстати, так как он еще не отдал долги, в которые влез, чтобы уплатить в прошлом году судебные издержки.

Однажды вечером они всей семьей, как обычно, сидели за ужином.

— Похоже, — сказал он, обращаясь к Сью, — мне здесь долго не продержаться. Жить тут, конечно, неплохо, но если мы переедем в другое место, где нас никто не знает, у нас будет спокойнее на душе, да и с работой будет легче. Так что, пожалуй, придется распроститься с этим городом. Хоть это и трудно тебе, бедняжка.

Сью всегда становилось жалко себя, когда ее жалели, и лицо ее омрачилось.

— Ну что ж, я не возражаю, — сказала она. — Меня ужасно угнетает, как здесь ко мне относятся. А

что касается дома и мебели, так это только лишний расход: тебе они не нужны, и ты держишь их только ради нас с мальчиком. Но куда бы мы ни поехали и что бы ни предприняли, ты ведь не отнимешь его у меня? Я не могу расстаться с ним теперь! Мрак, окружающий его душу, делает бедняжку таким жалким и трогательным. А я так надеюсь рассеять когда-нибудь этот мрак! И потом, он так привязан ко мне. Ты не разлучишь нас, Джуд?

— Конечно, нет, милая моя девочка! Куда бы мы ни переехали, мы снимем хорошую квартиру. Скорее всего, мне придется ездить с места на место, работать то тут, то там.

— Я тоже займусь чем-нибудь, пока… пока… Раз я не смогу раскрашивать надписи, придется взяться за что-нибудь другое.

— Не спеши искать занятие, Сью, я не хотел бы этого. Хватит с тебя забот о мальчике и о себе самой, — сказал он, глядя на нее с сочувствием.

В дверь постучали, и Джуд пошел открывать.

— Мистер Фаули дома? — услышала Сью. — Меня послали подрядчики Байлс и Уиллис узнать, не возьметесь ли вы обновить текст десяти заповедей в небольшой церкви, которую они реставрируют недалеко отсюда?

Подумав, Джуд сказал, что согласен.

— Эта работа большого искусства не требует, — продолжал посланный. — Священник там человек старозаветный и не признает никаких переделок в церкви, кроме небольшой реставрации и подчисток.

«Молодец старик!» — про себя подумала Сью, с несколько сентиментальной неприязнью относившаяся к слишком рьяной реставрации.

— Доска с десятью заповедями на восточной стене церкви, — снова заговорил пришедший, — ее придется подновлять заодно со стеной, потому что священник не позволяет снять доску и как негодный материал пустить ее в пользу подрядчика.

Джуд договорился об условиях работы и веселый вернулся в комнату.

— Вот видишь, еще работа подвернулась, и ты можешь помочь мне, во всяком случае, можешь попробовать. Мы будем совсем одни в церкви, потому что остальные работы уже закончены.

На следующий день Джуд отправился в церковь — она была всего в двух милях — и убедился, что посланный от подрядчиков сказал правду. Скрижали иудейского завета сурово возвышались над принадлежностями христианского

богослужения как главное украшение алтаря, выдержанное в прекрасном строгом стиле прошлого столетия. Обрамлением им служил лепной орнамент, и снять эти плиты для реставрации было невозможно. Часть их, искрошившаяся от сырости, нуждалась в ремонте; поправив и отчистив скрижали, Джуд принялся обновлять на них надписи. На второе утро работы в церковь пришла Сью, она хотела помочь ему и побыть с ним вдвоем, — они любили быть вместе.

Ей понравились тишина и безлюдье церкви, и, взобравшись не без опаски на построенный Джудом низкий помост, она начала красить буквы на первой скрижали, в то время как он исправлял что-то на второй. Ее радовало, что работа идет на лад; мастерству этому она выучилась еще в те дни, когда раскрашивала тексты из Библии для лавки церковной утвари в Кристминстере. Казалось, никто не мог нарушить их одиночество, только в открытые окна, сливаясь с их разговором, доносился веселый щебет птиц и шелест осенней листвы.

Однако им недолго дано было наслаждаться покоем и тишиной. Около половины первого на усыпанной гравием дорожке перед церковью послышались шаги. Старик викарий в сопровож-

дении церковного старосты вошел в церковь, чтобы взглянуть, как идет работа, и, видимо, удивился, что Джуду помогает молодая женщина. Они прошли в один из боковых приделов, и в это время дверь снова отворилась и появилась маленькая фигурка плачущего Старичка. Сью сказала ему, где он может найти ее во время школьной перемены:

— Что с тобой, милый? — спросила она, спустившись с помоста.

— Я не мог пообедать в школе, потому что мне сказали…

И он поведал, как мальчишки дразнили его приемной матерью, и Сью поделилась своим возмущением с Джудом, работавшим наверху. Потом малыш вышел погулять на церковный двор, и она вновь принялась за работу. Тем временем дверь снова отворилась, и в церковь с деловым видом вошла женщина в белом переднике, которой обычно поручалась уборка. Сью знала эту женщину, так как видела ее у своих знакомых на Спринт-стрит. Вошедшая, в свою очередь, узнав помощницу Джуда, раскрыла от изумления рот и всплеснула руками. Вслед за ней в церкви появились две дамы. Они поговорили с уборщицей и, пройдя вперед, стали наблюдать за Сью, которая,

стоя, вся вытянувшись, на помосте, обводила буквы на скрижалях; дамы критически оглядывали ее фигуру, четко выделявшуюся на фоне белой стены, отчего она так смутилась, что ее бросило в дрожь. Затем дамы вернулись к остальным, что стояли в стороне и разговаривали вполголоса.

— Надо полагать, это его жена?

— Кто говорит — да, кто — нет, — ответила уборщица.

— Нет? Но должна же она быть чьей-нибудь женой. Это всякому ясно!

— Если они и женаты, так всего несколько недель.

— И этой странной паре поручили реставрацию заповедей! Не понимаю, как Байлсу и Уиллису пришло в голову нанять их!

Церковный староста высказал предположение, что подрядчики ничего дурного о них не знали, после чего женщина, говорившая с уборщицей, пояснила, что она имела в виду, назвав Джуда и Сью странной парой. Затем последовал разговор в приглушенных тонах, общее направление которого явствует из истории, которую во всеуслышание рассказал церковный староста, очевидно, полагая, что она имеет самое непосредственное отношение к тому, что происходило

в церкви.

— Все это и вправду очень странно, но вот мой дед тоже рассказывал мне об удивительном случае — какое безобразие произошло при обновлении скрижалей с заповедями в одной церкви близ Геймида, это в двух шагах отсюда. В те времена заповеди писали больше золотом по черному, такие же были и в той церкви до того, как ее перестроили. Ну так вот, лет сто назад скрижали решено было подновить, вот так же, как сейчас у нас, и для этого наняли мастеров из Олдбрикхема. Починку постановили закончить к одному воскресенью, а потому людям пришлось в субботу работать до поздней ночи, хоть им этого и не хотелось, сверхурочные-то в то время не платили, не то что нынче. Истинно верующих тогда было немного как среди священников и церковных служек, так и в народе, ну и, чтобы как-нибудь удержать рабочих, викарий распорядился дать им на вечер вволю спиртного. Потом они еще сами добавили, как сказывают, рому; так вот, время шло, они пьянели все больше и больше, ну и дошли до того, что поставили бутылки и стаканы на престол, придвинули козлы, расселись с удобством и налили еще по одной, да только и выпить-то не успели, как — бух! — все

до одного свалились без памяти на пол. Сколько времени так пролежали — неизвестно, только приходят в себя, а вокруг гроза бушует страшенная, и тут же во тьме кто-то черный такой, с тонкими ногами и диковинной головой стоит на лестнице и заканчивает за них работу. Когда рассвело, работа и вправду оказалась сделанной, хотя они никак не могли вспомнить, чтобы сами кончали ее. Ну, все разошлись по домам, а уж потом узнали, что в то самое воскресенье в церкви разразился скандал: когда молящиеся собрались — и началась служба, оказалось, что во всех десяти заповедях на скрижалях пропущено слово «не». Никто из порядочных прихожан не хотел молиться в этой церкви, так что пришлось звать епископа заново освящать ее. Вот какую легенду довелось мне слышать мальчишкой. Думайте о ней, что хотите, только я-то ее так, к сегодняшнему случаю припомнил.

Собеседники взглянули на скрижали, как бы желая убедиться, что Джуд и Сью не пропустили в заповедях слово «не», и один за другим покинули церковь. Последней вышла уборщица. Сью и Джуд, все это время не прерывавшие работу, отослали мальчика обратно в школу и, оставшись вдвоем, долго молчали. Наконец Джуд бросил на

свою подругу пристальный взгляд и увидел, что она беззвучно плачет.

— Ничего, мой дружок, — сказал он, — я-то знаю, чего все это стоит.

— Как несносно, когда людей считают дурными только потому, что они хотят жить по-своему! Это верный способ и самого благоразумного толкнуть к безнравственности и безрассудству!

— Не падай духом! Это забавный анекдот, только и всего!

— Да, но с намеком на нас. Боюсь, своим приходом я испортила тебе все дело, Джуд.

Дать повод для подобного рассказа было не очень-то весело, особенно при серьезности из положения. Но все же через несколько минут Сью поняла, что в происшедшем есть и смешные стороны. Она вытерла слезы и засмеялась.

— Все-таки забавно, что именно нам с нашим сомнительным прошлым поручили раскрашивать скрижали завета: ты — нечестивец, а я, в теперешнем моем положении… Бог ты мой! — Прикрыв глаза рукой, она вновь залилась тихим прерывистым смехом и смеялась до полного изнеможения.

— Так-то лучше! — весело заметил Джуд. — Теперь все в порядке, не правда ли, моя девочка?

— Да, но все-таки это очень серьезно, — вздохнула она, выпрямляясь и берясь за кисть. — Понимаешь, они не считают нас женатыми, не хотят в это поверить. Вот что удивительно!

— А мне все равно, верят они в это или не верят. Не стоит труда их убеждать.

Они сели завтракать — чтобы не терять времени, еду они принесли с собой, — и, закусив, собирались опять приняться за работу, когда в церковь вошел какой-то человек, и Джуд узнал в нем подрядчика Уиллиса. Пришедший поманил его к себе, чтобы поговорить наедине.

— Вот какое дело: ко мне только что приходили с жалобой, — торопливо и смущенно заговорил он. — Я не знаю толком, что произошло, да и не стану в этом разбираться, но боюсь, что буду вынужден просить вас бросить работу. Пусть уж ее закончит кто-нибудь другой. Зачем мне наживать неприятности? Само собой, я заплачу вам за всю неделю…

Джуд счел ниже своего достоинства вступать в спор; подрядчик расплатился с ними и ушел. Джуд собрал инструменты, Сью вытерла кисть. Взгляды их встретились.

— Какие же мы наивные, если вообразили, что это так просто сойдет нам с рук! — сказал она

своим низким трагическим голосом. — Конечно, нам, вернее, мне, не следовало сюда приходить!

— Разве можно было ожидать, что кто-нибудь зайдет в это место и увидит нас? — возразил Джуд. — Делать нечего, родная, я не хочу вредить репутации Уиллиса и должен уйти.

Они посидели молча еще несколько минут, дотом вышли из церкви, забрали из школы мальчика и побрели в Олдбрикхем.

Джуд все еще не утратил прежнего рвения к образованию, но, наученный опытом, лозунг «равенство возможностей для всех» он претворял в жизнь лишь доступными ему скромными путями. Он вступил в Общество самообразования ремесленников, основанное в городе незадолго до его приезда; членами Общества были молодые люди всевозможных верований и вероисповеданий, включая церковников, конгрегационалистов, баптистов, позитивистов, унитариев и других — об агностиках в то время почти никто не слышал; общее для всех желание расширить свой кругозор сплотило их в тесный союз. Членский взнос был невелик, помещение скромное, и Джуд, отличавшийся от прочих незаурядными знаниями, активностью и особым чутьем к тому, что читать и как работать над

прочитанным, приобретенным в годы единоборства с неблагосклонной судьбой, был выдвинут в члены правления Общества.

Через несколько дней после того, как Джуд лишился работы в церкви, а другая ему еще не подвернулась, он отправился на заседание правления. Пришел он с запозданием, когда остальные уже собрались; все как-то странно поглядели на него и едва удостоили его приветствием. Он догадался, что обсуждался или ставился на обсуждение какой-то вопрос, касающийся его самого. Когда приступили к повседневным делам, обнаружилось, что число вступительных взносов за последний квартал сильно уменьшилось. Один из членов правления, человек прямой и самых честных намерений, вдруг начал говорить загадками о возможных причинах этого явления и предложил строже сформулировать устав Общества, так как если правление не потребует от своих членов соблюдения общественных норм поведения, заявил он, его перестанут уважать и дело кончится полным развалом Общества. В присутствии Джуда ничего больше сказано не было, но он все понял и тут же, не отходя от стола, написал заявление о выходе из Общества.

Таким образом, эти двое болезненно чутких

людей все более и более убеждались в необходимости переменить место жительства. Стали поступать счета для оплаты.

Затем возник вопрос о том, что делать со старой тяжелой бабкиной мебелью, если предстоит выехать неизвестно куда. Как ни хотелось Джуду сохранить дорогие для него вещи, трудность положения и недостаток наличных денег побудили его решиться на продажу их с молотка.

Наступил день аукциона, и Сью в последний раз приготовила всем завтрак в маленьком домике, который Джуд когда-то обставил для своей семьи. День выдался дождливый; Сью нездоровилось, но она не хотела оставить Джуда в такой тяжелый момент, а поскольку присутствие его на торгах было необходимо, она по совету оценщика удалилась в одну из верхних комнат, откуда были вынесены все вещи, и заперлась в ней от собравшейся на аукцион публики. Там Джуд и нашел ее вместе с мальчиком, — они сидели и тихо разговаривали в комнате, где стояли их чемоданы, корзины и узлы, а также не предназначавшиеся в продажу стол и два стула.

С лестницы доносились гулкие шаги — покупатели осматривали вещи, среди которых была мебель такой старинной и оригинальной работы,

что ее впору было оценить как произведение искусства. Раза два кто-то пытался открыть дверь их комнаты, и, чтобы оградить себя от вторжения, Джуд написал на клочке бумаги «Вход запрещен» и прилепил его к косяку двери.

Скоро обнаружилось, что возможные покупатели обсуждают не столько достоинство вещей, сколько их личную жизнь и поведение, причем в самых неожиданных и недопустимых подробностях. Только теперь им стало ясно, в каком блаженном неведении они пребывали последнее время, воображая, что о них ничего не известно. Сью молча взяла руку Джуда, и, не спуская друг с друга глаз, они слушали пересуды и намеки, предметом которых большей частью была странная и непонятная личность Старичка. Наконец в нижнем этаже начался аукцион, и они услышали, как пошли с молотка их вещи, причем те, которыми они особенно дорожили, шли по дешевке, а незначительные — неожиданно дорого.

— Нас никто не понимает, — тяжело вздохнул Джуд. — Я рад, что мы решили уехать.

— Вопрос только — куда?

— В Лондон. Там каждый может жить, как хочет.

— О нет, милый, только не в Лондон! Я его хо-

рошо знаю. Там мы не будем счастливы.

— Почему?

— Неужели ты не понимаешь?

— Потому что там Арабелла?

— Да, главным образом поэтому.

— Но в провинции я всегда буду жить под страхом повторения прошлого. Я не желаю объяснять всем и каждому историю моего ребенка ради того, чтобы облегчить свое положение. Я решил молчать, чтобы прошлое умерло для него навсегда. Работа на церковь мне опротивела, и я теперь не взялся бы за нее, даже если б мне предложили!

— Тебе следовало бы изучать классическую архитектуру. В конце концов, готика — варварское искусство. Прав не Пьюджин, а Рен. Вспомни Кристминстерский собор внутри, — там, кажется, мы впервые увидели друг друга? За живописностью норманнских деталей проглядывает смешное ребячество неотесанного народа, который пытается подражать утраченным римским формам, известным лишь по полузабытой традиции.

— Верно, ты почти убедила меня в этом уже раньше. Но иногда приходится работать, даже презирая свою работу. Если не церковной готикой, то чем-то я все-таки должен заниматься.

— Хорошо бы нам найти такое занятие, на котором наша личная жизнь никак бы не отзывалась, — грустно улыбнулась Сью. — Я не подошла для работы в школе, ты — для занятий церковной архитектурой. Тебе бы заняться мостами, вокзалами, театрами, концертными залами, гостиницами, — одним словом, всем тем, к чему твое поведение не имеет никакого отношения.

— Этого я не умею. Лучше уж стать пекарем. Я ведь вырос у бабки в пекарне, ты знаешь. Только ведь и булочник должен подчиняться условностям, если хочет иметь покупателей.

— Можно торговать пирожками и пряниками с лотка на ярмарках, на базарах, там люди ни на что не глядят, кроме качества товара.

Их разговор прервал голос аукциониста: «старинный дубовый ларь — уникальный образец старой английской мебели, достойный внимания коллекционеров!»

— Это еще прадедушки, — сказал Джуд. — Я бы охотно оставил за собой эту старую штуку.

Вещи шли с молотка одна за другой. Надвигался вечер. Джуд, Сью и мальчик устали и проголодались, но после разговоров, которые они случайно услышали, им не хотелось выходить и показываться людям на глаза. Однако распродажа

приближалась к концу, и им вскоре все равно предстояло под дождем перевозить вещи Сью в новое временное жилье.

— Следующий номер — две пары откормленных голубей, хороши для воскресного пирога!

Неминуемая продажа этих птиц была для Сью самым трудным испытанием за день. Это были ее любимцы, и расстаться с ними было куда тяжелей, чем со всеми остальными вещами. Сью с трудом удерживалась от слез, слыша, как ничтожная цена, назначенная за птиц, постепенно поднималась, пока наконец не раздался удар молотка. Покупателем оказался торговец птицей из соседней лавки, так что голубкам суждено было дожить только до первого базарного дня.

Видя, как она тщетно пытается скрыть свое огорчение, Джуд поцеловал ее и сказал, что пора пойти посмотреть, готово ли их новое жилье. Он возьмет с собой только мальчика, а за ней придет попозже.

Оставшись одна, Сью терпеливо ждала, но Джуд все не возвращался. Наконец она решилась отправиться к нему сама, так как внизу уже никого не было. Проходя мимо лавки птичника, она увидела у дверей большую корзину, где сидели ее голубки, и ее охватила такая жалость

к птицам, что она быстро оглянулась в надвигающихся сумерках, не рассуждая, выдернула палочку, которая придерживала крышку корзины, и поспешно пошла дальше. Крышка тотчас откинулась, и голуби вылетели с таким шумом, что раздосадованный хозяин лавки, сыпля ругательствами и проклятиями, выскочил на порог.

Сью, вся дрожа дошла до их нового жилья, где Джуд и мальчик готовили все к ее приходу.

— Что, на аукционе платят за покупку, прежде чем забрать ее? — спросила она, тяжело дыша.

— Наверное, так. А что такое?

— Значит, я очень скверно поступила!

И Сью, искренне раскаиваясь, рассказала, что произошло.

— Придется заплатить торговцу, если он их не поймал, — сказал Джуд. — Это пустяки. Не расстраивайся, дорогая!

— Ах, какая это была глупость! И зачем только закон природы — взаимное уничтожение?

— Это правда, мама? — настороженно спросил мальчик.

— Да! — с жаром ответила Сью.

— Быть может, бедным голубкам удастся улететь, — сказал Джуд. — Как только будет подведен итог аукциона и мы расплатимся по счетам, мы

уедем отсюда.

— А куда? — с беспокойством спросил Старичок.

— В неизвестном направлении, чтобы никто не мог выследить нас… Можно уехать, куда угодно, только не в Элфредстон, не в Мелчестер, не в Кристминстер и не в Шестон.

— А почему нельзя ехать в эти города, папа?

— Потому что над нами собралась гроза, хотя «мы никому не сделали зла, никого не развратили, никого не обманули!» Хоть, наверное, мы и «делали то, что казалось нам правильным».

VII

С той недели Джуд Фаули и Сью больше не появлялись на улицах Олдбрикхема.

Никто не знал, куда они уехали, да и никто этим не интересовался. Однако всякий, кто захотел бы проследить пути этой неприметной пары, без особого труда обнаружил бы, что они, пользуясь особенностью профессии Джуда, переезжали с места на место и вели полукочевой образ жизни, который на первых порах даже доставлял им некоторое удовольствие.

Как только до Джуда доходили слухи, что где-то предполагаются каменотесные работы, он тотчас же отправлялся туда, отдавая предпочтение местам, наиболее отдаленным от тех, где он или Сью жили раньше. Там Джуд оставался на более или менее долгий срок, в зависимости от продолжительности работы, а затем переезжал на новое место.

Так жили они два с половиной года. За это время Джуду случалось и обтачивать каменные крестовины окон в загородных особняках, и устанавливать парапет для городской ратуши,

и облицовывать тесаным камнем гостиницу в Сэндборне и музей в Кэстербридже; бывал он и в Иксонбери, и в Стоук-Бэрхиллзе. Позже он попал в Кеннетбридж — небольшой процветающий городок милях в двенадцати южнее Мэригрин; никогда он еще не работал так близко от родной деревни, удерживаемый болезненным страхом при мысли, что его станут расспрашивать о его жизни те, кто был знаком с ним в пору его пылкой многообещающей юности, посвященной занятию науками и закончившейся кратковременным неудачным браком.

В одних местах он задерживался на несколько месяцев, в других всего лишь на несколько недель. Внезапное и странное отвращение к работе в церквях, — как епископальных, так и нонконформистских, — вдруг родившееся у него из мучительного чувства своей непонятости, одиночества, осталось и после того, как он обрел душевное равновесие, и объяснялось оно не столько страхом перед новыми гонениями, сколько болезненной щепетильностью, не позволявшей ему искать работу у тех, кто не одобрил бы его образа жизни, а также сознанием разрыва между его прежними идеалами и нынешними поступками, ибо от убеждений, с которыми он ко-

гда-то пришел в Кристминстер, почти ничего не осталось. На жизнь он теперь смотрел примерно так же, как Сью в пору их первого знакомства.

В майский субботний вечер, почти три года спустя после того, как Арабелла наблюдала Джуда и Сью на сельскохозяйственной выставке, некоторые из тех, кому довелось там встретиться, свиделись вновь.

В Кеннетбридже шла весенняя ярмарка, и хотя размах этого старинного торжища был совсем не тот, что в прежние времена, на длинной прямой улице города около полудня царило необычное оживление. В этот час в Кеннетбридж, вместе с другими экипажами, въехала по северной дороге легкая двуколка и остановилась у дверей гостиницы Общества трезвости. Из двуколки вышли две женщины: та, что правила лошадью, обычная крестьянка на вид, и другая, крепкая и хорошо сложенная, в глубоком вдовьем трауре. Мрачный цвет и строгий покрой ее одежды как-то не вязались с пестротой и сутолокой провинциальной ярмарки.

— Я только разузнаю, где это находится, Энни, — сказала вдова своей спутнице, когда лошадь и двуколку принял вышедший к ним слуга, — а потом вернусь сюда, и мы с тобой перекусим. Я

еле ноги таскаю от голода.

— Очень хорошо, — ответила другая женщина, — хотя я охотнее остановилась бы в «Шахматной доске» или «Флаге». Не очень-то много получишь в этих домах трезвости.

— Не надо предаваться чревоугодию, дитя мое, — с укоризной возразила особа в трауре. — Это вполне пристойное место. Так вот, мы встретимся здесь через полчаса… или, может быть, все-таки пойдешь со мной посмотреть, где будет заложена новая церковь?

— Мне это неинтересно. Потом все расскажешь.

Спутницы отправились каждая по своим делам; женщина в трауре шла твердым, уверенным шагом, всем своим видом показывая, что она не имеет ничего общего с окружающей ее пестрой толпой. Справляясь о дороге, она пришла к месту, огороженному забором, за которым виднелся котлован, предназначенный для фундамента здания; на досках забора висело несколько объявлений, возвещающих о том, что первый камень часовни будет заложен в три часа дня лондонским проповедником, пользующимся большой популярностью среди своей паствы.

Внимательно прочитав эти объявления, вдова

в трауре двинулась в обратный путь, с досужим видом наблюдая за движением и сутолокой ярмарки. Вскоре ее внимание привлек небольшой лоток с пирожками и имбирными пряниками; он был накрыт безупречно чистой скатертью, и стоял между более затейливыми сооружениями из дерева и холста. Хозяйка лотка была молодая женщина, видимо, неопытная в торговом деле; ей помогал мальчик с лицом восьмидесятилетнего старика.

— Вот тебе на! — пробормотала про себя вдова. — Да это его жена Сью… если они вообще женаты! — Она приблизилась к ларьку и приветливо проговорила: — Здравствуйте, миссис Фаули.

Сью вспыхнула, узнав Арабеллу под креповой вуалью.

— Добрый день, миссис Картлетт, — сухо ответила она. Но голос ее несколько смягчился, как только она заметила на Арабелле траур. — Как?.. Неужели вы потеряли…

— Моего бедного мужа, да-да! Он внезапно скончался шесть недель назад и оставил меня не очень-то обеспеченной, хоть он и был мне добрым мужем. Если трактиры и приносят доход, то все забирают себе те, кто производит спиртное, а

не те, кто им торгует… Ну, а ты как поживаешь, малыш? Наверно, не узнал меня?

— Нет, узнал. Вы та тетя, которую я сначала считал своей мамой, но потом понял, что вы вовсе не моя мама, — ответил Старичок на уэссекском диалекте, который он к тому времени полностью освоил.

— Так, так. Впрочем, это неважно. Я твой друг.

— Джуд, — обратилась к мальчику Сью, — сходи с подносом на вокзал, по-моему, должен прийти еще один поезд.

Когда мальчуган ушел, Арабелла продолжала:

— Да, из бедняжки красавца не выйдет! Неужто он и вправду не знает, что я его мать?

— Не знает, но чувствует, что с его происхождением связана какая-то тайна, только и всего. Джуд собирается рассказать ему все, когда он станет старше.

— С чего это вы затеяли торговать пряниками? Вот удивительно!

— Это мы так, на время придумали, пока находимся в затруднительном положении.

— Значит, вы все еще живете с ним?

— Да.

— Замужем?

— Конечно.

— И детишки есть?

— Двое.

— И, вижу, ожидаете третьего?

От грубости и бесцеремонности вопроса Сью болезненно сжалась, и ее нежный маленький рот дрогнул.

— О господи!.. Я хочу сказать, слава богу! О чем же тут плакать! Многие гордились бы на вашем месте!

— А я и не стыжусь… напрасно вы так думаете! Но порой мне кажется так ужасно и трагично — производить на свет живые существа!.. Для этого надо быть очень самонадеянной… И вот я задаю себе вопрос, дано ли мне на это право?

— А вы не задумывайтесь над этим, милочка. Но вы мне так и не сказали, с чего вам вздумалось заняться таким делом. Джуд был раньше таким гордецом, что далеко не всякое занятие считал для себя подходящим, не говоря уж о торговле с лотка!

— Возможно, мой муж немного изменился с тех пор. Думаю, теперь он уж не такой гордый! — Губы Сью дрогнули снова. — Ну, а мне пришлось заняться торговлей после того, как Джуд простудился. Как-то в начале года он облицовывал стены мюзик-холла в Куортершоте, шел пролив-

ной дождь, работа была спешная, и надо было закончить ее к сроку. Теперь ему лучше, но болел он долго и тяжело. С нами живет старушка вдова, наша старинная приятельница, она помогала нам во время его болезни, но скоро она уезжает.

— Ну, а что касается меня, я тоже, благодарение богу, достаточно уважаемая особа и после утраты мужа стала ко всему относиться серьезнее… Но почему все-таки вы выбрали именно пряники?

— Чисто случайно. Джуд с детства обучался ремеслу булочника, и ему пришло в голову попробовать делать пряники, тем более что этим можно заниматься, не выходя из дому. Мы называем их «кристминстерские пирожки». Их очень охотно берут.

— Никогда таких не видела. Скажите на милость! Да тут и окна, и башни, и шпили! К тому же они, ей-богу, очень вкусные! — Не спросив разрешения, она взяла пряник и бесцеремонно его ела.

— Да, — сказала Сью, — они воплощают воспоминания Джуда о кристминстерских колледжах. Как видите, тут и окна с ажурными переплетами, и галереи. Ему взбрело в голову делать их из теста.

— Все еще сходит с ума по Кристминстеру,

даже когда лепит свои пряники! — рассмеялась Арабелла. — Как это на него похоже! Просто одержимый! Наверное, теперь уж он навсегда останется таким чудаком!

Сью вздохнула, и на лице ее отразилось страдание — она не могла слышать, когда осуждали Джуда.

— Неужто вы сами-то не считаете его чудаком? Бросьте! Уж, верно, считаете, как бы сильно его ни любили!

— Конечно, Кристминстер для него нечто вроде навязчивой идеи, и он никогда от этого не излечится. Он до сих пор видит в нем рассадник возвышенных и смелых мыслей, тогда как на самом деле это просто сборище заурядных школьных учителей, отличительная черта которых — рабское преклонение перед традициями.

Арабелла с насмешливым любопытством смотрела на свою собеседницу, — ее не столько удивлял смысл ее слов, сколько ее манера выражаться.

— Чудно слышать такое от торговки пряниками! Почему вы снова не пойдете в учительницы?

Сью покачала головой.

— Меня не возьмут.

— Из-за развода?

— Да, и еще по другим причинам. Впрочем, я и не стремлюсь к этому. Мы отказались от всяких честолюбивых замыслов и были очень счастливы, пока он не заболел.

— Где вы живете?

— Мне бы не хотелось отвечать на этот вопрос.

— Здесь, в Кеннетбридже?

По выражению лица Сью Арабелла поняла, что угадала.

— А вот и малыш возвращается! — продолжала она. — Мой сын и Джуда!

Глаза Сью сверкнули.

— Вам не к чему лишний раз мне об этом напоминать! — воскликнула она.

— Ладно, хотя я, может, и не прочь забрать его к себе. Но ей-богу, — ах, грех сказать, да сказала такое слово, — мне жаль отнимать его у вас... Правда, у вас и своих достаточно, зато мальчуган в хороших руках, уж это-то я знаю. И я не из таких, что идут наперекор воле господа бога. Теперь я стала другой.

— Неужели? Как бы я хотела научиться смирению!

— А вы попытайтесь, — ответила вдова с видом человека, нисходящего до собеседника с безмятежных высот своего духовного и социального

превосходства. — Хвалиться тем, что прозрела, не стану, но теперь уж я не та, что раньше. Как-то после смерти Картлетта я проходила мимо церкви по соседней улице и вошла туда, чтобы укрыться от ливня. После тяжелой утраты мне необходима была чья-то поддержка, ну а поскольку это праведнее, чем джин, я стала аккуратно ходить в церковь и обрела там успокоение. Но мне пришлось расстаться с Лондоном, и теперь я живу в Элфредстоне с моей подружкой Энни, чтобы быть поближе к родным местам. Сюда-то я приехала не ради ярмарки. Просто сегодня днем известный лондонский проповедник будет закладывать здесь первый камень новой часовни, вот мы с Энни и явились сюда. Ну, а теперь мне пора — она ждет меня.

Арабелла попрощалась с Сью и ушла.

VIII

Днем пополудни Сью, как и все, кто находился на кеннетбриджской ярмарке, услышала пение, доносившееся с конца улицы из-за обклеенной объявлениями ограды. Любопытным, глазевшим в щели забора, была видна толпа людей, одетых в черное сукно, со сборниками песнопений в руках, которые окружили котлован, вырытый под фундамент новой часовни. Среди них стояла и Арабелла Картлетт в своем глубоком трауре. Ее чистый сильный голос отчетливо выделялся в хоре других голосов; следуя мелодии, он то повышался, то понижался, а ее полная грудь так же равномерно поднималась и опускалась в такт пению.

В тот же день, часа два спустя, Энни и миссис Картлетт, попив чаю в гостинице, отправились в обратный путь через открытое нагорье между Кеннетбриджем и Элфредстоном. Арабелла сидела, задумавшись, но мысли ее были не о новой часовне, как сначала предполагала Энни.

— Не знаю, что со мной, — хмуро сказала наконец Арабелла. — Я приехала сюда, думая только о

бедняге Картлетте и о том, как будет распространяться слово божие через заложенное сегодня новое святилище. Но что-то произошло и направило все мои мысли по другому пути, Энни! Я опять слышала о нем и видела ее!

— Кого?

— Я слышала о Джуде и видела его жену. И с тех пор никак не могу выкинуть его из головы, хотя старательно пела гимны, а ведь думать про такое совсем не подобает набожной женщине.

— Ты бы думала лучше о том, что говорил сегодня лондонский проповедник, да попробовала бы отбросить всякие нечестивые мысли.

— Уже пробовала, да сердце в грех вводит, не могу с ним справиться.

— Я по себе знаю, что значит иметь нечистые мысли. Если б ты только знала, какие сны мне порой снятся, ты бы тоже поняла, что и мне приходится бороться с собой. (Энни тоже с недавних пор стала серьезнее относиться к жизни, так как ее бросил любовник.)

— Но что же все-таки делать? — мрачно твердила Арабелла.

— Возьми прядь волос твоего покойного мужа, вложи их в траурный медальон и смотри на них все время.

— Какие такие волосы, у меня нет ни клочка… да если б и были, все равно бы не помогло. Пусть говорят, что религия приносит утешение, я хочу одного — вернуть Джуда.

— Ты должна что есть силы бороться против этого чувства, раз он принадлежит другой. Слыхала я еще об одном хорошем средстве для пылких вдов вроде тебя: пойди в сумерках на могилу мужа и долго стой перед ней на коленях.

— Чушь! Я не хуже тебя знаю, что мне надо делать, да только ничего такого не делаю.

Они молча ехали по прямой дороге, пока слева на горизонте не показалась Мэригрин. Доехав до перекрестка, они свернули с шоссе на проселочную дорогу, которая шла в их деревню, и за низиной увидели колокольню деревенской церкви. Проехав еще дальше, они миновали одинокий домик, в котором Арабелла и Джуд жили первые месяцы своей супружеской жизни и где была заколота свинья, и тут уж вдова не могла больше владеть собой.

— Он больше мой, чем ее! — вырвалось у нее. — Какое она имеет на него право, хотелось бы мне знать! Уж я бы непременно отбила его, если бы могла!

— Постыдись, Эбби! Твой муж только шесть

недель как скончался! Молись и отгоняй молитвой грешные мысли!

— Нет, молиться я не стану, будь я проклята! Чувство есть чувство! Не желаю больше быть хныкающей святошей — вот смотри!

С этими словами Арабелла выхватила из кармана связку религиозных брошюр, часть которых она раздала на ярмарке, и швырнула ее за живую изгородь.

— Попробовала я это лекарство — оно мне не помогло. Мне надо быть такой, какой я родилась на свет!

— Тише! Не волнуйся, душенька. Сейчас приедешь домой, выпьешь чайку, и не будем больше говорить об этом. И по этой дороге ездить больше не будем, потому что она ведет туда, где живет он, а это тебя расстраивает. Вот увидишь, сейчас ты успокоишься.

И действительно, Арабелла мало-помалу успокоилась. Они перевалили через гребень холма и, когда начали спускаться по длинному прямому откосу, увидели бредущего впереди худощавого пожилого человека, который задумчиво шел, держа в руке корзинку. На всей его внешности лежал отпечаток неряшливости и еще чего-то неуловимого, наводящего на мысль о том, что он

сам себе и прислуга, и экономка, и наперсник, и друг, так как некому на свете позаботиться о нем. Остаток пути лежал под гору, и, догадавшись, что этот человек идет в Элфредстон, они предложили его подвезти, на что тот охотно согласился.

Арабелла взглянула на него раз, другой и наконец сказала:

— Если не ошибаюсь, мистер Филотсон?

Путник повернулся, и в свою очередь посмотрел на нее.

— Да, меня зовут Филотсон, — ответил он, — но я не узнаю вас, мэм.

— Зато я вас хорошо помню, вы были учителем в деревне Мэригрин, а я — одной из ваших учениц. Мне приходилось каждый день бегать в школу из Крескома, потому что вы обучали лучше, чем наша учительница. Вы, конечно, не можете помнить меня так, как я вас. Меня зовут Арабелла Донн.

Он отрицательно покачал головой.

— Нет, — вежливо ответил он, — этой фамилии я не помню! Да и вряд ли мне удалось бы узнать в вашей представительной особе тоненькую девочку, какой вы, несомненно, были в то время.

— Ну, положим, у меня всегда было достаточно мяса на костях. Сейчас я живу здесь у друзей. А

знаете, за кем я была замужем?

— Нет!

— За Джудом Фаули, тоже одним из ваших бывших учеников… Кажется, одно время он посещал вечернюю школу?.. Если не ошибаюсь, вы встречались с ним и после…

— Боже, боже мой! — воскликнул Филотсон, теряя всю свою чопорность. — Вы — жена Фаули? Да… да… у него была жена. И он, насколько я помню…

— Развелся с ней, так же как вы развелись со своей… Только у него, пожалуй, были на это более основательные причины.

— В самом деле?

— Может, он и прав, что поступил так. Это оказалось лучше для нас обоих, потому что я вскоре снова вышла замуж, и все шло прекрасно, пока — совсем недавно — не умер мой муж. А вот вы поступили неправильно.

— Нет, правильно! — возразил Филотсон с внезапно вспыхнувшим раздражением. — Хоть мне и не хотелось бы говорить об этом, но я уверен, что поступил правильно, справедливо и с моральной точки зрения — честно. Я пострадал за свои поступки и взгляды, но не отступлюсь от них, пусть даже потеря жены повлекла за собой

многие другие потери.

— Вы лишились из-за нее места в школе и хорошего заработка, не так ли?

— Мне не хочется говорить об этом. Недавно я вернулся сюда, в Мэригрин.

— И снова ведете школу, как раньше?

Тяжелое горе, угнетавшее его, заставило, его заговорить.

— Да, я веду школу, — ответил он. — Как раньше? Нет. Меня только терпят. После надежд, которые я лелеял, и успешного продвижения по службе это последнее прибежище — возвращение к нулю со всеми проистекающими отсюда унижениями. Но все-таки это пристанище. Мне нравится уединенность места, и священник здешнего прихода, знавший меня еще до того, как я, выражаясь чужими словами, поступил так эксцентрично со своей женой и этим погубил свою репутацию учителя, согласился принять мои услуги, несмотря на то что остальные школы закрыли передо мной свои двери. Вот почему, хотя мне и платят пятьдесят фунтов в год, после того как всюду платили двести, я предпочитаю работать здесь, а не ехать в другое место, рискуя подвергнуться прежним нападкам.

— Вы правы. Душевный покой — наша посто-

янная радость. Ей пришлось не лучше вашего.

— Вы хотите сказать, что ее жизнь сложилась неудачно?

— Как раз сегодня я случайно встретилась с ней в Кеннетбридже. Да, жизнь ее никак нельзя назвать удачной! Муж ее болен, а ее саму гложет тревога. Говорю вам еще раз: вы сделали глупейшую ошибку и получили по заслугам за тот вред, что сами себе причинили. Простите меня за грубость, но вы сами замарали свое гнездо.

— Как так?

— Она была чиста перед вами.

— Какой вздор! Они даже не обжаловали развода.

— Потому что не придавали этому значения. Она была не виновата в том, на основании чего вы получили свободу, — не виновата, по крайней мере, в то время, когда вас разводили. Я видела ее после этого и из разговора с ней убедилась в этом.

Филотсон судорожно ухватился за край двуколки: сообщение Арабеллы явно ошеломило и расстроило его.

— Однако… она же хотела уйти от меня, — возразил он.

— Да. А вам не надо было ее отпускать. Только

так и обуздывают зазнаек, которые, правы они или виноваты, воображают о себе невесть что. Ничего, живо одумалась бы! Мы ведь все одинаковые. Так уж заведено на свете! В конце-то концов все к тому же и сводится! Как он — не знаю, но думаю, она все еще любит своего муженька. А вы слишком поспешили. Я бы на вашем месте не отпустила ее! Держала бы на цепи, пусть побрыкалась бы, потом бы смирилась. Нет ничего вернее рабства и жесткой хватки для укрощения нас, женщин! Кроме того, на вашей стороне закон… Моисей это понимал. Вы помните, что он говорит?

— К сожалению, что-то не припоминаю сейчас, мэм.

— А еще называетесь учителем! Я часто думала о словах Моисея, слушая их в церкви, хотя в то время была еще не прочь погулять с кавалером. «И будет муж чист от греха, а жена понесет на себе грех свой». Это чертовски несправедливо по отношению к нам, женщинам, но мы должны улыбаться и молчать. Ха-ха-ха!.. Ну что ж, ваша жена получила по заслугам!

— Да, — промолвил Филотсон с горечью, — жестокость — закон, господствующий в природе и в обществе, и мы при всем своем желании не

можем его обойти!

— Так не забывайте о нем в следующий раз, мистер Филотсон.

— Ничего не могу обещать вам, мэм. Я очень мало знаю женщин.

Они спустились на равнину неподалеку от Элфредстона и, минуя городские окраины, подъехали к мельнице, где, по словам Филотсона, у него было дело; здесь они остановились, и учитель, всецело поглощенный какими-то своими мыслями, сошел с двуколки и распрощался с ними.

Тем временем Сью, повеселевшая было от неожиданного успеха своей торговли на ярмарке, снова вернулась к печальным мыслям. Когда все ее «кристминстерские пирожки» были проданы, она повесила на руку пустую корзину и скатерть, которой накрывала лоток, отдала остальные вещи мальчику и направилась вместе с ним домой. Пройдя с полмили по переулку, они встретили старушку, которая несла на одной руке ребенка в распашонке, а другой вела малютку, еще неуверенно стоявшую на ногах.

Сью поцеловала детей и спросила:

— Как он себя чувствует?

— Все лучше и лучше! — радостно ответила миссис Эдлин. — Не беспокойтесь, ваш супруг

поправится еще до того, как вы снова станете матерью.

Повернув за угол, они подошли к старинным, крытым темной черепицей домикам, окруженным садами и фруктовыми деревьями. В один из них они вошли, без стука подняв щеколду, и сразу оказались в общей комнате, где в кресле сидел Джуд. Обостренные черты его и без того тонкого лица и детски вопрошающий взгляд говорили о том, что он перенес тяжелую болезнь.

— Как? Неужели все продала? — спросил он, и в лице его мелькнул живой интерес.

— Все. И арки, и коньки, и окна — все.

Рассказав ему, сколько денег удалось выручить, Сью вдруг замолчала. Лишь когда они остались вдвоем, она сообщила о неожиданной встрече с Арабеллой и о ее вдовстве.

Джуд встревожился.

— Как? Она живет здесь? — спросил он.

— Нет. В Элфредстоне, — ответила Сью. Лицо Джуда по-прежнему было мрачно.

— Мне казалось, что лучше рассказать тебе все, — продолжала Сью, взволнованно целуя его.

— Конечно… Боже мой! Так, значит, Арабелла здесь, а не где-то в трущобах Лондона! Ведь от нас до Элфредстона каких-нибудь двенадцать миль!

Что она там делает?

Сью рассказала ему все, что ей было известно.

— Она ударилась в набожность, — добавила она, — и разговаривает соответствующим языком.

— Знаешь, — сказал Джуд, — быть может, и к лучшему, что мы решили уехать отсюда. Сегодня мне гораздо легче, и через неделю-другую я буду достаточно здоров, чтобы пуститься в путь. Тогда миссис Эдлин сможет вернуться к себе домой, — наш дорогой, преданный друг, единственный на свете!

— Куда же ты думаешь ехать? — с беспокойством спросила Сью.

Тут Джуд признался в том, что было у него на уме. Он сказал, что, возможно, ее удивит его план, так как до сих пор они упорно избегали мест, где жили раньше. Но в последнее время он почему-то часто думал о Кристминстере, и поэтому, если она не возражает, он хотел бы вернуться туда. Что им за дело, если их там знают? Это ненужная, чрезмерная щепетильность с их стороны. Если он не будет в состоянии работать, они смогут торговать пирожками. Он не стыдится бедности, а быть может, скоро он настолько окрепнет, что сможет вновь заняться резьбой по камню.

— Почему ты так любишь Кристминстер? — задумчиво спросила Сью. — Такие, как ты, мой дорогой, Кристминстеру не нужны.

— Что поделать — люблю, и все тут! Люблю этот город, хотя и знаю, как он ненавидит людей, подобных мне, так называемых самоучек, как он презирает наши добытые в труде знания, меж тем как ему первому следовало бы уважать их… Знаю, как он издевается над нашей неправильной речью и над ошибками произношения, вместо того чтобы сказать: я вижу, ты нуждаешься в помощи, мой бедный друг! И все же он для меня центр вселенной, город моей юношеской мечты, и ничто этого не изменит. Быть может, он наконец очнется и проявит великодушие. Я часто молюсь об этом! Мне так хотелось бы вернуться туда, жить там… быть может, там и умереть! Думаю, через две-три недели я, пожалуй, встану на ноги. Будет июнь, и мне хотелось бы приехать туда к определенному дню.

Надежда на скорое выздоровление не обманула Джуда. Через три недели они прибыли в город, с которым были связаны многие воспоминания, и ступали по мостовой, испещренной солнечными бликами, отраженными от его древних осыпающихся стен.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
СНОВА В КРИСТМИНСТЕРЕ

...и весьма изнуряла тело свое и всякое место, украшаемое в веселии ее, покрыла распущенными волосами своими.

Есфирь

Вдвоем и женщина и я здесь угасаем
И радостно приемлем смерть во тьме.

Р. Браунинг

I

В день их приезда на перроне вокзала толпилось множество молодых людей в соломенных шляпах, радостно встречавших молодых девушек в легких ярких платьях, — девушек, в которых явственно проглядывало фамильное сходство со встречавшими их юношами.

— Как здесь весело! — заметила Сью. — Ах да, ведь сегодня День воспоминаний! Надо же быть таким хитрым, Джуд! Ты нарочно выбрал этот день для нашего приезда!

— Да, — спокойно ответил Джуд, беря на руки младшего ребенка и велев сыну Арабеллы не отставать от них, тогда как Сью вела за руку старшую малютку. — Я подумал, что мы могли бы приехать и сегодня, так же, как в любой другой день.

— А тебя это не расстроит? — спросила она, оглядывая его с тревогой.

— Нет, это не помешает нам устраивать здесь нашу жизнь, — ответил он. — Дел предстоит много, и прежде всего нужна квартира.

Оставив багаж и инструменты на вокзале, они

отправились пешком вдоль знакомой улицы и слились с праздничной толпой, двигавшейся в том же направлении. Дойдя до Перекрестка Четырех Дорог, они только собрались свернуть в квартал, где можно было рассчитывать найти комнату, как Джуд, взглянув на часы и на спешившую толпу, сказал:

— Пойдем посмотрим процессию? Бог с ней, с этой квартирой. Снимем позже.

— А не лучше ли сначала позаботиться о крыше над головой? — спросила Сью.

Но он был настолько увлечен праздником, что они пошли дальше по Главной улице; младшего ребенка Джуд нес на руках, Сью вела за руку малютку дочь, а сын Арабеллы с задумчивым видом молча шел рядом. В том же направлении двигались толпы хорошеньких девушек в воздушных нарядах и с ними их робкие невежественные родители, не знавшие в своей юности, что такое колледж, зато на лицах сопровождавших их братьев и сынков можно было ясно прочесть самодовольную уверенность в том, что своим появлением на земле они облагодетельствовали человечество, не знавшее ранее истинно достойных людей.

— Каждый из этих юнцов напоминает мне о

крушении моих надежд, — промолвил Джуд. — Они наглядное доказательство того, как не надо быть самонадеянным. Для меня сегодня — День унижения!.. Если б ты, моя милая, моя дорогая, не пришла мне на помощь, я бы погиб от отчаянья.

По лицу Джуда Сью поняла, что он впадает в свойственное ему настроение бурного самобичевания.

— Лучше бы мы раньше занялись своими делами, милый, — ответила она. — Я уверена, что это зрелище не пойдет тебе на пользу и только разберет твои старые раны.

— Здесь уж близко, сейчас мы увидим процессию, — возразил он.

Они свернули влево у церкви с порталом в итальянском стиле и витыми колоннами, густо заросшими вьющимися растениями, и в конце узкой улицы Джуд увидел круглое здание театра с хорошо знакомым фонарем наверху; в его представлении этот фонарь был печальным символом несбывшихся надежд, так как именно оттуда он в последний раз обозревал Город колледжей в день долгого размышления, после которого пришел к выводу, что ему никогда не стать одним из сынов университета.

Сегодня на площади между театром и ближай-

шим колледжем стояла выжидающая толпа. Прямо по ее середине, от дверей колледжа до дверей большого здания, расположенного между ним и театром, тянулся проход, образованный двумя деревянными барьерами.

— Вот оно, это место, сейчас они должны здесь пройти! — вскричал Джуд с внезапным волнением.

Он протиснулся сквозь толпу к самому барьеру, по-прежнему прижимая к груди младенца; Сью с детьми не отставала от него. Напиравшая сзади толпа шумела, шутила и смеялась, в то время как у боковой двери колледжа один за другим останавливались экипажи и из них выходили торжественно-величавые фигуры в кроваво-красных мантиях. Небо затянулось свинцово-серыми тучами, время от времени слышались отдаленные раскаты грома.

Старичок вздрогнул.

— Совсем как в день Страшного суда! — прошептал он.

— Это всего-навсего ученые доктора, — успокоила его Сью.

Крупные капли дождя стали падать им на голову и плечи. Ожидание становилось тягостным, и Сью вновь выразила желание уйти.

— Теперь уж скоро, — сказал Джуд, не поворачивая к ней головы.

Но процессия все не появлялась, и кто-то из толпы, чтобы скоротать время, начал разглядывать здание ближайшего колледжа и поинтересовался, что б могла означать латинская надпись, выведенная по середине фасада. Джуд, стоявший рядом, перевел ее и, заметив, что окружающие слушают его с интересом, стал описывать резьбу карниза, которую изучал много лет назад, и разбирать некоторые детали каменной кладки на фасадах других городских колледжей.

Праздная толпа, а с нею и оба полисмена, стоявшие у дверей, уставились на него, словно ликаоняне на апостола Павла; их поразила горячность, с которой он обсуждал интересовавший его предмет, и они были удивлены тем, что приезжий знает о зданиях гораздо больше, чем они сами. Наконец из толпы раздался голос:

— Знаю я этого парня, он работал тут много лет назад, и зовут его Джуд Фаули! Помните, ему еще дали кличку «Покровитель Святых Трущоб», он тогда еще все к этому подбивался. Теперь, видать, женат, вон и ребенок на руках. Тэйлор должен его знать, он всех в городе знает.

Голос принадлежал рабочему по имени Джек

Стэгг, с которым Джуду доводилось поправлять каменную кладку колледжей; Оловянный Тэйлор стоял с ним рядом. Услышав свое имя, он крикнул Джуду через барьер:

— Здорово, приятель! Вижу, ты оказал нам честь своим посещением!

Джуд утвердительно кивнул головой.

— Но ты, видать, немногого добился в жизни, уехав от нас!

Джуд согласился с этим.

— Вот разве что обзавелся лишними ртами! — послышался новый голос, и Джуд узнал в говорившем дядюшку Джо, другого каменотеса, которого он знал когда-то.

Джуд добродушно ответил, что он этого не оспаривает, и, слово за слово, между ним и толпой зевак завязалось нечто вроде общей беседы. Оловянный Тэйлор спросил, помнит ли он все еще символ веры по-латыни и тот памятный вечер в трактире.

— Но, видать, судьба была, против тебя, — заметил дядюшка Джо. — Одного упорства здесь мало, согласен?

— Перестань отвечать им! — умоляла Сью.

— Что-то не нравится мне Кристминстер! — прошептал Старичок, которого совсем затолкали.

Но, оказавшись предметом всеобщего внимания и любопытства, Джуд не счел нужным утаивать то, в чем не видел ничего зазорного, и через некоторое время он уже громко говорил, обращаясь ко всей толпе:

— Друзья мои! Вопрос, с которым я столкнулся, — трудный вопрос для каждого молодого человека, и тысячи людей в наши неспокойные времена взвешивают его: оставаться ли им бездумно на том пути, куда определила их жизнь, не считаясь с их склонностями и влечениями, или изменить свою жизнь соответственно своему призванию. Я пытался сделать последнее и потерпел неудачу. Но я не считаю, что моя неудача доказывает неправильность выбранного мною пути или что мой успех доказал бы его правильность, хотя именно так принято оценивать подобные поступки в наши дни; я хочу сказать — не по здоровой основе, заложенной в них, а по их исходу, который более или менее зависит от воли случая. Стань я в конце концов одним из тех джентльменов в красно-черных мантиях, которые выходят вон там из экипажей, всякий сказал бы: «Посмотрите, как мудро поступил тот молодой человек, последовав своим естественным склонностям!» Но если я кончил тем же, с

чего начал, все скажут: «Посмотрите, вон дурень, вообразил о себе невесть что!»

И не недостаток воли, а бедность привела меня к поражению. Потребовалось бы два или три поколения, чтобы сделать то, что я пытался сделать в течение одного, и мои побуждения, мои привязанности, — быть может, их следовало бы назвать пороками, — были слишком сильны, чтобы человеку непривилегированному удалось стать одним из достопочтенных граждан страны, ибо для этого ему следовало бы быть холодным, как рыба, И эгоистичным, как свинья. Можете насмехаться надо мной — не возражаю, так как, несомненно, я самый подходящий для этого объект. Но если бы вы знали, что я пережил за последние несколько лет, вы бы пожалели меня. И если бы они знали, — Джуд кивнул в сторону колледжа, к которому один за другим прибывали члены университетской коллегии, — очень может быть, что и они тоже пожалели бы меня.

— А ведь он и вправду выглядит совсем больным и изможденным, — заметила какая-то женщина.

Лицо Сью выразило страдание. Она стояла рядом с Джудом, но ее заслоняла толпа.

— Прежде чем умереть, я, возможно, мог бы

принести некоторую пользу — мог бы с успехом послужить поучительным, но страшным примером того, чего не следует делать, — продолжал Джуд с нотками горечи в голосе, хотя говорить он начинал довольно спокойно. — Возможно, я стал всего-навсего жалкой жертвой того морального и общественного беспокойства, которое многих делает несчастными в наши дни!

— Не говори им этого! — со слезами на глазах прошептала Сью, видя, в каком он состоянии. — Это неверно. Ты достойно боролся, стремясь приобрести знания, и только самые подлые души могут осудить тебя!

Джуд обхватил ребенка поудобнее и сказал в заключение:

— То, чем я кажусь, — бедный, больной человек, — это еще не самое страшное. Я блуждаю в хаосе принципов, иду ощупью в темноте, мои поступки продиктованы инстинктом, а не примером. Восемь или девять лет назад, когда я впервые явился сюда, у меня были четкие, твердые убеждения, но я мало-помалу растерял их, и чем дольше я живу, тем меньше во мне уверенности в себе. Мне кажется, что единственное жизненное правило, которым я теперь руководствуюсь, — это следовать побуждениям, не причиняющим

вреда мне и другим и доставляющим радость моим любимым. Так вот, господа, вы спрашивали меня, как я поживаю, и я вам рассказал. Пусть это послужит вам на пользу! Больше я вам ничего не могу объяснить. Чувствую только, что-то неладно с нашими общественными порядками, но что — это уж пусть скажут умные головы, не мне чета, если вообще суждено докопаться до этого в наше время. «Ибо кто знает, что хорошо для человека в жизни? И кто скажет человеку, что будет после него под солнцем?»

— Слушайте, слушайте! — пронеслось в толпе.

— Хорошая проповедь! — заметил Оловянный Тэйлор. И добавил тихо, обращаясь к соседям: — Проповедники, что шныряют тут повсюду и подрабатывают тем, что заменяют наших преподобных отцов, когда те хотят устроить себе день отдыха, — эти за такую проповедь слупили бы не меньше гинеи, верно я говорю? Клянусь, ни один не взял бы меньше! Да ему еще нужно было бы написать ее заранее. А тут кто выступает? Рабочий.

В этот момент, как бы иллюстрируя слова Джуда, подъехал кеб с запоздалым доктором в мантии. Кучер не сумел остановить лошадь у самого подъезда, и запыхавшийся седок, выскочив

из экипажа, бросился к двери. Кучер же, слезши с козел, стал пинать лошадь ногой в живот.

— Если у ворот колледжа в самом религиозном и самом просвещенном городе мира могут происходить подобные сцены, — заметил Джуд, — скажите, далеко ли мы ушли?

— Эй, ты, потише! — крикнул один из полисменов, который вместе с товарищем открывал широкие ворота напротив колледжа. — Придержи-ка язык, любезный, пока не пройдет процессия.

Дождь усилился, и все, у кого были зонты, открыли их. У Джуда зонта не было, а у Сью был лишь маленький, скорее от солнца, чем от дождя. Она была бледна, но Джуд ничего не замечал.

— Уйдем отсюда, милый, — прошептала она, стараясь прикрыть его своим зонтиком. — Подумай, у нас нет квартиры, все наши вещи на вокзале, и ты еще не совсем здоров. Боюсь, сырость тебе повредит.

— Они уже выходят! Еще минутку — и пойдем, — сказал он.

Раздался перезвон шести колоколов, в окнах окружающих домов стали появляться любопытные лица, и показалась процессия руководителей колледжей и новоиспеченных докторов, их фи-

гуры в красно-черных мантиях пересекали поле зрения Джуда, как недосягаемые планеты объектив телескопа.

По мере того как они проходили, знающие люди называли каждого по фамилии, а когда они подошли к старинному круглому театру, построенному Реном, раздалось громкое «ура».

— Пойдем туда! — воскликнул Джуд и, не замечая дождя, который лил теперь не переставая, кружным путем повел их к театру.

Здесь они встали на солому, постланную, чтобы заглушать неуместный стук колес проезжавших экипажей. Странные, потрескавшиеся от времени и непогоды каменные бюсты вокруг здания взирали своим холодным, безжизненным взором на происходящее и, казалось, особенно внимательно смотрели на забрызганных грязью Джуда, Сью и их детей — нелепых существ, неведомо зачем забредших сюда.

— Как бы мне хотелось туда! — с горячностью воскликнул Джуд. — Смотру окна открыты, и с этого места я, быть может, расслышу латинскую речь!

Однако за раскатами органа и криками «ура» после каждой речи стоявший под дождем Джуд не много улавливал из того, что говорилось по-

латыни — лишь изредка какое-нибудь звучное слово на «um» или «ibus».

— Так мне, видно, и оставаться здесь чужим, — вздохнул он спустя несколько минут. — Ну, теперь пойдем, моя терпеливая Сью. Какая ты добрая — ждать меня под дождем, потворствуя моей безрассудной страсти! Не буду больше думать об этом проклятом, дьявольском месте, клянусь, не буду! Но отчего ты вся задрожала, когда мы стояли у барьера? И какая ты бледная, Сью!

— В толпе, на другой стороне, я увидела Ричарда.

— А! В самом деле?

— Он, наверное, как и все мы, совершил сюда паломничество, чтобы поглядеть на празднество, так что, надо думать, он живет где-то здесь неподалеку. Он ведь тоже стремился попасть в университет, но не так настойчиво, как ты. Мне кажется, меня он не видел, но наверняка слышал, как ты разговаривал с толпой. Только, видимо, не обратил особенного внимания.

— А если даже он видел тебя? Ты больше не казнишь себя воспоминаниями, Сью?

— Пожалуй, нет. Но я слабая. Хоть я и уверена, что у нас все будет благополучно, я почему-то

испугалась его. Меня охватывает какой-то трепет, даже ужас перед условностями, в которые я не верю. По временам это находит на меня, парализует, и тогда становится так тоскливо!

— Ты устала, Сью. Я совсем про это забыл, дорогая! Сейчас же уйдем отсюда.

Они отправились искать квартиру и вскоре нашли подходящее место в Милдью-Лейн, показавшееся Джуду прямо неотразимым, но не вызвавшее такого восторга у Сью. Это был узкий переулок, упиравшийся в глухую стену одного из колледжей. Маленькие дома тонули в тени, отбрасываемой высокими зданиями колледжа, жизнь в которых так мало походила на жизнь людей в переулке, словно здания эти были на другом конце света, а не отделялись от переулка лишь толщиною стены. Тут-то на трех домах и висели объявления о сдаче комнат; они постучали в дверь одного дома, и им открыла женщина.

— Ш-ш… Слушайте! — вдруг сказал Джуд вместо приветствия.

— Что слушать?

— А колокола… Только в какой же это церкви звонят? Кажется, что-то знакомое.

Еще в одном месте ударили в колокола, на этот раз где-то совсем близко.

— Не знаю, где звонят, — отрезала квартирная хозяйка. — Вы для того и постучали, чтобы спросить меня об этом?

— Нет, — спохватился Джуд. — Нам нужна комната.

Женщина с минуту испытующе рассматривала Сью.

— У нас все занято, — сказала она и закрыла дверь.

Джуд опешил; на лице старшего мальчика отразилось страдание.

— Джуд, — сказала Сью. — Дай я попробую. Ты не умеешь.

Они нашли по соседству другой дом, но здесь хозяйка, оглядев не только Сью, но и мальчика с двумя малютками, сказала вежливо:

— Простите, но мы не сдаем помещения жильцам с детьми, — и тоже закрыла дверь.

Губы младшего ребенка искривились, и он беззвучно расплакался, словно чуя нависшую над ними беду. Старший мальчик вздохнул.

— Не нравится мне Кристминстер! — промолвил он. — Что это за большие дома? Тюрьмы?

— Нет, колледжи, — ответил Джуд. — Быть может, и ты когда-нибудь будешь учиться в одном из них.

— А мне и не хочется, — возразил мальчик.

— Попробуем еще раз, — сказала Сью. — Вот только поплотнее запахну накидку… Сменить Кеннетбридж на этот город — все равно что прийти от Кайафы к Пилату. Ну, как я сейчас выгляжу, дорогой?

— Теперь никто ничего не заметит, — ответил Джуд.

Оставался еще один дом и они сделали третью попытку. Здесь хозяйка оказалась любезнее, но помещение, которое она сдавала, было настолько тесное, что она согласилась оставить у себя только Сью и детей, а Джуду предложила поискать себе другое место для ночлега. Время было позднее, и им поневоле пришлось согласиться. Плата за жилье, о которой они договорились с хозяйкой, была им явно не по карману, но особенно разбираться не приходилось, — по крайней мере, до тех пор, пока Джуд не подыщет для всех что-нибудь более подходящее. Сью заняла комнату на втором этаже окнами во двор, к которой примыкало еще что-то вроде чулана, где можно было поместить детей. Джуд остался выпить чашку чаю и очень обрадовался, обнаружив, что из окна комнаты видна задняя стена еще одного из колледжей. Затем, поцеловав всех четверых, он ушел, чтобы

взять на вокзале кое-какие необходимые вещи и поискать себе кров.

После его ухода квартирная хозяйка поднялась к Сью поболтать с ней и разузнать кое-что о семье, которую она приютила. Сью, не умевшая кривить душой, чистосердечно рассказала ей о затруднениях и скитаниях, выпавших на их долю за последнее время, и была страшно поражена, когда хозяйка вдруг спросила:

— А вы действительно замужем?

Сью сначала заколебалась, но, повинуясь безотчетному движению души, рассказала ей, как она и ее теперешний муж были несчастны в своем первом супружестве, как, желая быть всегда вместе, они два или три раза собирались обвенчаться, но не находили в себе мужества это сделать, страшась, как бы новый нерасторжимый союз не убил их любовь. Так что сама себя она считает замужней, ну а по понятиям других, она — незамужняя.

Смущенная женщина ушла вниз, а Сью в задумчивости села у окна и принялась глядеть на дождь. Вскоре тишина была нарушена звуком голосов — мужского и женского, доносившихся снизу, из коридора. Хозяйка рассказывала возвратившемуся мужу о новых жильцах, которым она

в его отсутствие сдала комнату.

Внезапно послышался гневный голос мужа:

— На что нам эта женщина? Еще родит здесь, пожалуй! И ведь говорил я тебе, что не желаю иметь в доме детей! Передняя и лестница только что выкрашены, как раз затопчут! Уже по одному тому, как они появились, можно было догадаться, что тут что-то не так! Взяла целую семью, а я хотел одного человека.

Жена возражала, но муж, по-видимому, все же настоял на своем, так как вскоре в дверь тихо постучали и на пороге появилась хозяйка.

— К сожалению, должна сказать, мэм, что я не могу сдать вам комнату на неделю. Муж возражает, и мне приходится просить вас выехать. Можете переночевать у нас, потому что уже поздно, но я буду вам очень признательна, если вы съедете завтра утром.

Сью знала, что вправе пользоваться комнатой всю неделю, но не хотела ссорить между собой мужа и жену и пообещала сделать, как ее просят.

Когда женщина ушла, Сью снова выглянула в окно. Дождь перестал, и она сказала мальчику, что сейчас они уложат спать малюток, а потом пойдут искать другое жилье, чтобы обеспечить себя пристанищем на завтрашний день и не ока-

заться в таком положении, как сегодня.

Поэтому они не стали распаковывать чемоданы, только что присланные Джудом с вокзала, а вышли из дома и пошли по мокрым, но оживленным улицам города; Сью решила не расстраивать Джуда вестью о том, что им отказано от комнаты, думая, что у него и так, наверное, душа не на месте, пока он ищет себе кров. Вместе с мальчиком она заходила то в одну улицу, то в другую, но на этот раз ей повезло еще меньше, чем с Джудом; она обошла больше десятка домов, и ни в одном ей не обещали комнату на завтра. Квартирные хозяйки с недоверием смотрели на женщину и ребенка, явившихся в сумерках искать себе пристанища.

— Лучше бы мне не родиться, правда? — тревожно спрашивал мальчик.

Выбившись из сил, Сью вернулась в дом, где ее пребывание было нежелательно, но где она могла хотя бы переночевать. Джуд заходил в ее отсутствие и оставил свой адрес, но, зная, что он еще очень слаб, она решила не беспокоить его до следующего дня.

II

Сью сидела, уставившись на голый пол комнаты, потом выглянула во двор — занавески на окне не было. Дом представлял собою всего-навсего старый коттедж, со всех сторон стиснутый стенами соседних зданий. Прямо перед ней высились черные глухие стены Саркофаг-колледжа, — безмолвные стены, пережившие четыре столетия мрака, фанатизма и упадка, вторгались в ее маленькую, комнату, ночью заслоняя лунный свет, а днем — солнечный. За ними виднелись очертания Рубрик-колледжа, а еще дальше — башня третьего университетского здания. Сью думала о том, какие странные вещи могут проделывать с простодушным человеком его страсти. Вот взять Джуда, например, — он так нежно любит ее и детей, а все-таки запрятал их в эту мрачную дыру, и только потому, что до сих пор еще одержим своей мечтой. Даже сейчас леденящий отказ, которым эти высокомудрые стены ответили на его страстное стремление, недостаточно ясно доходил до его сознания.

Неудача с поисками новой квартиры и то, что

в доме не оказалось места для отца, произвело на мальчика глубокое впечатление: он сидел подавленный, словно охваченный каким-то затаенным ужасом. Наконец он нарушил молчание словами:

— Мама, что же будет с нами завтра?

— Не знаю, — уныло отвечала Сью. — Боюсь, папа очень расстроится.

— Я хочу, чтоб он был совсем здоров и чтоб для него здесь нашлось место. Тогда нам было бы легче. Бедный папа!

— Да, тогда нам было бы легче.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Нет. Вокруг одни лишь заботы, невзгоды, страдания!

— Ведь папа ушел отсюда, чтобы дать место нам, детям, правда?

— Да, отчасти.

— Лучше было бы вовсе не жить на свете, да?

— Пожалуй, что так, дорогой.

— Это из-за нас, детей, вы не можете получить хорошую комнату, так ведь?

— Как тебе сказать… Люди действительно иногда не хотят сдавать комнаты тем, у кого есть дети.

— Тогда зачем же люди заводят детей, раз дети

доставляют столько неприятностей?

— Ну… потому что таков закон природы.

— Но ведь мы не просим родиться на свет?

— Нет, конечно.

— А мне еще тяжелее оттого, что ты не настоящая моя мама, и если б не захотела, могла бы не оставлять меня у себя. Не нужно мне было приезжать к вам, вот что! Я был обузой в Австралии, теперь обуза здесь. Лучше бы мне вовсе не родиться!

— Это не от тебя зависело, дорогой.

— Я думаю, что когда родятся дети, которых не хотят, их надо сразу же убивать, прежде чем в них войдет душа, а не давать им расти и ходить.

Сью не ответила, раздумывая, как обращаться с этим чересчур мудрым ребенком. Наконец после некоторого колебания она решила быть с ним по возможности честной и откровенной, — ведь он разделял ее невзгоды, как взрослый друг.

— Скоро нас станет еще больше, — промолвила она нерешительно.

— Как так?

— Будет еще один ребенок.

— Что? — Мальчик порывисто вскочил. — Господи! Зачем же ты послала еще за одним, когда у тебя и с нами столько хлопот?

— Да, к сожалению, я это сделала, — пробормотала Сью, и на ее глазах заблестели слезы.

Мальчик разразился слезами.

— О, тебе все равно, все равно! — воскликнул он с горестным упреком. — Ну почему ты такая жестокая и злая, почему ты не подождала, пока у нас будет побольше денег и не выздоровеет папа! Мало нам горя! Нам негде жить, папу заставили уйти от нас, завтра нас выгонят на улицу, а ты хочешь еще одного ребенка! Ты это делаешь нарочно, нарочно, нарочно!

Всхлипывая, он ходил взад и вперед по комнате.

— Прости меня, мой маленький Джуд! — умоляла она, расстроенная не меньше, чем он. — Я не могу тебе объяснить… я расскажу тебе все, когда ты станешь старше… Мы сейчас в тяжелом положении, и действительно кажется, что я это сделала нарочно. Я не могу тебе объяснить, милый, но это совсем не нарочно… и это от меня не зависит.

— Нет, нарочно… нарочно! Никто не мешал бы нам так, как сейчас, если б ты не согласилась! Я никогда, никогда не прощу тебя! И никогда не поверю, что ты любишь меня, или папу, или кого-нибудь из нас!

Он повернулся и пошел в свою каморку, где на полу ему была постлана постель. Сью слышала, как он сказал: «Не было бы детей, не было бы и никаких невзгод».

— Не надо так думать, дорогой! — не попросила, а почти приказала она. — Ложись-ка лучше спать!

Наутро Сью проснулась в начале седьмого и решила еще до завтрака повидать Джуда в гостинице, адрес которой он ей оставил, и рассказать ему обо всем случившемся до того, как он выйдет в город. Она встала тихо, стараясь не разбудить детей, которые, несомненно, сильно переутомились накануне. Джуда она застала за завтраком в дешевенькой гостинице, — он хотел сэкономить на своем жилье, но зато иметь возможность платить за комнату Сью, — и сообщила ему, что осталась без крова. Он так тревожился за нее всю ночь, сказал он. Как бы там ни было, сейчас, с наступлением утра, просьба освободить помещение не казалась такой страшной, а неудача с поисками новой квартиры не угнетала ее так сильно, как вчера. Джуд согласился, что нет смысла настаивать на своем праве занимать снятую комнату в течение недели и лучше сразу же выехать.

— Вы переедете в эту гостиницу на один-два дня, — сказал он. — Место это малоуютное, и детям здесь будет не так хорошо, зато мы сможем как следует осмотреться. Тут полно комнат сдается на окраинах, в «Вирсавии», например, где я когда-то жил. Позавтракай со мной, моя птичка, раз уж ты пришла. Как ты себя чувствуешь? Времени у тебя достаточно, успеешь и вернуться, и приготовить детям поесть до того, как они проснутся. Да я и сам пойду с тобой.

Она наскоро позавтракала, и через четверть часа они вышли из гостиницы, решив немедленно освободить помещение, для которого их сочли недостаточно почтенными квартирантами. Войдя в дом, Сью поднялась наверх и, удостоверившись, что в комнате детей тихо, робко попросила квартирную хозяйку принести чайник и что-нибудь к завтраку. Хозяйка едва соизволила исполнить ее просьбу, после чего Сью достала принесенные с собою два яйца, опустила их в кипящую воду и попросила Джуда сварить их для малюток, а сама пошла к детям. Была уже половина девятого.

Склоняясь над чайником, Джуд стоял спиной к комнатке, где спали дети, и с часами в руке следил за варкой яиц. Пронзительный крик Сью

заставил его резко повернуться. Он увидел, что дверь комнатки, вернее каморки, которая как-то тяжело пошла на петлях, когда она толкнула ее, распахнута, а Сью безжизненно лежит на полу у входа. Бросившись поднимать ее, он взглянул на маленькую постельку, устроенную тут же на полу: детей там не было. Джуд в замешательстве обвел глазами комнатушку. На обратной стороне двери, на двух крючках для одежды, висели их младшие дети с веревками вокруг шеи; тут же рядом висел труп маленького Джуда. Около него валялся опрокинутый стул; его остекленевшие глаза были скошены в сторону комнаты, глаза у девочки и младшего мальчика были закрыты.

Вне себя от ужаса при виде этой картины, Джуд, забыв о Сью, перерезал веревки перочинным ножом и перенес всех троих на постель; первое же прикосновение к ним убедило его в том, что они мертвы. Затем он поднял Сью, которая была без сознания, положил ее на кровать в большой комнате, позвал хозяйку и, задыхаясь, побежал за доктором.

Когда он вернулся, Сью уже пришла в себя: вид трех маленьких трупов и двух беспомощных женщин, склонившихся над детьми в отчаянной попытке вернуть их к жизни, лишил Джуда само-

обладания. Вскоре пришел живший по соседству врач, но, как Джуд и предполагал, его присутствие оказалось излишним. Спасти детей было невозможно: хотя тела их еще не совсем остыли, они, по-видимому, провисели более часа. Чуть попозже, когда родители нашли в себе силы обсудить происшедшее, они пришли к заключению, что, проснувшись, старший мальчик заглянул в комнату Сью и, не найдя ее, вновь пережил приступ острой тоски, в которую повергли его больную душу события и разговоры минувшего вечера. Более того, на полу была найдена записка, подтверждавшая их догадку; на ней рукой маленького Джуда огрызком карандаша, который он носил при себе, было написано:

«Сделал это потому, что нас слишком много».

При виде записки нервы Сью сдали окончательно. Невыносимое сознание, что вчерашний разговор с мальчиком явился главной причиной трагедии, вызвало у нее судорожный припадок, который ничто не могло остановить. Ее почти насильно перенесли в комнату нижнего этажа, и она лежала там, содрогаясь всем своим хрупким телом от беззвучных рыданий, устремив в

потолок широко открытые глаза, между тем как хозяйка дома тщетно пыталась ее успокоить.

Здесь хорошо было слышно, как наверху ходили люди. Сью умоляла пустить ее к детям, но в конце концов ее убедили, что если даже и есть какая-нибудь надежда, ее присутствие может только повредить; к тому же ей напомнили, что она должна беречь себя и не подвергать опасности жизнь будущего ребенка. Она без конца забрасывала всех вопросами, пока не пришел Джуд и не сказал, что все кончено. Когда Сью смогла заговорить, она рассказала ему о разговоре с мальчиком и добавила, что считает себя виновницей случившегося.

— Нет, — возразил Джуд, — это было заложено в его натуре. Доктор говорит, что теперь встречаются мальчики подобной организации, совершенно неизвестной в прошлых поколениях, что это проявление нового взгляда на жизнь. Такие дети видят все ее ужасы, прежде чем становятся достаточно взрослыми, чтобы противостоять им. Он говорит, что это проявление зарождающегося теперь всеобщего нежелания жить. Он передовой человек, этот доктор, но не может найти слов утешения…

Джуд старался не показывать свое горе перед

Сью, но тут не выдержал; Сью принялась утешать его, несколько отвлекшись от горьких самообвинений. Когда посторонние разошлись, ей разрешили взглянуть на детей.

Лицо мальчика отражало всю историю их жизни. На этом маленьком личике запечатлелось все то темное и злонамеренное, что омрачило первый брачный союз Джуда, и все случайности, ошибки, страхи и заблуждения второго. Он был их средоточие, их фокус, их лаконичная формулировка. Из-за опрометчивости своих родителей он стенал, из-за несоответствия их союза был в трепете, из-за их злосчастий умер.

Когда все в доме смолкло и они в бездействии ожидали приезда следователя, который должен был снять допрос, из-за массивной, возвышавшейся за домом стены колледжа вдруг возник приглушенный, протяжный, низкий звук и заполнил собой всю комнату.

— Что это? — задержав свое и без того неровное дыхание, спросила Сью.

— Орган в часовне колледжа. Должно быть, упражняется органист. Это из семьдесят третьего псалма: «Благ бог к Израилю».

Сью снова зарыдала.

— О, мои бедные, бедные малютки! Они никому

не сделали зла! Почему же взяты они, а не я?

Последовала пауза, затем с улицы донесся чей-то разговор.

— Это о нас говорят! — простонала Сью. — «Мы привлекаем все взоры — и ангелов и людей».

Джуд прислушался.

— Нет, не о нас, — сказал он. — Это два священника разных убеждений спорят о восточной церкви. Боже мой! Спорят о восточной церкви в то время, как все живущее страдает!

Опять воцарилось молчание, пока его не нарушил новый взрыв неудержимого отчаяния Сью.

— На свете есть что-то существующее вне нас, и это «что-то» говорит: «Не смей!» Сначала оно говорит: «Не смей учиться!» Потом: «Не смей работать!» А теперь: «Не смей любить!»

— Это ты от горя так говоришь, родная, — успокаивал ее Джуд.

— Но ведь это правда!

Так они сидели в ожидании следователя, затем Сью вернулась в свою комнату. На стуле лежали платьице, туфельки и носки малютки-сына — она не давала дотрагиваться до них, как ни хотелось Джуду убрать их с ее глаз. Как только он к ним прикасался, она умоляла оставить их на месте и чуть ли не набросилась на хозяйку, когда та

попыталась их спрятать.

Минуты, когда она впадала в тупое, апатичное молчание, страшили Джуда еще больше, чем взрывы ее горя.

— Почему ты со мной не разговариваешь, Джуд? — воскликнула она после одного из таких приступов отчаяния. — Не отворачивайся от меня! Мне так одиноко, когда ты не смотришь на меня!

— Успокойся, родная, я здесь, я с тобой, — отвечал он, прижимаясь лицом к ее лицу.

— О мой друг, наш идеальный союз, наше двуединство теперь обагрены кровью!

— Нет, они только омрачены смертью.

— А!.. Но ведь это я, сама того не ведая, толкнула его на это! Я разговаривала с ребенком, как со взрослым. Я сказала, что мир против нас, что лучше совсем не жить, чем так мучиться, и он понял меня буквально. К тому же и призналась, что у нас будет еще ребенок. Это его потрясло. Как горько он меня упрекал!

— Зачем же ты это сделала, Сью?

— Не знаю. Я хотела быть правдивой. Я не могла скрывать от него факты жизни. Но я не была правдивой, потому что из ложной стыдливости говорила с ним обиняками. Почему я оказалась

лишь наполовину умнее других женщин и вместо успокоительной лжи говорила ему полуправду? Это всё моя бесхарактерность, я не смогла ни скрыть правду, ни рассказать ее всю до конца!

— В большинстве случаев, наверное, так и поступают, только у нас с тобой это не получилось. Но рано или поздно он все равно узнал бы…

— А я-то шила моему малютке новое платьице и теперь никогда его в нем не увижу… И никогда больше не буду с ним разговаривать! Мои глаза так распухли от слез, что я почти не вижу, а ведь всего только год назад я считала себя счастливой! Мы слишком сильно любили друг друга! Слишком много занимались друг другом! Помнишь, мы говорили, что возведем наслаждение в добродетель. Я говорила, что закон природы, ее намерение, ее смысл в том, чтобы с наслаждением следовать инстинктам, которыми она нас наделила и которые цивилизация стремится подавить. Какие ужасные вещи я говорила! Теперь судьба нанесла нам удар в спину за то, что мы имели глупость поверить природе на слово.

Она углубилась в тихое раздумье, потом добавила:

— А может, и к лучшему, что они умерли?.. Да… теперь я начинаю думать, что это так. Быть

сорванным до срока — это лучше, чем медленно и безрадостно вянуть.

— Да, — ответил Джуд, — некоторые считают, что родители должны радоваться, когда дети умирают в младенчестве.

— Откуда они это знают? О мои малютки, крошки мои, вам бы жить и жить!.. Ты скажешь, мальчик не хотел жить, потому так и поступил. У него желание умереть было оправданно, оно лежало в самой основе его неизлечимо больной натуры. Бедный ребенок! Но другие… мои собственные… Наши с тобой дети!

Сью снова взглянула на крошечное платьице, на носочки и туфельки и вся затрепетала, как натянутая струна.

— Жалкое я создание, — сказала она. — Мне нет места больше ни на небе, ни на земле! Я сошла с ума от всего этого. Что же теперь делать?

Она крепко держала руку Джуда, глядя на него широко открытыми глазами.

— Ничего, — ответил Джуд, — «что случилось, того изменить нельзя, и все дойдет до предназначенного конца».

— Да, конечно. Чьи это слова? — спросила она подавленно после небольшой паузы.

— Это из хора в «Агамемноне». Как стряслась

беда, эти слова не выходят у меня из головы.

— Бедный Джуд! Ты все потерял в жизни, больше даже, чем я, потому что у меня остался ты. Подумать только, сколько всего ты знаешь, хотя твоим чтением никто не руководил, и все же ты должен прозябать в нищете и отчаянии!

Такие разговоры на время отвлекали Сью, но потом волна горя обрушивалась на нее с новой силой.

Наконец прибыли судебные эксперты и осмотрели тела, состоялось следствие, затем наступил печальный день похорон. Перед домом, привлеченная газетными сообщениями, стояла толпа зевак. Неясные толки о действительных взаимоотношениях Сью и Джуда особенно разжигали их любопытство. Сью хотела сопровождать малюток на кладбище, но в последнюю минуту ей стало плохо, и она слегла. Тем временем гробики бесшумно вынесли из дома, Джуд погрузил их в экипаж и уехал, к великой радости квартирного хозяина. Теперь у него на руках оставалась лишь Сью и ее вещи, но он рассчитывал избавиться от нее в течение дня и таким образом положить конец недоброй славе, которую приобрел за последние дни его дом по милости жены, приютившей эту злополучную семью. Днем он

поговорил по секрету с домовладельцем, и они условились, что попытаются переменить номер дома, если после этого несчастья люди станут его избегать.

Как только оба гробика — один с телом маленького Джуда, другой с двумя малютками — были преданы земле, Джуд поспешил к Сью, но так как она все еще лежала у себя в комнате, он не стал ее беспокоить. Однако, полный смутной тревоги за нее, он снова вернулся около четырех часов дня. Хозяйка думала, что она все еще у себя, но, заглянув в комнату, сказала, что ее там нет. Ее шляпки и жакета тоже нигде не было видно: она явно ушла из дому. Джуд бросился в гостиницу, где остановился, но и там не нашел ее. Перебрав в уме все возможности, он отправился на кладбище и вскоре оказался на месте недавнего погребения. Зеваки, сопровождавшие похоронную процессию, уже разошлись. Могильщик с лопатой в руках пытался закопать общую могилу детей, но рядом с ним в наполовину засыпанной яме стояла женщина и, держа его за руку, умоляла о чем-то. Это была Сью; на ней было цветное платье, которое она и не подумала сменить на траурное, купленное для нее Джудом, и это говорило о ее горе сильнее любого траурного наряда.

— Он зарывает моих крошек в землю, но я не дам, пока еще раз их не увижу! — как безумная закричала она, увидев Джуда. — Еще разочек, Джуд, умоляю тебя! Я должна их видеть! Я не думала, что ты позволишь забрать их, пока я сплю! Ты обещал, что я увижу их, прежде чем заколотят гроб, ты не исполнил своего обещания и позволил их унести. О Джуд, и ты тоже такой жестокий!

— Она хочет, чтобы я разрыл могилу и пустил ее к гробам, — сказал могильщик. — Ее надо увести домой, посмотрите, на кого она похожа! У бедняжки, видно, помутилось в голове. Не могу я, мэм, снова их выкапывать. Идите-ка лучше домой с муженьком, да успокойтесь, да благодарите бога, что скоро у вас снова будет ребенок вам в утешенье.

Но Сью продолжала жалобно твердить:

— Можно, я взгляну на них еще разочек?.. Только разочек. Ну можно? На одну только минуточку, Джуд… Это не отнимет много времени, а я буду так рада! Ну позволь мне, Джуд, и я буду хорошей и всегда буду тебя слушаться! Потом я спокойно пойду домой и уж никогда их больше не увижу. Можно? Ну почему нельзя?

Так она умоляла его, и от жалости Джуд почти готов был уговорить могильщика исполнить

ее просьбу. Но видя, что это бесполезно и могло только пойти ей во вред, он решил немедленно отвести ее домой. Он начал ласково уговаривать ее, шептал ей нежные слова и обнял, чтобы поддержать ее, и в конце концов она беспомощно уступила и дала увести себя с кладбища.

Он хотел взять экипаж, чтобы доехать до дома, но так как им приходилось соблюдать строгую экономию, она запротестовала, и они тихонько пошли домой пешком — Джуд в трауре, она — в своем красновато-коричневом платье. Вечером они предполагали переехать на другую квартиру, но Джуд увидел, что это немыслимо, и они вернулись в ненавистный им дом. Сью тотчас уложили в постель и послали за доктором.

Весь вечер Джуд прождал внизу. Было очень поздно, когда ему сообщили, что Сью преждевременно родила и что ребенок, как и все остальные дети, мертв.

III

Сью поправлялась, хотя жаждала умереть. Джуд снова получил работу по своему прежнему ремеслу. Теперь они жили в другом месте, в районе «Вирсавии», неподалеку от кафедрального собора св. Силы.

Часто и подолгу сидели они в молчании, подавленные не столько бессмысленными препятствиями, которые ставила им жизнь, сколько грозной и зловещей ее враждебностью. Во время болезни, когда сознание Сью лишь слабо мерцало, подобно звезде, ее преследовали смутные и странные грезы, будто мир похож на стансы или мелодию, созданные во сне, и что было восхитительно в полузабытьи, бодрствующему рассудку казалось совершенным абсурдом; ей грезилось также, будто первопричина действует безотчетно, подобно сомнамбуле, а не по зрелом размышлении, как мудрец, и что при создании нашего земного мира не предполагалась такая восприимчивость чувств у его обитателей, какой впоследствии достигло мыслящее и просвещенное человечество. В глазах пережившего бедствия человека враж-

дебные ему силы приобретают антропоморфный характер, — так и у нее эти представления стали сменяться ощущением, будто ей и Джуду приходится спасаться от какого-то преследователя.

— Мы должны подчиниться, — мрачно твердила она. — Извечный гнев вышних сил обрушился на нас, их несчастных созданий, и мы должны покориться. Выбора нет. Тщетно бороться с богом.

— Но ведь мы боремся лишь против людей и бессмысленных обстоятельств, — возражал он.

— Верно… — прошептала она. — Чего только не взбредет мне на ум! Я становлюсь суеверной, как дикарь… Но кто бы ни был наш враг, я запугана до полной покорности. У меня больше нет сил бороться, нет смелости жить. Я сломлена, уничтожена!.. «Мы привлекаем все взоры — и ангелов и людей». Я теперь всегда твержу эти слова.

— И я тоже так чувствую.

— Что же нам делать? Сейчас у тебя есть работа, но помни, что это возможно только потому, что наша история и наши отношения не известны до конца… Если бы стало известно, что наш брак не оформлен по закону, тебя бы, наверное, выгнали с работы, как это было в Олдбрикхеме.

— Трудно сказать. Вряд ли со мной так бы поступили. Но вот я думаю, что теперь, как только ты

сможешь выходить, мы должны его узаконить.

— Ты думаешь, должны?

— Конечно.

Джуд задумался.

— С недавних пор мне стало казаться, — сказал он, — что я принадлежу к обширному разряду людей, называемых соблазнителями, которых сторонятся добродетельные люди. Я поражаюсь, когда думаю об этом! Раньше я этого не замечал, как не замечал и того, что я поступаю дурно по отношению к тебе, которую люблю больше жизни. И все же я из их числа! Хотелось бы мне знать, много ли среди них таких же несмышленых простаков, как я? Да, Сью, я соблазнил тебя. Это так. Ты принадлежишь к редкому типу утонченных существ, которых природа намеревалась оставить нетронутыми. А я не мог оставить тебя в покое!

— Нет, нет! — поспешно возразила она. — Не упрекай себя, ты совсем не такой! Уж если кто и виноват, то только я!

— Я поддерживал тебя в твоем решении бросить Филотсона, и, возможно, если б не я, ты не стала бы убеждать его отпустить тебя.

— Все равно стала бы. Что же касается того, что мы не муж и жена в глазах закона, то в этом

спасительная черта нашего союза, потому что таким образом мы не оскорбили святость наших первых браков.

— Святость? — Джуд посмотрел на нее с удивлением и понял, что перед ним не та Сью, какую он знал раньше.

— Да, — ответила она, и голос ее слегка задрожал. — Меня охватывает ужас, какое-то жуткое ощущение при мысли, на какую дерзость я была способна. Мне кажется, что я до сих пор его жена.

— Чья?

— Ричарда.

— Боже милосердный! Почему, дорогая?

— Не могу объяснить! Но эта мысль меня преследует.

— Это просто слабость, больное воображение, в этом нет ровно никакого смысла. Пусть это тебя не волнует.

Сью тревожно вздохнула.

Как бы в вознаграждение за такие разговоры их денежные дела поправились; прежде, в дни неудач, это чрезвычайно радовало бы их. Почти тотчас после приезда Джуд неожиданно нашел хороший заработок по своему прежнему ремеслу; летняя погода доказывала благотворное влияние

на его слабое здоровье, а монотонное однообразие бегущих дней успокаивало после всего пережитого. Казалось, люди совершенно забыли о его прошлых заблуждениях, и он ежедневно взбирался на парапеты и стены колледжей, в которые ему не дано было поступить, и реставрировал осыпающиеся каменные переплеты окон, из которых, ему не суждено было смотреть, с таким видом, будто у него никогда и не было иных стремлений.

В нем произошла перемена: теперь он редко ходил в церковь. Единственное, что тревожило его сейчас, было то, что после пережитого ими несчастья духовно он и Сью пошли в совершенно противоположных направлениях: события, которые расширили его взгляды на жизнь, на законы, обычаи и всяческие догмы, подействовали на Сью совсем иначе. В ней уже не было независимости прежних дней, когда ее интеллект сверкал, подобно яркой молнии, смеясь над условностями и общепринятыми нормами поведения, которые Джуд тогда чтил, а теперь отрицал.

Однажды в воскресный вечер он пришел домой довольно поздно. Сью не было дома, но скоро она вернулась, молчаливая и задумчивая.

— О чем ты думаешь, детка? — спросил он с

любопытством.

— Мне трудно выразить свою мысль. Мне кажется, мы были себялюбивы, легкомысленны и даже нечестивы в своих поступках. Напрасно мы пытались превратить жизнь в наслаждение. В жизни есть более возвышенный путь — путь самоотречения. Нам следовало умерщвлять нашу плоть, это чудовище, проклятье Адама.

— Сью, — прошептал он. — Что с тобой?

— Мы должны непрестанно приносить себя в жертву на алтарь долга. Я же всегда стремилась делать то, что доставляло мне радость. Я справедливо заслужила кару, которая обрушилась на меня. Как бы мне хотелось избавиться от всякой скверны, от всех своих позорных заблуждений и грехов!

— Сью, родная, ты слишком много выстрадала! Нет в тебе ничего от дурной женщины! У тебя совершенно здоровые инстинкты, — быть может, менее пылкие, чем мне хотелось бы, — но прекрасные и чистые. Я тебе говорил и говорю: ты самая неземная, наименее чувственная из всех женщин, каких я знаю, хотя и не лишена естественных физических влечений. Почему ты теперь думаешь иначе, чем прежде? Мы не были себялюбивы, разве что в тех случаях, когда наше

себялюбие никому не причиняло зла. Ты часто говорила, что человек от природы великодушен и многотерпелив, а не низок и подл, и в конце концов я убедился, что это действительно так. А теперь ты, по-видимому, ставишь человека очень невысоко!

— Я хочу смириться сердцем и быть чистой в помыслах, и до сих пор мне не удается ни то, ни другое!

— Ты не боялась ни мыслить, ни чувствовать, и я еще мало восхищался тобой. Я был тогда всецело в плену связывающих меня условностей и не видел этого.

— Не говори так, Джуд! Мне бы хотелось с корнем вырвать из моего прошлого каждое смелое слово, каждую смелую мысль. Самоотречение — в этом все! Никакое унижение не будет для меня чрезмерным. Кажется, так бы и исколола всю себя булавками, чтобы вместе с кровью из меня вышла вся скверна!

— Что ты! — воскликнул он и привлек ее к себе, словно ребенка, прижимая ее голову к своей груди. — Вот до чего довела тебя наша потеря! Такие угрызения совести не для тебя, мой нежный цветок, а для тех дурных люде которые никогда их не испытывают.

— Мне нельзя оставаться вот так с тобой, — прошептала она.

Он все еще прижимал ее к себе.

— Почему же?

— Это слабость.

— Ты все о том же! Да разве есть на свете что-нибудь более прекрасное, чем наша любовь друг к другу?

— Есть. Все зависит от того, какая любовь… Твоя… наша — греховная.

— Я не хочу слышать об этом, Сью. Ну а теперь скажи, когда ты хочешь, чтобы наш брак был освящен в церкви?

Она помолчала, потом смущенно взглянула на него.

— Никогда, — прошептала она.

Не поняв полного значения ее отказа, Джуд принял его спокойно и промолчал. Прошло несколько минут, и ему показалось, что она заснула; он шепотом позвал ее и тут же убедился, что она не спит. Она отстранилась от него и вздохнула.

— От тебя сегодня веет чем-то странным и непонятным, — промолвил он. — Причем не только метафорически, но и в самом прямом смысле этого слова, от одежды. Я слышу запах какого-то

растения, он мне как будто знаком, только я не могу вспомнить, что это такое.

— Это ладан.

— Ладан?

— Я была на богослужении в церкви святого Силы, там воздух насыщен ладаном.

— А… В церкви святого Силы?

— Да, я иногда хожу туда.

— Вот как! Ты ходишь туда!

— Видишь ли, Джуд, мне очень одиноко здесь по утрам, когда ты на работе, и я все думаю и думаю о моих… — У нее вдруг подступил комок к горлу, и ее голос пресекся. — Вот я и начала ходить туда, ведь это так близко.

— Да, да, конечно… Я ничего не имею против. Только это так на тебя не похоже! А там и знать не знают, кто находится среди молящихся!

— Что ты хочешь этим сказать, Джуд?

— Ну, проще говоря: какой скептик.

— Как ты можешь делать мне больно, когда я так страдаю, Джуд! Конечно, я знаю, ты не хотел огорчить меня. Но говорить так не следует.

— Не буду. Но я очень удивлен!

— Я хотела сказать тебе еще кое-что, Джуд. Только не сердись на меня, хорошо? Я много думала об этом с тех пор, как моих малюток не

стало. Мне кажется, мне не следует больше быть твоей женой… или чем-то вроде жены.

— Как? Но ведь ты же моя жена!

— С твоей точки зрения — да, но…

— Конечно, мы боялись церковного обряда, как боялись бы многие другие, будь у них те же основания для опасений, что и у нас. Но жизнь показала, что мы ошибались в себе и преувеличивали свои пороки, и если ты начинаешь считаться с ритуалами и обрядами, я удивляюсь, почему ты не хочешь, чтобы мы немедленно обвенчались? Ты, несомненно, жена моя, Сью, во всех отношениях, разве что не перед законом. Что ты хотела сказать?

— Мне кажется, это не так.

— Не так? Но допустим, мы уже выполнили обряд? Тогда бы ты чувствовала себя моей женой?

— Нет, даже и тогда я бы этого не чувствовала. Мне было бы еще хуже, чем теперь.

— Но почему?.. Ради бога, скажи, почему, дорогая?

— Потому что я принадлежу Ричарду.

— Ах, опять эта нелепая выдумка. Ты мне уже говорила нечто подобное.

— Тогда это было лишь преходящее чувство, но со временем я все больше и больше убеждаюсь в

том, что принадлежу ему или никому.

— Боже милостивый!.. Как мы с тобой обменялись ролями!

— Возможно, что так.

Несколько дней спустя в сумерках летнего вечера, когда оба они сидели в той же маленькой комнатке внизу, в парадную дверь дома плотника, у которого они жили, постучали, а через несколько минут постучали в дверь их комнаты. Не успели они открыть, как посетитель сам толкнул дверь, и на пороге выросла женская фигура.

— Здесь живет мистер Фаули?

Джуд машинально ответил утвердительно, и оба тут же вздрогнули, так как голос принадлежал Арабелле.

Он холодно попросил ее войти, и она села на скамью у окна, так что они отчетливо могли видеть ее силуэт против света, хотя все детали, по чему можно было бы составить общее представление о ее внешности, оставались в тени. И все же по каким-то еле уловимым признакам угадывалось, что сейчас она находится в стесненных обстоятельствах и одета не так вызывающе нарядно, как при жизни Картлетта.

Все трое неловко пытались завязать разговор о недавнем несчастье, о котором Джуд в свое

время счел долгом сообщить ей, хотя она так и не ответила на его письмо.

— Я только что с кладбища, — сказала Арабелла. — Навела справки и нашла могилу ребенка. Спасибо за то, что сообщил мне, но я не могла приехать на похороны. Я прочла обо всем в газетах, и мне показалось, что я буду лишней… Так что, как видишь, на похороны я приехать не могла… — Будучи совершенно неспособной усвоить подходящую к случаю манеру держаться и вести разговор, Арабелла мялась и сбивалась на повторения. — Но я рада, что нашла могилку. Ты должен поставить им красивый камень на могилу, Джуд, это ведь, по твоей части.

— Я поставлю надгробье, — мрачно ответил Джуд.

— Я была ему мать… само собой, я горюю по нем, — продолжала Арабелла.

— Ну конечно. Мы все горевали.

— По тем, другим, я не так горевала, ну да это понятно.

— Разумеется.

Из темного угла, где сидела Сью, послышался вздох.

— Мне так часто хотелось забрать его к себе, — продолжала миссис Картлетт. — Быть может,

тогда ничего бы и не случилось. Но, понятно, я не хотела отнимать его у твоей жены.

— Я не жена его, — послышался голос Сью.

От неожиданности такого заявления Джуд лишился дара слова.

— Ах, простите, пожалуйста, — сказала Арабелла. — Во всяком случае, мне так казалось!

По тону Сью Джуд понял, что ее слова продиктованы ее новыми, необычными взглядами, но, разумеется, до Арабеллы они дошли только в их буквальном значении. Оправившись от изумления, в которое ее повергло признание Сью, она продолжала с безмятежным спокойствием толковать о «своем мальчугане», хотя при жизни его она нисколько не заботилась о нем, и скорбь её, чисто показная, была явно предназначена для успокоения собственной совести. Упомянув о прошлом, она снова обратилась к Сью с каким-то замечанием. Ответа не последовало. Сью незаметно вышла из комнаты.

— Она сказала, она тебе не жена? — спросила Арабелла уже другим тоном. — С чего это она так сказала?

— Не берусь тебе объяснить, — резко ответил Джуд.

— Но ведь она твоя жена, правда? Она сама мне

это говорила.

— Я не собираюсь обсуждать ее слова.

— А-а… понимаю. Ну, ладно, мне пора идти. Я сегодня остаюсь здесь на ночь, вот и решила заглянуть к тебе, ведь несчастье-то у нас общее. Я ночую в той гостинице, где работала буфетчицей, а уж завтра отправлюсь в Элфредстон. Отец вернулся домой, я теперь живу вместе с ним.

— Вернулся из Австралии? — безучастно, спросил Джуд.

— Да. Не ладились у него там дела. Круто ему пришлось. Мать умерла в разгар лета, от этой… как ее… диз… забыла, как это называется, и отец с двумя младшими ребятишками вернулся. Поселился в домике рядом с тем, где жил раньше, и я пока веду его хозяйство.

Арабелла соблюдала приличия даже после того, как ушла Сью, и пробыла с визитом не дольше, чем позволяли самые строгие правила хорошего тона. Когда она ушла, Джуд вздохнул с облегчением и, выйдя на лестницу, позвал Сью, беспокоясь, куда она исчезла.

Ответа не последовало. Плотник, их квартирный хозяин, сказал, что она не приходила. Это озадачило Джуда, и теперь он уже не на шутку встревожился ее отсутствием: время было

позднее. Хозяин позвал жену, и та высказала предположение, что Сью пошла в церковь св. Силы, которую часто посещала.

— В такой поздний час? — удивился Джуд. — Церковь уже закрыта.

— Она знакома со сторожем, у него ключ, и она может получить его в любое время.

— И давно она ходит туда?

— По-моему, всего несколько недель.

Без особой уверенности Джуд направился к церкви, возле которой ни разу не показывался с тех пор, как жил в этих местах много лет назад, когда в его юношеских воззрениях было гораздо больше мистицизма, чем теперь. У церкви было безлюдно, хотя вход был действительно не заперт; он тихо поднял щеколду, вошел и, бесшумно закрыв за собой дверь, замер на месте. В глубокой тишине церкви слышался едва уловимый звук — не то вздохи, не то рыдание, — доносившийся из угла. Сквозь мрак, который едва разгонял слабый вечерний свет, проникавший с улицы, он двинулся в том направлении. Дорожка заглушала его шаги.

Высоко над головой, над ступенями алтаря, Джуд мог различить огромный массивный крест, наверное, такой же величины, как тот, о котором

он должен был напоминать. Казалось, крест этот держался в воздухе на невидимых проволоках: он был весь усыпан крупными драгоценными камнями, чуть мерцавшими в слабых отсветах, падавших с улицы, и едва заметно неслышно покачивался из стороны в сторону. Под ним на полу лежала человеческая фигура в черной одежде, от которой исходили рыдания, слышанные им при входе. Это была его Сью, распростертая на каменных плитах.

— Сью! — прошептал он.

В темноте смутно засветлело что-то белое: она подняла лицо.

— Что тебе здесь от меня нужно, Джуд? — спросила она почти резко. — Незачем тебе было приходить сюда! Я хотела побыть одна! Зачем ты мне мешаешь?

— Как ты можешь так спрашивать? — возразил он голосом, полным укоризны, ибо ее слова поразили его в самое сердце. — Зачем я пришел? Хотелось бы мне знать, кто еще имеет на это право, если не я? Ведь я люблю тебя больше самого себя, больше, — о, гораздо больше! — чем ты любишь меня. Зачем ты ушла из дому и пришла сюда одна?

— Не осуждай меня, Джуд… Я не раз говорила,

что мне это невыносимо. Ты должен принимать меня такой, какая я есть. Я жалкое создание, сломленное отчаянием. Видеть Арабеллу было свыше моих сил. Я почувствовала себя такой несчастной, что мне надо было уйти. Мне все кажется, что она по-прежнему твоя жена, а Ричард мой муж.

— Но они же для нас никто.

— Нет, дорогой мой друг, нет! Теперь я смотрю на брак иначе. Мои малютки отняты у меня, чтобы открыть мне глаза. То, что сын Арабеллы убил моих детей, — это божья кара, попранная справедливость мстит за себя. Ну что, что мне теперь делать? Я низкая тварь, недостойная общества обыкновенных людей.

— Как это страшно! — воскликнул Джуд, чуть не плача. — Ты никому не сделала зла, и с твоей стороны нелепо и чудовищно возводить на себя такие обвинения!

— Ах, ты не знаешь, какая я скверная!

— Я все знаю! — возразил он с жаром. — Знаю каждый атом, каждую мельчайшую частицу твоего существа! Будь оно проклято, это христианство, мистицизм, клерикализм или как там еще это называется, — словом, то, что довело тебя до такого состояния! До чего ты дошла — ты, женщина-поэт, женщина-провидица, женщина, чья

душа сверкала, как алмаз, ты, которой гордились бы все мудрецы на свете, если бы они тебя знали! Я рад, чертовски рад, что не связал свою жизнь с религией, которой ты так себя изводишь.

— Ты сердишься, Джуд, ты жесток ко мне и ничего не понимаешь.

— Идем домой, родная, быть может, я пойму. Я изнемог от горя, и ты сама не своя.

Он обнял ее и помог ей встать, и она пошла с ним, не позволяя, однако, себя поддерживать.

— Не думай, что я разлюбила тебя, Джуд, — сказала она ласковым и умоляющим голосом. — Я люблю тебя, как прежде. Только… я не должна тебя любить. Нет, не должна!..

— Я не могу этого понять.

— А я уже свыклась с мыслью, что я не твоя жена! Я принадлежу ему — священной клятвой я соединена с ним навек. И ничто этого не изменит!

— Но ведь если и были когда-нибудь на свете настоящие муж и жена, так это мы с тобой. Наш союз подсказан самой природой!

— Но не небом! Мне свыше был предназначен иной брак, и брак этот навеки скреплен в церкви в Мелчестере.

— Сью, Сью! Горе лишило тебя рассудка! После

того как я стал смотреть на окружающее твоими глазами, ты вдруг ни с того ни с сего делаешь полный поворот назад и, руководствуясь только своим чувством, предаешь анафеме все, во что прежде верила. Ты с корнем вырываешь из моего сердца последние остатки симпатий и уважения к церкви, которые я по старой памяти сохранял… Что мне теперь в тебе непонятно, так эта твоя удивительная слепота к твоим же собственным прежним доводам. Свойственно это только тебе или всем женщинам вообще? Является ли женщина в конечном счете мыслящей единицей или всего лишь частицей, мнящей выдать себя за целое? Как ты доказывала, — и совершенно справедливо, — брачный контракт — это нелепость. Если дважды два было четыре, когда мы были счастливы вместе, то дважды два четыре и сейчас. Повторяю — мне это непонятно!

— Ах, дорогой Джуд! Ты похож на глухого, наблюдающего за людьми, которые слушают музыку. Ты говоришь: «Что они в этом видят? В этом ничего нет!» А на самом-то деле есть.

— То, что ты говоришь, безжалостно, но сравнение твое неудачно. Ты сбросила с себя шелуху предрассудков, научила меня следовать твоему примеру, а теперь пошла на попятный! Я ошибся

в тебе!

— Друг мой милый, единственный мой друг, не будь так жесток! Я не могу быть иной, чем я есть, я уверена, что я права, что наконец-то я увидела свет. Но, господи, как обращу я его во благо свое?

Они вышли из церкви, и Сью пошла отдавать ключи.

— Неужели это та самая девушка, — вновь начал Джуд, когда она вернулась, а он на свежем воздухе обрел некоторую бодрость, — неужели это та самая девушка, которая принесла языческих богов в этот наихристианнейший из городов, которая передразнивала мисс Фонтовер, когда та топтала их каблуком? Которая цитировала Гиббона, Шелли и Милля? Где вы сейчас, прекрасный Апполон и прекрасная Венера?

— Не надо, не надо быть таким жестоким, Джуд, я и так несчастна! — зарыдала она. — Я не вынесу этого! Я заблуждалась. Я не могу спорить с тобой. Я была неправа — слепа в гордыне своей. Приход Арабеллы положил всему конец. Не смейся надо мной — это мне как нож в сердце.

Он обнял ее и горячо поцеловал тут же, на безлюдной улице, прежде, чем она успела отстранить его. Они шли все дальше, пока не дошли до маленькой кофейни.

— Джуд, — сказала она, едва сдерживая слезы, — сними здесь себе комнату, ладно?

— Хорошо, если… если тебе действительно этого хочется. Но так ли это? Дай я провожу тебя до дому, быть может, там все мне станет ясно.

Когда он ввел ее в дом, Сью отказалась от ужина, поднялась по темной лестнице к себе и зажгла свет. Обернувшись, она увидела, что Джуд последовал за ней и стоит в дверях. Она подошла, взяла его за руку и сказала:

— Спокойной ночи, Джуд.

— Но, Сью! Разве это не наш дом?

— Ты обещал исполнить мою просьбу.

— Да… Ну что же! Возможно, мне не следовало так противиться и спорить с тобой! Возможно, нам надо было расстаться в самом начале, когда мы не смогли пожениться честь по чести, по доброму старому обычаю. Мир, вероятно, еще недостаточно просвещен для таких опытов, как наш. Кто мы такие, чтобы разыгрывать из себя провозвестников?

— Я так рада, что ты понял хоть это. Ведь я никогда не хотела того, к чему мы пришли. Лишь ревность и душевная смута толкнули меня на этот ложный шаг.

— Но и любовь тоже — ведь ты любила меня?

— Любила. Но я хотела на этом остановиться и оставаться только твоей возлюбленной, пока…

— Но влюбленные не могут не идти дальше.

— Женщины могли бы, мужчины не могут, потому что не хотят. Как правило, женщины в этом отношении выше мужчин, женщина никогда сама не проявляет инициативу, она только отвечает. Духовное общение — вот все, к чему мы должны были стремиться.

— Я уже говорил, что виновником всего случившегося я считаю себя… Что ж, пусть будет по-твоему!.. Только человеческую природу не переиначить.

— Как раз этому-то люди и должны научиться — обуздывать себя.

— Повторяю — если кто из нас и был виноват, так это я.

— Нет. Твой грех сводился лишь к естественному желанию мужчины обладать женщиной. У меня же не было к тебе ответного влечения, и только ревность заставила меня отнять тебя у Арабеллы. Мне казалось, что хотя бы из милосердия я должна допустить тебя к себе, что будет страшно эгоистично мучить тебя так, как я мучила своего прежнего друга. И все-таки я не сдалась бы, если б не испугалась, что ты вернешь-

ся к ней… Но не будем больше говорить об этом! Теперь ты оставишь меня одну, Джуд?

— Хорошо… Но послушай, Сью, жена моя, — ведь ты жена мне! — с жаром воскликнул он. — Все-таки я оказался прав. Ты никогда не любила меня так, как я люблю тебя! Никогда, никогда! У тебя холодное сердце — оно не умеет гореть огнем! Ты что-то вроде духа или феи, но только не женщина!

— Признаюсь, сначала я не любила тебя, Джуд. Когда мы познакомились, я только хотела, чтобы ты меня любил. Нельзя сказать, чтобы я старалась увлечь тебя, но врожденное стремление, подрывающее нравственность женщин порой даже больше, чем разнузданная, страсть, — желание нравиться и привлекать, не считаясь с теми страданиями, которые может испытывать мужчина, — это стремление было и во мне. Но когда я почувствовала, что покорила тебя, я испугалась. И тогда… не знаю, как это случилось… я уже не могла допустить, чтобы ты ушел, — быть может, снова к Арабелле, — и вот тогда-то я и полюбила тебя, Джуд. Теперь ты сам видишь, — как бы нежно мы ни любили друг друга сейчас, началось-то все с моего эгоистичного и жестокого желания заставить твое сердце помучиться из-за меня, но

чтоб мое из-за тебя не мучилось!

— А теперь ты обходишься со мной еще более жестоко, собираясь бросить меня!

— Ах!.. Чем глубже я сама погружаюсь в трясину, тем больше делаю зла!

— О Сью! — воскликнул он, внезапно ощутив, что ему грозит. — Не поступай безнравственно из нравственных побуждений! Ты всегда была моим прибежищем, моим спасением! Не бросай меня хотя бы из чувства простого человеколюбия! Ты знаешь, какой я бесхарактерный, знаешь двух моих заклятых врагов — слабость к женщинам и тягу к вину. Не отдавай меня в их власть, Сью, хотя бы ради одного того, чтобы спасти свою собственную душу! С тех пор как ты стала моим ангелом-хранителем, все это ушло от меня далеко-далеко, и мне не страшны никакие искушения. Неужели мое спасение не стоит такой небольшой жертвы, как отказ от прописных догм? Мне страшно подумать, что будет со мной, если ты уйдешь! Повторится все та же история со свиньей, которая после того, как ее вымыли, снова отправилась валяться в грязи!

Сью разразилась слезами.

— Джуд, ты не должен так поступать! Ты не сделаешь этого! Я буду день и ночь молиться

за тебя!

— Хорошо, не горюй, — великодушно промолвил он. — Бог свидетель, я страдал из-за тебя раньше и страдаю теперь. Но, быть может, меньше, чем ты. В конце концов, женщине всегда тяжелее.

— Да, это так.

— Если только она не никчемная, презренная дрянь. Но ты не такая.

Сью нервно вздохнула.

— Боюсь, что такая… Ну, а теперь, Джуд, покойной ночи… прошу тебя.

— Значит, я не смею остаться? Никогда больше? А ведь как часто, бывало… О Сью, жена моя, почему же?

— Нет… нет… не жена! Я в твоей власти, Джуд, но не искушай меня теперь, когда я уже вступила на путь искупления.

— Хорошо. Сделаю, как ты просишь. Ведь это мой долг, любимая моя, это мне епитимья за то, что в прошлом я настоял на своем. Боже, каким я был себялюбцем! Быть может… быть может, я погубил самую прекрасную и чистую любовь, которая когда-либо существовала между мужчиной и женщиной… Пусть же в этот час завеса нашего храма разорвется надвое!

Он подошел к кровати, взял одну из двух подушек, лежавших на ней, и бросил на пол.

Сью смотрела на него, сникнув на спинку кровати, и беззвучно плакала.

— Пойми, это дело моей совести, я вовсе не разлюбила тебя! — задыхаясь, прошептала она. — Разлюбить тебя! Больше я просто ничего не могу сказать… мне так тяжело… я погублю все, чего уже добилась! Спокойной ночи, Джуд!

— Спокойной ночи, — ответил он, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Но ты должен поцеловать меня! — воскликнула она, порываясь к нему. — Я не могу… Это невыносимо… Не могу вынести…

Он обнял ее и поцеловал ее мокрое от слез лицо, но уже не так, как целовал раньше.

— Прощай, прощай! — прошептала она после наступившего молчания. Затем, нежно отстраняя его от себя, высвободилась из его объятий и, желая смягчить печаль, проговорила: — Мы все равно останемся добрыми друзьями, правда, Джуд? И будем иногда встречаться… да? Забудем все и постараемся вернуться к тем отношениям, какие были у нас раньше.

Ничего не ответив, Джуд вышел из комнаты и спустился по лестнице.

IV

Человек, которого Сью после совершившегося в ней переворота считала своим законным мужем, жил по-прежнему в Мэригрин.

Накануне трагической гибели детей Филотсон видел ее и Джуда, как они стояли под дождем в Кристминстере, наблюдая за процессией, направлявшейся к театру. Но в тот момент он ни словом не обмолвился об этом своему спутнику Джиллингему, который на правах старого друга гостил у него в Мэригрин и который, собственно, и предложил ему поехать в Кристминстер.

— О чем ты думаешь? — спросил Джиллингем, когда они возвращались домой. — Не об университетском ли дипломе, который тебе так и не удалось получить?

— Вовсе нет, — хмуро ответил Филотсон. — Я думаю об одном человеке, которого сегодня видел. — И, выдержав паузу, добавил: — О Сюзанне.

— Я тоже ее видел.

— И ничего мне не сказал.

— Не хотел привлекать к ней твое внимание. Но раз уж ты ее видел, мог бы и спросить: «Как

поживаешь, бывшая моя женушка?»

— А! Возможно, ты прав. Но вот послушай-ка, что я тебе скажу. У меня есть все основания полагать, что она была невинна, когда я с ней разводился, — что я был кругом неправ. Понимаешь? Нехорошо как-то получается, правда?

— Но уж с тех пор-то она, во всяком случае, постаралась вывести тебя из этого заблуждения.

— Гм… какая плоская шутка. Мне не надо было торопиться, вот что.

В конце недели, после того как Джиллингем вернулся в свою школу около Шестона, Филотсон, по своему обыкновению, отправился на рынок в Элфредстон; он раздумывал над тем, что открыла ему Арабелла, пока спускался с высокого холма, который не играл в его жизни такой значительной роли, как в жизни Джуда, хотя и был знаком ему раньше, чем Джуду. Придя в город, Филотсон, как обычно, купил местную еженедельную газету и зашел в трактир подкрепиться, поскольку ему предстояло пройти еще пять миль обратного пути; тут он вынул газету из кармана и только начал читать, как в глаза ему бросилось сообщение О «загадочном самоубийстве детей каменотеса».

Несмотря на все его бесстрастие, газетная заметка произвела на него гнетущее впечатление,

но вместе с тем и немало озадачила его, — он не понимал, каким образом старший ребенок мог быть такого возраста. И все-таки не вызывало сомнений, что в газете описывалось истинное событие.

— Теперь чаша их горя переполнена! — сказал Филотсон, и он думал и думал о Сью и о том, что же она, собственно, выиграла, уйдя от него.

Так как Арабелла поселилась в Элфредстоне, а школьный учитель каждую субботу приходил туда на рынок, не было ничего удивительного, что через несколько недель они встретились вновь, точнее, это произошло сразу после ее возвращения из Кристминстера, где она пробыла значительно дольше, чем предполагала, внимательно наблюдая за Джудом, хотя он ее больше не видел. Возвращаясь домой, Филотсон встретил Арабеллу, направлявшуюся в город.

— Вы любите гулять по этой дороге, миссис Картлетт? — обратился он к ней.

— С недавних пор я снова начала здесь ходить, — отвечала она. — В этих местах я жила девушкой и когда вышла замуж, и все, что было мило мне в прошлом, связано с этой дорогой. Теперь прошлое вновь всколыхнулось во мне, после того как я побывала в Кристминстере. Да,

да. Я виделась там с Джудом.

— Ах, вот что! Как же они переносят свое ужасное горе?

— Оч-чень странным образом, оч-чень! Она с ним больше не живет. Как раз перед отъездом я узнала об этом от людей, которым можно верить. Ну, да я и сама видела, что к этому дело идет, — так они себя вели, когда я к ним заходила.

— Не живет? А мне казалось, такое печальное событие должно бы еще больше их сблизить.

— Да он вовсе и не муж ей. По-настоящему-то она никогда не была его женой, хоть их и считали супругами. Ну, а теперь вот у них такое несчастье, тут бы и поспешить с женитьбой, а она нет, ударилась в набожность, вот как я после смерти Картлетта, только чудно как-то, я такой истеричкой не была. Мне рассказывали, будто она считает себя вашей женой перед богом и церковью, — только вашей и ничьей другой, что бы ни говорили и ни делали люди.

— Вот как! Они разошлись! Неужели?

— Видите ли, старший мальчуган был моим сыном…

— Ах, вашим!..

— Да, моим. Благодарение богу, бедняжка родился в законном браке… А главное, она, на-

верное, чувствует, что ее место следовало бы занимать мне. Впрочем, точно не могу сказать. Что до меня, то я в скором времени уеду отсюда. Теперь у меня на руках отец, надо заботиться о нем, и мы не можем жить в такой дыре. Вот я и собираюсь снова устроиться в каком-нибудь трактире в Кристминстере или другом большом городе.

Они расстались. Пройдя несколько шагов вверх по склону холма, Филотсон остановился, затем поспешил вернулся и окликнул ее.

— Вы знаете их адрес?

Арабелла сообщила ему и это.

— Благодарю вас. До свидания.

Злорадно усмехнувшись, Арабелла отправилась дальше и всю дорогу, с того места, где начинались подстриженные ивы, и вплоть до старых богаделен у въезда в город, упражнялась в искусстве делать ямочки на щеках.

Тем временем Филотсон уже поднялся к Мэригрин, и в нем впервые за последние годы встрепенулась надежда. Идя через лужайку под густыми деревьями к скромному зданию школы, куда его загнала судьба, он на минуту остановился и представил себе, как в дверях ею встречает Сью. Должно быть, ни один человек не страдал

так из-за своего милосердия — будь оно христианским или языческим, — как страдал Филотсон после того, как он позволил Сью уйти от него. Он лишь чудом выдерживал гонения поборников добродетели, он был на грани голодной смерти и теперь существовал всецело на грошовое жалованье от школы в Мэригрин, где о священнике, устроившем его на работу, пошла даже дурная слава. Он часто вспоминал слова Арабеллы о том, что ему не следовало уступать Сью и что ее непокорный нрав был бы в конце концов сломлен. Однако его презрение к общепринятой морали и принципам, в которых он был воспитан, было столь упорно и нелогично, что он продолжал непоколебимо верить в правильность избранного им пути.

Если под влиянием чувства принципы могут пошатнуться в одну сторону, то они так же легко могут пошатнуться и в другую. Побуждения, в силу которых он дал Сью свободу, теперь позволяли ему относиться к ней так, словно жизнь с Джудом ее никак не переменила. Его еще по-своему влекло к ней, если даже любви уже не было, и, помимо соображений чисто практического характера, он скоро понял, что был бы рад, если бы она вернулась к нему, разумеется, добровольно.

Он понимал, что если он хочет положить конец бездушным, бесчеловечным нападкам со стороны презиравшего его общества, необходима некоторая хитрость. А тут как раз подвернулся удобный случай. Если бы он вернул себе Сью и снова женился на ней под тем уважительным предлогом, будто он в ней ошибся и необоснованно дал ей развод, он мог бы опять наладить свою жизнь, восстановить свое прежнее положение, быть может, вернуться в шестонскую школу и даже в лоно церкви в качестве лиценциата.

Он решил написать Джиллингему и узнать, что он думает обо всем этом, а также посоветоваться, следует ли ему, Филотсону, послать письмо Сью. Как и следовало ожидать, Джиллингем ответил, что раз уж она от него ушла, лучше оставить ее в покое и что, по его мнению, если и считать ее чьей-нибудь женой, то уж, конечно, того, кому она родила троих детей и с кем она связана такими трагическими переживаниями. Поскольку привязанность этого человека к ней, по-видимому, чрезвычайно сильна, надо думать, что эта необычная пара со временем узаконит свой союз, и все придет к своему пристойному и благополучному завершению.

«Но ведь этого не будет… Сью этого не хочет! —

размышлял про себя Филотсон. — Джиллингем слишком прозаичен. Она вся прониклась духом Кристминстера, его учений. Я отлично вижу, что она усвоила себе взгляд на нерасторжимость брака, и я знаю, откуда это взялось. Я этого взгляда не разделяю, но воспользуюсь им в своих интересах».

Он написал короткий ответ Джиллингему:

> «Я знаю, что совершенно неправ, но с тобой не согласен. Что же касается того, что она жила с ним и родила от него троих детей, я склонен думать (хотя не могу выдвинуть в защиту этого никаких логических или нравственных доводов в духе общепринятой морали), что это ничего не изменило, а лишь прибавило ей житейского опыта. Я намерен написать ей и узнать, правда ли то, что говорила та женщина, или нет».

Так как Филотсон принял решение еще до того, как написал своему другу, то, собственно говоря, он вообще мог ему не писать. Но таков был его обычай.

Он тщательно продумал свое письмо Сью и, зная ее болезненную впечатлительность, подпу-

стил кое-где поистине Радамантовой суровости, старательно маскируя еретический характер своих чувств, чтобы не вспугнуть ее. Он писал, что поскольку ему стало известно о значительной перемене в ее взглядах, он считает своим долгом сообщить, что и в его собственных произошла немалая перемена под влиянием событий, последовавших за их расставанием. Он не скрывает, что его письмо продиктовано не страстной любовью, а желанием сделать их жизнь если не счастливой, то, во всяком случае, не столь бедственной и неудачной, какой она грозит стать из-за его поступка, в котором он в свое время видел проявление справедливости, милосердия и разума.

Он пришел к выводу, что в таком древнем цивилизованном обществе, как наше, нельзя безнаказанно давать волю инстинктивному и бесконтрольному чувству справедливости. Если человек хочет наслаждаться известным покоем и почетом, ему необходимо руководствоваться общепринятыми и усовершенствованными формами этого чувства, отбросив примитивную любовь и доброту.

Далее он предлагал Сью приехать к нему в Мэригрин.

Подумав хорошенько, предпоследнюю фразу он вычеркнул. Переписав письмо, он немедленно отправил его и не без волнения стал ждать ответа.

Несколько дней спустя в густом белом тумане, окутавшем предместье Кристминстера «Вирсавия», в квартале, где поселился Джуд Фаули после того, как расстался с Сью, появилась женская фигура. Затем в дверь его дома раздался робкий стук.

Вечерело, и Джуд был дома; словно осененный внезапной догадкой, он вскочили сам бросился открывать.

— Ты не выйдешь ко мне? Мне не хотелось бы входить… Я хочу… поговорить с тобой… и пойти вместе на кладбище.

Сью — это была она — произнесла эти слова дрожащим голосом. Джуд надел шляпу.

— В такую отвратительную погоду тебе не следовало выходить на улицу, — сказал он. — Но если ты не хочешь входить, я не настаиваю.

— Да, так лучше. Я тебя долго не задержу.

Джуд был слишком взволнован, чтобы сразу же начать разговор, и она тоже слишком нервничала, чтобы заговорить первой; подобно теням потустороннего мира, они долго шли в тумане, не обмениваясь ни словом, ни жестом.

— Я вот что хотела сказать тебе… — промолвила она наконец прерывающийся от волнения голосом. — Чтобы ты не узнал об этом со стороны… Так вот, я решила вернуться к Ричарду. Он так великодушен, что согласился… простить мне все.

— Вернуться? Да как же ты можешь…

— Он снова женится на мне. Это простая формальность, чтобы успокоить общество, которое неспособно видеть вещи так, как они есть. А на самом-то деле я всегда была его женой, и ничто не может этого изменить.

— Но ведь ты моя жена! — воскликнул он в отчаянии, граничащем с яростью. — Да, моя! И ты знаешь это. Я всегда сожалел, что мы пошли на обман и для соблюдения приличий уезжали куда-то и вернулись якобы законными супругами. Я любил тебя, а ты меня; мы сошлись — это и был наш брак. Мы и сейчас любим друг друга — ты так же, как и я. Я знаю это, Сью! Стало быть, наш брак остается в силе.

— Я знаю, как ты смотришь на это, — ответила она, доводя его до отчаяния своей самоотрешенностью. — Но я собираюсь, как бы ты это ни назвал, снова выйти за него замуж. В сущности говоря, — ты только не сердись на меня, Джуд! — ты тоже должен бы взять к себе Арабеллу.

— Арабеллу? Боже мой, еще что! Ну, а если бы мы действительно узаконили свой брак, как собирались?

— Я чувствовала бы то же самое — что наш брак ненастоящий. И вернулась бы к Ричарду, даже не повторяя обряда, если бы он позвал меня. Но «людские нравы что-нибудь да значат», — наверное, так, — вот почему я соглашаюсь венчаться второй раз… Умоляю тебя, не мучай меня насмешками, не спорь. Когда-то я была сильнее тебя, я знаю, и, возможно, поступала с тобой жестоко. Но, Джуд, отплати за зло добром! Теперь я слабее тебя. Забудь то зло, что я тебе причинила, и будь, милосердным. О, будь же милосердным к бедной, грешной женщине, которая хочет искупить свои грехи!

Джуд безнадежно покачал головой, в глазах его стояли слезы. Утрата детей явно лишила ее способности соображать. Глаза, когда-то такие ясные и проницательные, потеряли свой блеск.

— Кругом не права, кругом не права, — хрипло проговорил он. — Заблуждение… упрямство!.. Это сведет меня с ума. Что он тебе? Ты любишь его? Сама знаешь, что нет. Это будет проституция фанатички, да простит мне бог, вот что это будет.

— Я не люблю его… я должна, должна сознаться

в этом, и глубоко раскаиваюсь! Но я буду покорна ему и заставлю себя полюбить его.

Джуд спорил, убеждал, умолял, но Сью была глуха ко всему. Казалось, ни в чем другом на свете она не была так непреклонна, и об эту непреклонность разбивались другие ее побуждения и желания.

— Я понимаю твои чувства и сама рассказала тебе всю правду, — резко сказала она. — Чтобы ты не чувствовал себя задетым, узнав ее от других. Я призналась тебе даже в самом сокровенном — что я не люблю его, и не ожидала, что на доверие ты ответишь грубостью. Я хочу просить тебя…

— Быть твоим посаженым отцом?

— Нет. Послать мне мои вещи… если ты не возражаешь. Хотя вряд ли ты это сделаешь.

— Конечно, сделаю. А что, неужели он сам не приедет за тобой и не женится на тебе здесь? Или он до этого не снизойдет?

— Нет, я сама не допущу этого. Я хочу вернуться к нему так же добровольно, как ушла от него. Мы поженимся в маленькой церкви в Мэригрин.

Она была так грустна и очаровательна в этом своем — как выражался Джуд — упорном заблуждении, что от жалости у него на глаза то и дело набегали слёзы.

— Никогда не видел женщины, которая бы так спешила накладывать на себя епитимью, как ты, Сью. Вот, думаешь, уж сейчас-то ты пойдешь прямо, по единственно разумному пути, а ты вдруг раз — и свернула в сторону.

— Ах, перестань об этом!.. Я должна проститься с тобой, Джуд. Но я хочу, чтобы ты дошел со мной до кладбища. Там мы и расстанемся — у могилы тех, чья смерть открыла мне глаза на мои заблуждения.

Они повернули к кладбищу, и по их просьбе им открыли ворота. Сью бывала там настолько часто, что могла найти дорогу в темноте. Дойдя до могилы, она остановилась.

— Здесь мы простимся, — промолвила она.

— Пусть будет так!

— Не считай меня жестокой за то, что я поступила, как считала правильным. Твое великодушие и преданность мне безграничны, Джуд! То, что ты не добился успеха в жизни, скорее делает тебе честь, а не умаляет твоих достоинств. Вспомни, лучшие и благороднейшие из людей не искали ни богатства, ни славы. Каждый человек, удачно устроивший свою жизнь, в какой-то мере эгоист. Кто не изменяет себе, обречен на неудачу… «Любовь не ищет себе награды».

— В этом мы единодушны, дорогая моя, и потому мы расстаемся друзьями. Эти слова будут жить и тогда, когда все прочее, в том числе и религия, умрет.

— Не будем говорить об этом. Прощай, Джуд, милый грешный Джуд, мой самый добрый товарищ!

— Прощай, моя заблудшая жена, прощай!

V

На следующий день обычный кристминстерский туман все еще окутывал город. С большим трудом можно было различить сквозь него стройную фигурку Сью, бредущую по направлению к вокзалу.

В этот день Джуду не хотелось идти на работу. Не хотелось ему идти и в город, где он мог случайно с ней встретиться. Он пошел в противоположную сторону, к унылой незнакомой равнине, где вода капала с ветвей на землю, где повсюду подстерегали кашель и чахотка и куда прежде он никогда не заходил.

— Сью ушла от меня… ушла… — шептал он, жалкий в своем отчаянии.

А Сью между тем доехала на поезде до шоссе на Элфредстон и пересела на паровой трамвай, который довез ее до города. Она просила Филотсона не встречать ее. Она хочет прийти в его дом, к его очагу добровольно, сказала она.

Для встречи они выбрали вечер пятницы, в этот день школьный учитель заканчивал уроки в четыре часа и освобождался от занятий до

понедельника. По просьбе Сью кучер, которого она наняла в «Медведе», ссадил ее в конце дороги между живыми изгородями в полумиле от Мэригрин, а дальше покатил к школе только с ее вещами. Когда тележка на обратном пути встретилась с ней опять, Сью спросила кучера, открыто ли здание школы. Кучер ответил ей, что учитель дома и сам принял ее вещи.

Теперь можно было войти в Мэригрин, не привлекая особенно внимания. Миновав колодец и деревья, она подошла к красивому зданию новой школы на другой стороне лужайки и без стука открыла дверь. Филотсон стоял посреди комнаты и ждал, как было условлено.

— Я пришла, Ричард, — проговорила она, бледная и дрожащая, без сил опускаясь на стул. — Не могу поверить, что ты… прощаешь свою жену!

— Все прощаю, дорогая Сюзанна, — ответил Филотсон.

Сью вздрогнула, услышав ласковое слово, хотя оно намеренно было произнесено бесстрастно. Затем, собравшись с силами, она сказала:

— Мои дети… умерли… и так и должно быть. Я… почти рада… Они — плод греха. Они были принесены в жертву, чтобы научить меня, как нужно жить. Их смерть была первой ступенью к моему

духовному очищению. Значит, они умерли не напрасно!.. Ты возьмешь меня к себе, Ричард?

Филотсон был так взволнован ее словами и тоном, что сделал больше, чем намеревался сделать. Он наклонился и поцеловал ее в щеку.

Сью едва заметно отпрянула, содрогнувшись от прикосновения его губ.

У Филотсона дрогнуло сердце — он снова ощутил в себе желание.

— Ты до сих пор чувствуешь ко мне отвращение!

— О нет, дорогой… я… озябла, в дороге было сыро, — встрепенулась она с виноватой улыбкой на лице. — Когда наша свадьба? Скоро?

— Думаю, завтра утром, пораньше, если ты действительно этого хочешь. Сейчас я пошлю к священнику сказать ему о том, что ты здесь. Я рассказал ему все, и он полностью одобрил наше решение, он говорит, что брак приведет нашу жизнь к полному благополучию. Но ты… уверена в себе? Ведь еще не поздно отказаться… если ты сомневаешься, хватит ли у тебя на это сил, понимаешь?

— Нет, нет! Я хочу, чтобы все было сделано как можно скорее. Сейчас же дай ему знать, что я приехала, сейчас же! Мне трудно все это, и ждать

долго я не могу!

— Тогда поужинай и иди к миссис Эдлин, — там тебе приготовлена комната. Я скажу священнику, чтобы он был готов завтра к половине девятого, пока в церкви никого нет… Но не слишком ли это рано для тебя? Мой друг Джиллингем сейчас здесь. Он был настолько добр, что приехал из Шестона, чтобы присутствовать при венчании, хотя ему и трудно было отлучиться.

В отличие от женщин вообще, имеющих столь зоркие глаза на все материальное, Сью не видела ни комнаты, ни находившихся в ней вещей. Проходя через гостиную, чтобы положить муфту, она вдруг слегка вскрикнула и побледнела, словно осужденный на казнь преступник, неожиданно увидевший свой гроб.

— Что с тобой? — спросил Филотсон.

Крышка бюро была поднята, и когда она клала на него муфту, взгляд ее упал на лежавший там документ.

— Ничего… просто… забавный сюрприз, — ответила она, возвращаясь к столу и пытаясь смехом сгладить неловкость.

— Ах, вот что! — ответил Филотсон. — Разрешение на брак… Оно только что пришло.

Тут к ним присоединился Джиллингем. Он спу-

стился из своей комнаты на втором этаже, и Сью, сделав над собой усилие, приветливо заговорила с ним о том, о сем, — словом, обо всем, что, по ее мнению, могло его заинтересовать, только не о себе, хотя больше всего Джиллингема занимала именно сама Сью. Затем она послушно поужинала и отправилась в дом по соседству, где для нее была приготовлена комната. Филотсон проводил ее через лужайку и у двери миссис Эдлин пожелал ей доброй ночи.

Старушка отвела Сью в ее временное жилище и помогла распаковать вещи. Среди них оказалась ночная рубашка с красивой вышивкой.

— А я и не знала, что ее тоже уложили! — поспешно проговорила Сью. — Никак не думала, что она здесь. Но ничего, у меня есть и другая. — И она достала новую, совсем простую рубашку из небеленого грубого миткаля.

— Но ведь та куда наряднее, — возразила миссис Эдлин, — а эта смахивает на библейскую власяницу.

— Так нужно. Дайте сюда ту, с вышивкой.

Она схватила рубашку и принялась яростно рвать ее, наполняя весь дом скрипучими звуками, похожими на крики совы.

— Опомнитесь, голубушка! Что вы делаете? —

вскричала миссис Эдлин.

— Она осквернена! Она изобличает все то, чего я не должна чувствовать… Я купила ее давно, чтобы нравиться Джуду. Ее надо уничтожить!

Миссис Эдлин воздела руки к небу, а Сью с неистовством продолжала рвать рубашку на куски и бросать их в камин.

— Лучше бы вы отдали ее мне! — сказала вдова. — Какая красивая вышивка гибнет в огне — сердце кровью обливается видеть такое! Хотя, конечно, нарядное белье не для меня, старухи. Давно прошли те дни, когда я могла носить такие вещи…

— На этой рубашке проклятье, она напоминает мне о том, что я хочу забыть! — твердила Сью. — Ей место только в огне!

— Боже мой! Уж больно вы строги! Зачем говорить такие слова и обрекать своих невинных малюток на муки вечные? Вот уж не пойму я такой набожности!

Сью зарылась лицом в постель и зарыдала.

— Не говорите так, ах, не говорите! Вы убиваете меня! — Содрогаясь от рыданий, она сползла с кровати на пол.

— Вот что я вам скажу: не должны вы опять выходить замуж за этого человека! — с воз-

мущением воскликнула миссис Эдлин. — Вы по-прежнему любите того, другого!

— Нет, должна! Я его жена!

— Глупости! Вы принадлежите другому. Если на первых порах не хотели снова связывать себя обетом, это только делает честь вашей совести, и раз уж у вас такие взгляды, вы могли бы и дальше жить с ним, а уж там как-нибудь все устроилось бы. В конце-то концов, это касается только вас двоих и никого другого.

— Ричард говорит, что примет меня обратно, и я обязана вернуться! Если б он отказался, тогда, может быть, я не считала бы своим долгом бросить Джуда. Но…

Она стояла на коленях, зарывшись лицом в одеяло. Миссис Эдлин вышла из комнаты.

Тем временем Филотсон вернулся к своему другу Джиллингему, который все еще сидел за ужином. Вскоре они встали из-за стола и вышли на лужайку покурить. В комнате Сью горел свет, и за опущенной шторой время от времени мелькала ее тень.

Джиллингем был явно под впечатлением неуловимого очарования Сью, и, помолчав немного, сказал:

— Ну что ж, наконец-то она снова у тебя, и вто-

рой раз она уж вряд ли уйдет. Яблочко само упало тебе прямо в руку.

— Да. Думаю, что теперь могу ей поверить. Должен признаться, во всем этом есть какая-то доля эгоизма с моей стороны. Не говоря уже о том, что она красива, даже слишком красива для такой старой развалины, как я, брак восстановит мое доброе имя в глазах духовенства и благочестивых мирян, которые никак не могли примириться с тем, что я позволил ей уйти. Таким образом, я смогу в какой-то мере войти в свою прежнюю колею.

— Ну что ж, если у тебя есть хоть какое-то здравое основание жениться на ней вторично, делай это, ради бога, немедленно! Я всегда возмущался тем, что ты, не щадя себя, так легко открыл клетку и дал птичке улететь. Ведь ты теперь мог бы быть школьным инспектором или его преподобием, если бы не твоя бесхарактерность по отношению к ней.

— Я знаю, что непоправимо повредил себе.

— Теперь, когда ты снова залучил ее к себе, держи ее крепче.

На этот раз Филотсон был менее прямолинеен. Ему не хотелось признать, что примирение вызвано, в сущности, не тем, что он раскаялся, а

тем, что перестал сопротивляться обычному человеческому инстинкту, постоянно бросавшему вызов религии и морали.

— Да, так и сделаем, — сказал он. — Теперь я лучше знаю, что такое женщина. Для человека с моими взглядами на жизнь было нелогично отпускать ее, как бы справедливо это ни было само по себе.

Джиллингем взглянул на своего приятеля и подумал: не может ли случиться так, что дух протеста, разбуженный в Филотсоне насмешками общества и физическим влечением, заставит его теперь обращаться с ней особенно сурово, и в этой правоверной суровости он достигнет степеней, недоступных его прежней неправедной, развращающей доброте.

— Я понял, что не следует поддаваться первому побуждению, — продолжал Филотсон, с каждой минутой чувствуя все более настоятельную необходимость действовать согласно принятым на себя обязательствам. — Я пошел наперекор учению церкви, но сделал это без всякого злого умысла. Женщины имеют над нами странную власть и способны склонять нас к излишней доброте. Но теперь я лучше узнал себя. Пожалуй, немного разумной строгости…

— Безусловно. Но только натягивай вожжи постепенно. Не будь слишком требовательным с самого начала. Со временем она примирится с любыми условиями.

Предостережение было излишним, но Филотсон ничего не сказал.

— Помнится, шестонский священник говорил мне, когда я уезжал после скандала, вызванного моим согласием отпустить ее: «Единственное, чем вы можете снова восстановить свое место в обществе, — это признать, что вы были не правы, когда не удержали ее сильной и мудрой рукой, а если она вернется — принять ее и быть твердым с ней в будущем». Но в то время я был слишком упрям, чтобы придать значение его словам. Я и мечтать не смел, что после развода она может снова прийти ко мне.

Дверь дома миссис Эдлин скрипнула, и слышно было, что кто-то идет через лужайку к школе.

— Добрый вечер! — сказал Филотсон.

— А, вы тут, мистер Филотсон? — раздался голос миссис Эдлин. — А я как раз к вам. Мы вот с ней сейчас раскладывали вещи и, честное слово, сэр, мне думается, не стоит этого затевать.

— Что? Свадьбу?

— Ну да! Бедняжка принуждает себя, и вы не

можете себе представить, как она мучается. Я никогда не была особенно верующая или против религии, но считаю, что грешно позволять ей идти на это, вы должны ее отговорить. Конечно, каждый скажет, какой вы, добрый и благородный, что снова берете ее к себе. Ну, а я с этим не согласна.

— Я только выполняю ее желание, — сухо ответил Филотсон: возражение миссис Эдлин вызывало в нем непоследовательное упрямство. — Вопиющая безнравственность требует искупления.

— Не верю я этому. Если уж считать ее чьей-то женой, так только того, другого. Ему она родила троих детей, он любит ее всей душой; стыд и срам — подбивать на такое бедную растерявшуюся девочку! Некому за нее заступиться. А своего единственного настоящего друга эта упрямица не подпускает к себе. Интересно знать, кто это ее так настроил?

— Не знаю. Во всяком случае, не я. Ее никто не принуждает. Вот все, что я могу сказать. — Филотсон произнес это ледяным тоном. — Вы что-то совсем по-другому заговорили, миссис Эдлин. Не к лицу это вам!

— Я знала, что вы обидитесь на меня за мои

слова, да мне-то все равно. От правды не уйдешь.

— Я не обижаюсь, миссис Эдлин. Нельзя обижаться на такую добрую соседку. Но позвольте мне самому знать, что лучше для меня и для Сюзанны. Теперь, надо думать, вы едва ли захотите присутствовать при нашем венчании.

— Нет! Чтоб мне пусто было!.. Ну и времена настали! На женитьбу смотрят так серьезно, что просто страх берет замуж идти. В наше время все было проще, а жилось нам от этого не хуже! Помню, когда мы со стариком окрутились, так свадьбу закатили на целую неделю и все вино в округе выпили, а потом занимали полкроны на хозяйство!

Когда миссис Эдлин ушла домой, Филотсон угрюмо произнес, обращаясь к своему другу:

— Вот уж не знаю, следует ли мне так торопиться?

— А что такое?

— Если она действительно насилует себя исключительно из пробудившегося у нее чувства долга или по религиозным причинам, мне, пожалуй, следовало бы дать ей время подумать.

— Ты слишком далеко зашел, чтобы идти на попятный. Думаю, что так.

— Да, теперь уже неудобно откладывать сва-

дьбу, это верно, но мне как-то совестно стало, когда она вскрикнула, увидев разрешение на брак.

— Полно, дружище, совеститься тут нечего. Завтра утром я буду ее посаженым отцом, а ты возьмешь ее в жены. Я всегда ругал себя за то, что недостаточно настойчиво убеждал тебя не отпускать ее, ну, а теперь, когда дело уже почти слажено, не успокоюсь, пока не помогу до вести его до конца.

Филотсон молча кивнул и, видя такую преданность друга, стал более откровенным.

— Не сомневаюсь, — сказал он, — что, когда люди услышат о моем поступке, многие сочтут меня простаком. Но они не знают Сью так, как я. При всей своей странности она по натуре настолько честна, что, я уверен, никогда не поступала против своей совести. То, что она жила с Фаули, в счет не идет. Когда она бросила меня и ушла к нему, она была уверена в своей правоте. А теперь она думает иначе…

Настало утро, и оба друга, каждый по-своему, приняли участие в обряде самопожертвования, который совершала над собой женщина во имя принципов — как ей угодно было выражаться. В начале девятого Филотсон отправился за Сью в

дом вдовы Эдлин. Туман, стоявший последние два дня над низиной, поднялся выше, и с отсыревших деревьев на лужайку дождем падали крупные капли. Невеста ждала его, готовая к выходу; она была даже в шляпке. В мертвенном свете утра Сью больше, чем когда-либо, напоминала лилию, что, собственно, и означает ее имя. Измученная самобичеванием и пережитым, полная раскаяния, исхудавшая от нервного напряжения, она стала как будто еще меньше и тоньше, хотя даже в самые благополучные дни не выглядела крупной женщиной.

— Я вижу, ты уже готова. Какая быстрота! — великодушно молвил учитель, беря ее под руку. Но желание поцеловать ее он сдержал: воспоминание о том, как накануне ее передернуло от его прикосновения, неприятно засело в его памяти.

Вдова Эдлин осталась при своем отказе присутствовать на свадьбе, и они вышли из дома в сопровождении одного Джиллингема.

— А где же церковь? — спросила Сью. Она недолго прожила в Мэригрин после того, как снесли старую церковь, и теперь, занятая своими мыслями, не могла вспомнить, где находится новая.

— Вон там! — указал Филотсон, и вскоре из

тумана выступила высокая величественная колокольня. Священник уже пришел и встретил их приветливо.

— Впору хоть свечи зажигать.

— Ты… действительно хочешь, чтобы я стала твоей, Ричард? — прерывистым шепотом спросила Сью.

— Конечно, дорогая, больше всего на свете.

Больше она ничего не сказала, а Филотсон снова почувствовал, что он едва ли следует тому гуманному побуждению, которое в свое время заставило его дать ей свободу.

Их было пятеро в церкви: священник, причетник, жених с невестой и Джиллингем, — и обряд бракосочетания совершился вторично. В нефе стояло несколько местных жителей, и когда священник провозгласил: «Что бог сочетал», — оттуда донесся отчетливый женский голос:

— Да уж, сочетал!

Казалось, словно тени тех, кем они были раньше, повторно разыгрывают ту же сцену, что произошла в Мелчестере несколько лет назад. После того как новобрачные расписались в церковной книге, священник поздравил их и сказал, что они совершили справедливый и добродетельный поступок, взаимно простив друг друга.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — улыбнулся он. — Желаю вам долгой и счастливой совместной жизни, ведь вы теперь как бы «очищены огнем испытаний».

Они прошли через почти пустую церковь и по лужайке вернулись к зданию школы. Джиллингем хотел в тот же вечер попасть домой и рано распрощался с ними. Он тоже поздравил новобрачных.

— Вот теперь, — сказал он, расставаясь с Филотсоном, который пошел немного проводить его, — теперь я могу рассказать в твоем родном городе отличную поучительную историю, и можешь быть уверен, все скажут: «Хороший поступок!»

Когда школьный учитель возвратился домой, Сью занималась хозяйствам с таким видом, словно никогда и не уезжала из дому. Но когда он приблизился к ней, она показалась ему такой жалкой и испуганной, что в нем снова заговорила совесть.

— Будь уверена, дорогая, что теперь, так же как и раньше, я не стану навязываться тебе, — сдержанно сказал он. — Брак был необходим, чтобы восстановить наше положение в обществе, и в этом его оправдание, хотя были и другие причи-

ны, заставившие меня пойти на такой шаг.

От этих слов лицо Сью чуть просветлело.

VI

А теперь место действия — у двери дома, где поселился Джуд, на окраине Кристминстера, далеко от церкви св. Силы, вблизи которой он прежде жил, — воспоминания об этом тоской сжимали его сердце. Шел дождь. Женщина в поношенном черном платье стояла на пороге, разговаривая с Джудом, который придерживал рукою дверь.

— Я совсем одна, без крова, без денег, — вот в каком я положении. Отец выгнал меня из дому — занял у меня все деньги и вложил в дело, а потом говорит, ты лодырничаешь, а я только ждала подходящего места. Теперь всякий может меня обидеть! Если ты мне не поможешь и не пустишь к себе, придется идти в работный дом, а то и заняться кой-чем похуже. Вот только-только, как я шла к тебе, мне подмигнули два студента. Поневоле согрешишь, когда кругом так много молодых мужчин!

Женщина под дождем, которая разговаривала с Джудом, была Арабелла, а происходило все вечером на другой день после вторичного бракосочетания Сью с Филотсоном.

— Мне жаль тебя, — холодно отвечал Джуд, — но я снимаю только одну комнату.

— Значит, ты меня гонишь?

— Я дам тебе денег, чтобы у тебя было на несколько дней на еду и жилье.

— Ну, а не мог бы ты приютить меня, сделай милость! Мне так одиноко, и жить одной в гостинице просто невыносимо. Ну, прошу тебя, Джуд, ради всего прошлого!

— Нет, нет, — поспешно прервал он ее. — Только не напоминай мне о прошлом и не говори даже о нем, не то я не помогу тебе ничем.

— Так, значит, мне уйти? — воскликнула Арабелла и, прислонясь головой к дверному косяку, зарыдала.

— Дом переполнен, — сказал Джуд, — но кроме комнаты, где я живу, у меня есть еще одна, совсем маленькая, не больше чулана, я храню там инструменты, трафареты и те несколько книг, что у меня еще остались.

— И чулан будет раем для меня!

— Но в нем нет кровати.

— Можно постелить что-нибудь на полу. Ничего, для меня сойдет.

Не в силах грубо оттолкнуть ее и не зная, как быть, Джуд вызвал хозяина, сдававшего комнаты,

и сказал, что Арабелла старая его знакомая и что ей крайне необходимо пристроиться где-нибудь на время.

— Вы, может, помните меня? — обратилась к нему Арабелла. — Я работала буфетчицей в «Ягненке и флаге». Сегодня мой отец изругал меня, и я ушла из дому без гроша в кармане!

Хозяин взглянул на Арабеллу и ответил, что он ее что-то не припоминает.

— Но раз вы друг мистера Фаули, — сказал он, — я под его ответственность могу что-нибудь придумать для вас на денек-другой.

— Да, да, — подтвердил Джуд. — Она застала меня врасплох, но мне бы хотелось помочь ей выйти из затруднения.

Посоветовавшись, они решили, что постель можно устроить в чулане, который приведут в порядок и сделают пригодным для жилья, пока Арабелла не вернется к отцу или не найдет еще какого-нибудь выхода из положения, в которое, по ее словам, она попала не по своей вине.

— Ты, наверное, слышал новость? — спросила Арабелла, пока убирали в чулане.

— Догадываюсь, о чем ты говоришь, но еще ничего не знаю.

— Я получила сегодня письмо от Энни из Эл-

фредстона. Она слышала, будто свадьба была назначена на вчера, только не знает, состоялась ли.

— Я не желаю говорить об этом.

— Ну и не будем… Только теперь ясно, что это за женщина.

— Замолчи, тебе говорят! Она дурочка, и все-таки она ангел!

— Если брак состоялся, учитель, пожалуй, сможет восстановить свое прежнее положение. Энни пишет, что все так думают. Все его доброжелатели будут довольны, в том числе и сам епископ.

— Пощади меня, Арабелла!

Арабелла была водворена в маленький чулан на чердаке, и первое время Джуд ее почти не видел. Целыми днями она бегала по своим делам — подыскивала себе место, чтобы заняться такого рода деятельностью, в которой лучше всего разбиралась, а новостями делилась с Джудом, когда они на минуту встречались на лестнице или в коридоре. Когда же Джуд посоветовал ей поехать в Лондон, где было больше возможностей устроиться в каком-нибудь питейном заведении, она отрицательно покачала головой.

— Нет, в Лондоне слишком много соблазнов, — сказала она. — Уж лучше любой скромный

трактир в деревне.

Утром в воскресенье, когда он завтракал позже обычного, она смиренно попросила разрешения прийти к нему позавтракать: она разбила свой чайник, и не успела купить новый, так как магазины были закрыты.

— Ладно, приходи, — равнодушно ответил он.

Они молча сидели за столом, как вдруг она заметила:

— Ты что-то все грустишь, дружочек. Жаль мне тебя.

— Да, грущу.

— Знаю — о ней. Но вот что: хоть это и не мое дело, хочешь, разузнаю об их свадьбе, если она, конечно, состоялась?

— Каким образом?

— Я собираюсь в Элфредстон за кой-какими вещами, которые там оставила. Заодно могла бы повидаться с Энни — уж она-то, конечно, все знает об этой свадьбе, ведь у нее друзья в Мэригрин.

Как ни тяжко было Джуду согласиться на подобное предложение, мучительное желание узнать новости восстало в нем против благоразумия и одержало верх.

— Можешь спросить, если хочешь, — сказал он. — У меня нет оттуда никаких вестей. Думаю,

что свадьба была очень скромная… если только она вообще состоялась.

— Боюсь, мне не хватит на дорогу в оба конца. Придется обождать, пока заработаю.

— Я оплачу тебе проезд, — сказал он нетерпеливо.

Так тревога за Сью и томительная безвестность относительно того, состоялась ли ее свадьба, заставили его послать на разведку ту, к кому он никогда бы не обратился, если бы имел возможность выбирать.

Арабелла уехала, причем Джуд просил ее вернуться не позднее чем с семичасовым поездом. «Зачем я сказал ей, чтобы она была дома к определенному часу? — подумал он, когда она уехала. — Ведь она ничто для меня — и та, другая, тоже». Но, закончив работу, он не устоял и пошел на вокзал встречать Арабеллу, объятый лихорадочным нетерпением узнать новости и готовый к самому худшему. Всю обратную дорогу Арабелла весьма успешно делала ямочки на щеках и вышла из вагона, сияя улыбкой. Но Джуд лишь с самым серьезным выражением спросил:

— Ну что?

— Они повенчались.

— Да, конечно, — пробормотал он.

Однако Арабелла заметила, как горько сжались при этом его губы.

— Энни слышала от Билайнды, своей родственницы, что живет в Мэригрин, будто венчание было странное и печальное.

— Что значит печальное? Разве она не хотела этого? И он тоже?

— Так-то оно так. С одной стороны — хотела, с другой — нет. Миссис Эдлин была ужасно расстроена и сказала Филотсону пару теплых слов. А Сью так разошлась, что сожгла свою самую нарядную рубашку, еще от той поры, как жила с тобой: дескать, с глаз долой — из сердца вон. — Ну, если женщина так чувствует, она не может поступать иначе. Я ее одобряю, хотя некоторые не одобряют. — Арабелла вздохнула. — Она считает, что только он ее муж в глазах всевышнего, и, пока он жив, она не будет принадлежать никому другому. Кто знает, пожалуй, и еще одна женщина может сказать то же про себя. — Вздох повторился.

— Ну, ты-то не притворяйся! — воскликнул Джуд.

— При чем тут притворство? — возразила Арабелла. — Я чувствую так же, как и она.

— Ладно, я узнал все, что хотел, — отрезал он, кладя этим конец разговору. — Глубоко призна-

телен тебе за новости. Я пока что не иду к себе на квартиру. — И бросил ее там, где она стояла.

Вне себя от горя и отчаяния, он обошел чуть ли не все места в городе, где бывал раньше со Сью, и, не зная, куда пойти еще, хотел было вернуться домой и поужинать. Но порок жил в нем рядом с добродетелью, и вот, впервые за много лет он зашел в трактир. Сью не задумалась над этим как над одним из возможных последствий своего вторичного замужества.

Тем временем Арабелла вернулась домой. Шел вечер. Джуд не возвращался. В половине десятого она вышла и отправилась на окраину города, где жил ее отец, который открыл недавно захудалую лавчонку и торговал там свининой.

— Ну что ж, папаша, — сказала она ему, — хоть ты и дал мне взбучку в тот вечер, я все ж зашла, — хочу тебе кое-что сказать. Похоже, я скоро снова буду замужем и смогу устроить свою жизнь. Только мне нужна твоя помощь, и ты не смеешь мне отказать, ведь я тебе так помогла!

— Сделаю все, лишь бы сбыть тебя с рук!

— И отлично. Сейчас я иду искать своего дружка. Похоже, он загулял, надо притащить его домой. Все, что от тебя требуется, — не запирать сегодня ночью дверь на ключ. Это на тот случай,

если мне придется здесь переночевать, а я могу вернуться поздно.

— Я знал, что ты долго не выдержишь и заявишься!

— Так не забудь про дверь. Больше мне ничего от тебя не нужно.

Арабелла пустилась в путь и сначала поспешила на квартиру к Джуду удостовериться, что его все еще нет дома, а затем отправилась на поиски. Прикинув, где он мог быть, она направилась, прямехонько в трактир «Уединение», в котором он раньше часто бывал и где она сама некоторое время работала. И действительно: как только она открыла дверь, ее глазам предстал Джуд; он сидел в полумраке кабины, тупо уставившись в пол. Пил он, по-видимому, только эль. Он не заметил ее прихода, но когда Арабелла вошла и подсела к нему, поднял глаза и спросил без удивления:

— Ты пришла пить? Я хочу забыть ее и не могу. Вот и все. А теперь пора домой!

Она увидела, что он слегка захмелел, но не пьян.

— Я пришла только за тобой, мальчик мой! Тебе худо. Тебе надо выпить чего-нибудь получше. — С этими словами она поманила пальцем официантку. — Выпей ликеру — это больше пристало

образованному человеку, чем пиво. Чего хочешь: мараскина, кюрасо — есть сухое и сладкое — или черри-бренди? Я угощаю тебя, бедняжка!

— Мне все равно, что! Черри-бренди, так черри-бренди! Сью скверно обошлась со мной, очень скверно. Вот уж не ожидал этого от Сью! Я был ей верен, и она должна была остаться верной мне. Я ради нее готов был продать душу дьяволу, а она ни вот столечко не захотела рисковать своей ради меня. Она спасает свою, а моя пусть катится ко всем чертям! Но это не ее вина, уверен, что не ее!.. Бедная девочка!..

Где Арабелла достала деньги, осталось неизвестным, но она заказала две рюмки ликера и заплатила за них. Когда ликер был выпит, Арабелла предложила еще, и Джуд имел удовольствие, так сказать, пройтись по весьма разнообразному ассортименту горячительных услад, поощряемый женщиной, хорошо знавшей в них толк. Арабелла значительно отставала от Джуда и лишь потягивала из рюмки, тогда как он пил по-настоящему; она старалась пить ровно столько, чтобы не опьянеть, — и все-таки выходило немало, судя по ее побагровевшему лицу.

Говорила она с ним неизменно вкрадчивым, успокаивающим тоном, и всякий раз, как он про-

износил: «Мне все равно, что со мной будет», — а твердил он это непрестанно, — неизменно отвечала: «Но мне-то не все равно!» Наконец настал час закрытия трактира, и им пришлось покинуть заведение. Арабелла обняла его за талию, помогая ему устоять на ногах.

— Не знаю, что скажет хозяин, когда я приведу тебя домой в таком виде, — сказала она, когда они уже шли по улицам. — Дверь-то, наверно, уже заперта, ему придется сойти и впустить нас.

— Н-ничего не знаю.

— Хуже всего не иметь своего дома… Послушай, Джуд, давай-ка лучше пойдем к моему отцу, я сегодня с ним помирилась. Я впущу тебя в дом так, что никто не увидит, а к утру проспишься, и все будет в порядке.

— Что угодно… куда угодно. Черт подери, не все ли мне равно?

Они шли рядом, похожие на любую подвыпившую парочку; она по-прежнему обнимала его, и он тоже в конце концов обхватил ее за талию, не потому, что имел какие-нибудь любовные, намерения, а потому, что очень устал, нетвердо держался на ногах и все время искал, на что бы опереться.

— А вот… э-э… место сожжения мучеников… —

запинаясь, бормотал он, когда они переходили через широкую улицу. — П-п-помню, у старика Фуллера, в его «Священном государстве»... мне это вспомнилось, п-потому что мы здесь проходим... Так вот, старик Фуллер в своем «Священном государстве» п-пишет... что, когда сжигали Ридли, доктор Смит читал п-проповедь... и выбрал темой: «И если я... отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы». Часто я думаю об этом, когда здесь прохожу. Ридли, он...

— Да-да. Точно. Ты ведь умница, дружочек, только сейчас это нам ни к чему.

— Нет, к чему! Я отдаю свое тело на сожжение! Ну да... Ты не понимаешь! Надо быть Сью, чтобы понимать такие вещи! А я соблазнил ее, бедную девочку! И она ушла... А теперь мне наплевать, что со мной станется. Делай со мной что хочешь!.. А все-таки она сделала это совести ради — несчастная маленькая Сью.

— Пропади она пропадом! То есть, я хочу сказать, она поступила правильно, — икая, подтвердила Арабелла. — У меня тоже есть чувства; и я чувствую, что перед богом я твоя, и ничья больше, пока смерть не разлучит нас. Ик... ик!.. Исправиться никогда не поздно!

Когда они подошли к дому отца, Арабелла осторожно открыла дверь и стала ощупью отыскивать спички.

Ситуация удивительно напоминала ту, много лет назад, когда они вошли в ее дом в Крескоме. Да и цель у Арабеллы была, пожалуй, та же, только Джуд не думал об этом, а она думала.

— Не могу найти спичек, дорогой, — сказала она, заперев дверь. — Ну, да шут с ними. Иди сюда. Только потихоньку, ради бога!

— Темно, хоть глаз выколи, — сказал Джуд.

— Дай руку, я тебя проведу. Вот так! Ну, а теперь присядь, я сниму с тебя ботинки. Боюсь, как бы не разбудить его!

— Кого?

— Отца. Он такой тарарам устроит.

Она стянула с него ботинки.

— А теперь, — прошептала она, — обопрись на меня… Не бойся, я выдержу. Ну вот одна ступенька, вот еще одна…

— Неужели мы в нашем старом доме близ Мэригрин? — озадаченно спросил Джуд. — Целую вечность я не был тут! А где мои книги? Вот что мне хотелось бы знать!

— Ты, дружочек в моем доме, и тут никто не увидит, как тебе плохо. Вот еще ступенька, и

еще… Ну вот, сейчас и дойдем.

VII

Арабелла готовила завтрак в задней комнате нижнего этажа небольшого домика, недавно нанятого ее отцом. Просунув голову в дверь, ведущую в лавку, где мистер Донн торговал свининой, она сказала ему, что завтрак подан. Донн, старавшийся походить на заправского мясника, — в засаленной синей блузе, перетянутой ремнем, на котором болтался нож, — тотчас вошел к ней в комнату.

— Сегодня тебе придется присмотреть за лавкой, — как бы невзначай сказал он. — Мне надо отлучиться в Ламсдон, забрать половину свиной туши и немного требухи и еще заглянуть кой-куда. Уж коли ты у меня живешь, потрудись и свою руку приложить, пока не наладится дело.

— Не знаю еще, как сложится день. — Она дерзко взглянула ему в лицо. — У меня наверху подарок.

— Ну да? Это еще что?

— Муженек… почти муженек.

— Не может быть!

— Это Джуд. Он вернулся ко мне.

— Твой тот, первый? Чтоб мне треснуть!

— Не забывай, что он всегда был мне по душе.

— Но как же он оказался там, наверху? — давясь от смеха, спросил Донн, указывая на потолок.

— Не задавай неуместных вопросов, папаша. Надо удержать его здесь, пока мы с ним… не устроимся по-прежнему.

— Что ты хочешь сказать?

— Ну, пока не поженимся.

— Ого! Отродясь не слыхал такой диковинной штуки! — выходить второй раз за бывшего благоверного, когда на свете так много других парней! На мой взгляд, Джуд не ахти какое сокровище… На твоем месте я постарался бы поймать нового.

— А что тут диковинного, если женщина ради того, чтобы на нее смотрели с уважением, хочет заполучить обратно прежнего мужа? Вот мужчине тянуться за прежней женой, пожалуй, смешно.

И Арабеллой овладел приступ безудержного смеха, к которому несколько более сдержанно присоединился ее отец.

— Будь с ним вежлив, а остальное предоставь мне, — сказала Арабелла, кончив смеяться. — Сегодня утром он жаловался, что у него голова раскалывается от боли и он плохо соображает, где

он. Это и не удивительно, ведь он пил вчера без разбору. Надо денька два-три выдержать его тепленьким и веселеньким да домой не отпускать. Все твои затраты окупятся, за мной не пропадет. Ну ладно, надо сходить наверх посмотреть, как он там, бедняжка, себя чувствует.

Арабелла поднялась по лестнице, тихонько открыла дверь спальни и заглянула в нее. Увидев, что ее остриженный Самсон спит, она вошла в комнату и стала у кровати, пристально разглядывая его. Излишества прошедшей ночи вызвали лихорадочный румянец на лице Джуда, и оно казалось не таким болезненным, как обычно; длинные ресницы, темные брови, волнистые черные волосы и борода, выделяясь на белой подушке, завершали облик того, кем Арабелла — женщина низменных страстей — стремилась вновь завладеть, чтобы, с одной стороны, поправить свои денежные дела, а с другой — подмоченную репутацию. Ее горящий взгляд словно толкнул Джуда, учащенное дыхание приостановилось, он открыл глаза.

— Как ты себя чувствуешь, дружочек? — спросила она. — Это я, Арабелла.

— Где я?.. Ах да!.. Ты меня приютила… Я закутил, заболел… Вывалялся в грязи — ах, какая

мерзость!

— Ну и оставайся здесь. В доме только отец и я, ты сможешь отдохнуть у нас и поправиться. Я схожу в твою мастерскую и скажу, что ты слег.

— Хотелось бы мне знать, что думает мой квартирохозяин.

— Я дойду до него и объясню. Ты не хочешь с ним расплатиться? А то, чего доброго, подумает, что мы сбежали.

— Хорошо. Деньги там, в кармане.

Равнодушный ко всему, Джуд закрыл воспаленные глаза, болевшие от дневного света, и, казалось, вновь задремал. Арабелла взяла его кошелек, тихо вышла из комнаты и, одевшись, направилась к дому, который они покинули накануне вечером.

Не прошло и получаса, как она появилась из-за угла вместе с подростком, катившим тележку, нагруженную пожитками Джуда и кое-какими вещами, которыми она пользовалась во время своего короткого пребывания у него на квартире. Джуд был до того плох после злосчастной вчерашней попойки и терзался такими душевными муками от потери Сью и от сознания, что поддался Арабелле в своем полузабытьи, что, увидев свой жалкий скарб распакованным и разложен-

ным в чужой спальне вперемежку с женскими платьями, он даже не сообразил, каким образом его вещи очутились здесь и что это означает.

— Так вот, — заявила Арабелла отцу, спустившись вниз, — теперь надо несколько дней держать в доме побольше хорошей выпивки. Я знаю Джуда: если на него накатит стих, — это с ним бывает, — от него не дождешься порядочного отношения, и я останусь с носом. Его надо держать навеселе. У него есть кое-какие деньжонки в банке, а пока он отдал мне свой кошелек для текущих расходов. Из этих денег я оплачу разрешение на брак, — его надо иметь под рукой и ловить момент, когда Джуд будет в подходящем настроении. А ты возьми на себя спиртное. Было бы недурно устроить небольшую вечеринку с друзьями, и для лавки была бы реклама, и мне на руку.

— Попойку-то устроить нетрудно, была бы охота выставить выпивку и закуску... А ведь и правда, это хорошая реклама для торговли.

Дружеская пирушка, затеянная Арабеллой для того, чтобы окончательно обработать Джуда, состоялась три дня спустя, когда у него более или менее прошли страшная головная боль и резь в глазах, хотя он все еще плохо соображал от

рюмок, которые подносила ему Арабелла, желая, как она выражалась, выдержать его тепленьким.

Ее отец лишь совсем недавно открыл свою убогую лавчонку, в которой торговал свининой и колбасой, и покупателей у него было мало, так что вечеринка действительно была для него хорошей рекламой, и после нее семейство Донн приобрело шумную славу в определенных кругах кристминстерского населения, знать не знавших ни колледжей, ни их научных достижений, ни их традиций. Когда Джуда спросили, не желает ли он пригласить еще каких-нибудь гостей, кроме тех, что позвали Арабелла и ее отец, он с мрачным юмором и отчаянностью назвал дядюшку Джа, Стэгга, разорившегося аукциониста и еще нескольких завсегдатаев пресловутого трактира, памятного ему по его запою много лет назад, не преминув упомянуть при этом Веснушку и Приют Наслаждения. Арабелла охотно включила мужчин в число приглашенных, но перед дамами подвела черту.

Был и еще один знакомый, которого не позвали, хотя он жил на их улице, — Оловянный Тэйлор. Однако в тот вечер, возвращаясь поздно с работы, он зашел в лавку взять свиных ножек. Таковых не оказалось, но ему обещали, что утром будут.

Во время разговора Тэйлор, случайно заглянул в заднюю комнату и увидел сидевших за столом гостей, — картежная игра, возлияния и всяческое веселье за счет Донна шли полным ходом. Тэйлор отправился домой спать, а наутро, выходя на работу, первым делом вспомнил о вчерашней пирушке у Доннов. Едва ли стоит в такой ранний час заходить в лавку за заказом, подумал он, ведь Донн с дочерью, наверно, еще не встали после попойки. Однако, проходя мимо их дома, он увидел, что дверь открыта, и услышал за ней голоса, хотя ставни лавки были опущены. Тэйлор прошел через лавку, постучал в дверь задней комнаты и открыл ее.

— Вот те на! — вне себя от изумления, воскликнул он. Хозяева и гости сидели за картами, курили и болтали точно так же, как вчера в одиннадцать часов; горел газ и шторы были опущены, хотя на улице уже часа два, как рассвело.

— Да, да! — смеясь, вскричала Арабелла. — Мы как сидели, так и сидим! Стыд и срам, правда? Только у нас, видите ли, что-то вроде новоселья, и наши друзья не торопятся. Входите, мистер Тэйлор, присаживайтесь.

Разорившемуся торговцу церковной утварью приглашение пришлось по душе, и он вошел

и сел.

— Потеряю четвертак, ну да шут с ним! — сказал он. — По правде сказать, я глазам своим не поверил, когда увидел вас. Ну, словно опять очутился здесь вчера вечером.

— Так оно и есть. А ну-ка, налейте мистеру Тэйлору!

Только теперь он разглядел, что Арабелла сидит рядом с Джудом, обнимая его. По его лицу и по лицам остальных гостей видно было, что выпито немало.

— Мы, видите ли, выжидаем время перед некоторой юридической процедурой, — продолжала она кокетливо, пытаясь выдать багровость своей физиономии за девичий румянец. — Мы с Джудом решили помириться и опять связать себя узелком, мы поняли, что не можем жить друг без друга. Вот нам и пришла блестящая мысль сидеть до того самого часа, когда можно будет пойти и без долгих церемоний сделать это.

Джуд, казалось, не замечал ни ее болтовни, ни того, что происходит вокруг. Приход Тэйлора воодушевил собравшихся, и все продолжали бражничать, пока Арабелла не шепнула отцу:

— Теперь, пожалуй, можно идти.

— Но ведь священник ничего не знает.

— Знает, я предупредила его вчера вечером, что мы, наверное, придем между девятью и десятью утра. Надо сделать все пораньше и как можно скромнее, так будет приличнее. Ведь это наша вторая свадьба, люди могут заинтересоваться и прийти поглазеть. Он со мной согласился.

— Прекрасно, я готов, — отозвался Донн, вставая и потягиваясь.

— Ну что же, дорогой, — обратилась Арабелла к Джуду, — пойдем, как обещал.

— Когда и что я тебе обещал? — спросил Джуд, которого она, обладая специальными познаниями по этой части, напоила так, что он словно опять протрезвел или, во всяком случае, казался трезвым тем, кто его мало знал.

— Как так? — притворно всполошилась Арабелла. — Да ты же несколько раз обещал на мне жениться, пока мы тут сидели! Вот и все эти джентльмены слышали.

— Не помню, — упрямо возразил Джуд. — Для меня на свете существует только одна женщина, не в этом Капернауме я не стану поминать ее имя.

Арабелла взглянула на отца.

— Будьте порядочным человеком, мистер Фаули, — сказал Донн. — Вы уже несколько дней

живёте здесь с моей дочкой лишь потому, что женитесь на ней. Разумеется, я никогда не потерпел бы такого в моем доме, если бы это не подразумевалось. Вы обязаны жениться, — для вас это дело чести.

— Оставьте в покое мою честь! — с жаром вскричал Джуд, поднимаясь со своего места. — Я скорее на вавилонской блуднице женюсь, чем поступлю нечестно! Не рассматривай это как намёк на себя, милочка. Это всего-навсего риторическая фигура — гипербола, так это в книжках называется.

— Оставьте свой фигуры при себе и лучше заплатите долг друзьям, которые приютили вас, — заявил Донн.

— Если, как мне говорят, честь обязывает меня жениться на вашей дочери, хотя, убей меня бог, не знаю, как я здесь очутился, то я женюсь на ней, да поможет мне господь! Никогда я не был бесчестным по отношению к женщине или любому живому существу. Я не из тех, кто спасает себя за счет слабого!

— Ну, ну, успокойся, дружочек, он это так, — сказала Арабелла, прижимаясь щекой к его щеке. — Иди умойся, приведи себя в порядок, и пойдем. Ну, помирись с папашей.

Донн и Джуд пожали друг другу руки, и Джуд поднялся с Арабеллой наверх и вскоре вернулся опрятный и спокойный. Арабелла тоже наспех прихорошилась, и вместе с отцом они вышли на улицу.

— Не расходитесь, — обратилась она к гостям перед уходом. — Я велела служанке приготовить завтрак, и когда мы вернемся, все вместе и позавтракаем. Чашка хорошего крепкого чаю даст вам силы добраться до дому.

Когда Арабелла, Джуд и Донн ушли по своим брачным делам, гости, разгоняя дремоту, принялись с интересом обсуждать происходящее. Оловянный Тейлор, самый трезвый из всех, рассуждал наиболее связно.

— Не стану говорить против друзей, — сказал он, — только чудно это, что они снова женятся. Я так понимаю: уж если не могли ужиться первый раз, молодые да покладистые, то уж во второй и подавно не уживутся.

— А вы уверены, что он на ней женится?

— А что ж, и женится, раз тут честь задета.

— Ну, так сразу он навряд ли что-нибудь сделает. Ведь у него и разрешения-то на брак нет.

— Да что вы! Она уже запаслась! Не слышали, что ли, как она говорила, отцу?

— А знаете, — снова заговорил Оловянный Тейлор, закуривая трубку от газового рожка, — разобрать ее по всем статьям — так она, в общем, ничего, особенно при свечах. Конечно, походила монетка по рукам — блеск уж не тот, как у новеньких. Но для бабенки, потаскавшейся по всем четырем странам света, она очень недурна. Вот только, пожалуй, в окороках толстовата, ну да мне нравятся такие, которых ветер не валит с ног.

Гости лениво следили глазами за девочкой-служанкой, расстилавшей скатерть прямо на залитом вином столе. Хотя шторы были подняты и в доме стало по-утреннему светло, некоторые задремали прямо на стульях. Кое-кто подходил к двери и выглядывал на улицу. Первым среди них был Оловянный Тейлор. Вскоре он вернулся в комнату с ухмылкой на лице.

— Идут, убей меня бог! Видно, дело в шляпе.

— Едва ли, — возразил дядюшка Джо, входя следом за ним. — Помяните мое слово, в последнюю минуту он заартачится. Уж больно странно они идут, видать, не сладилось дело.

Все ждали в молчании, пока не хлопнула входная дверь. Первая с шумом вошла Арабелла; по ее лицу видно было, что ее план полностью удался.

— Полагаю, мы видим перед собой миссис Фаули? — с насмешливой вежливостью спросил Оловянный Тейлор.

— Еще бы! Снова миссис Фаули, — весело ответила Арабелла, стягивая перчатку и показывая левую руку, на которой красовалось обручальное кольцо. — Вот замочек. Надо сказать, он очень приятный и благовоспитанный человек, — я говорю о священнике. Когда дело было сделано, он сказал мне ласково так, как ребенку: «Миссис Фаули, — сказал он, — от всего сердца поздравляю вас. Я знаю вашу историю и историю вашею мужа и считаю, что вы поступили правильно. А что касается прошлых заблуждений, и ваших и его, — сказал он, — то теперь люди должны вас простить, как вы простили друг другу». Да, очень приятный и благовоспитанный человек! «Строго говоря, — сказал он, — церковь в своих догмах не признает развода, так что при всех своих ссорах и примирениях вы должны помнить слова Священного писания: „Что бог сочетал, того человек да не разлучает!“» Да, он очень приятный и благовоспитанный человек. Джуд, дружочек! Ну и вид был у тебя — просто курам на смех! Ты шагал прямо, как на параде, держался словно аршин проглотил, ну точь-в-точь будто поступал

в ученики к какому-нибудь законнику, только я-то знала, что у тебя двоится в глазах, ты никак не мог найти мои пальцы.

— Я сказал, что все сделаю, чтобы… спасти честь женщины, — пробормотал Джуд. — И я сделал все.

— Ну и отлично, дружочек, пойдем завтракать.

— Я хочу… еще немного… виски, — тупо произнес он.

— Не неси чепухи, милый. Сейчас все выпито. Чай разгонит муть в голове, и ты сразу станешь свеженьким как огурчик.

— Ладно. Я… женился на тебе. Она сказала, что я должен снова жениться на тебе, и я сразу это сделал. Так требует истинная религия! Ха-ха-ха!..

VIII

День святого Михаила пришел и ушел. Джуд с женою, пожив немного после своей, вторичной свадьбы у отца Арабеллы, поселились в верхнем этаже одного из домов ближе к центру города.

За два или три месяца, прошедших после свадьбы, он проработал всего лишь несколько дней. Его здоровье, раньше не внушавшее особых опасений, пошатнулось. Он сидел в кресле у камина и сильно кашлял.

— Ну и влипла же я, снова выйдя за тебя! — говорила ему Арабелла. — Кончится тем, что мне придется тебя содержать — делать кровяную колбасу и сосиски и торговать на улице вразнос. И все для того, чтобы кормить больного мужа! И зачем только я посадила тебя себе на шею! Надо было беречь свое здоровье, а не втирать людям очки! Ты же хорошо себя чувствовал перед свадьбой.

— Мне вот всё вспоминается, — отвечал он, саркастически улыбаясь, — как глупо я жалел свинью, которую мы с тобой закололи после нашей первой свадьбы. Кто бы оказал мне сейчас такую же услугу? Я счел бы актом величайшего

милосердия, если бы со мной поступили так, как с той свиньей!

Такие разговоры происходили теперь между ними чуть ли не каждый день. Хозяин квартиры, до которого дошли странные толки о поселившейся у него парочке, усомнился, женаты ли они вообще, в особенности когда увидел, как однажды вечером Арабелла целовала Джуда, хлебнув немного спиртного. Он уже подумывал отказать им от квартиры, но как-то вечером услышал, как Арабелла нещадно ругала Джуда и в довершение запустила ему в голову башмаком. Это убедило его в том, что его жильцы состоят в законном браке, и, заключив, что они вполне порядочные люди, он ничего им не сказал.

Джуд все не поправлялся и однажды после долгого колебания попросил Арабеллу сделать ему одно одолжение. Арабелла равнодушно спросила, что ему нужно.

— Напиши Сью.

— С какой стати я стану ей писать?

— Спроси ее, как ей живется и не сможет ли она навестить меня, потому что я болен и хотел бы повидать ее… еще раз.

— Как это похоже на тебя — оскорблять законную жену такой просьбой!

— Как раз для того, чтобы не оскорблять тебя, я и прошу тебя об этом. Ты знаешь, что я люблю Сью; да, люблю и не собираюсь этого скрывать. Можно было бы найти много способов послать ей письмо без твоего ведома. Но я желаю быть совершенно честным и перед тобой, и перед ее мужем. Просьба приехать, посланная через тебя, не может содержать в себе и намека на любовное свидание. Если Сью хоть чуть-чуть осталась той что была, — она приедет.

— У тебя нет никакого уважения к браку, к его правам и обязанностям!

— Какое значение имеют взгляды такого жалкого, несчастного человека, как я? И для кого может иметь значение, если кто-то приедет на полчаса навестить меня, — ведь я уже стою одной ногой в могиле!.. Прошу тебя, Арабелла, — умолял Джуд, — отплати за мою откровенность хоть каплей великодушия!

— Ну уж нет!

— Только один-единственный раз! Ну, прошу тебя! — Он чувствовал, что физическая слабость отняла у него чувство собственного достоинства.

— А зачем тебе, чтобы она знала, как ты себя чувствуешь? Эта особа не желает тебя видеть. Она — крыса, которая покинула тонущий корабль!

— Не смей так говорить! Замолчи!

— А я-то была предана ему! Вот дура! Приглашать в дом потаскушку — ничего себе!

При этих словах Джуд вскочил с кресла, и не успела Арабелла опомниться, как он швырнул ее на диван и, упершись в него коленом, склонился над ней.

— Еще одно такое слово, — прошептал он, — и я тут же, на этом самом месте, убью тебя! От этого я только выиграю, потому что сам хочу умереть. Не думай, что это пустые слова.

— Чего ты от меня хочешь? — задыхаясь, спросила Арабелла.

— Обещай никогда не говорить о ней.

— Ладно. Обещаю.

— Верю тебе на слово, — с презрением сказал Джуд, отпуская ее. — Хотя не знаю, стоит ли.

— Свинью ты убить не мог, а меня мог бы!

— А! Поймала! Нет, я не мог бы убить тебя даже в припадке ярости. Теперь можешь смеяться!

Он зашелся кашлем и, смертельно бледный, опустился в кресло, а она смотрела на него глазами оценщика, прикидывая, сколько времени он ещё проживет.

— Я пошлю за ней, — бормотала она, — если ты согласишься, чтобы я оставалась в комнате

вместе с вами.

Свойственная ему мягкость и страстное желание увидеть Сью заставили Джуда уступить, хотя он был сильно раздражен.

— Согласен, — почти беззвучно прошептал он. — Только пошли за ней!

Вечером он спросил Арабеллу, написала ли она Сью.

— Да, — ответила Арабелла. — Я написала записку, что ты болен, и просила приехать завтра или послезавтра. Вот только еще не отправила.

Весь следующий день Джуд томился неизвестностью, отослала ли Арабелла записку, но спрашивать ее не хотел, и безумная, готовая жить на хлебе и воде надежда заставляла его трепетать в ожидании. Он знал время прибытия поездов, с которыми Сью могла приехать, и всякий раз обращался в слух, надеясь услышать ее шаги.

Она не приехала, но Джуд упорно не желал спрашивать Арабеллу. Он ждал и надеялся и весь следующий день. Сью не появлялась, и от нее не было ответного письма. Тогда он решил про себя, что Арабелла хоть и написала записку, но не послала ее. Что-то неуловимое в ее поведении подтверждало это. Он был настолько слаб физически, что плакал от разочарования, когда

Арабелла не могла его видеть. Его подозрения были обоснованны. Арабелла, как большинство сиделок, видела свой долг по отношению к больному в том, чтобы всячески успокаивать его, но отнюдь не выполнять его причуды.

Джуд ни словом больше не обмолвился ни о своем желании, ни о своих подозрениях. В нем молчаливо зрело решение, которое хотя и не прибавляло ему сил, зато возвратило ему душевное равновесие и спокойствие. И однажды, вернувшись после двухчасовой отлучки домой, Арабелла вошла в комнату и увидела пустое кресло.

Она плюхнулась на кровать и задумалась.

— Куда же это он делся, черт подери? — пробормотала она.

Все утро, с небольшими промежутками, лил дождь, гонимый северо-восточным ветром, и, глядя в окно на потоки воды, хлещущие из водосточных труб, всякий сказал бы, что больной человек не может выйти из дома в такую погоду, не обрекая себя на верную смерть. Однако предположение, что Джуд ушел, все настойчивее овладевало Арабеллой и превратилось в уверенность, когда она обыскала весь дом. «Если он такой дурак, пусть пеняет на себя, — подумала

она. — Я тут ничего не могу поделать».

А Джуд тем временем сидел в поезде, подходившем к Элфредстону, нелепо закутанный, бледный, как алебастровое изваяние, привлекая пристальное внимание всех пассажиров. Час спустя его худую фигуру в длинном пальто, с одеялом, но без зонта, можно было видеть под проливным дождем на дороге в Мэригрин, до деревни было пять миль. Лицо его выражало решимость, только ею одной он и держался, так как сил у него оставалось мало. Взобравшись на холм, он совсем выдохся, однако упорно шел дальше и в половине четвертого добрался до знакомого колодца в Мэригрин. Дождь всех разогнал по домам, поэтому никто не видел, как он пересек лужайку и подошел к двери церкви, оказавшейся незапертой. Здесь он остановился, глядя, на школу, откуда доносился обычный гул детских голосов, еще не познавших, что «вся тварь совокупно стенает и мучится доныне».

Джуд ждал, пока из школы не вышел маленький мальчик, — очевидно, ему по какой-то причине разрешили уйти домой до окончания занятий. Джуд помахал рукой, и ребенок подошел к нему.

— Пожалуйста, пойди в дом, где живет учитель,

и спроси миссис Филотсон, не будет ли она так добра прийти на несколько минут в церковь.

Ребенок отправился по ее поручению, и Джуд услышал, как он постучал в дверь дома. Сам он вошел в церковь. Все здесь было новое, за исключением сохранившихся от старой церкви резных украшений, вделанных в новые стены. Он задержался возле них, — украшения эти, казалось, были связаны родственными узами со всеми умершими жителями Мэригрин — предками его и Сью.

У входа послышались легкие шаги, настолько легкие, что их можно было принять за шум внезапно усилившегося дождя. Он обернулся.

— Ах, я не думала, что это ты! Никак не думала… Джуд! — Ей перехватило горло, и она судорожно пыталась продохнуть. Он направился к ней, но тут она овладела собой и попятилась к выходу.

— Не уходи! Не уходи!.. — взмолился он. — Я пришел в последний раз. Я не хотел вторгаться в твой дом. Больше я уже не приду. Не будь такой безжалостной. Ах, Сью, Сью! Мы держимся буквы закона, а «буква убивает»!

— Я останусь… я не буду жестокой, — проговорила она. Губы ее задрожали, и слезы покатились из глаз, когда она позволила ему приблизить-

ся. — Но зачем ты пришел, зачем ты поступаешь так дурно после такого правильного поступка?

— Какого правильного поступка?

— Женитьбы на Арабелле. Об этом писалось в элфредстонской газете. В истинном смысле слова она всегда принадлежала только тебе, Джуд. И потому ты поступил хорошо… О, как хорошо ты поступил, поняв это и снова женившись на ней!

— Милосердный боже! И это все, что дано мне услышать, приехав сюда? Было ли в моей жизни что-нибудь более унизительное, безнравственное и противоестественное, чем этот позорный брак с Арабеллой, который называют правильным поступком? И ты тоже хороша… Считаешь себя женой Филотсона. Его женой? Но ведь ты — моя!

— Не вынуждай меня опрометью бежать от тебя. Я слабая женщина, но тут я непреклонна.

— Мне непонятно, как ты могла это сделать, как ты можешь так думать? Непонятно!

— Не надо говорить об этом. Он добрый муж мне… А я… я боролась и сопротивлялась, постилась и молилась. Я довела свою плоть до полного повиновения. И ты не должен… ты не будешь будить во мне…

— О, моя дорогая фантазерка, где твой разум? Ты, кажется, потеряла всякий здравый смысл.

Я попытался бы переубедить тебя, но я знаю, что тщетно обращаться к рассудку женщины, находящейся во власти таких чувств. А может быть, ты просто обманываешь себя, как многие женщины в таких случаях, может быть, ты сама не веришь в то, что делаешь, а только притворяешься, упиваешься тонкими чувствами, которые дает наигранная религиозность?

— Упиваюсь? Как можешь ты быть таким жестоким!

— Дорогой мой друг, где же твой светлый разум, который когда-то так пленял меня! Куда девалось твое презрение к условностям? Нет, по-моему, лучше умереть!

— Ты унижаешь, ты почти оскорбляешь меня, Джуд. Уходи!

Она стремительно отвернулась от него.

— Хорошо, я уйду и никогда уже не приду повидать тебя, даже если бы у меня хватило сил, а их у меня скоро не станет. Сью, Сью! Ты недостойна любви мужчины!

От волнения у нее перехватило дыхание.

— Я не могу этого слышать! — вскричала она, вновь обратив к нему лицо и бросив на него быстрый взгляд. — Не презирай, о, не презирай меня! Целуй меня, целуй сколько хочешь, только

не говори, что я струсила, что я притворщица. Этого я не вынесу! — Она бросилась к нему и, почти касаясь его губ своими, продолжала: — Я скажу тебе… да, скажу, радость моя… Это был лишь церковный брак… мнимый. Он так и сказал с самого начала.

— Что это значит?

— Ну, фиктивный, понимаешь? С тех пор как я к нему вернулась, все осталось по-прежнему.

— Сью! — воскликнул он, прижимая ее к себе и страстно целуя в губы. — Если в несчастье бывают минуты счастья, те это именно такая минута! А теперь, во имя всего святого, скажи мне правду, не лги: ты еще любишь меня?

— Люблю! Ты эта прекрасно знаешь. Но я не должна любить тебя. Я не должна отвечать на твои поцелуи, как бы мне этого ни хотелось!

— Нет, целуй!

— Ты мне так дорог! И у тебя совсем больной вид…

— У тебя тоже. Ну, еще один, в память наших дорогих малюток, — твоих и моих!

Эти слова подействовали на нее, как удар, и ее голова упала на грудь.

— Я не могу, не должна этого делать! — тяжело дыша, прошептала она. — Но все равно, милый, я

отвечу на твои поцелуи, вот, еще раз! Теперь я на всю жизнь возненавижу себя за свой грех!

— Сью, Сью! Выслушай меня в последний раз! Мы были оба не в себе, когда снова женились. Меня подпоили, тебя тоже. Только меня одурманили джином, а тебя религией. То и другое лишает человека ясного взгляда на вещи. Давай отбросим наши заблуждения и убежим!

— Нет, и еще раз — нет! Зачем ты меня так искушаешь, Джуд? Это безжалостно!.. Но я уже справилась с собой. Не иди за мной, не гляди на меня. Оставь меня, Христа ради!

С этими словами она бросилась в восточный конец церкви, и Джуд за ней не последовал. Подняв одеяло, которого она не заметила, он, не оборачиваясь, пошел к выходу. Когда он выходил из церкви, она услышала его кашель.

Он ворвался в шум дождя, барабанившего по окнам, и в последнем порыве человеческой любви, скованной, но не покорившейся, она вскочила и хотела бежать ему на помощь, но тут же снова опустилась на колени и зажала руками уши, дожидаясь, пока замрут все звуки, напоминающие о нем.

А он тем временем уже дошел до лужайки, откуда начиналась тропинка через поле, где

он мальчиком гонял грачей. Тут он обернулся — один только раз — и взглянул на здание, в котором все еще находилась Сью, затем двинулся дальше, зная, что его глаза никогда больше не увидят этой картины.

По всему Уэссексу есть места, где осенью и зимой особенно холодно, но когда дует восточный или северный ветер, холоднее всего на холме у Бурого Дома, там, где старую, идущую по гребню дорогу пересекает дорога на Элфредстон. Здесь первый зимний снег, выпав, уже не тает, и, здесь дольше всего держатся весенние заморозки. Тут-то, под натиском северо-восточного ветра с дождем, и прокладывал свой путь Джуд; он вымок насквозь и так как от слабости двигался медленно, ходьба не могла его согреть. Поравнявшись с мильным столбом, он, несмотря на дождь, разостлал одеяло и прилег отдохнуть. Перед тем как отправиться дальше, он подошел к камню и провел рукой по его задней стороне; когда-то вырезанная им надпись сохранилась, только почти вся заросла мхом. Миновав место, где когда-то стояла виселица, на которой был повешен предок его и Сью, он спустился с холма.

Уже совсем стемнело, когда он пришел в Элфредстон. Здесь он выпил чашку чаю, — леде-

нящий холод пронизывал его до мозга костей, и ему необходимо было согреться. Чтобы добраться до дому, надо было ехать сначала на паровом трамвае, потом по железной дороге с пересадкой на узловой станции, где пришлось долго ждать поезда. В Кристминстер он прибыл лишь около десяти часов вечера.

IX

На перроне его встречала Арабелла. Она смерила его взглядом с головы до ног.

— Ездил к ней?

— Да, — ответил Джуд, шатаясь от холода и усталости.

— Ну ладно, марш домой.

Вода стекала с его одежды, и при каждом приступе кашля он был вынужден прислоняться к стене, чтобы не упасть.

— Этой поездкой ты доконал себя, голубчик, — сказала Арабелла. — Ты сам-то понимаешь это?

— Ну, разумеется. Я того и хотел.

— Что? Покончить с собой?

— Да.

— Вот тебе на! Кончать с собой из-за женщины!

— Послушай-ка, Арабелла. Ты думаешь, ты сильнее меня, и это верно — в физическом смысле. Ты можешь сбить меня с ног, словно кеглю. Ты тогда не отправила письма, и я не собираюсь высказывать тебе свою обиду. Но в некотором смысле я не так слаб, как тебе кажется. Я решил,

что если у человека, прикованного к постели воспалением легких, есть в жизни два желания — увидеть любимую женщину и умереть, он может выполнить их сразу, предприняв вот такое путешествие под дождем. Так я и сделал. Я увидел ее в последний раз и убил себя — покончил с лихорадочной жизнью, которой лучше было не начинаться.

— Господи! Как высокопарно ты выражаешься! Не хочешь ли выпить, чего-нибудь горячительного?

— Нет, благодарю. Пойдем домой.

Они проходили мимо молчаливых колледжей, и Джуд то и дело останавливался.

— Ну, на что уставился?

— Так, глупое воображение. Мне чудится, что сейчас, на этой последней моей прогулке, я снова вижу тени умерших, которые явились мне, когда я впервые проходил здесь.

— Все-то ты чудишь!

— Мне кажется, я вижу их, даже как будто слышу шелест их шагов. Но преклоняюсь теперь уже не перед всеми. Половине из них я больше не верю. Все эти теологи, апологеты и их братья метафизики, деспотические государственные деятели и прочие меня больше не интересуют.

Суровая действительность беспощадно развенчала их в моих глазах.

В свете уличного фонаря мертвенно-бледное лицо Джуда казалось таким странным, словно он и в самом деле видел людей там, где их нет. Он то и дело останавливался перед какой-нибудь аркой, будто ожидая, что из-под нее кто-то выйдет, то напряженно всматривался в какое-нибудь окно, точно там мелькнуло за стеклом знакомое лицо. Казалось, ему слышатся голоса, и он громко повторял за ними слова, словно желая вникнуть в их смысл.

— Они как будто смеются надо мной!

— Кто?

— А, это я сам с собой! Здесь повсюду призраки — и под арками колледжей, и в окнах. Когда-то они смотрели на меня дружелюбно, особенно Аддисон, Гиббон, Джонсон, доктор Броун, епископ Кен…

— Да идем же! Призраки! Никого здесь нет — ни живых, ни мертвых, один только чертов полисмен торчит. Никогда не видела таких безлюдных улиц!

— Нет, ты подумай! Вот здесь прогуливался поэт Свободы, а там — великий исследователь Меланхолии!

— Слышать о них не хочу! Надоело!

— Вод из того переулка мне кивает Уолтер Рейли… А вон Уиклиф… Гарвей… Хукер… Арнольд… целый сонм трактарианских теней!..

— Тебе говорят, я ничего не желаю о них знать! Что мне до каких-то там покойников! Ей-богу, подвыпивши, ты трезвее, чем не пивши!

— Мне надо отдохнуть минутку, — сказал Джуд. Он остановился и, держась за ограду, оглядел фронтон колледжа сверху донизу. — Это старый Рубрик. А это Саркофаг. Вон там, в переулке, Крозье и Тюдор, а там дальше Кардинальский со своим длинным фасадом, его окна точно подняли брови и выражают вежливое удивление всего университета при виде таких; как я, которые тщетно пытаются попасть в него.

— Да идем же, я поднесу тебе рюмочку.

— Отлично. Это поможет мне добраться до дому. Промозглый туман с лужаек Кардинальского колледжа пронимает меня, словно смерть все глубже вонзает в меня свои когти. Как сказала Антигона, я не жилец ни среди людей, ни среди теней. Но вот увидишь, Арабелла, когда я умру, мой дух будет витать здесь среди других призраков.

— Глупости! Может, еще и не умрешь, ты у меня крепкий старичок.

В Мэригрин был поздний вечер; дождь как лил весь день, так и не переставал. Примерно в то же время, когда Джуд с Арабеллой возвращались домой по улицам Кристминстера, вдова Эдлин прошла через лужайку к дому учителя и открыла дверь черного хода, — теперь, перед тем как лечь спать, она часто приходила то Сью и помогала ей заканчивать хозяйственные дела.

Сью беспомощно возилась на кухне, — несмотря на все старания, хозяйство ей не давалось, и мелкие домашние дела только раздражали ее.

— Господи боже! Зачем вы сами, это делаете? Ведь я нарочно пришла вам помочь. Вы же знали, что я приду.

— Не знаю… забыла. Впрочем, нет, не забыла. Я взялась за все это сама, чтобы приучить себя к работе. С восьми часов я мыла лестницу. Мне нужно привыкать к хозяйству. Я его позорно запустила.

— Чего ради? Скоро вашему мужу дадут школу получше, а со временем он, может, и священником станет, и вы будете держать двух служанок. Жаль губить такие красивые ручки.

— Не говорите о моих красивых ручках, миссис Эдлин. Мое красивое тело меня уже погубило.

— Вздор какой! Да у вас и тела-то вовсе нет! Ни дать ни взять воробушек, да и только. Сда-

ется мне, что-то с вами сегодня стряслось. Муж сердится?

— Нет. Он никогда не сердится. Он рано лег спать.

— Так в чем же дело?

— Я не могу вам этого сказать. Сегодня я дурно поступила и хочу искупить свою вину. А впрочем, скажу: днем здесь был Джуд, и я поняла, что все еще люблю его… люблю грешной любовью. А больше ничего не скажу.

— Вот видите! — воскликнула вдова. — Что я вам говорила!

— Но этому не бывать! Я ничего не рассказала мужу, зачем волновать его, ведь я больше никогда не увижусь с Джудом, я так решила. А чтобы совесть моя была чиста, я решила наложить на себя епитимью — пойти до конца и исполнить супружеский долг перед Ричардом. Так надо.

— Я б не стала — раз он согласен обходиться без этого и вы живете так уже три месяца.

— Да, он согласен, чтобы я жила, как мне хочется, но я чувствую, что это уступка, которой я не вправе требовать, не вправе принимать. Это было бы для меня ужасно, но я должна быть к нему справедлива. Ах, почему я неспособна на подвижничество!

— И что вам в нем так не нравится? — полюбопытствовала миссис Эдлин.

— Не знаю. Есть в нем что-то такое… словом, трудно сказать. Печальнее всего то, что никто не признал бы в этом уважительной причины для тех чувств, какие я испытываю. Вот почему мне нет оправдания.

— Вы когда-нибудь говорили об этом Джуду?

— Никогда.

— Я, когда еще молодая была, странные слыхала рассказы о мужьях, — сказала вдова почти шепотом. — В прежние времена, когда еще на земле жили святые, дьяволы по ночам принимали образ мужа и втягивали несчастных женщин во всякие пакости. Не знаю, с чего это сейчас мне вспомнилось, ведь все это так, сказки… Ну и расходилась сегодня непогода — и дождь и ветер! А вы, милая, не торопитесь менять вашу жизнь. Подумайте хорошенько!

— Нет, нет! Хоть я и слаба духом, но твердо решила быть с ним поласковее… И это надо сделать сейчас… немедленно… пока у меня еще есть на это силы.

— Не понимаю, зачем так принуждать себя! Ни от одной женщины нельзя этого требовать.

— Это мой долг. И я выпью чашу до дна.

Полчаса спустя миссис Эдлин собралась уходить. Она надела чепец и шаль, как вдруг Сью охватил необъяснимый ужас.

— Нет, нет… не уходите, миссис Эдлин, — умоляюще шептала она, озираясь расширенными от страха глазами.

— Но ведь время спать, дитя мое.

— Да, но… у нас есть свободная комната… та, что до сих пор была моей. Она в полном порядке. Ну прошу вас, останьтесь, миссис Эдлин. Утром вы будете мне нужны.

— Ну, что ж, останусь, если вам так хочется. С моей-то развалюхой ничего не случится, буду я там ночевать или нет.

Сью заперла входные двери, и они вдвоем поднялись наверх.

— Подождите здесь, миссис Эдлин, — сказала она. — Я на минутку зайду к себе.

Оставив вдову на площадке лестницы, Сью вошла в комнату, которую занимала одна с тех пор, как переселилась в Мэригрин, и, прикрыв дверь, постояла с минуту на коленях перед кроватью. Потом поднялась, разделась, надела ночную рубашку, лежавшую на подушке, и вышла к миссис Эдлин. Из комнаты напротив раздавался мужской храп. Сью пожелала миссис Эдлин спо-

койной ночи, и вдова вошла в ее комнату.

Сью приоткрыла дверь в другую спальню и вдруг как подкошенная опустилась на пол у порога. Потом поднялась, открыла дверь шире и позвала: «Ричард!» Звук собственного голоса заставил ее содрогнуться.

Храп затих, но ответа не последовало. У Сью отлегло от сердца, и она поспешила к двери своей комнаты.

— Вы легли, миссис Эдлин? — спросила она.

— Нет, милая, — ответила вдова, открыв дверь. — Я старая и неповоротливая, мне много времени надо, чтобы раздеться. Вот даже еще корсета не развязала.

— Он не отвечает… А вдруг он…

— Что, детка?

— А вдруг он умер? — пролепетала Сью, чуть дыша. — Ведь тогда я свободна, я смогу уйти к Джуду! Ах, нет… Я забыла о ней… и о боге!

— Пойдем послушаем. Нет — вот он, храпит себе. Такой ветер и дождь, что только урывками и расслышишь.

Сью медленно отступила назад.

— Еще раз спокойной ночи, миссис Эдлин! Простите, что побеспокоила вас.

Вдова вновь скрылась за дверью.

Когда Сью осталась одна, на лице ее снова появилось выражение напряженной покорности.

— Я должна это сделать, должна! Должна испить чашу до дна, — прошептала она и снова позвала: — Ричард!

— А? Что? Это ты, Сюзанна?

— Да, я.

— Что тебе надо? Случилось что-нибудь? Подожди минутку. — Он наскоро оделся и подошел к двери. — В чем дело?

— Когда мы жили в Шестоне, я выпрыгнула из окна и не подпустила тебя к себе. С тех пор это так и оставалось, а теперь я прошу, чтобы ты простил меня и впустил к себе.

— Ты, наверное, считаешь это своим долгом? Я уже говорил, что не хочу, чтобы ты насиловала себя.

— Нет, я прошу, чтобы ты пустил меня к себе. — Она помолчала немного и снова повторила: — Прошу, чтобы пустил. Я заблуждалась вплоть до сегодняшнего дня. Я обманула твое доверие. Я не хотела говорить тебе об этом, но, наверное, должна сказать: сегодня днем я согрешила, я виновата перед тобой.

— Как так?

— Я виделась с Джудом. Я не знала, что он при-

едет. И…

— И что?

— Я целовалась с ним.

— О-о! Старая история!

— Ричард, я не хотела целоваться, это вышло как-то само собой.

— Сколько же раз вы поцеловались?

— Очень много раз. Не знаю сколько. Мне страшно вспомнить об этом, и вот я пришла к тебе, чтобы хоть как-то загладить свою вину.

— Ну, знаешь ли, нехорошо как-то получается, после всего того, что я для тебя сделал!.. Есть еще какие-нибудь признания?

— Нет. — Она хотела было сказать: «Я назвала его: радость моя», — но так как каждая кающаяся женщина всегда что-нибудь да утаивает, эта часть эпизода осталась нерассказанной. — Я решила никогда больше с ним не встречаться, — продолжала она. — Он напомнил мне о нашем прошлом, и я просто забылась. Он напомнил о детях… Но я уже говорила, что я рада, почти рада, что они умерли, Ричард. Их смерть зачеркивает всю мою прошлую жизнь!

— Ты действительно решила с ним больше не встречаться? Это твердо? — По тону Филотсона чувствовалось, что три месяца вторичного брака

со Сью не принесли ему того удовлетворения, какого он ожидал в качестве мзды за терпеливое обуздание своих любовных чувств.

— Да, да!

— Ты поклянешься мне в этом на Евангелии?

— Да.

Он ушел в комнату и вернулся с маленьким Евангелием в коричневом переплете.

— Повторяй за мной: «Да поможет мне бог…»

Она произнесла клятву.

— Очень хорошо!

— Умоляю тебя, Ричард, я принадлежу тебе, я поклялась почитать тебя и повиноваться — впусти меня к себе.

— Подумай хорошенько! Ты должна понимать, что это означает. Взять тебя обратно в дом — одно, а это — совсем другое. Подумай еще.

— Я все обдумала — я хочу этого.

— Какая покладистость! Ну что ж, возможно, ты права. Когда где-то рядом бродит любовник, неполный брак следует завершить. Но предупреждаю тебя в третий, в последний раз, — подумай!

— Таково мое желание… о, боже!

— Почему ты сказала «о, боже!»?

— Не знаю.

— Нет, знаешь. Но… — Он задержался хмурым взглядом на ее хрупкой фигурке, жавшейся перед ним в ночной рубашке, и, помолчав, сказал: — Ну что ж, так я и думал, что этим кончится. Я ничем тебе не обязан после всего, что было, но я поверю тебе на слово, принимаю и прощаю тебя.

Он обнял ее и хотел взять на руки. Она отпрянула.

— Что такое? — Впервые за все время в его голосе прозвучала суровость. — Ты снова за старое?

— Нет, Ричард, я… я не думала…

— Ты хотела войти ко мне?

— Да.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Да. Это мой долг.

Поставив подсвечник на комод, он пропустил ее в комнату, поднял на руки и поцеловал. На ее лице мелькнула тень отвращения, но она стиснула зубы и не проронила ни звука.

Тем временем миссис Эдлин разделась и уже собиралась лечь в постель, но вдруг подумала: «А не пойти ли мне взглянуть, что там делается с малюткой? Ну и ветер, ну и дождь!»

Вдова вышла на площадку лестницы и увидела, что Сью там нет. «Вот бедняжка! Похоже, теперешние свадьбы больше смахивают на похо-

роны. Этой осенью пятьдесят пять лет минет, как поженились мы со стариком! Да, другие нынче пошли времена!»

X

Вопреки своему желанию, Джуд немного поправился и несколько недель ходил на работу, но после рождества снова слег.

На заработанные деньги, он перебрался жить еще ближе к центру. Арабелла понимала, что он теперь долго не сможет работать, и злилась, видя, какой неудачный оборот приняли дела после ее вторичного замужества.

— Ловко ты меня провел в этот раз! — говорила она. — Женился на мне, чтобы иметь бесплатную сиделку!

Джуд либо пропускал ее слова мимо ушей, либо посмеивался. Но иногда у него бывало более серьезное настроение, и тогда, лежа в постели, он рассуждал о крушении своих юношеских надежд.

— Всякий человек к чему-нибудь да способен, — говорил он. — Правду сказать, я никогда не был крепок физически для своего ремесла. Особенно трудно мне давалась установка каменных блоков, и еще меня вечно прохватывало сквозняками, когда, бывало, работаешь в здании,

а окна еще не вставлены. Наверное, от этих-то сквозняков и началась моя хворь. Так вот, мне всегда казалось, что, будь у меня возможность, я мог бы в одной области кое-что сделать — мог бы накапливать мысли и передавать их другим. Интересно, думали ли основатели колледжей о таких, как я, которые ни к чему не способны, кроме этого? Я слышал, будто скоро у таких, как я, неудавшихся студентов будет больше шансов получить образование. Уже разрабатывается проект сделать университет более доступным и расширить его влияние. Впрочем, я мало что об этом знаю. Да и поздно для меня, слишком поздно! Так же как и для многих более достойных, которые были до меня…

— И не надоест тебе пережевывать одно и то же! — говорила Арабелла. — Я-то думала, ты уж перестал сходить с ума по своим книгам! Пора бы уж кончить, если у тебя осталась хоть капля ума. Все та же придурь, что и раньше, во время первой нашей женитьбы.

Однажды, рассуждая так вслух, он невзначай назвал ее «Сью».

— Тебе следовало бы помнить, с кем ты разговариваешь! — возмутилась Арабелла. — Называть уважаемую замужнюю женщину именем

этой… — Спохватившись, она запнулась, и он не расслышал конца фразы.

Однако с течением времени, увидев, какой оборот принимает его болезнь и как маловероятно соперничество со стороны Сью, она решила быть великодушной.

— Небось ты не прочь увидеть свою Сью, — спросила она. — Я не возражаю против ее приезда. Можешь встретиться с ней здесь, если хочешь.

— Я не желаю ее видеть.

— Ого! Вот так перемена!

— И ничего не сообщай ей обо мне, — что я болен и все такое прочее. Она выбрала свой путь — и бог с ней!

Однажды случилось неожиданное событие: миссис Эдлин по собственному почину приехала его навестить. Арабелла, уже с полным безразличием относившаяся к тому, куда устремлены чувства ее мужа, ушла, оставив их наедине. Джуд не удержался и спросил, как поживает Сью.

— А что, их брак по-прежнему остается фиктивным? — вдруг спросил он, помня о том, что говорила ему Сью.

Миссис Эдлин замялась.

— Да нет, теперь уж не так. Совсем недавно она стала ему настоящей женой, и по своей воле.

— Когда же это случилось? — спросил он взволнованно.

— А вечером того дня, когда ты приходил. Это она в наказание себе сделала. Он не хотел, а она настояла.

— Сью, моя Сью… глупенькая моя девочка… Ах, как тяжело! Не пугайтесь моих бессвязных речей, миссис Эдлин. Когда лежишь целыми часами один, поневоле начинаешь разговаривать сам с собой… Когда-то она была женщиной, перед умом которой мой ум был все равно, что керосиновая лампа перед звездой. Она видела все мой предрассудки и легко смахивала их одним словом, как паутину. Но потом с нами стряслась беда, и ее разум угас, погрузился во мрак. Странное различие существует между полами: время и обстоятельства расширяют кругозор большинства мужчин и почти всегда сужают кругозор женщин. И вот свершилось самое чудовищное, — попав во власть религиозных предрассудков, она отдала себя человеку, который вызывает у нее отвращение!.. И это сделала она, такая чувствительная, такая нежная, что даже ветер и тот, казалось, не смел сильно подуть на нее… Что касается меня и Сью, то наш век еще не созрел для нас, если взять нас в пору расцвета, когда наш разум был

ясен, а любовь к правде не знала страха… Наши взгляды опередили эпоху лет на пятьдесят и потому не принесли нам добра. Мы встретили противодействие, и это надломило Сью, а меня довело до безрассудства и погубило… Вот так я и разговариваю сам с собой, миссис Эдлин, лежу и разговариваю. Должно быть, я ужасно надоел вам своей болтовней?

— Нисколько, дорогой мой мальчик. Я готова сидеть и слушать тебя хоть целый день.

Чем больше думал Джуд об известии, которое принесла миссис Эдлин, тем сильнее волновался и, наконец, пришел в такое расстройство, что стал неистово проклинать общество и его условности. У него начался тяжелый приступ кашля. В это время внизу раздался стук в дверь. Так как в доме никого не было, миссис Эдлин сама пошла вниз открывать.

Вошедший милостиво сообщил, что он доктор. Это был тощий лекарь Вильберт, его вызвала Арабелла.

— Ну, как поживает мой больной? — осведомился он.

— Плохо, очень плохо! Бедняга разволновался и ужасно богохульствует, потому что я случайно рассказала ему одну сплетню, дернуло же меня!

Вы уж не обижайтесь на больного человека, что б он там ни говорил, а бог его простит.

— Ладно. Я поднимусь и погляжу его. Миссис Фаули дома?

— Нет, но скоро придет.

Вильберт поднялся наверх. Но если раньше Джуд совершенно равнодушно глотал снадобья этого знахаря, когда Арабелла пичкала его ими, то сейчас он в крайнем раздражении высказал лекарю свое мнение о нем в таких крутых выражениях и метких эпитетах, что Вильберт поспешно затрусил вниз. В дверях ему встретилась Арабелла; миссис Эдлин уже ушла. Арабелла спросила, как он находит сегодня ее мужа, и, заметив, что Вильберт не в себе, предложила ему выпить. Он согласился.

— Я вынесу вам сюда, в коридор, — сказала она. — В доме сегодня только я одна.

Она принесла бутылку и стакан, и он выпил, а Арабелла вдруг затряслась от смеха.

— Что вы мне дали, дорогая? — спросил он, чмокая губами.

— Немного вина, а в нем кое-что еще, — засмеялась она. — Тот самый любовный напиток, что вы продали мне на земледельческой выставке. Помните?

— Еще бы, еще бы! Вот умница! Теперь приготовьтесь к последствиям.

С этими словами он обнял её за плечи и поцеловал.

— Что вы, что вы! — шептала она, посмеиваясь. — А вдруг муж услышит!

Она выпустила Вильберта из дома и пробормотала, подымаясь по лестнице:

— Ну, что ж! Должна же слабая женщина обеспечить себя на черный день! Если мой бедняга отдаст богу душу, — а это, наверное, уже скоро, — неплохо иметь кого-нибудь на примете. Теперь не очень-то повыбираешь, как в молодости... Сойдет и старый, если не сумеешь подцепить молодого.

Автор подводит читателя к последним страницам повествования и рисует две сцены — одну в спальне Джуда, другую вне ее, — происшедшие в разгар вновь наступившего лета.

Джуд к этому времени так исхудал, что даже старые друзья с трудом узнали бы его. Дело было днем. Арабелла завивалась перед зеркалом — это делалось при помощи нагретой на пламени свечи спицы от зонта, на которую накручивалась прядь распущенных волос. Закончив прическу, Арабелла сделала ямочку на щеке, оделась и

оглянулась на Джуда. Казалось, он спал, хотя он и полусидел в постели: лежать ему было хуже.

Арабелла в шляпке и перчатках, готовая к выходу, села и стала ждать, словно поджидая кого-то, кто должен был прийти и сменить ее у постели больного.

Доносившиеся с улицы звуки говорили о том, что в городе праздник, но в комнате было совсем не по-праздничному. Зазвонили колокола, и их звон, вливаясь в открытое окно, наполнил спальню Джуда тихим гуденьем. Услышав его, Арабелла явно забеспокоилась и под конец пробормотала:

— Почему до сих пор не идет отец?

Она вновь взглянула на Джуда, прикидывая, сколько еще может продлиться эта угасающая жизнь, как делала уже не раз за последние месяцы, бросила взгляд на его карманные часы, висевшие на стене, и с нетерпением поднялась. Джуд продолжал спать, и она, приняв какое-то решение, выскользнула из комнаты, бесшумно прикрыла дверь и спустилась по лестнице. В доме никого не было. Любопытство, тянувшее Арабеллу на улицу, давно уже выманило из дома всех жильцов.

День был теплый, чудесный, безоблачный.

Закрыв за собой парадную дверь, она поспешила на Главную улицу и около театра услышала звуки органа: там шла репетиция праздничного концерта. Арабелла вошла под арку Олдгейт-колледжа: рабочие натягивали там навес вокруг двора для предстоящего вечером, бала в крытом рынке. На траве расположились с выпивкой и закуской люди, приехавшие на праздник из окрестных селений, и Арабелла прошлась под старыми липами вдоль усыпанных гравием дорожек. Однако ей показалось здесь скучно, и она возвратилась на Главную улицу — тут к театру подкатывали экипажи с докторами колледжей и их женами, тут же толпились студенты со своими веселыми спутницами. Когда двери театра закрыли и начался концерт, она пошла дальше.

Мощные звуки органа лились сквозь колыхающиеся желтые шторы открытых окон, проносились над крышами домов и проникали в тишину переулков. Они донеслись и до комнаты Джуда; он сильно закашлялся и проснулся.

Оправившись немного от кашля, он прошептал, не открывая глаз:

— Воды, пожалуйста.

Его просьба повисла в воздухе; он снова раскашлялся до полного изнеможения и повторил

слабеющим голосом:

— Воды… глоток воды… Сью… Арабелла!

В комнате по-прежнему царило молчание, и немного погодя он снова проговорил, задыхаясь:

— Горло пересохло… воды… Сью… дорогая… каплю воды… пожалуйста, прошу тебя!

Никто не подал ему воды, и лишь звуки органа, слабые, как жужжание пчелы, по-прежнему наполняли комнату.

Так он лежал, и лицо его стало меняться, когда откуда-то со стороны реки донеслись громкие возгласы и крики «ура».

— Ах да… Ведь это праздничные игры! — прошептал он. — А я лежу здесь. И нет больше чистой Сью!

Слабые звуки органа тонули в беспрерывно повторяющихся криках «ура». Лицо Джуда изменилось еще больше. Едва шевеля запекшимися губами, он медленно шептал:

— «Да сгинет день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: „Зачался человек!“»

(Ура!)

— «День тот да будет тьмою, да не взыщет его Бог свыше, и да не воссияет над ним свет!.. О! Ночь та — да будет она безлюдна, да не войдет в нее веселие!»

(Ура!)

— «Для него не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева?.. Теперь бы лежал я и почивал, спал бы, и мне было бы покойно».

(Ура!)

— «Там узники вместе наслаждаются покоем и не слышат криков приставника… Малый и великий там равны, и раб свободен от господина своего. На что дан страдальцу свет и жизнь огорченным душою?»

Тем временем Арабелла, вышедшая посмотреть праздник, свернула в узкую улочку и по какому-то темному переулку прошла напрямик к двору Кардинальского колледжа. Там было оживленно, двор был залит солнцем и пестрел цветами, — здесь тоже шли приготовления к балу. С ней поздоровался знакомый плотнику когда-то работавший вместе с Джудом. От ворот здания до лестницы крытого рынка сооружалось нечто вроде коридора из цветистой красно-желтой материи. Везде устанавливали кадки с яркими цветущими растениями, а парадная лестница была застлана красным сукном. Арабелла поздоровалась с несколькими рабочими и на правах старой знакомой прошла к крытому

рынку, где настилали новый пол и украшали бальный зал. Из собора по соседству донеслись удары колокола, возвещавшие начала пятичасового богослужения.

— Недурно бы покружиться здесь с каким-нибудь кавалером, — обратилась она к одному из рабочих. — Но упаси боже! Надо спешить домой, больно дел много! Какие уж тут танцы!

Когда она подошла к дому, у дверей ей встретился Стэгг и с ним еще несколько товарищей Джуда по работе.

— Мы идем к реке, — сказал Стэгг, — хотим посмотрен на лодочные гонки. По дороге зашли узнать, как чувствует себя ваш муж.

— Благодарю вас, сейчас он спокойно спит.

— Вот и хорошо. Тогда, может, и вы дадите себе отдых хоть на полчасика, миссис Фаули? Пойдемте с нами вам это не повредит.

— Да я б не прочь, — ответила Арабелла. — Никогда раньше не видала лодочных гонок, слыхала только, что это очень занятно.

— Так идемте!

— Если б только я могла! — Она с тоской оглядела улицу. — Ну, ладно, подождите минутку. Я мигом слетаю наверх, посмотрю, как он там. С ним отец, так что, пожалуй, я смогу вырваться.

Стэгг с товарищами остались ждать на улице, а Арабелла вошла в дом. Жильцы нижнего этажа и не думали возвращаться — они скопом отправились к реке, где должны были состояться состязания. Поднявшись в спальню, Арабелла обнаружила, что отец до сих пор не пришел.

— Куда же он делся? — нетерпеливо воскликнула она. — А! Наверно, он сам захотел посмотреть гонки!

Она оглянулась на постель, и лицо ее прояснилось: Джуд как будто все еще спал, хотя и не в обычном полусидячем положении, к которому вынуждал его кашель. Он соскользнул с подушки и лежал, вытянувшись во всю длину. Взглянув на него пристальнее, она вздрогнула и подошла к кровати. Лицо его было совершенно белым и начало застывать. Она пощупала его пальцы — они были холодные, хотя тело еще не остыло. Она приложила ухо к груди: в ней было тихо. Сердце, бившееся почти тридцать лет, остановилось.

Ужасное сознание случившегося дошло до нее одновременно с отдаленными звуками военного оркестра, доносившимися со стороны реки.

— И надо же было ему умереть именно сейчас! Другого времени не нашел! — с досадой воскликнула она. Потом, подумав с минуту, вышла из

комнаты, тихонько прикрыла за собой дверь и спустилась вниз.

— А вот и она! — сказал один из рабочих. — Мы уж думали, вы совсем не придете. Ну, живее! Надо поторапливаться, чтобы занять хорошие места. Ну, как он? Все еще спит? Мы, конечно, не собираемся тащить вас… если…

— Нет, нет, он спит крепко. И не скоро проснется, — поспешно сказала она.

Они влились в поток людей, двигавшийся по Кардинальской улице, добрались до моста, и тут им бросились в глаза яркие, нарядные лодки. Потом по узкому проходу они спустились на дорогу, идущую вдоль берега. Тут было жарко, пыльно и многолюдно. Почти в тот же момент начались гонки; весла с громкими всплесками опускались в воду, словно звучно целуя поверхность реки.

— Ах, какая прелесть! Как я рада, что пришла! — сказала Арабелла. — А мужу мое отсутствие… не повредит.

Переполненные баржи у того берега казались роскошными букетами из разодетых по последней моде красавиц в зеленых, розовых, голубых и белых платьях. Синий флаг водного клуба развевался в самом центре; под ним расположился оркестр музыкантов в красных мундирах, звуки

которого Арабелла слышала в комнате смерти. Студенты разных колледжей носились со своими дамами на лодках взад и вперед, стараясь не отставать от «своих».

Вдруг кто-то ткнул в бок увлеченную зрелищем Арабеллу, и, оглянувшись, она увидела Вильберта.

— А ведь напиток действует, знаете? — сказал он, ухмыляясь. — Как вам не стыдно терзать сердце человека?

— Сегодня я не хочу говорить о любви.

— Почему? Сегодня у всех праздник.

Она не ответила. Рука Вильберта осторожно обвила ее талию, в толпе это легко могло пройти незамеченным. Почувствовав прикосновение, Арабелла сделала вид, будто ничего не замечает, и не отвела глаз от реки, хотя на лице ее появилось лукавое выражение.

Толпа напирала, чуть ли не сталкивая Арабеллу и ее приятелей в воду, и раздававшиеся при этом грубые шутки наверняка заставили бы Арабеллу от души посмеяться, если б перед ее глазами не стояла белая застывшая маска, которую она так недавно видела.

Веселая кутерьма на реке дошла до предела: кто-то упал в воду, кто-то закричал; гонки за-

кончились, розовые, голубые и желтые дамы покинули баржи, и зрители стали расходиться.

— До чего ж хорошо! — воскликнула Арабелла. — Но, пожалуй, мне пора вернуться к моему бедному мужу. Правда, с ним должен быть отец, но все-таки надо идти.

— Что вы так торопитесь?

— Надо, надо… Ах, оставьте, это же просто неудобно!

На узких сходнях, по которым народ поднимался с берега на мост, люди сбились в сплошную горячую массу, и Арабелла с Вильбертом оказались затертыми между ними.

— Бог ты мой! — застряв на месте, все нетерпеливее восклицала Арабелла. Ей только сейчас пришло в голову, что если обнаружится, что Джуд был один в момент смерти, то, чего доброго, не миновать расследования.

— Ну что вы за вертушка, любовь моя! — говорил лекарь, которого толпа так плотно притиснула к Арабелле, что ему уже не надо было прижиматься к ней. — Придется потерпеть, так просто отсюда не выберешься.

Только минут через десять плотная масса людей немного продвинулась и пропустила их. Оказавшись на улице, Арабелла заторопилась

домой и не велела Вильберту провожать ее, — по крайней мере, сегодня. Но пошла она не прямо к себе, а к одной женщине, ходившей в дома победнее обряжать покойников.

— Мой бедный муж только что скончался, — сказала она. — Вы не придете обрядить его?

Арабелла подождала несколько минут, и потом они пошли вместе, проталкиваясь в потоке нарядной публики, выходившей с Кардинальской площади, и чуть не попадая под колеса экипажей.

— Надо еще зайти к пономарю, заказать похоронный звон, — сказала Арабелла. — Это здесь, за углом. Подождите меня у дверей дома.

В десять часов вечера Джуд уже лежал на кровати в своей комнате, покрытый простыней и необыкновенно прямой. В полуотворенное окно врывались веселые звуки вальса, доносившиеся из бального зала Кардинальского колледжа.

Два дня спустя, — небо было все так же безоблачно, а воздух все, так же спокоен, — две женщины стояли у открытого гроба Джуда в той же маленькой спальне. С одной стороны стояла Арабелла, с другой — вдова Эдлин. Обе смотрели на лицо Джуда, и усталые старые веки миссис Эдлин были красны от слез.

— Как он красив! — сказала она.

— Да, красивый мертвец, — отозвалась Арабелла.

Окно было открыто, чтобы комната проветривалась; чистый полуденный воздух был неподвижен и тих. Издали явственно слышались голоса и топот ног.

— Что это? — прошептала старушка.

— А, это доктора в театре присуждают почетные звания герцогу Гемптонширскому и другим знаменитым господам. Сейчас ведь Неделя воспоминаний. А молодежь кричит им «ура».

— Видать, это молодцы со здоровыми легкими, не то что наш бедный мальчик.

Отдельные слова чьей-то речи долетали из окон театра в эту тихую комнату, и тогда казалось, будто по мраморным чертам Джуда пробегает что-то вроде улыбки и тускнеют ветхие, давно оставленные им тома Вергилия и Горация в издании Дофин и потрепанный греческий Новый завет, стоящие на соседней полке, а также другие книга в том же роде, шероховатые от каменной пыли, потому что он имел привычку урывками читать их во время работы. Раздался радостный колокольный звон, его раскаты наполнили комнату.

Арабелла перевела взгляд с Джуда на миссис

Эдлин и спросила:

— Как вы думаете, она приедет?

— Вот уж не знаю. Она ведь поклялась не видеться с ним больше.

— Как она теперь выглядит?

— У нее, бедняжки, очень измученный и несчастный вид. Выглядит она намного старше, чем когда вы ее видели в последний раз. Она угасла, увяла. А все муж! Не может она его выносить даже сейчас!

— Если бы Джуд был жив и увидел, какая она, он, пожалуй, разлюбил бы ее.

— Ну, этого мы не знаем… Он ни разу не просил вас послать за ней с тех пор, как так странно пришел повидать ее?

— Нет, совсем наоборот. Я как-то предложила позвать ее, а он сказал, чтобы я не смела сообщать ей, что он болен.

— Простил он ее?

— По-моему, нет.

— Ну что ж, будем надеяться, она, бедняжка, где-нибудь да найдет прощение! Она говорит, что обрела покой.

— Пусть она станет на колени и до хрипоты будет клясться в этом перед своим нательным крестом — все равно не поверю! — сказала Ара-

белла. — Нигде она не находила покоя после того, как ушла от него, и никогда не найдет, пока не последует за ним!